EH173

Е41
73

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
★ БИБЛИОТЕКА ★

В. МИЛЮТИН

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СССР

★

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 • 2 • 9

1949

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Е 41 43

В. МИЛЮТИН

333.5 (47-41)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СССР

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

с. ф. 3578

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ

(7—10 тыс.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ ЖУРН. И ПРОФСОЮЗЫ № 111249 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1929—ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ"
Москва, Пименовская ул., д. 16
в количестве 4000 экземпл.
Главлит № А — 23964
Гиз С—11 № 27533
Зак. № 6985
20½ п. л.

☆

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1149 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В настоящий реконструкционный период народного хозяйства СССР аграрная политика имеет огромное значение и представляет огромный интерес, так как в ней своеобразным образом находят свое отражение взаимоотношения города и деревни в условиях коренной перестройки техники промышленности и сельского хозяйства.

В определении направления реконструкции сельского хозяйства сугубо важное значение получает марксистско-ленинская методология рассмотрения развития сельского хозяйства и социальных отношений в деревне. Только с помощью этой методологии мы сможем разобраться в сложнейшем сплетении возникающих задач и отношений в деревне: судьба индивидуального хозяйства, развитие кооперации и коллективизации становятся понятными в освещении марксистско-ленинского учения о мелких и крупных формах в сельском хозяйстве и законах аграрного развития.

В реконструктивный период эта теория находит свое яркое определенное выражение, так как проблемы техники в сельском хозяйстве в связи с проблемами техники современной промышленности повелительно диктуют и определенные формы сельского хозяйства. Классовая борьба в деревне не кончилась. Не кончилось, конечно, и изменение различных хозяйственных форм. Наша задача—направить развитие крестьянского хозяйства по пути кооперации и коллективизации, так как в кооперативных и коллективных формах преимущества крупного сельского хозяйства совмещаются с коллективными формами труда и особыми отношениями колхозов с окружающими их индивидуальными хозяйствами. Законы конкуренции и разрушительные тенденции, с которыми идет капитализм в деревню, должны заменяться процессами подъема основной массы крестьянских хозяйств и постепенного перевода ее на путь кооперирования и коллективизации.

Наша аграрная политика в реконструкционный период логически связана с нашей политикой за все предшествующее время, она не является чем-то специально «выдуманным», а представляет продолжение той же нашей основной линии в деревне, обоснованной марксистско-

ленинским учением о законах развития сельского хозяйства и о рол крестьянства, но в условиях развернутого социалистического строи тельства, в условиях перестройки сельскохозяйственной техники пере ней, естественно, встает ряд новых задач. Поэтому для того, чтоб понять нашу аграрную политику современного периода, надо знать е в предшествующее время; только в этом случае мы ясно отдади себе отчет в отношении исторической преемственности, а также в зако номерных связях современной нашей политики и тактики, и одновремен имея перед глазами пройденные этапы, мы избегнем опасностей разног рода ошибочных уклонов.

Настоящая наша работа выходит 3-м изданием, и последние глав охватывают весь период после XV Съезда.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в минусах работы, составленной и статей, писавшихся в разное время, и, конечно, давно наступило время когда нужно дать солидный труд по аграрной политике СССР с боле углубленной проработкой всех проблем, связанных с ее развитием применением. Автор этих строк также собирается засесть за тако труд, но настоящая работа представляет все же тот интерес, что кажды период развития аграрной политики освещен и проанализирован непо средственно в то время, когда она получала свое выражение в практик жизни, и в этом отношении эта работа приносит пользу и имеет зна чение для понимания развития аграрной политики в СССР.

В. Милютин.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

1. АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Аграрный вопрос заключается в определении законов развития ельского хозяйства и социальных отношений в деревне. Как распре-еление земли, аренда и т.. д. дают яркую картину классовой точки рения на развитие земельных отношений, так и политика в области ешних и внутренних рыночных отношений—таможенная политика, олитика цен, организация сбыта и снабжение деревни—являлась ре-ультатом непрерывной классовой борьбы. Наконец налоговая поли-ка проводилась в зависимости от определенного классового господства. аконосообразный процесс общего экономического развития определяет конечном счете развитие деревни и той политики, какая проводилась отношении сельского хозяйства. Поэтому основные исторические этапы -х. экономики возможно понять лишь под углом зрения основных менений в процессе экономического развития.

Не останавливаясь подробно на предшествующих эпохах, мы долж-ы сказать, что уже древний мир с его родовым строем, рабовладельче-ими системами и первоначальными феодальными отношениями в аграр-ой области представляет, относительно, довольно сложную систему. стоводство, являвшееся основой хозяйства важнейших стран и госу-рств того времени, как, напр., в Малой Азии, Персии, Греции и в имской империи, уступило свое место земледелию. Трехпольная система земледелии, хотя и в неполной мере, но применялась, повидимому, в реции за много столетий до современной эры. Точно так же борьба землю мелких земледельцев против крупных велась в целом ряде сударств того времени (напр., в Риме во время Гракхов). Феодаль-ий период характеризуется достигшим сравнительно значительного раз-тия земледелием, причем аграрные отношения играют одну из глав-их ролей в развитии феодализма. Феодал помещик, владелец земли лялся одновременно владельцем и мелкого производителя—крестья-на, работающего на этой земле. Феодальный строй в своем развитом де в деревне является строем крепостничества и всесторонней эксплоа-

тации крестьянских масс. Крестьянские войны и восстания были за
рядным явлением в эту эпоху. Развитие торговли вовлекало натурал
ное хозяйство деревни в русло общеэкономического развития и влия
на изменение производственных отношений в сельском хозяйстве. П
дение феодализма было подготовлено не только изменением экономич
ских отношений в городе, но и изменением их в деревне, где так
сказалась революционизирующая роль капитализма. Остатки феодал
ных отношений в деревне сохранились вплоть до нашего времени
виде кабальных условий, устанавливаемых помещиками в отношен
крестьян, особыми привилегиями крупных землевладельцев. Полити
аграриев, как общее правило, определяется стремлением в настоящ
время добиться не только определенных экономических выгод, но
восстановить в той или иной мере феодальные отношения. Для пр
мера можно указать типичную в этом отношении политику германско
юнкерства. Аграрный вопрос, как таковой, получает все свое значен
лишь в капиталистическом строе.

Законы развития капитализма проявились на всем развитии сел
ского хозяйства и определили социальные отношения в деревне: разв
тие товарных отношений в деревне, изменение характера производст
на общекапиталистических основах, развитие экономических взаимоотн
шений между городом и деревней,—все это происходит на общекапит
листических основах. Законы концентрации в области производства
обмена сказывались в полной мере и приводили к концентрации земел
ной собственности в руках крупных земельных собственников и бу
жуазного крестьянства, с одной стороны, а с другой—к обезземел
ванию массы беднейшего крестьянства. Развитие с.-х. производст
на капиталистических основах приводило и к развитию наемной рабоч
силы, т. е. наиболее показательного признака капитализации дерев
Развитие с.-х. производства шло параллельно с развитием с.-х. те
ники, а следовательно, и с машинизацией сельского хозяйства.

В результате проникновения капитализма в деревню происходи
классовое расслоение и резкая классовая борьба. Борьба эта вела
не только между крупными собственниками, с одной стороны, и с.-
пролетариатом и крестьянством, с другой стороны, но точно так
и в среде крестьянства, дифференцировавшегося на различные сло
беднейшего (полупролетарского), середняцкого (мелкобуржуазного)
буржуазного крестьянства. Классовая борьба в деревне сплошь и ряд
принимала крайне ожесточенные формы, доходя до вооруженной бор
бы. Господствующий класс капиталистов с особенной жестокост
подавлял крестьянские волнения. Аграрный вопрос в капиталисти
ском строе неразрывно связан с национальным и колониальным

осами. Национальное угнетение и угнетение в колониях выражается жесточайшей экономической эксплоатации и угнетении крестьянских сс, составляющих большинство угнетенных наций и населения лоний. Поэтому борьба за национальное освобождение является новременно борьбой против современной колониальной политики капи-лизма и борьбой за экономическое и политическое освобождение естьянства.

Обращаясь к цифровым данным, характеризующим экономическое социальное положение деревни в капиталистических странах в на-ящее время, мы видим полное подтверждение вышеуказанных ложений. Наши данные взяты из «Ежегодника Коминтерна» за 22 г., «Statesman's Yearbook» за 1923 г., «Statistisches Jahrbuch r das Deutsche Reich», 1923 г., и книги проф. М. Спринова «Очерки аграрной статистике», Гиз. Несмотря на то, что помещичье зяйство составляет в количественном отношении сравнительно незна-тельный процент к количеству всех сельских хозяйств Европы и ерики (от 0,5 до 3%), тем не менее помещики сконцентрировали своих руках огромные земельные площади. Во Франции помещичьи зяйства, составляя всего 0,6% от общего числа хозяйств, иначе воря, 19 тыс. из 5,5 млн. хозяйств, тем не менее владеют млн. *га* из 60 млн. *га*, или 27% всей земли. В Великобритании чти вся земля принадлежит лэнд-лордам, которые живут сдачей ее ренду. По статистике 1920 г., 418 тыс. владений находилось в аренде олько 50 тыс. владений велось самими собственниками. В Германии современных ее границах помещики владеют 20,5% всей земли. Польше крупные землевладельцы владеют 40% всей земли. В Ру-нии помещики владеют 32% всей земли. Такова концентрация зе-льной собственности, имеющаяся в настоящее время в деревне.

Обращаясь к классовой структуре деревни в капиталистическом ществе, мы имеем нижеследующие данные по распределению хозяйств определенным группам в 4 главных капиталистических странах. . табл. стр. 8). В Германии и Франции мы видим огромное преоб-дание беднейшей группы крестьян, составляющей от 76 до 94% его количества сельских хозяйств. В Великобритании и Америке ромную роль среди крестьянства играют середняцкие хозяйства, со-авляющие от 45 до 54% всех хозяйств. Буржуазное крестьянство обенно значительно в Великобритании и Америке, составляя от 31 до % сельских хозяйств, в то время как в Германии и Франции процент ржуазных крестьянских хозяйств падает до 4 и 2.

С развитием капитализма в деревне развиваются и все противоречия, йственные капитализму. Аграрные кризисы становятся обычным явле-

Групповое распределение хозяйств

Название страны	Год, к которому относятся сведения	1-я группа Беднейш. хоз-ва		2-я группа Средн. хоз-ва	
		Абсолютное число	%	Абсолютное число	%
Великобритания	1922	96 т. (от 0,4 *га*)	20	227 т. (от 2 до 20 *га*)	46
Германия	1907	3 888 т. (до 5 *га*)	76,6	930 т. (от 5 до 20 *га*)	18,4
Франция	1908	4 612 т. (до 10 *га*)	83,6	748 т. (от 10 до 40 *га*)	13,6
Румыния	1908	989 т. (до 10 *га*)	94,4	54 т. (от 10 до 100 *га*)	5,2
САСШ	1920	288 т. (до 4 *га*)	4,5	3 486 т. (от 4 до 40 *га*)	54,1

Название страны	Год, к которому относятся сведения	3-я группа Крупн. хоз-ва		4-я группа Помещ. хоз-ва	
		Абсолютное число	%	Абсолютное число	%
Великобритания	1922	151 т. (от 20 до 120 *га*)	31	15 т. (св. 200 *га*)	3
Германия	1907	230 т. (от 20 до 100 *га*)	4,6	19 т. (св. 100 *га*)	0,4
Франция	1908	118 т. (от 40 до 100 *га*)	2,2	29 т. (св. 100 *га*)	0,6
Румыния	1908	—	—	4 т. (св. 100 *га*)	0,4
САСШ	1920	2 456 т. (от 10 до 200 *га*)	38,1	217 т. (св. 200 *га*)	3,3

нием в с.-х. развитии. Конкуренция на мировом рынке принимает крайне обостренные формы. Крестьянские массы, массы с.-х. пролетариата и рабочие массы городов испытывают острые страдания от колебаний в развитии сельского хозяйства. Мелкие производители разоряются, в то время как крупные земельные собственники получают возможность дальнейшего обогащения и увеличения своих земельных владений.

Классовые противоречия в деревне обостряются, выливаясь сплошь и рядом в открытую вооруженную борьбу. Все это, вместе взятое, по-

азывает, что и в аграрной области дальнейшее развитие требует ерехода от капитализма к социализму и тем самым ставит проблему оциальной революции в деревне.

Действительно, современный общий кризис капиталистической си-емы захватывает вполне естественно и деревню, революционизируя рестьянство и заставляя его итти вместе с пролетариатом в борьбе отив капитализма. Правда, характер этой борьбы не является по-ледовательным в силу социального состава крестьянской массы. Кре-тьянская масса, не только середняцкая, но и полупролетарская, коле-ется между буржуазией и пролетариатом и в отдельные моменты жет выступать как революционная сила, в другие—как реакционная. о углубление противоречий капитализма и развитие революционной орьбы заставляют крестьянство все в большей и большей степени ста-овиться на сторону пролетариата. Основной причиной, приводящей тому, что крестьянин сплошь и рядом не становится на путь решитель-ой борьбы с капитализмом, являются его заинтересованность в сохране-ии частной собственности на средства производства и боязнь потерять раво распоряжения своей продукцией при установлении социалистиче-кого строя. Кроме того, положение мелкого производителя связывает рестьянскую массу с целым рядом отношений правового и идеоло-ического характера: юридические нормы и государственные органы, ащищающие его частную собственность, религия, как определенная деологическая форма, нарушение которой также вызывает сопроти-ление инертной крестьянской массы. Но капитализм в своем развитии, азоряя мелкого собственника, закабаляя его путем кредитных и иных тношений, вскрывает иллюзорность устойчивости права частной соб-твенности для мелкого с.-х. производителя. И поэтому те связи, оторые тянут крестьянские массы на защиту и поддержку буржуазного троя, рвутся, и, наоборот, полупролетарская и середняцкая масса рестьянства связывается с пролетариатом в его борьбе против капи-ализма—к этому приводят основную крестьянскую массу ее собствен-ые интересы. Эти интересы заключаются в следующем: вопервых, освобождении от остатков феодализма,—в ликвидации поме-ичьего строя и в возможности увеличения размеров землепользования; овторых, в освобождении от финансовой, торговой и производственной висимости от капиталистов; втретьих, в освобождении от национальь-ого гнета; вчетвертых, в интересах собственного технического про-есса и улучшения своего благосостояния. Таковы причины, которые риводят крестьянские массы к необходимости итти нога в ногу с про-тариатом в его борьбе против капиталистического строя и дают воз-ожность пролетариату, как наиболее организованной и сознательной

общественной силе в борьбе с капитализмом за социализм, стать вождем этой крестьянской массы.

Движение крестьянства в настоящий период, выливаясь в ряде стран в открытые революционные выступления, носит все же в основном неорганизованный, стихийный характер. Такова борьба в Индии, в Китае, в Африке, в Европе—на Балканах, в Прибалтике, волнения в Италии и Америке. Крестьянские организации, как в виде политических крестьянских партий, так и в виде с.-х. кооперации, в большинстве случаев совершенно не отвечают современному положению крестьянских масс в капиталистических странах и той революционной борьбе, которую вынуждено вести крестьянство в современную эпоху распада капитализма и перехода к социализму. Поэтому даже в тех случаях, когда в некоторых странах, как, например, в Болгарии, Польше, Чехо-Словакии, власть временно переходила в руки чисто-крестьянских партий, последние, выражая, по существу, интересы буржуазных слоев крестьянства, неспособны были ни к какой самостоятельной политике и выполняли лишь указания буржуазии крупных стран, теряя власть при малейших попытках к самостоятельности, как это было с правительством Стамболийского в Болгарии. Но в настоящее время старые крестьянские организации, объединявшие буржуазные слои крестьянства, начинают терять свое значение, и возникают новые организации, присоединяющиеся к рабочим организациям. Таковы фермерские организации в Америке, левая часть земледельческого союза в Болгарии, крестьянские организации в Румынии и в Югославии и т. п.

В 1923 г. в Москве собралась первая международная крестьянская конференция, в которой участвовали представители не только Европы, но и других частей света: среди крестьянских делегатов были представители Америки, Австралии и колоний. Всего было 158 делегатов. Эта конференция заложила основу организации крестьян в борьбе против буржуазного строя.

Разрешение аграрного вопроса возможно лишь с переходом власти от капиталистов к рабочим и крестьянам, т. е. в результате социальной революции.

Теоретический анализ аграрного вопроса в буржуазной науке достиг наибольшей высоты в трудах Рикардо, Родбертуса, Тюнена. Буржуазные теоретики прекрасно понимали развитие капитализма в деревне. Период подъема капитализма и его борьбы с феодальным строем, как известно, проходил под лозунгом laissez faire, laissez passer как в городе, так и в деревне. Но когда и на практике и в теории, начиная со второй половины XIX в., все отчетливее и яснее станови-

лось, что капитализм в процессе своего развития переживает себя и на смену ему идет социализм, начались поиски таких «особенностей» развития сельского хозяйства, которые застраховали бы деревню от революции. В трактовке аграрных вопросов за период, начавшийся со второй половины XIX в. и по настоящее время, определились два основных направления.

Одно, к которому примыкают самого различного типа буржуазные и мелкобуржуазные ученые, определяло особые пути развития сельского хозяйства, как не совпадающие с развитием капитализма и не порождающие тех последствий, к которым приводит развитие капитализма. Во главе этого течения стоят такие ученые, как Бернштейн, Давид, Герц, а в России—Каблуков, Булгаков, Кауфман, Пешехонов и целый ряд других мелкобуржуазных и буржуазных теоретиков. Основными положениями этого направления были следующие. Во-первых, утверждение, что мелкое хозяйство в деревне обладает всеми преимуществами перед крупным, благодаря чему, с одной стороны, не могут происходить те процессы концентрации капиталов, какие мы имеем в промышленности, а с другой—не может происходить образование масс с.-х. пролетариата и углубление классовых противоречий. Во-вторых, это направление отрицало процессы дифференциации среди крестьян. В-третьих, оно утверждает, что существует особый закон в сельском хозяйстве, так называемый закон убывающего плодородия почвы, не дающий капитализму возможности развиваться в сельском хозяйстве. Исходя из всего этого, свою аграрную политику они строили, основываясь на запросах мелкого крестьянского хозяйства, как индивидуального замкнутого хозяйства, и, напр., Давид прямо говорит: «Мы решительно выставляем как цель, достойную наших стремлений, превращение с.-х. крупных предприятий в крестьянские мелкие предприятия».

К этому направлению относится также и одно из новейших течений, к которому принадлежат Макаров, Чаянов и другие.

По всем своим основным положениям указанное направление является мелкобуржуазным, и его аграрная политика не выходит «из рамок реформ капиталистических отношений в деревне». Вполне понятно поэтому, что реформистские социалистические партии II Интернационала, как общее правило, придерживаются этого направления. В России, как известно, это направление являлось теоретической базой партии эсеров.

Другое направление—пролетарское, марксистское, во главе которого стояли Карл Маркс и Ленин,—указывало, что в деревне, так же как и в городе, происходит развитие капитализма со всеми вытекающими из

этого развития последствиями. Конечно, этим отнюдь не отрицалось своеобразие в характере развития капитализма в деревне. Это направление указывало следующие основные законы развития сельского хозяйства и социальных отношений в деревне. Во-первых, развитие капитализма в деревне приводит к победе крупного машинизированного хозяйства над мелким; во-вторых, происходит развитие наемной рабочей силы в сельском хозяйстве; в-третьих, законы товарооборота в деревне те же, что и в городе. На основе развития капитализма в деревне развивалась и классовая борьба в деревне, и таким образом деревня идет, по существу, тем же путем, что и город, и неизбежность замены капитализма социализмом для деревни диктуется теми же самыми законами и углубляющимися противоречиями капитализма, что и в городе. Те особенности, на которые ссылается мелкобуржуазное направление, являются или остатками феодализма или же иллюзиями, за которые прячется буржуазная мысль перед опасностью социальной революции. «Народники,—говорит Ленин,—в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма; в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина или толкали его на точку зрения хозяина (т. е. на точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетариата».

Обращаясь к пресловутому закону убывающего плодородия почвы, заключающемуся в том, что каждое последующее вложение труда и капитала в землю приносит не соответствующее, а убывающее, уменьшающееся количество продуктов, мы видим, что или этот закон является абстрактным законом, технически необоснованным и повторяющим по существу известный закон Мальтуса, или же в социальном отношении стремящимся оправдать присвоение ренты землевладельцами с ссылкой на естественные законы развития сельского хозяйства. И в том и в другом случае этот закон противоречит фактам экономического развития.

Наконец стремление новейших мелкобуржуазных теорий подойти к анализу крестьянского хозяйства исключительно как замкнутого в себе индивидуального хозяйства является, по существу, отрицанием закономерности развития сельского хозяйства в целом и предрешением вопроса о невозможности коллективизации сельского хозяйства. Точно так же серьезные извращения буржуазное и мелкобуржуазное направление допустило в трактовании вопроса ренты.

Практика жизни и факты полностью подтвердили правильность постановки аграрного вопроса тем направлением, которое возглавляют

Маркс и Ленин. Здесь мы говорили о направлении действительно революционного марксизма, а не о тех извращениях его, какие существовали и существуют в виде реформистских и ревизионистских течений разного рода. Революционная теория Маркса и Ленина является в настоящую переходную от капитализма к социализму эпоху мощным оружием для определения пути практического действия и тактики пролетариата и крестьянства в тех сложных условиях, которые характеризуют эту переходную эпоху.

Аграрный вопрос в переходную эпоху, в эпоху диктатуры пролетариата, находит свое разрешение, с одной стороны, в постепенной реорганизации сельского хозяйства на коллективных началах, с другой—в союзе рабочих и крестьян и в постепенном изживании классовых противоречий, т. е., иными словами, в постепенном переустройстве экономической и общественной жизни в деревне на социалистических началах. Но в силу того, что мелкий производитель в сельском хозяйстве во всех странах представляет преобладающую массу, этот переход к социалистическим формам будет, несомненно, относительно медленным и постепенным. Конечно, темп этого развития в разных странах будет различным. Единственная страна в мире, где установлена власть рабочих и крестьян и где мы наблюдаем вышеуказанный процесс,—это СССР. Октябрьский переворот привел к ликвидации помещичьего строя в России. Вся земля была объявлена национальной собственностью; крестьянство благодаря этому могло получить в свое пользование значительно большее количество земли, чем имело раньше. Почти вся бывшая помещичья земля в размере до 65,4 млн. *га* и церковная в размере до 3,8 млн. *га* поступила в пользование крестьян. В результате революции крестьянство освободилось от арендной платы, которая составляла от 400 до 450 млн. руб. в год. «Крестьянин получил,—говорит Ленин в своем докладе на III Всемирном конгрессе Коминтерна,—от нас всю землю и поддержку против крупного землевладения... Крестьянин видит, что должно быть создано нечто новое. Крестьянин понимает, что над этим должен работать не каждый сам на себя, но все государство в целом» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 309).

Годы войны империалистской и затем гражданской сильно подорвали сельское хозяйство. Но с 1921 года начинается неуклонный его подъем, и в 1925 году сельское хозяйство почти достигло довоенного уровня.

Сельскохозяйственная кооперация становится важнейшей формой перехода в деревне к социализму. На 1/I 1924 г. с.-х. кооперативов было 25 300; на 1/X 1924 г. их было уже 33 300. Сельскохозяйствен-

ная кооперация к 1/I 1925 г. объединяла около 3 млн. крестьянских дворов. Кооперативная организация снабжения и сбыта получает серьезнейшее значение в общем товарообороте страны и, несомненно, в ближайшем будущем станет господствующей формой обмена.

Ликвидация капитализма дала возможность развиваться коллективным формам в сельском хозяйстве. Коллективные хозяйства (колхозы), куда относятся коммуны, с.-х. т-ва, артели, получают все большее и большее распространение. В 1924 году насчитывалось 30 376 колхозов. В этих колхозах было 677 199 душ населения обоего пола. Они обладали площадью пашни свыше полумиллиона *га*. Колхозы уже прочно стали в деловом хозяйственном отношении и с течением времени будут получать все большее и большее значение. Советские хозяйства (совхозы) пока еще не играют значительной роли и являются, в своем существе, лишь опытными станциями. Общее число совхозов в 1924 г. равнялось 34 509, с площадью пашни, несколько превышающей 2,18 млн. *га* (данные о колхозах и совхозах взяты из Статистического справочника ЦСУ за 1925 г.).

Законы развития сельского хозяйства и аграрных отношений в деревне становятся предметом серьезнейшего изучения органов советской власти, коммунистической партии, кооперации и ряда научных учреждений. Планы народного хозяйства и аграрная политика разрабатываются на основах этого изучения в направлении, которое ведет к переустройству деревни на социалистических началах.

Литература. Литература по аграрному вопросу крайне обширна. Мы указываем лишь главнейшие работы, разбивая их на следующие группы: 1) марксистски-ортодоксальную и современную коммунистическую литературу; 2) марксистскую, но с ревизионистским уклоном, и 3) буржуазную и мелкобуржуазную литературу.

К первой группе, т. е. к марксистски-ортодоксальной и современной коммунистической литературе, относятся следующие работы: Маркс К., «Капитал», т.т. I и III, Гиз, 1923; Энгельс Ф., «Крестьянская война», Птг., Гиз, 1921; Ленин В. И., Собр. соч., т.т. IX, XVII и XVIII, М., Гиз, 1920—1923; Каутский К., «Аграрный вопрос», 1923 и «Социализм и сельское хозяйство», 1906; Ларин, Ю. и Кричман Л., «Очерки хоз. жизни и организации народного хозяйства Советской России», М., 1920; Кричман Л., «Героический период русской революции», М., Гиз, 1925; Бухарин Н., «Пути социализма и рабоче-крестьянский союз», 1925; Милютин В., «Социализм и сельское хозяйство», 1919; его же, «Новый период мировой экономики», 2-е изд., 1925; Ларин Ю., «Советская деревня», 1925; его же, «Вопросы крестьянского хозяйства», 1923; Осинский Н., «Мировой кризис сельского хозяйства», 1924; его же, «Государственное регулирование крестьянского хозяйства», 1920; его же, «Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи», 1922; сборник «Очерки по аграрному вопросу», 1924, под ред. Е. Варги.

Вторая группа — марксистская литература с ревизионистским уклоном: Маслов П., «Аграрный вопрос», 2 тома, 1906 и 1908; его же, «Условия развития

сельского хозяйства в России», 1903; Рожков Н., «Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий», 1906; Кржижицкий, Л., «Аграрный вопрос», 1906; Лященко П., «Очерки аграрной эволюции в России», 1908, 1913, 1923 (I т.).

Третья группа — буржуазная и мелкобуржуазная литература: Булгаков С., «Капитализм и земледелие», 1900; Герц, «Вопросы аграрной политики», 1900; Давид Э., «Социализм и сельское хозяйство», 1906; Джордж Генри, «Земельный вопрос», 1907; Каблуков Н., «Об условиях крестьянского хозяйства в России», 2-е изд., 1908; Макаров Н., «Крестьянское хозяйство, его эволюция», 1920; «Организация крестьянск. хоз.», М., «ЭЖ», 1927 г., изд. 2-е; Чаянов А., «Очерки по теории трудового хозяйства», 1912—1913; его же, «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий», 2-е изд., 1924; Челинцев, «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства», 1919; его же, «Очерки по сельскохозяйственной экономии»; Чупров А., «Крестьянский вопрос», 1909; его же, «Ученые труды», ч. III, вып. 2, 1911; его же, «К вопросу об аграрной реформе», М., 1906.

Из иностранной литературы, помимо работ Тюнена, мы приводим современную литературу по аграрному вопросу: Thünen J. H., «Der isolierte Staat in seinen Beziehungen auf Landwirtschaft und Nationalökonomie», Berlin, 1875 (есть русск. пер. Т. Тюнен, «Изолированное государство», изд. «Эк. Жизни», 1925 г.); Adeane Ch. and Savill E., «The land retort», 1914; Augé Laribé, «Le paysan français après la guerre», 1923 (есть русск. пер. Оже Ларибе, «Французский крестьянин после войны», Гиз, М., 1925); Backhaus, «Agrarreform», 1919; Boyle J., «Agricultural Economics», 1921; Buchenberger A., «Agrarwesen und Agrarpolitik», I B., 2 Aufl., 1914, 2 B. 1893; Buchenberger A., «Gründsätze der deutschen Agrarpolitik», 2 Aufl., 1899; Cadbury and Bryan, «The Land and the Landless», 1908; Christoph, Fr., «Landwirtschaft und Industrie», 1918; Entield, «The agricultural crisis», 1920—1923; Evans, «The Agrarian revolution in Roumania», 1924; Freese, «Die Bodenreform, ihre Vergangenheit und ihre Zukunft», 1918; Goldenweiser and Fruesdell, «Farm Tenancy in the United States», 1924; Goltz Th., «Agrarwesen und Agrarpolitik», 1904; Goltz Th., «Leitfaden der Betriebslehre», 1920; Goltz Th. «Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik»; Krebs W., «Die Landwirtschaft in der modernen Wirtschaft», 1922; Lanz, «Wirtschaftslehre des Landes», 1920; «National Kongress on rural development and Small Holdings», 1912; Nourse E., «American agriculture and the european markets», 1924 (есть русск. пер. Э. Нурс «Американское сельское хозяйство и европейский рынок», М., 1925).

2. ЛЕНИН И АГРАРНЫЙ ВОПРОС

I

Внимание, какое уделял тов. Ленин аграрному вопросу на протяжении почти трех десятилетий, объясняется не только исключительной важностью самого объекта, но и его особой сложностью и трудностью. Именно область аграрных отношений была той средой, которая воспитывала и выращивала антимарксистские, антиреволюционные, мелкобуржуазные, оппортунистические и реформистские течения.

Все те силы, которые выступали против марксизма, против больше визма и против революции, опирались и использовали эту област для своего укрепления, использовали те возможности, какие был в ней заключены, в целях усиления буржуазных и мелкобуржуазны позиций в общественной борьбе. Буржуазные экономисты, политики реакционеры, попы, вплоть до эсеров и меньшевиков, ставили свои ставку на эту среду. И действительно: «особенности» развития сель ского хозяйства, медленный темп развития производительных сил в де ревне, необеспеченность многомиллионной крестьянской массы, низки уровень деревни—все это способствовало возникновению, развитию укреплению указанных течений.

«...Многочисленные «критики марксизма»,—говорит тов. Ленин,— стараются напирать именно на крестьянский вопрос, по которому будт бы «ортодоксальный марксизм» всего более посрамлен «новейшими тру дами» Бернштейнов, Булгаковых, Давидов, Герцов и даже... Черновых!

Роль крестьянства в революции была освещена тов. Лениным в пер вых же его работах, с которыми он выступил на политическую арену и ими подчеркивается необходимость ясного анализа экономически отношений в деревне для намечения правильной тактики в отношени многомиллионной массы мелких сельских собственников и произво дителей.

Требовался особенно тщательный, особенно внимательный, глубоки и научный подход к этой области. Партия пролетариата тогда сможе занять твердую позицию, дающую положительные результаты в деревне и сумеет руководить и направлять крестьянскую массу в борьбе проти капитализма, если она свою тактику в деревне построит на точно анализе экономических взаимоотношений и классовой борьбы, имею щихся в деревне. Ведь даже в промышленных странах Европы кре стьянство представляет огромную, серьезную силу, которая в дел борьбы с капитализмом может сыграть сплошь и рядом решающую роль и в зависимости от правильного учета направления борьбы крестьянски масс, условий, определяющих эту борьбу, и от правильности на шей тактики в деревне зависит успех борьбы и победы над капи тализмом.

Эту огромной важности разработку нашей теории сельского хозяй ства и определения нашей тактики в деревне проделал тов. Ленин. Благодаря ему, мы не только в теории, но и в практике, и не только в рамках СССР, но и в международном масштабе имеем твердую определенную линию, научно проработанную и прак тически проверенную, что дает нам огромное преимущество перед нашим противником.

В области аграрного вопроса, как и в других областях, тов. Ленин ступает всегда и как теоретик и как практик, т. е. как политик, к стратег, как вождь борющегося пролетариата против капитализма, итывающий всю обстановку, намечающий средства использования ех сил в начатой им борьбе. Его работы по аграрному вопросу гут быть разделены на две основные части: на анализ сельского зяйства и нашей тактики к крестьянству в условиях капитализма на анализ сельского хозяйства и нашей тактики к крестьянству в ловиях диктатуры пролетариата, но нужно не забывать, что эти две сти неразрывно и логически связаны между собой.

В первой части главная масса его работ относится к анализу рарного вопроса в России, и большие работы посвящены анализу рарных вопросов в Соединенных штатах Америки и в Германии. Во рой части большинство его работ относится к СССР, но наряду этим им делается ряд докладов по постановке вопросов, связанных нашей тактикой к крестьянству в международном масштабе. Однако добного рода деление не должно затушевывать тот факт, что какой области или части аграрного вопроса ни касался тов. Ленин, он егда умел поднять обсуждение до высоты общих вопросов, и его азания давали возможность притти к выводам для тактики партии олетариата не только данной страны, но и других стран.

В решениях вопросов деревни тов. Ленин дал классический пример четания теории и практики, гибкости политической линии и вместе тем неуклонного направления к определенной цели.

Только на базе научного анализа может быть построена твердо раженная большевистская тактика в деревне. Многие этого недо-ценивают, и уклоны в сторону или «чистого практицизма» или в сто-ну оторванной от жизни теории были не один раз причиной круп-йших ошибок и заблуждений. Тов. Ленин к этим теоретикам, не итавшимся с практикой, и к практикам, не желавшим заниматься рией, относился определенно отрицательно [1].

Теория тов. Ленина неотрываема от его практики и практика не-рываема от его теории. Это нужно постоянно помнить. И коммуни-

---

[1] Насколько в этом отношении у нас еще плохо усвоили теорию и практику Ленина, указывает пример последней работы тов. Варги по аграрному вопросу, орый не сумел связать нашей практики с теорией и в области теории пришел евизионистским и реформистским выводам. При этом он доказывает, что его нельзя явить ревизионистом, так как он до сих пор был хорошим практиком. Но ревизио-тская теория, если она в основном устанавливает и защищает реформистские и изионистские положения, остается таковой, и ее не спасут практические доброде-лица, создавшего ее.

стическая партия только тогда будет действительно проводить ленинизм на деле, когда она овладеет не только практикой, но и теорией тов. Ленина.

II

Определяя развитие сельского хозяйства, тов. Ленин устанавливал ряд основных положений, которые являются одновременно и основными положениями ортодоксального марксизма.

Прежде всего: как в городе, так и в деревне при капиталистическом строе развитие идет на основе общих законов капитализма. Против этого восстали все оппортунисты, ревизионисты, буржуазные и мелкобуржуазные экономисты, доказывая обратное: что именно к сельскому хозяйству неприменимы законы капиталистического развития. Доказывали они это отнюдь не по причинам своей большой революционности, а как раз наоборот, именно, боясь тех революционных выводов, которые следовали из устанавливаемого положения. Это очень недурно формулировал Давид, говоря, что «существенное положение социалистических учений не соответствует фактам сельскохозяйственного производства». В этом вся суть. Признание того, что как сельское хозяйство, так и отношения в деревне развиваются по общим законам капитализма, означало признание развития в деревне классовой революционной борьбы и вовлечение эксплоатируемых крестьянских масс в борьбу против капитализма. Это и пугало апостолов мира и порядка и защитников медленного изменения капитализма. Поэтому они «в особенностях» сельского хозяйства, «в особенностях» положения крестьянской массы искали почву для борьбы против проникновения революции в деревню. Этому посвящали свои труды Бернштейны, Давиды, Герцы, Черновы и современные Кондратьевы, Макаровы, Чаяновы, Огановские, Семены Масловы и т. п. «Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе,—говорит в одном месте тов. Ленин,—защищаемая тов. Гиммером, есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов—в рабочем движении всего мира,—т. е. новейшая разновидность тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества».

Труды Маркса, труды Ленина, труды Каутского (Каутского не ренегата, который теперь поет в одну дудку с Бернштейном) являются тем научным наследством, в котором экономические процессы деревни подвергнуты детальному научному анализу и вскрыты формы про-

никновения и овладения капиталом, сельским хозяйством, и произведен анализ последствий, какие из этого вытекают.

Прекрасно формулированы эти общие выводы в фундаментальной работе Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», где произведен анализ развития капитализма в земледелии Соединенных Штатов Америки, и товарищ Ленин следующим образом, с своей обычной ясностью и глубиной, формулирует основные теоретические выводы:

«Общие законы развития капитализма в земледелии,—говорит он,—и разнообразие форм проявления этих законов всего удобнее изучать на примере Соединенных Штатов Северной Америки. И такое изучение приводит к выводам, которые можно подытожить в следующих кратких положениях.

Ручной труд неизмеримо более преобладает в земледелии над машиной по сравнению с промышленностью. Но машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его более крупным, более капиталистическим. Машины употребляются в современном земледелии капиталистически.

Главный признак и показатель капитализма в земледелии—наемный труд. Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во всех районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства. Рост числа наемных рабочих обгоняет рост сельского и всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста сельского населения. Усиливаются и обостряются классовые противоречия.

Идет вперед вытеснение мелкого производства крупным в земледелии. Капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производств, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах.

В итоге концентрация производства в крупных хозяйствах на деле сильнее—вытеснение мелкого производства на деле идет дальше и глубже, чем представляют обычные данные о формах различного размера по площади земли...

Идет вперед экспроприация мелкого земледелия. Неуклонно уменьшается втечение последних десятилетий процент собственников среди общего числа фермеров, которое в свою очередь отстает в своем росте от роста населения.

В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам, при несравненно большей отсталости второго, замечательную одинаковость эволюции, вытеснение мелкого производства и тут и там».

Таковы основные выводы, которые ясно и определенно показывают, каким образом деревня вовлекается в силу объективных процессов в классовую борьбу капиталистического строя. Именно проникновение капиталистических отношений в деревню приводит к обострению и развитию классовой борьбы, которая в конце концов ведет к социальной революции, к низвержению буржуазии и к диктатуре пролетариата.

Процесс роста капиталистических отношений перебрасывает крестьянские массы на сторону борющегося пролетариата. Этот переход совершается, естественно, не без колебаний, в силу целого ряда особенностей и противоречий, заложенных как в сельском хозяйстве, так и в положении крестьянства. Следует заметить, что, доказывая и обосновывая применимость общих законов капиталистического развития в деревне, ни тов. Ленин, ни марксисты никогда, конечно, не отрицали о с о б е н н о с т и и особых законов, присущих сельскому хозяйству, и никогда не предлагали трафаретным путем переносить и применять законы развития промышленности к сельскому хозяйству.

Особенности сельского хозяйства и в области техники, и в области экономических взаимоотношений, и в области политической борьбы учитывались марксистами и в особенности тов. Лениным, но это отнюдь не закрывало и не затушевывало основных процессов развития деревни. Тов. Ленин решительно боролся против попыток затушевать этот процесс деревни, вскрывая реакционный характер подобного рода попыток, и для этого ему много раз приходилось обращаться к разработке ряда вопросов, связанных с рентой, с сельскохозяйственной техникой или, например, с такими вопросами, как пресловутый закон убывающего плодородия земли, так как противники старались скрыть капиталистические пути развития деревни даже за «естественными законами», делающими будто невозможными эти пути.

К сожалению, в настоящей статье мы не можем охватить все многообразие теоретических работ тов. Ленина в области аграрного вопроса, но и сказанное определенно показывает, каким образом ставил тов. Ленин этот вопрос.

III

Наши тактика и политика в деревне, особенно ярко развитые тов. Лениным, не являются ловкими измышлениями и политическими комбинациями, а основаны на объективном закономерном развитии экономических отношений в деревне, основные выводы из которых мы только что видели. Именно, учитывая вышеуказанные процессы, тов. Ленин приходит к своим выводам в области тактики и политики в деревне в смысле союза рабочих и крестьян против буржуазного

строя,—союза, в котором руководящая роль находится в руках пролетариата.

Тов. Зиновьев вполне правильно в этом отношении заметил, что большевизм «открыл роль крестьянства, как той силы, при завоевании которой на свою сторону только и становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции».

Учет соотношений сил в деревне диктует пролетариату и его коммунистической партии определенную тактику: «наша сила—полная ясность и трезвость, учет «всех» наличных классовых величин»,—говорит тов. Ленин. Образование массы пролетаризированного и беднейшего крестьянства, происходящее именно вследствие вышеуказанных процессов в деревне, создает определенную связь деревни и города, крестьянства и пролетариата в борьбе против помещиков, капиталистов. Пролетариат, как организованная сознательная сила, становится гегемоном и руководителем этой борьбы.

Вот как в немногих словах определяет тов. Ленин план этой борьбы: «Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической), потом вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов (и постольку революция становится социалистической). Пытаться поставить искусственную китайскую стену между теми и другими, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом».

Борьба за землю и свержение буржуазно-помещичьей власти, установление органов рабоче-крестьянской власти, установление экономической связи между промышленностью и сельским хозяйством, смычка рабочих и крестьян—таковы конкретные практические задачи, которые выдвигались и проводились тов. Лениным и коммунистической партией, исходя из этой политической линии. Эта тактика находит свое полное подтверждение в соотношении борющихся сил в деревне.

Достаточно сказать, что по последним очень несовершенным данным беднейшее крестьянство составляет в одних странах, как Германия, Франция, Балканы, 70—80%, середняки—15—20%, кулацкие элементы—3—5%. В других странах, как Англия, Северо-американские соединенные штаты, бедняцкие массы составляют 5—20%, середняцкие—40—50% и зажиточные—30—40%. Помещичьи классы, крайне не-

значительные численно, играют огромную роль, сосредоточивая в своих руках владение большей частью земли и господствуя на сельскохозяйственном рынке. Процесс дифференциации достигает иногда крайне быстрого темпа, и, например, последний аграрный кризис в Америке разорил, с одной стороны, «фермеров», а с другой стороны, привел к сильнейшей концентрации как в области сельскохозяйственного производства, так и в особенности сельскохозяйственной торговли, обострив этим самым классовую борьбу и перекинув огромные массы разоренных фермеров на сторону борющегося пролетариата.

Русская революция дала возможность на практике проверить правильность теории и тактики тов. Ленина и доказала полностью правильность их.

Вопрос о земле явился важнейшим вопросом в первый период революции. Вопросы о связи промышленности и сельского хозяйства, о смычке рабочих и крестьян, о нахождении новых форм этих взаимоотношений в условиях уже диктатуры пролетариата явились теми вопросами, которые надлежало решить и которые решили тов. Ленин и коммунистическая партия. «Мы полагаем,—говорит тов. Ленин,—что революция доказала и показала, насколько важно, что вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания второй, Октябрьской, революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьянства... Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле,—вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты». Это первый шаг после переворота. Эпоха гражданской войны, эпоха так называемого военного коммунизма, вызвала необходимость сосредоточения всех сил и средств на решении этой задачи. В решении этой задачи крестьянство должно было принять участие не только путем предоставления живой силы для Красной армии, но и экономически. «Все излишки и хлеб мы должны собрать и добиться того, чтобы все запасы были свезены в те места, где нуждаются, и правильно распределить»,—так ставил задачу в этот период тов. Ленин. Те тяжелые повинности, которые возлагались в этот период на крестьянство, оправдывались войной, и «это оправдание, если взять его во всем объеме, было принято крестьянством»,—говорит тов. Ленин. Но кончилась война. Началась эпоха новой экономической политики, и тов. Ленин ярко и выпукло рисует содержание этой новой экономической политики, ее, так сказать, стержень: «Мы строим свою экономику,—говорит он,—в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой и той работой, которой занят каждый крестьянин. Наша цель—вос-

ганови́ть смы́чку, доказа́ть крестья́нину де́лом, что мы начина́ем того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина...

...Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем снова всей нашей политики».

Эту нашу тактику, эту смычку рабочих и крестьян партия должна была наполнить конкретным содержанием, построить таким образом промышленность, завести такие экономические отношения с деревней, чтобы на деле, на практике показать, что крестьянство действительно получает необходимые положительные результаты и для сельского хозяйства и для своего быта. В этом смысле сделаны крупные шаги. Как известно, в настоящее уже время сельское хозяйство восстановило 70—80% довоенной продукции. Целый ряд фактов, неоднократно освещаемых в нашей печати, на съездах и в совещаниях показывает, что смычка между рабочим и крестьянином действительно на деле выросла и укрепилась.

Тактика и политика в деревне, намеченные тов. Лениным, были разработаны им не только в отношении условий русской жизни, условий жизни нашего Союза, но и в отношении других стран. Особенно следует подчеркнуть ту связь, какую устанавливает тов. Ленин между вопросами деревни и вопросами национальными, которые играют такую огромную роль в деле борьбы против капиталистического строя почти во всех капиталистических странах. Выше мы уже видели, что тов. Ленин занимался анализом сельского хозяйства и отношений в деревне не только России, но и других крупных стран, как, например, Америки и Германии. Опыт и практику нашей политики в деревне в условиях диктатуры пролетариата он учитывал и для движения и борьбы в других странах и таким образом указал пути практической борьбы и деятельности в деревне не только для русского пролетариата, но и для международного.

Вопросы деревни ни для нас, ни для международного пролетариата далеко еще не могут считаться решенными. Трудности и сейчас очень велики. Вопросы смычки рабочих и крестьян у нас требуют постоянной конкретизации в смысле урегулирования экономических взаимоотношений города и деревни, в смысле удовлетворения производственных и потребительских нужд крестьянства, в смысле способствования техническому прогрессу сельского хозяйства. В международном масштабе нам приходится внимательно следить за конкретизацией союза рабочих и крестьян в борьбе против капитализма, считаясь с особенностями крестьянства каждой страны и намечая конкретные пути к установлению

прочного союза в борьбе против помещиков и буржуазии. Но то огромное, великое, что сделано в этой области тов. Лениным, дает твердую базу для решения указанных задач. Нужно только уметь пользоваться этими указаниями, нужно помнить, что, как говорил тов. Ленин, теория должна быть обоснованием для действия. Тов. Ленин оставил не только оружие в наших руках для борьбы с мировым капитализмом, но оставил и план этой борьбы, и мы должны уметь его осуществить, претворить в жизнь.

---

3. РЕВИЗИОНИЗМ ТОВ. ВАРГИ В АГРАРНОМ ВОПРОСЕ

а) Основные ошибки тов. Варги

Тов. Варга выпустил в свет большой труд по аграрному вопросу «Очерки по аграрному вопросу». Первый же выпуск, являющийся введением и обоснованием к этому труду, дающий теорию аграрного вопроса, представляет вопиющее, неслыханное извращение марксизма и ленинизма и переход на мелкобуржуазную точку зрения. Следующие основные положения, устанавливаемые тов. Варгой, полностью подтверждают наше мнение.

Во первых, тов. Варга отрицает то основное положение, которое защищали марксисты в борьбе с народниками: что развитие сельского хозяйства идет в общем тем же путем, как и промышленность.

«Каутскианцы,—говорит он,—защищали, якобы, строго марксистский взгляд, по которому развитие сельского хозяйства должно пойти таким же путем, как и развитие промышленности. Они утверждают, что в сельском хозяйстве действительно, хотя и очень медленно, происходит концентрация».

Каутскианцы тут явно приплетены тов. Варгой ни к селу ни к городу, так как тов. Варга побоялся сказать, что то же самое утверждал не только Каутский, но и все марксисты, причем следует заметить характерную подробность: на этой позиции Каутский стоял до того, как стать ренегатом, так как теперешний Каутский—Каутский-ренегат—почти полностью стоит на той же точке зрения, что и тов. Варга, что видно из его последней крупной работы «Пролетарская революция и ее перспективы», являющейся полной изменой марксизму.

Тов. Ленин 20 лет назад еще говорил следующее: «Известно, что основой того бледно-розового квази-социализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности крестьянского «трудового» хозяйства и бур-

жуазного хозяйства». И тов. Ленин по всем направлениям разбивает эту действительно контрреволюционную идею и бичует Булгакова, Чернова и других за то, что они отрицали концентрацию в сельском хозяйстве и о концентрации выражались лишь как о «мистическом законе».

И вот, после десятилетий борьбы с мелкобуржуазными и буржуазными экономистами, тов. Варга, ничтоже сумняшеся, утверждает:

«Если мы в революции усматриваем конкретную задачу теперешнего поколения, то вопрос о том, будет ли втечение нескольких десятилетий происходить какая-нибудь незначительная концентрация или нет, теряет всякое значение».

Если бы это утверждал какой-нибудь народник, беззаботный к объективному экономическому развитию, к развитию классовой борьбы, усматривающий разрешение экономических и политических вопросов в области идеологических махинаций, мы поняли бы; но то, что это утверждает тов. Варга, мы не понимаем,—как можно, оставаясь марксистом, делать такую ошибку.

Во-вторых, тов. Варга в основу своих рассуждений о земельной ренте кладет пресловутый «закон убывающего плодородия земли». Он говорит:

«Основу возможности земельной ренты составляет частная собственность на землю и убывающее плодородие земли». И далее:

«Факт убывающего плодородия земли образует основу как абсолютной, так и диференциальной ренты».

Это опять-таки ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом не имеет. Это опять-таки то, что утверждают и утверждали буржуазные экономисты и эсеры и против чего мы решительно всегда боролись.

Вот что говорит по этому поводу тов. Ленин, к чему вряд ли что можно прибавить: «Закон убывающего плодородия почвы вовсе неприменим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются... Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки вроде Брентано» («Аграрный вопрос», том I, стр. 166). И к этому-то теперь возвращается Варга, причем прямо утверждает, что «Маркс дает другую (ну, конечно!—*В. М.*), как мы полагаем—неправильную теорию абсолютной ренты...». Это ли не ревизионизм в его худшей форме?

В-третьих, исходя из вышеуказанных основных предпосылок, тов. Варга, естественно, в вопросах о крупном и мелком сельском хозяйстве становится всецело на сторону наших противников, доказывая, что мелкое хозяйство, в отличие от промыш-

ленности, в сельском хозяйстве имеет все преимущества перед крупным.

Вот что он говорит: «Нет сомнения, что, при прочих равных условиях, при капиталистическом способе производства мелкое предприятие будет доставлять больший валовой доход, чем крупное». Затем, в смысле величины ренты: «При прочих равных условиях мы не имеем никаких оснований полагать, что в мелких предприятиях рента на единицу площади должна быть меньше, чем в крупных». В смысле прибыли на капитал: «Мелкое предприятие и здесь обладает тем преимуществом, что использование его рабочей силы и, следовательно, также средств производства, т. е. капитала, не наталкивается на границы заработной платы, как было уже изложено применительно к валовому доходу». И даже в области производительности труда в смысле применения с.-х. машин тов. Варга находит: «что хотя тут крупное предприятие имеет решительное преимущество производительности труда, однако, эта разница не имеет особенно большого экономического значения». Неужели тов. Варга не видит, что все эти его доводы «преимуществ» мелкого хозяйства имеют в основе одну посылку: что мелкий хозяйчик может эксплоатировать себя и членов своей семьи сильнее, чем крупный хозяин своих рабочих! И нужно ли доказывать, что доводы «преимуществ» мелкого хозяйства перед крупным на основе «потогонной системы» являются устарелыми и приводящими к архиреакционным выводам!

Как-то стыдно, после стольких лет борьбы с народничеством и ревизионизмом, после стольких фундаментальных трудов по этому поводу начинать опять спор сначала и доказывать доказанное, что крупное хозяйство как в городе, так и в деревне имеет преимущество перед мелким. Что это верно как в рамках капиталистического строя, так и в условиях диктатуры пролетариата. Что именно на этой почве в рамках капитализма происходит дифференциация в деревне, гибель мелких хозяйств, пролетаризация крестьянства, образование масс беднейшего крестьянства, с одной стороны, и образование зажиточного слоя крестьянства, крестьянской буржуазии и укрепление капиталистических отношений в деревне—с другой. Именно этот объективный процесс дает нам базу в деревне, перебрасывает на сторону городского пролетариата миллионные массы крестьянства. Не понимать этой связи, дифференциации крестьянского хозяйства, благодаря развитию капиталистических отношений, благодаря преимуществам крупного хозяйства над мелким, вследствие чего крупные хозяйства и в производственном, и в торговом, и в финансовом отношениях получают возможность эксплоатировать мелкие,—это означает не понять ничего в нашем ана-

лизе развития социальных экономических отношений как в деревне, так и в городе. По статистическим данным, в Германии, Франции и на Балканах беднейшие, эксплоатируемые слои крестьянства составляют от 70 до 80% всех хозяйств, средние—от 10 до 20%, а зажиточные—от 3 до 5%. И именно эти 3—5%, вместе с помещиками и буржуазией, экономически господствуют в деревне, эксплоатируя всю остальную массу мелкого крестьянства. А тов. Варга самым хладнокровным образом утешает мелких хозяев преимуществами их хозяйства перед крупным.

В еще большее противоречие впадает тов. Варга со своей теорией в применении к условиям диктатуры пролетариата.

Конечно, наша п е р в а я задача—ликвидировать помещичий и капиталистический класс в деревне, как и в городе. К выполнению этой задачи мы идем вплоть до раздела помещичьей и вообще крупно-земельной собственности между крестьянством. Но отсюда отнюдь не следует, что мы перестаем быть марксистами, как полагает, повидимому, тов. Варга, и становимся мелкобуржуазными теоретиками и практиками в деревне. Отнюдь нет! На то мы и марксисты и ленинисты, чтобы объективно оценивать развитие вещей и не строить утопий. И если в целях ликвидации помещичьего и крупнобуржуазного классов деревни мы идем на раздел земель, то тем не менее мы знаем, что экономическое развитие в сельском хозяйстве так же, как и в городе, дает все преимущества крупному хозяйству перед мелким, и на этой основе мы строим нашу экономическую политику. Но в то время как в рамках капитализма развитие деревни происходило путем жестокой конкуренции и эксплоатации крестьянства, в условиях диктатуры пролетариата мы должны путем технической и организационной помощи уметь строить новые формы сельского хозяйства и проводить принципы крупного хозяйства в деревне. На II конгрессе Коминтерна, в резолюции по аграрному вопросу, мы имеем в этом отношении исчерпывающую формулировку.

«Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская государственная власть окончательно подавит всякое сопротивление эксплоататоров и обеспечит себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи—технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вооб-

ще с.-х. труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному коллективному машинному земледелию».

В условиях диктатуры пролетариата создается действительно реальная база для коллективизации сельского хозяйства и для развития кооперации, а тем самым—для перехода к высшим формам хозяйства.

В рамках капитализма кооперация в деревне не может нормально развиваться, капитализм и экономически и политически ставит ее в определенно узкие рамки, в подчиненное положение интересам капиталистического строя, а поэтому вреднейшей утопией являлась и является теория «победить» капитализм не революцией, не свержением власти буржуазии, а путем мирного кооперирования населения.

Кооперация в широком смысле, особенно для беднейших масс крестьянства, становится возможной лишь в рамках диктатуры пролетариата, и с помощью кооперации беднейшее и среднее крестьянство использует все выгоды, какие представляет ведение крупного сельского хозяйства.

Мы полагаем, что всего этого достаточно и в дальнейших комментариях это не нуждается.

Но в заключение я только приведу еще одно положение тов. Варги, которое как бы объясняет и подводит итог его ошибочным взглядам.

«Идея подчинения экономических интересов, при любом положении дел, интересам политическим должна быть руководящей для политики всех коммунистических партий»...

Если бы мы, коммунисты, начали строить нашу политику на этой базе, рекомендуемой тов. Варгой, можно вообразить, какую бы нереальность и утопию представляла наша политика, оторванная от экономических интересов дня.

Таким образом под видом коммунистической теории тов. Варга на самом деле излагает народническую мелкобуржуазную теорию, извращая марксизм и ленинизм, и мы в свою очередь должны самым решительным образом отвергнуть этот ревизионистский труд тов. Варги.

б) Теория и практика

Работу тов. Варги—«Очерки по аграрному вопросу»—я определил, как «вопиющее, неслыханное извращение марксизма и ленинизма и переход на мелкобуржуазную точку зрения». Ответ тов. Варги, по моему мнению, отнюдь не может разубедить кого-либо в этом и доказать противоположное. Больше того, в своем ответе тов. Варга, стараясь сгладить некоторые особенно бьющие в глаза ошибки и свое разно-

гласие с марксизмом и ленинизмом, не только не устраняет старых ошибок, но делает крайне существенные новые теоретические ошибки.

Аграрный вопрос для нас является чересчур важным, чтобы мы могли с легким сердцем проходить мимо даже более мелких ошибок, чем те, какие имеются у тов. Варги. Такая же теория, которую создает тов. Варга, если бы была принята, на практике привела бы к вреднейшим последствиям не только в области спутывания наших основных теоретических положений, но и к крайне вредным последствиям в области нашей тактики и политики в деревне и, особенно, по отношению к крестьянству.

Вопрос о сельском хозяйстве и крестьянстве является таким вопросом, в котором легче всего наделать ошибок и на котором очень легко свихнуться и сломать себе шею. Недаром тов. Ленин посвятил на протяжении трех десятилетий массу труда и внимания разработке именно этого вопроса, благодаря чему мы получили твердую теоретическую позицию и определенную тактическую линию, на которую теперь покушается тов. Варга.

Тов. Зиновьев вполне верно и очень хорошо заметил, что большевизм «открыл роль крестьянства, как той силы, при завоевании которой на свою сторону только и становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции», а это открытие большевизм сделал почти исключительно благодаря теоретическим работам в этой области тов. Ленина.

Что же поэтому удивительного, что, вскрывая ревизионистский характер взглядов тов. Варги в области аграрного вопроса, я прежде всего сделал ряд сопоставлений основных положений по аграрному вопросу, предлагаемых тов. Варгой, и основных положений из работ тов. Ленина. Подобное сопоставление сразу рельефно показало, куда ушел тов. Варга, сразу вскрыло полное расхождение его с марксизмом и ленинизмом.

Поэтому мне непонятно, что нашел неправильного в этом тов. Варга, говоря: «Тов. Милютин, не давая ничего существенного читателю, ссылаясь на авторитет тов. Ленина и большевиков, клеймит мои воззрения ревизионизмом».

Вопервых, одно сопоставление, тов. Варга, ваших положений с положениями тов. Ленина является очень «существенным» для читателя, так как сразу вводит в курс разногласий, а вовторых, подобного рода воззрения, как ваши, ревизионизмом называю не только я, но и тов. Ленин, что видно из приводимых мною цитат, причем тов. Ленин выражался по этому поводу значительно более резко.

Прежде чем перейти к разбору основных теоретических положений тов. Варги, необходимо остановиться предварительно еще на одном его существенном заблуждении.

Свой ответ мне он начинает ссылкой на свою предыдущую практику в Коминтерне, которая показывает, по словам тов. Варги, что у него не было до сих пор «ни малейшего расхождения с Коминтерном», хотя он выступал не один раз, как официальный докладчик, именно по аграрному вопросу.

Поэтому, говорит тов. Варга, «сам собой напрашивается вопрос, возможна ли такая вполне совпадающая правильная политическая линия при наличии расхождения в теоретической области?»

Прежде всего, именно тот факт, что тов. Варга неоднократно выступал как официальный докладчик в Коминтерне, делает совершенно необходимым с особенным вниманием отнестись к его ошибочной теоретической основе, так как, несомненно, последнее обстоятельство должно будет сказаться и на практических выводах тов. Варги. В своей статье я и указываю, что «на этот раз в мелкобуржуазном болоте увяз не какой-нибудь новоиспеченный коммунист, а наш заслуженный тов. Варга. Но тем опаснее этот пример и тем решительнее должно быть наше отношение к этому факту».

Затем «возможна ли такая вполне совпадающая правильная политическая линия при наличии расхождения в теоретической области?» Почему—нет? До поры до времени вполне возможна. Таких примеров мы имеем немало в нашей практике. Возьмем такой злободневный пример. Тов. Троцкий во время Октябрьского переворота вел вполне правильную политическую линию, а когда теперь он написал «Уроки Октября» и дал теоретическую, историческую оценку Октября, то получилась антимарксистская, антиленинская теория и извращенное ложное освещение событий.

Второй пример: Хеглунд долгое время вел правильную политическую линию, а потом создал в корне ошибочную теорию вплоть до защиты господа бога, и получилась весьма плачевная практика с весьма плачевными результатами.

Можно было бы привести много примеров подобного рода, которые показывают, что правильность практического поведения в определенный период отнюдь не означает правильности теоретических воззрений отдельного лица или группы лиц, действующих на практике в тот или иной период вполне правильно.

Ревизионистскую теорию, следовательно, отнюдь нельзя оправдать тем, что политическую линию автор этой теории вел до сих пор правильно.

Правда, «теория есть обоснование предпринимаемых действий»,— говорит тов. Ленин, и поэтому ложная теория или же должна быть отброшена практикой развивающихся действий, как вредная и путающая предпринимаемые действия, а не выясняющая их, или же, наоборот, ложная теория лишь свидетельствует о том, что практическая деятельность лишь временно совпадает с данным правильным направлением и рано или поздно пойдет в другом направлении.

Теория тов. Варги, по нашему мнению, как мы дальше увидим, не только не обосновывает тех решений, которые приняты Коминтерном, но, наоборот, представляет их в неверном теоретическом освещении. Действительно, и тактика Коминтерна и тактика ВКП в деревне целиком покоятся на теоретических выводах в аграрном вопросе, разработанных тов. Лениным. Только в свете выводов относительно законов развития сельского хозяйства, диференциации крестьянства, классовой борьбы в деревне становится понятным направление и развитие всей нашей тактики в деревне и нашего маневрирования в отношении ряда вопросов, связанных с нашей политикой в деревне. Например, тот факт, почему наша партия (и в первую очередь тов. Ленин) не побоялась взять в октябрьские дни эсеровский проект раздела земли, провела его в жизнь, и, вместе с тем, ясно видела и видит перспективы развития сельского хозяйства именно в том направлении, как об этом всегда говорила марксистская теория, и основную свою политику строит именно на этом предвидении, становится понятным только в свете наших теорий развития сельского хозяйства. Точно так же наша так называемая новая экономическая политика не только не означает нашего отказа от принципов социалистического строительства, как то полагали наши буржуазные и мелкобуржуазные противники, но, наоборот, является необходимым звеном именно в интересах укрепления и развития социалистического хозяйства, интересы которого наша партия всегда держит в центре внимания. Это та диалектика развития, которая становится понятной в свете нашего теоретического освещения и становится осуществимой в силу того, что направление общего курса идет к вполне определенным и ясно осознанным целям, и, маневрируя, мы не теряем из виду этого общего курса и наших основных целей. Только изучив и выяснив законы экономического развития города и деревни, определив общее направление общественного развития, взяв твердо курс к определенной цели, можно успешно маневрировать и отступать, для того чтобы, по выражению тов. Ленина, прыгнуть вперед к намеченной цели, а не запутаться в собственных же маневрах.

Наша практика, наша тактика, наша политика в деревне неразрывно связаны с нашей теорией, той теорией, которая разработана ортодо-

ксальным революционным марксизмом и в первую голову, конечно, тов. Лениным.

Мы знаем, очень хорошо знаем печальные результаты разного рода «объединений» Маркса и марксизма: Маркса с Махом, марксизма с неокантианством, Маркса с Авенариусом, или, как некоторые в последнее время пытаются объединить, Маркса с Фрейдом.

Во всех таких попытках в основе лежало всегда стремление под флагом марксизма протащить буржуазную идеологию, разбавить и обезвредить революционную сущность марксизма, вместо движения вперед и вместо углубления и дальнейшего продвижения марксизма получалось движение назад.

Марксизм можно или развивать так, как развивал тов. Ленин, углубляя и расширяя в связи с развитием революционной практики пролетариата, или же так «развивать», как его развивал Бернштейн—в сторону приспособления к буржуазии и буржуазной идеологии.

И вот теперь, когда тов. Варга под революционную тактику большевизма, под ленинскую практику старается подвести мелкобуржуазный теоретический фундамент, старается «объединить» практику большевизма с теорией ревизионизма, мы полагаем, что подобная попытка, подобное «развитие», отбрасывая нас назад к пройденным спорам, к пройденной борьбе с ревизионизмом, должна быть вскрыта до конца и не должна быть затушевываема такими неудачными, на наш взгляд, способами, как это пытается сделать тов. Варга.

Основным положением марксистской теории в отношении сельского хозяйства в условиях капиталистического строя является, как известно, утверждение, что сельское хозяйство, несмотря на свои особенности и отличия от промышленности, в общем развивается согласно общим законам капитализма.

Капитализм проникает и овладевает как сельскохозяйственным производством, так и обменом. Благодаря капитализации в деревне и развитию производительных сил в области сельскохозяйственного производства получают все более и более широкое применение, с одной стороны, машина, с другой—наемный труд.

Крестьянская масса дифференцируется, расслаивается, на одном конце выделяется богатый буржуазный слой крестьянства, применяющий наемный труд, на другом конце—масса полупролетаризованного и пролетаризованного крестьянства.

Капитализация сельского хозяйства экономически и политически означает все большее обострение классовой борьбы в деревне.

В процессе концентрации земли, средств производства происходит борьба крупного и мелкого предприятия, происходит перераспределение

дохода,—все это является экономической базой, на которой вырастает та борьба, которая смыкает крестьянскую массу с пролетариатом против капитализма за свержение капиталистического строя.

Революционная практика подтвердила всю правильность этой революционной теории,—на основании этой теории большевизму удалось «предвидеть те процессы, какие развернулись в деревне», «открыть роль крестьянства в социалистической революции».

Наоборот, ревизионистская теория, базируясь на якобы абсолютно отличных особенностях сельского хозяйства, которые будто бы делают невозможным развитие капитализма в деревне, на практике приводила к отрицанию классовой борьбы в деревне, к политике замазывания противоречий в экономических отношениях в деревне и, наконец, к борьбе с революцией в деревне (что, конечно, отнюдь не означало отказа от громких фраз против капитализма и его зол, от фраз, на которые так падки мелкобуржуазные политики).

Процесс концентрации сельского хозяйства, борьба крупного и мелкого хозяйства, диференциация крестьянства, обнищание, обезземеливание, эксплоатация массы крестьянской,—все эти факты замалчивались, и на все это закрывались ревизионистские глаза, все это объявлялось несущественным и «безразличным».

Ревизионистская теория есть не что иное, как настоящее, доподлинное обоснование приспособленчества к буржуазному строю. Эта теория обосновывает действия, политику и тактику реформизма и соглашательства с капиталистическим строем.

И когда теперь тов. Варга с самым спокойным видом повторяет все эти ревизионистские истины, весь этот ревизионистский катехизис—он еще удивляется и не понимает, почему его называют ревизионистом.

в) Концентрация в сельском хозяйстве

Приняв во внимание все вышесказанное, для нас, например, вполне понятным становится, почему тов. Варга так беззаботен по части того—происходит ли в сельском хозяйстве какая-либо концентрация или нет? На основании точных заявлений тов. Варги по вопросу о концентрации, можно определенно притти к следующим двум заключениям. Во-первых, тов. Варга, как это с полной очевидностью вытекает из его ответа мне, совершенно неправильно понимает, что такое концентрация в сельском хозяйстве. Во-вторых, вопрос—происходит или нет концентрация в деревне—

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

для него является безразличным в нашей политике в деревне, чем изменяется характер последней.

Кстати, тов. Варга в главе о концентрации говорит: «Я должен... решительно отклонить утверждение тов. Милютина, будто я вообще отрицаю концентрационную тенденцию в сельском хозяйстве». С своей стороны я попросил бы тов. Варгу указать, где, в каком месте я утверждаю, что он «вообще отрицает концентрационную тенденцию». Ведь дело совершенно заключается в другом. В своей статье, приведя выдержку из произведений тов. Варги, что «вопрос о том, будет ли втечение нескольких десятилетий происходить какая-нибудь незначительная концентрация или нет, теряет всякое значение»,—в ответ на это я говорю буквально следующее: «Если бы это утверждал какой-нибудь народник, беззаботный к объективному экономическому развитию, к развитию классовой борьбы, усматривающий разрешение экономических и политических вопросов в области идеологических махинаций, мы поняли бы, но то, что это утверждает тов. Варга, мы не понимаем, как можно, оставаясь марксистом, делать такую ошибку». Вот что я утверждал, тов. Варга, и этого, конечно, достаточно.

Теперь обратимся к более подробному разбору вопроса о концентрации.

Концентрация в сельском хозяйстве происходит по четырем направлениям:

вопервых, в области распределения земли и заключается в сосредоточении земельного фонда в руках помещиков, капиталистов, крупных землевладельцев и крупных крестьян;

вовторых, в концентрации или сосредоточении сельскохозяйственных машин и орудий в руках крупных землевладельцев и зажиточного слоя крестьян;

втретьих, в концентрации наемной рабочей силы в хозяйствах крупных землевладельцев и крупных крестьян;

вчетвертых, в концентрации с.-х. продукции в руках крупных землевладельцев, в руках капиталистов и в руках зажиточного слоя крестьян.

Этот процесс концентрации происходит на основе законов с.-х. производства, в зависимости от тех преимуществ, какие имеет крупное предприятие перед мелким в сельском хозяйстве, о чем у нас речь еще будет впереди. Таким образом концентрация происходит как в области производства, так и в области обмена.

Эти выводы подтвердились исследованиями развития сельского хозяйства Европы и Америки.

Не вдаваясь в детали, я позволю себе привести те выводы, которые сделал тов. Ленин, исследуя новейшие данные относительно развития сельского хозяйства С. Ш. Северной Америки.

Вот выводы тов. Ленина:

«Общие законы развития капитализма в земледелии,—говорит он,—и разнообразие форм проявления этих законов всего удобнее изучать на примере Соединенных Штатов. И такое изучение приводит к выводам, которые можно подытожить в следующих кратких положениях:

Ручной труд неизмеримо более преобладает в земледелии над машиной по сравнению с промышленностью. Но машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его крупным, более капиталистическим. Машины употребляются в современном земледелии капиталистически.

Главный признак и показатель капитализма в земледелии—наемный труд. Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во всех районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства. Рост числа наемных рабочих обгоняет рост сельского и всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста сельского населения. Усиливаются и обостряются классовые противоречия.

Идет вперед вытеснение мелкого производства крупным земледелием... Капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производств, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах.

В итоге концентрация производства в крупных хозяйствах на деле сильнее,—вытеснение мелкого производства на деле идет дальше и глубже, чем представляют обычные данные о формах различного размера на площади земли...

Идет вперед экспроприация мелкого земледелия, неуклонно уменьшается втечение последних десятилетий процент собственников среди общего числа фермеров, которое в свою очередь отстает в своем росте от роста населения...

В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам, при несравненно большей отсталости второго, замечательную одинаковость законов эволюции, вытеснение мелкого производства и тут и там». (Собр. соч., т. IX, стр. 272, 273.)

Таковы выводы, к которым пришел тов. Ленин. На некоторых цифровых данных, иллюстрирующих эти выводы, мы остановимся ниже.

Каковы же выводы тов. Варги в отношении концентрации? Согласен ли он с указанными выводами марксизма и ленинизма? Ничего подоб-

ного! Он заменяет эти выводы о концентрации своими, совершенно иными, ревизионистскими выводами и положениями.

Прежде всего, доказывая свое «признание» концентрационной тенденции, тов. Варга довольно странно это аргументирует. «Но я никогда не утверждаю, что в сельском хозяйстве нет концентрации. И мне трудно понять, почему тов. Милютин, выдергивая из книги одно только предложение, хочет приписать мне такую мысль. Ведь каждый читатель на 6 странице моей книги может прочесть следующее: «Современный капитализм в сельском хозяйстве принес не столько непосредственный отрыв рабочих от средств производства, как это имело место в промышленности, сколько косвенное закабаление формально самостоятельных широких слоев крестьянства помощью высокой земельной ренты, задолженности, налогов и т д.». Мне кажется, это достаточно».

Неужели это достаточно, тов. Варга? Ведь всякий мало-мальски знающий марксист-читатель спросит: «Тов. Варга, при чем тут концентрация? Ведь это вы говорите о совершенно иных вещах. Неужели вы этого не понимаете? Ведь вы здесь говорите только о «косвенном» закабалении крестьянства. Ведь это совершенно иная вещь, чем концентрация в сельском хозяйстве, ведь тут вопрос идет только об отношении финансового и торгового капитала к крестьянству, что вполне правильно, но что отнюдь не решает вопроса о концентрации. Вот что ясно из ваших же слов, тов. Варга,—непонимание вопросов концентрации».

Действительно, в дальнейшем тов. Варга, развивая свои положения о концентрации, договаривается до следующих ревизионистских положений. Он утверждает следующее: «Распределение земли втечение целых десятилетий не показывает сколько-нибудь значительных изменений. В отношении машинных средств производства можно отметить сильную концентрацию, распределение скота остается приблизительно то же самое. Напротив, в отношении занятых рабочих мы не замечаем возрастания процентуальной доли крупных предприятий во всем с.-х. производстве».

Таким образом, за исключением распределения машин, тов. Варга и в отношении земли, и в отношении скота, и в отношении рабочей силы отрицает концентрацию. Иными словами, он утверждает как раз обратное тому, что, как мы только что видели, утверждает тов. Ленин. Тов. Варга не приводит никаких данных в подтверждение своих положений. Наоборот, тов. Ленин, анализируя развитие сельского хозяйства в Америке (не забудем, что ревизионисты, особенно Давид, ссылались на Америку, как на страну,

типичную и ярко иллюстрирующую правильность их положений, особенно в отношении вопроса о концентрации), доказывает на цифровых данных, что за одно только десятилетие с 1900 по 1910 г. произошел существенный сдвиг в распределении земли, точно так же в отношении наемной рабочей силы, причем он говорит, что в отношении земли «наибольшее увеличение падает на долю крупно-капиталистических групп—от 175 до 499 и от 500 до 999 акров» (стр. 228 IX тома). Число наемных рабочих с 1900 по 1910 г. увеличилось на 27%, причем тов. Ленин говорит: «Доля фермеров в сельском населении уменьшилась, доля наемных рабочих возросла, число самостоятельных хозяев в пропорции ко всему сельскому населению уменьшилось, число зависимых, эксплоатируемых, возросло». Добавим, что аграрный кризис в Америке в прошлом году принес новые яркие доказательства этим выводам. Неправда ли, как это вяжется с утверждениями тов. Варги?

Но тов. Варга, отрицая концентрацию в с.-х. производстве, говорит, что: «напротив, концентрация существует в том смысле, что все возрастающая доля доходов трудовых крестьян экспроприируется сплоченной в картели промышленной буржуазией, ростовщической рентой и ростовщической арендой, которые выколачиваются из малоземельного крестьянства односторонним налоговым нажимом капиталистического государства. На этой все растущей эксплоатации крестьянства, политически для нас важной, я в своем труде достаточно остановился».

Таким образом он усматривает концентрацию только в отношении экспроприации доли доходов крестьянства промышленной буржуазией и финансовым капиталом. Это, как мы видим, совершенно иная вещь. Это как раз и есть ревизионистская постановка вопроса.

Действительно, Давид, указывая, что «марксистское учение о концентрации производства (заметьте, тов. Варга,—«концентрации производства».—*В. М.*) неприменимо к сельскому хозяйству», одновременно заявляет: «Кто подавляет рабочую массу, тот подавляет и крестьянство». Так что подавления крестьянства со стороны промышленной буржуазии и финансового капитала он так же, как и тов. Варга, не отрицает. И даже разражается такого рода фразой: «Поднятие материального и культурного положения трудового крестьянства неразрывно связано с победоносным развитием современного рабочего движения».

Эта фразистость, эта общая постановка вопроса о подавлении крестьянства, без анализа экономических процессов в сельском хозяйстве, являющихся базой революционизирования крестьянства, явным образом направлена в сторону отказа и от понимания революции в деревне и от самой революционной борьбы.

Тов. Варга не понимает связи между процессом концентрации и революцией. Для него, как мы видели, происходящая концентрация на протяжении десятилетий—факт, безразличный для развития революции в деревне. Возьмем центральный вопрос аграрной революции, это вопрос борьбы за землю. На чем, на какой основе вырастает эта борьба? Поставьте этот вопрос исторически. Ответ может быть один: на основе процесса концентрации земли, на основе сосредоточения земельной собственности в руках крупных хозяев, на основе образования, с одной стороны, крупного земледелия, с другой—малоземельной и безземельной массы крестьянства. На этой почве происходит обострение классовой борьбы, выливающееся в конце концов в революцию.

«Мы полагаем,—говорит тов. Ленин в своей исторической речи во время Октябрьского переворота, предпосланной им на съезде советов декрету о земле,—что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания второй, Октябрьской, революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и эсеров, которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и крестьянскому восстанию. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты».

И действительно, крестьяне в результате Октябрьской революции получили до 65,4 млн. *га* помещичьей земли, около 3,81 млн. *га* церковной, да казенные земли составили до 150,4 млн. *га*. Кроме того, крестьянство, благодаря национализации земли, освободилось от 400 до 450 миллионов золотых рублей в год арендной платы. Так теория была связана с революционной практикой.

Такие факты, как разорение во время недавнего аграрного кризиса миллионов мелких фермеров Америки, или те данные, какие приводит в своей брошюре о норвежском крестьянстве тов. Альгемейн («Сел. хоз. и крестьянство Норвегии»), говорящие о все большем разорении средних слоев крестьянства и укреплении крупных хозяйств, а также говорящие о довольно значительном процессе концентрации земли, являются теми фактами, которые показывают, как на основе подобного рода экономических процессов возникает доподлинное, действительное развитие революции. Не косвенное закабаление крестьянства, а непосредственное,

связанное с отнятием крупными землевладельцами, крупными хозяевами земли, скота, превращение крестьянской массы в полунищую массу,— эти процессы, связанные с с.-х. обменом, порожденные капитализацией земледелия, выявляющие все противоречия капиталистического строя,— вот база для революции в деревне.

Ясно, насколько ошибочна и неправильна была бы та тактика, которая игнорировала бы эти факты, для которой они были бы безразличны и которая вместо вопросов, близких и больных для крестьянской массы, подходила бы лишь с общей фразой об эксплоататорской роли капитализма.

Слона, слона вы не заметили, тов. Варга.

г) Крупное и мелкое хозяйство

В споре о преимуществах крупного и мелкого предприятия в сельском хозяйстве не нужно забывать социального значения борьбы между этими формами в сельском хозяйстве, а также о том, что этот вопрос неразрывно связан с вопросом о концентрации в сельском хозяйстве. Борьба различных форм сельского хозяйства, преимущества, какие выявляет одна форма сельского хозяйства в отношении другой, приводят в результате к соответствующей концентрации земли, орудий производства и средств, вследствие чего происходит определенная диференциация сельского населения.

Анализ преимуществ крупного предприятия перед мелким объясняет и вскрывает экономическую основу отношений, слагающихся в деревне.

И анализ этот важен не только для объяснения процессов, происходящих в сельском хозяйстве капиталистического строя, но также и для уяснения развития деревни в условиях переходной эпохи от капитализма к социализму, в условиях диктатуры пролетариата.

На основе такого анализа можно определить, какой курс следует держать в сельском хозяйстве, и определить жизнеспособность форм сельского хозяйства.

Борьба с ревизионизмом и вообще мелкобуржуазными теориями в этом вопросе шла по той же основной линии спора: происходит ли капитализация сельского хозяйства или нет и какие формы диктуются развитием производственных сил в деревне.

Мелкобуржуазные теоретики вполне естественно доказывали преимущества и устойчивость мелкого хозяйства перед крупным, это естественно вытекало из классовой точки зрения, под углом которой разрабатывались ими эти теории. Свои надежды на соглашение с бур-

жуазным строем, свою реформистскую политику они старались обосновать «особенностями» сельского хозяйства, которое, по их мнению, создавало возможность обойтись в деревне без революции, пугавшей их мелкобуржуазную душу.

Именно вследствие этого вопросы о машинизации сельского хозяйства, о капитализации деревни, о победе крупного хозяйства над мелким пугали их, и они старались затушевать этот процесс в сельском хозяйстве, чтобы тем самым затушевать призрак встающей революции. Отсюда следовали выдвигаемая ими «особая» роль кооперации и строй, который должен был, по мысли мелкобуржуазных теоретиков, незаметно и безболезненно переварить капитализм.

Вполне понятно становится поэтому, почему этот теоретик защищал так рьяно преимущества мелкого хозяйства перед крупным.

Вот, например, как ставит этот вопрос виднейший теоретик ревизионизма Эдуард Давид. «Мы прежде всего,—говорит он,—должны были констатировать глубокое различие по существу между сельскохозяйственным и индустриальным производствами. Такое различие по существу мы признали в том, что основу сельскохозяйственного производства составляет процесс органический, основу индустриального производства—процесс механический.

Кооперация, разделение труда, применение машин—вот главные факторы большей продуктивности в механическом производстве... В земледелии указанные факторы не имеют решающего значения. Разделение труда, какое существует в мануфактурах, совершенно немыслимо в сельском хозяйстве... Не может сельское хозяйство следовать за механическим производством в специализации труда»....

И, наконец, крупное хозяйство «вынуждено оперировать с толпой незаинтересованных наемных работников, очень мало поддающихся контролю.

Крестьянин же сам является своим собственным, без устали работающим, заинтересованным и заботливым работником».

В результате Давид приходит к следующему основному выводу: «Поэтому,—говорит он,—мы без колебаний выставляем одной из первых насущных задач превращение крупного сельскохозяйственного производства в мелкокрестьянское». Дальше он продолжает: «Аграрно-политическая практика социал-демократической партии давно уже работает в этом направлении, не считаясь с марксистской теорией, по которой победа капиталистического крупного хозяйства над мелкокрестьянским означает шаг вперед на пути к необходимой высшей общественной организации».

Вот типичная мелкобуржуазная постановка вопроса со всеми ее логическими выводами.

Этой точке зрения, как известно, марксизм противопоставлял, на основе анализа развития крупного и мелкого хозяйства, положение, что и технически и вообще экономически крупное хозяйство в земледелии сильнее, продуктивнее и устойчивее мелкого. Такие процессы капитализации сельского хозяйства ведут, хотя и более медленным путем, но так же, как и в промышленности, к победе крупного хозяйства над мелким.

Ленин, борясь с ревизионизмом в области экономики, говорит, что именно «на развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним,— одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основу мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономии—исследовать этот процесс во всех его нередко сложных и запутанных формах, доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянства на точку зрения пролетариата. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (то есть на точку зрения буржуазии), вместо того чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария».

Но, конечно, закон превосходства крупного производства в сельском хозяйстве, по словам Ленина, вовсе не так прост, как иногда думают; он отличается значительно большей сложностью и разнообразием, чем в промышленности, и эту его особенность нельзя игнорировать. Однако это отнюдь не исключает того факта, что весь процесс хозяйственного развития как в городе, так и в деревне показывает победу крупного производства над мелким. Больше того: дальнейшее развитие производительных сил и общества выливается именно в форму крупного производства.

Маркс в третьем томе «Капитала» говорит, что «парцеллярная собственность по своей природе исключает развитие общественно-производственных сил труда, общественных форм труда, общественной концентрации капитала, скотоводства в крупном масштабе, возрастающего

приложения науки» (стр. 344). В предыдущей главе мы видели, что концентрация в сельском хозяйстве именно основывается на победе крупного производства над мелким, и цифровыми данными мы показали, каким образом происходит этот процесс. Преимущество крупного хозяйства в области производства, в области обмена, в области финансов приводит к тому, чтобы создать господствующее положение за классом крупных землевладельцев в деревне так же, как за классом крупных предпринимателей-финансистов в городе; никакой принципиальной разницы в классовом отношении в этом смысле в городе и деревне нет. Это преимущество крупного хозяйства над мелким, этот процесс борьбы различных форм хозяйства приводит и к разложению крестьянских масс. «Разложение крестьянства,—говорит Ленин,—показывает нам самые глубокие противоречия капитализма в самом процессе их возникновения и дальнейшего роста; полная оценка этих противоречий неизбежно ведет к признанию безысходности и безнадежности положения мелкого крестьянства (безнадежности вне революционной борьбы пролетариата против всего капиталистического строя). Неудивительно, что именно эти самые глубокие и самые неразвитые противоречия замалчиваются: пытаются обойти тот факт непосильного труда и недостаточного потребления мелких крестьян, отрицать который могут только недобросовестные или невежественные люди, оставлять в тени вопрос о наемных рабочих у крестьянской буржуазии, о наемной работе крестьянской бедноты».

Из этой постановки вопроса марксизм и ленинизм делали вполне логичный вывод о неизбежности, с одной стороны, революционной борьбы в деревне так же, как и в городе, и, с другой стороны, что в условиях диктатуры пролетариата самое развитие производительных сил требует развития и усиления крупного производства как в городе, так и в деревне, но, конечно, это понималось не в упрощенном виде, и вся практика коммунизма советской России показывает, каким образом мы должны сочетать наш курс на крупное производство с особенностями деревни, с наличием многомиллионного мелкого производителя, который только медленно будет втягиваться в сферу социализма и социалистического строительства.

Всего этого не понял тов. Варга, который, исходя из частной задачи нашей тактики, сделал абсолютно неправильный теоретический вывод и, ничтоже сумняшеся, провозгласил в духе ревизионизма преимущества мелкого предприятия над крупным. «Как-то стыдно,—писал я в своей первой статье в «Правде»,—после стольких лет борьбы с народничеством и ревизионизмом, после стольких фундаментальных трудов по этому поводу начинать спор сначала и доказывать доказанное, что

крупное хозяйство как в городе, так и в деревне имеет преимущество перед мелким».

На это тов. Варга мне отвечает: «Тов. Милютин ошибается, когда он утверждает, будто бы я в моей книге писал, «что мелкое хозяйство имеет все преимущества перед крупным». У меня таких неконкретных, общих мест не встречается. Прежде всего, я пишу о соотношении между крупным и мелким предприятием при капиталистическом способе производства.

Вовторых, я всегда свои исследования провожу с предпосылкой, конечно, нереальной, что, кроме подвергаемого исследованию фактора, все остальные условия равны».

Таково общее заявление тов. Варги. Но если мы обратимся именно к конкретной его постановке, то мы увидим, что прав я и неправ тов. Варга. Прежде всего, ведь и марксизм и ленинизм говорят о преимуществах крупного производства над мелким в рамках капиталистического строя.

Вовторых, мы так же допускаем, что при рассмотрении этого вопроса можно его рассматривать и с нереальной предпосылкой: «при прочих равных условиях».

Но ведь вся суть-то в том, что в то время, как тов. Варга утверждает, что при капиталистическом способе производства и прочих равных условиях мелкое производство побеждает крупное и в смысле дохода, и в смысле величины ренты, и в смысле рабочей силы, марксизм и ленинизм, как мы видели, утверждают обратное, и, например, тов. Ленин пишет: «Превосходство крупного производства в земледелии над мелким неизбежно—«само собой разумеется», лишь «при прочих равных условиях». Это вопервых. И в промышленности ведь закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и прост, как иногда думают: и там лишь равенство «прочих условий» (далеко не всегда имеющее место в действительности) обеспечивает полную «применимость закона».

А тов. Варга пишет: «Нет сомнения, что, при прочих равных условиях, при капиталистическом способе производства мелкое предприятие будет доставлять больше валового дохода, чем крупное».

Затем в смысле величины ренты: «при прочих равных условиях мы не имеем никаких оснований полагать, что в мелком предприятии рента на единицу площади должна быть меньше, чем в крупном». В смысле прибыли на капитал «мелкое предприятие и здесь обладает тем преимуществом, что использование его рабочей силы и, следовательно, также средств производства, то есть капитала, не наталки-

вается на границу заработной платы, как было уже изложено в применении к валовому доходу». И даже в области производительности труда в смысле применения сельским хозяйством машин тов. Варга находит, «что хотя тут крупное предприятие имеет решительное преимущество производительности труда, однако разница не имеет особенно большого экономического значения».

Вот конкретная постановка вопроса тов. Варги.

И после этого интересно спросить, в чем же я ошибся? И в своей ответной статье тов. Варга также пишет следующее: «...такова именно действительность, упрямая действительность, и она означает при капиталистическом способе производства, что самостоятельно хозяйствующее мелкое предприятие в отношении величины валового дохода и прибыли, в отношении использования рабочей силы имеет преимущество перед крупным,—об этом можно пожалеть, но от этого оно не перестает быть фактом».

И после таких утверждений тов. Варга смело утверждает, что он не имеет ничего общего с ревизионизмом и что тов. Милютин ошибся в квалификации его, как ревизиониста. Ведь ясно, что этим своим выводом (который не подкреплен со стороны тов. Варги никакими цифровыми данными или вычислениями) тов. Варга полностью повторяет ревизионистские теории и, в частности, полностью солидаризируется с выводами Давида.

Действительно, если мелкое предприятие в смысле валового дохода, в смысле ренты, в смысле использования рабочей силы имеет преимущество перед крупным, то в капиталистических условиях это неизбежно и логически должно привести к победе мелкого производства над крупным, это естественно и логически означает, что все преимущества имеются на стороне мелкого производства. Но при таком заключении вполне естественно, что взгляд на процесс сельскохозяйственного развития является обратным тому, какой утверждают марксизм и ленинизм, и это является вполне доказанным. И в этом смысле тов. Варга, ни шагу не делает в сторону от ревизионизма, в этом вопросе он идет нога в ногу с ним, хотя старается оправдать свой теоретический оппортунизм революционной необходимостью. По этому поводу мы бы посоветовали тов. Варге более внимательно изучить разницу в практике русской революции между левым эсером и большевиком.

Но чем в сущности доказывает тов. Варга эти преимущества мелкого предприятия перед крупным в области валового дохода, ренты и производительности в смысле прибыли с капитала?

А вот чем: «Трудящийся же крестьянин в мелком предприятии будет применять рабочую силу свою и своей семьи до того пункта,

где его труд не доставляет уже никакой прибавочной стоимости и, может быть, даже полной заработной платы, ибо его, в отличие от капиталиста, не связывает необходимость получать добавочный доход, превышающий заработную плату».

Таким образом единственный довод этого преимущества—это то, что в смысле работы на истощение, на почти бесполезную растрату своего труда мелкий хозяин имеет «преимущества» даже перед эксплоатируемым наемным сельским рабочим,—он может производить все это в большем масштабе в отношении себя и членов своей семьи, чем это может позволить в отношении себя сельский рабочий со стороны капиталиста.

Но неужели тов. Варга не видит всей бессмыслицы построения своей теории «преимущества» мелкого предприятия перед крупным на такой базе? Не понимает, что при таком «преимуществе», при «прочих равных условиях», мелкий производитель просто физически будет вымирать или бежать в город от этого «преимущества», что мы в действительности и видим.

А кроме всего прочего, ведь тов. Варга на этой основе также победоносно мог бы доказать преимущества ремесленного и кустарного предприятия перед фабричным и заводским.

Поэтому вниманию тов. Варги мы предлагаем следующий вывод тов. Ленина: «По отношению ко всем и всяким сравнениям доходности крупных и мелких хозяйств в земледелии мы должны раз и навсегда признать абсолютно негодными и вульгарно апологетическими выводы (курсив мой.—*В. М.*), игнорирующие три обстоятельства: 1) как питается, как живет и как работает земледелец; 2) как содержится и как работает скот; 3) как удобряется и рационально ли эксплоатируется земля? Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качества скота, расхищением производительных сил земли, а потому всякое исследование, не принимающее всесторонне во внимание все эти обстоятельства, представляет из себя просто ряд буржуазных софизмов».

К этому, по моему мнению, тов. Варга, прибавить нечего, а каково ваше насчет этого мнение?

д) „Закон убывающего плодородия почвы“

«Закон убывающего плодородия земли»—«это и есть тот пункт,—говорит тов. Варга,—который теоретически должен быть заново переработан».

В каком же направлении перерабатывает этот вопрос сам тов. Варга? Ответ получается довольно простой: тов. Варга, не привнося ничего нового в разработку этого пресловутого «закона», устанавливаемого буржуазными и международными теоретиками с незапамятных времен, отметает критику его со стороны марксизма и ленинизма и безоговорочно признает этот пресловутый «закон».

В этом и заключается своеобразная переработка теоретического подхода к этому вопросу со стороны тов. Варги. Если бы это было принято, это действительно означало бы довольно основательную переработку наших отношений к этому «закону», по поводу которого, по словам тов. Ленина, кричат только «представители буржуазной науки». Направление, в каком предлагает нам тов. Варга перерешить наше отношение к этому «закону»,—это признание его, но это признание влечет и дальнейшую «переработку» некоторых вопросов.

Так, тов. Варга очень смело утверждает, что «если отрицать факт убывающего плодородия земли, то вместе с этим становится непрочной и теория земельной ренты Маркса и теснейшим образом с ней связанная теория образования цен на продукты сельского хозяйства».

Таким образом, тов. Варга хочет ни больше ни меньше, как подпереть «непрочную» теорию земельной ренты Маркса и теорию цен «законом убывающего плодородия земли». Маркс, повидимому, и не подозревал, насколько «непрочна» была его теория земельной ренты, не подпертая этим «законом», да и для марксизма это открытие тов. Варги является, несомненно, новостью. Но вот только одно замечание,—неужели же тов. Варга не видит, что одним единственным этим замечанием он наносит себе непоправимый удар как марксисту? Неужели он не понимает, что, подводя этот «закон» в качестве фундамента под теорию земельной ренты Маркса, он в действительности коренным образом меняет ее сущность, извращает все ее содержание?

Так называемый «закон убывающего плодородия почвы» заключается в том, что каждое последующее вложение труда и капитала в землю приносит не соответствующее, а убывающее, уменьшающееся количество продуктов. Но если так говорят сторонники этого закона, то абсолютная и диференциальная рента образуется именно в силу этого естественного закона, закона природы, а не общественных отношений.

На этой точке зрения стоит также и тов. Варга, утверждая, что «факт убывающего плодородия земли образует основу как абсолютной, так и диференциальной ренты».

Из этого, между прочим, следует, что вся сущность этого «закона» заключается не в его техническом значении, а в социальном, или,

точнее говоря, особое значение этого закона заключается в том, что он призван извратить социальное объяснение ренты. Если бы вопрос стоял технически, то весь «закон» выразился бы в том весьма элементарном смысле, что всякий основной капитал, а следовательно, и земля, при условии неизменяющейся техники, имеет определенные границы для своего использования. Но в таком случае этот «закон» терял бы свое значение, как основа для образования ренты. Это первый вывод. Но, больше того, в самом этом «законе» имеется противоречие, так как добавочное вложение труда и капитала в землю предполагает изменение способов производства, т. е. именно того условия, неизменность которого составляет основу этого закона. Эту сторону особенно подчеркивает тов. Ленин, указывая в своей критике Булгакова, теория которого по данному вопросу вполне совпадает с выводами тов. Варги: «В самом деле,—говорит тов. Ленин,—к чему сводится «очевидность» пресловутого «закона убывающего плодородия почвы»? К тому, что если бы последующие приложения труда и капитала к земле давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачем было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлеба можно бы было производить на прежнем количестве земли, как бы мало это количество ни было, тогда «земледелие» всего земного шара можно было бы уместить на одной десятине». Таков обычный (и е д и н с т в е н н ы й) довод в пользу «универсального» закона. И самое небольшое размышление покажет всякому, что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное—уровень техники, состояние производительных сил. В сущности ведь самое понятие «добавочные (или последовательные) вложения труда и капитала» предполагает изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо изобрести новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозку продуктов и прочее и прочее». И тов. Ленин заключает: «итак, «закон убывающего плодородия почвы» вовсе неприменим к тому случаю, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются, он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными вечными и естественными законами». Из этого категорически вполне ясного определенного мнения тов. Ленина об этом законе тов. Варга старается сделать

до крайности, чтобы не сказать больше, странный вывод, утверждая ни больше, ни меньше, что тов. Ленин признал факт убывающего плодородия земли при непрогрессирующей технике. Каково это «признание», это мы только что видели. Объясняется это прежде всего тем, что, взяв цитаты из IX тома тов. Ленина, тов. Варга взял их неправильно, не договаривая того, что говорит тов. Ленин, вырвал только отдельные фразы. Для доказательства этого достаточно сопоставить то, что цитирует тов. Варга, и то, что говорит на самом деле тов. Ленин, чтобы это стало ясно для всякого. Тов. Варга говорит: «Поскольку мне известны соответствующие труды тов. Ленина, он говорит таким образом: «Если техника останется неизменной, новые вклады капитала в сельское хозяйство возможны лишь в крайне незначительных размерах» (Ленин, т. IX, стр. 55). Ничего подобного на стр. 55 и других тов. Ленин не говорит (*В. М.*). «Конечно, в сравнительно небольших размерах «добавочное вложение труда и капитала» может происходить (и происходит) на базисе данного неизменного уровня техники: в этом случае применим до некоторой степени и «закон убывающего плодородия почвы». Применим в том смысле, что неизменное состояние техники ставит очень узкие, сравнительно, пределы добавочным вложениям труда и капитала. «При этой предпосылке,—продолжает тов. Варга разъяснение позиции тов. Ленина,—так называемый «закон убывающего плодородия земли» имеет условное применение. Но он «вовсе неприменим к тем случаям, когда техника прогрессирует» (там же). «Сокращение количества занятых в сельском хозяйстве рабочих при определенном росте производства показывает, что закон убывающего плодородия совершенно парализован «временной» тенденцией технического прогресса». На этом основании тов. Варга победоносно меня спрашивает: «Что же это означает, дорогой тов. Милютин? А это означает, вполне ясно и определенно, что тов. Ленин признал факт убывающего плодородия земли при «непрогрессирующей технике», так как если тенденция к убыванию плодородия земли парализовалось «временным» усовершенствованием техники, то отсюда ясно, что без этого усовершенствования техники эта тенденция осталась бы в полной силе, но большего я никогда не утверждал». Вопервых, вы, тов. Варга, утверждали и утверждаете гораздо больше, а именно, что «закон убывающего плодородия земли» является основанием абсолютной и диференциальной ренты, а следовательно, он не парализован, а как раз наоборот. А вовторых, вы в корне извращаете мысли Ленина. Вы говорите обратное тому, что, по вашим же словам, утверждает тов. Ленин. А втретьих, из этой же вашей

цитаты следует, что вы плохо читали цитируемую вами работу тов. Ленина и еще хуже ее цитируете, так как на 55 странице IX тома Ленина первой вашей цитаты совершенно не имеется. Вы, повидимому, как можно догадаться, сделали вольный перевод с немецкого и перевод также неправильный, а кроме того, вы сделали выводы, не вытекающие из положений, даваемых тов. Лениным. Извиняюсь перед читателями, но для восстановления точного отношения тов. Ленина к этому, несомненно, важному теоретическому вопросу мы вынуждены сделать значительную цитату из указанного тов. Варгой IX тома Собр. сочинений Ленина для восстановления истины.

После того, как тов. Ленин заявил, что этот «закон» представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, он, как мы видели выше, говорит: «В сущности ведь само понятие добавочное (или последовательное) вложение труда и капитала предполагает изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо изобрести повые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продуктов и прочее и прочее. Конечно, сравнительно в небольших размерах, «добавочные вложения труда и капитала» могут происходить (и происходят) и на базисе данного неизменного уровня техники: в этом случае применим до некоторой степени и «закон убывающего плодородия почвы», применим в том смысле, что неизменное состояние техники ставит очень узкие, сравнительно, пределы добавочным вложениям труда и капитала».

(Слушайте, дальше, тов. Варга!)

Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон»,—настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи.

«Возьмем за данное: трехполье посева традиционных зерновых хлебов, навозное скотоводство, отсутствие улучшения лугов и усовершенствованных орудий. Очевидно, что, при условии неизменности этих данных, пределы добавочного вложения труда и капитала в землю крайне узки. Но и в тех узких пределах, в которых все-таки добавочное вложение труда и капитала возможно, отнюдь не всегда и не безусловно будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения».

(Читайте, читайте, тов. Варга!)

«Возьмем промышленность. Представим себе мукомольное или железопеределочное производство в эпоху, предшествовавшую всемирной торговле и изобретению паровых машин. При этом состоянии техники

пределы добавочного вложения труда и капитала в ручные кузницы, ветряные и водяные мельницы были крайне узки; неизбежно должно было наблюдаться громадное распространение мелких кузниц и мельниц, пока радикальное преобразование способов производства не создало базиса для новых форм промышленности».

Дальше у тов. Ленина следует та нелестная характеристика «закона убывающего плодородия земли», о котором кричат только представители буржуазной науки.

Вот все, что сказано на стр. 55. И в этом же духе, мы смеем уверить тов. Варгу, развита вся предыдущая и вся последующая аргументация тов. Ленина против этого пресловутого закона.

Таким образом, вопервых, на стр. 55 нигде нет первой цитаты, употребленной тов. Варгой. Вовторых, тов. Ленин решительно и определенно во всех отношениях отвергает этот закон, что ясно для всякого. Даже относительно того пункта, на который ссылается тов. Варга, Ленин говорит, что «относительность» этого «закона» такова, что не только ни о каком «законе», но даже ни о какой «кардинальной особенности земледелия» в этом случае не может быть и речи.

Как мог сделать тов. Варга обратный вывод,—для нас остается непонятным с точки зрения самой элементарной логики, причем тов. Варга старается мне разъяснить отношение тов. Ленина к этому закону совершенно неестественным, я бы даже сказал сверхъестественным, образом. «Разрешите вам это сказать, дорогой тов. Милютин,—провозглашает тов. Варга,—тов. Ленин боролся не против самого «закона убывающего плодородия земли», но против соединения с мальтузианством»... Откуда сие? Каким образом узнал это тов. Варга, какое наитие должно было сойти на него, чтобы он провидел в определенно-ясном саркастическом отрицании этого закона тов. Лениным то, что тов. Ленин боролся не против самого закона, но против соединения последнего с мальтузианством? Это остается тайной тов. Варги, но из всего того, что мы видели выше, мы знаем, что тов. Ленин стоял как раз на противоположной позиции, чем то старается приписать ему тов. Варга, не говоря уже о позиции самого тов. Варги.

Из всего вышесказанного вытекает с полной очевидностью—почему «закон убывающего плодородия земли» не может быть основой ренты. Варга утверждает, что если бы не было этого закона, то «никогда не могла бы существовать земельная рента». Остановимся на этом положении.

Маркс, разбирая вопрос о ренте, дает следующие ясные и точные определения ренты.

«Рента,—говорит он,—создается общественными отношениями, при которых происходит обработка земли. Она не может вытекать из более или менее прочной и постоянной природы земли. Творцом ренты является общество, а не почва» («Нищета философии», стр. 132).

Вот чего не понял тов. Варга: что творцом ренты является общество, а не почва.

У тов. Варги, как и у буржуазных экономистов, центр тяжести перенесен в область почвы, а общественные отношения, проявляющиеся в ренте, тем самым затушеваны. Для нас понятна такая позиция наших классовых противников, но непонятна позиция тов. Варги.

Несколько выше Маркс говорит: «Рента не может служить постоянным мерилом производительности данного участка земли, так как приложение химии в наше время может каждую минуту изменить качества почвы... Наконец, плодородие—не столь уж природное качество почвы, как можно было бы думать, оно стоит в тесной связи с современными общественными отношениями. Данный участок земли может быть весьма плодороден при культуре хлеба, но рыночная цена может заставить его владельца превратить его в искусственное пастбище и сделать его таким образом бесплодным» (там же, стр. 129).

Вот постановка вопроса, даваемая Марксом. Ясно, что в этой постановке проблема ренты решается в той же плоскости, как и проблема цены и стоимости.

Тов. Варга старается все это перевернуть. Рента у него имеет по существу внеэкономическое происхождение. Тов. Варга приводит еще один «убедительный довод», он апеллирует к «учебникам», по которым учатся немецкие студенты. «Учебники чисто практического характера, цель которых обучать студентов исключительно тому, как можно с точки зрения чисто частнохозяйственного интереса добиться наибольшей прибыли из вложенного в сельскохозяйственное предприятие капитала. Вы увидите, что весь учебник базируется на том, что рентабельность нововложенных капиталов уменьшается после того, как высшая, лучшая точка уже достигнута, другими словами, базируется на факте убывающего плодородия земли».

Плохо ваше дело, тов. Варга, если в этом вопросе вы ссылаетесь на авторитет учебников буржуазной немецкой школы. Мы не сомневаемся в правильности вашего утверждения, но... ведь так же несомненно, что вопросы заработной платы, прибыли, образования цен и т. д., и т. д., трактуются в этих учебниках также не в марксистском духе, а в духе буржуазной экономической теории. Что же это доказывает?

Это доказывает только одно, что действительно в этой области вы обеими ногами стоите на почве—в этом случае на почве убывающего плодородия—буржуазной науки.

е) Заключение

Ошибки и неправильные построения тов. Варги в области аграрного вопроса, носящие,—как это мы видели из всего предыдущего,—явно выраженный ревизионистский характер, своей основой имеют ошибочную немарксистскую позицию тов. Варги в более общей области, в области методологии.

Осветив этот вопрос, мы поймем, каким образом тов. Варга мог притти к ревизионистской теории и в аграрном вопросе.

Как известно, основным положением марксизма в области объяснения исторического развития является признание, определяющее роль экономики в общественном развитии, и установление закономерной зависимости между экономикой и политикой, экономикой и идеологией.

Наши методы анализа любого исторического момента, точно так же как и методы построения нашей тактики и политики, вытекают из этого общего закона исторического развития.

И именно благодаря этому нашей тактике и политике чуждо политиканство, характерное для мелкобуржуазных партий, не могущих и не умеющих разобраться во всей сложности исторического развития и руководящихся только политикой данного момента и не умеющих связать внешнюю сторону событий с законами развития общества.

Именно эту ошибку делает тов. Варга, не умея связать нашу тактику и политику с нашим взглядом на закономерность общественного развития. Тов. Варгу, несомненно, сбили с толку наша тактика и политика в деревне.

Те маневры, какие делала и какие делает наша партия, заслонили перед ним существо дела и ту основу, на которой производятся эти маневры, и те цели и задачи, для которых они производятся. Но произойти это могло лишь благодаря тому, что тов. Варга совершенно не применил общих методов марксизма и ленинизма к пониманию общественного развития.

Тов. Варга утверждает, что:

«Идея подчинения экономических интересов, при любом положении дел, интересам политическим должна быть руководящей для политики всех коммунистических партий».

Нужно ли указывать на неправильность этого утверждения? Подчинение экономики политике,—это вывороченный наизнанку марксизм.

Для нас, согласно выражению тов. Ленина, вся политика есть лишь концентрированная экономика, а тов. Варга делает наоборот и рекомендует подчинение экономических интересов политическим.

Правда, в своем ответе мне тов. Варга называет это «недоразумением», он говорит, что это положение «никоим образом не мыслилось как общая аксиома, но исключительно, как руководящая линия в отношении этого узко очерченного вопроса, а именно: должны ли мы в интересах пролетарской революции решиться на тот экономический ущерб, который влечет за сообй раздел крупных сельскохозяйственных предприятий». И тов. Варга дальше еще поясняет: «перед цитированной фразой находится длинная цитата из тезисов Второго конгресса по земельному вопросу, и там подчеркнуто: для успеха революции пролетарий не должен останавливаться даже перед временным сокращением производства». Непосредственно за этим следует: «пример России и Венгрии это в достаточной степени доказывает. Революционный раздел земли в России привлек крестьянство на сторону пролетариата. В Венгрии, где во время диктатуры не был предпринят революционный раздел земли, широкие слои крестьянства отнеслись к диктатуре пролетариата пассивно, отчасти враждебно».

Дальше, говорит тов. Варга, «ясно, что цитированная тов. Милютиным фраза касается исключительно данного конкретного вопроса и поэтому вполне верна; тов. Милютин приходит в своей статье к тем же выводам. Мне трудно понять, каким образом он впал в такую ошибку и сделал самостоятельным то, что взято не в связи с целым». Тов. Варга опять неправильно трактует вопрос, даже если принять во внимание его объяснение, что это положение мыслилось им не как «общая аксиома», а относится лишь к данному частному случаю, то есть к возможному разделу земли крупных землевладельцев между крестьянами во время революционного переворота. Допустим, что это так. Хотя в книжке тов. Варги, как всякому ясно, обстоит наоборот. И именно из указанного положения он делает практический вывод относительно тактики пролетариата и лишь в виде примеров приводит факты из опыта России и Венгрии. Но—допустим!

Но даже приняв объяснения тов. Варги, мы видим, что он совершенно неправильно объясняет нашу октябрьскую тактику с разделом земли, видя в ней лишь политический маневр, которому были подчинены экономические интересы (кого и чего?). Если бы принять объяснение тов. Варги, то можно было бы заключить,

что экономические интересы были против раздела земли, но так как политически раздел требовался, то экономика была подчинена политике, и этим определяется ход развития.

Совершеннейшее извращение и полное непонимание нашей октябрьской тактики и наших взглядов на развитие; именно это непонимание и определило то, что для объяснения раздела земли тов. Варге пришлось перевернуть и теорию исторического материализма.

Революция в деревне у нас имела два этапа. Первый—ликвидация помещичьего строя. Ясно, что эта ликвидация должна была носить не только политический, но и экономический характер. Эта ликвидация означала также и ликвидацию крупного, помещичьего землевладения.

Эта ликвидация началась стихийно еще до Октябрьского переворота. Крестьяне изгоняли помещиков, а иногда обращались с ними и менее деликатно, и захватывали помещичью землю и инвентарь.

Значения этого движения не поняли мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, бывшие в то время у власти. И во имя буржуазного порядка боролись против этого движения. Это сопротивление Временного правительства законнейшим требованиям крестьянства тов. Ленин назвал «преступлением». Эсеры и меньшевики не поняли, что свержение помещичьего строя означало не только свержение политической власти помещиков, но и экономической. Большевики это поняли. Была ли здесь экономика принесена в жертву политике? Отнюдь нет! Падение крупного помещичьего землевладения означало экономический шаг вперед. Помещичий строй экономически сковывал развитие производительных сил деревни. Падение его означало высвобождение производительных сил деревни и создавало условия, необходимые для дальнейшего экономического развития. Оно было в экономических интересах всей крестьянской массы. Вся крестьянская масса шла в этом деле вместе с пролетариатом.

Затем второй этап,—когда пролетариат, свергая капитализм, идет вместе с беднейшим крестьянством и полупролетариатом в деревне, идет против кулаков, против деревенской буржуазии. Уничтожение крупного землевладения, раздел земли,—«уравнительная» тенденция стала в условиях этого переворота неизбежной. Но она была и в интересах экономического развития неизбежной. И тут экономика классовой борьбы в деревне диктовала политику. И первый и второй этапы у нас почти слились в революции в один мощный процесс свержения буржуазного строя. Однако свержение буржуазного строя отнюдь для нас не означало, как это мы видели выше, признания преимуществ мелкого хозяйства. Как раз наоборот—свержение открыло величайшие возможности

для развития именно крупного хозяйства в земледелии. Именно теперь во всю высоту встали вопросы машинизации сельского хозяйства, поднятие его на более высокую ступень в смысле техники и культуры. Укрепление земледельческих единиц—серьезнейшая задача, которую мы стараемся разрешить кооперацией, коллективными хозяйствами. В руках советского правительства имеется 23 тысячи совхозов и около 30 тысяч коллективных хозяйств, являющихся также серьезными опорными пунктами. Таким образом, полагать, что во время переворота, отбирая и деля помещичью землю среди крестьян, мы действовали вопреки экономике, «подчинив» ее политике,—это значит ничего не понять ни в нашей политике, ни в нашей экономике. Но еще более странным является это положение тов. Варги, если мы примем во внимание то крайне существенное обстоятельство, что в разных странах, в зависимости от реального соотношения классовых сил, нам придется строить нашу тактику в деревне, и в ряде случаев, при наличности многочисленного организованного с.-х. пролетариата и высокой с.-х. техники, нам не придется прибегать к дележу крупных сельских хозяйств.

Что из всего этого следует? Следует только одно: для доказательства того, что, свергая помещичий и буржуазный строй, мы его свергаем не только политически, но и экономически, что в деревне, при наличии подавляющей массы крестьянства, это означает и ликвидацию значительной части крупных помещичьих хозяйств,—для этого незачем становиться на мелкобуржуазную точку зрения, восхвалять преимущества мелких предприятий и приоритет политики перед экономикой.

И еще в заключение один пример, характеризующий методы тов. Варги, с которыми тов. Варга подходит к современной экономике. «Размеры урожая с земли,—говорит тов. Варга,—зависят не от размера предприятий, а от культуры сельскохозяйственного населения»... Что можно сказать по поводу этого утверждения? Только руками развести. Ведь этак можно доказать всю ненужность борьбы за землю.

Зачем тебе земля, учись и только,—вот что говорит тов. Варга этими словами крестьянину.

Не говоря о полной его, мягко выражаясь, неправильности с точки зрения с.-х. техники, такое утверждение—прямо антиреволюционно. А тов. Варга разрабатывает таблицу, доказывающую вышеприведенную премудрую мысль, не подозревая, что и тут он поставил процесс в обратном порядке. И это он сделал с наилучшим намерением. «Мы так подробно,—говорит он,—остановились на этом вопросе, так как констатирование зависимости урожайности от культуры сельскохозяйственного населения может наилучшим образом устранить питаемые

многими коммунистами опасения перед разделом крупных имений». Вот уж поистине странные методы убеждения!

Таким образом мы видим, что в области методологии тов. Варга стоит не на марксистской и не на ленинской позиции. Здесь его первородный грех. Тут кроется основная причина его ревизионистских взглядов.

Наша практика неразрывно связана с нашей теорией. С помощью последней мы освещаем путь, по которому идем, предвидим перспективы развития, устанавливаем его закономерность. Поэтому так опасны и вредны те ревизионистские уклоны, которые дают неправильное и неверное освещение нашей тактики и наших практических действий.

Именно к таким направлениям принадлежит ревизионизм тов. Варги в аграрном вопросе.

II. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА С 1917 ПО 1921 г.

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ [1]

Уже перед Октябрем крестьянское движение получило необыкновенно широкий, массовый, стихийный размах. Не было буквально ни одной губернии, откуда не поступали бы сведения о захвате крестьянами земли, о разгроме помещичьих усадеб. Газеты были переполнены известиями, в которых сообщалось, что крестьянские массы захватывают земли помещиков. Немедленный захват земли—такой был лозунг, не только выброшенный большевиками с целью ликвидации помещичьего строя, но и крестьянскими массами, которые осуществляли свое вековое стремление и мечту о земле. Временное правительство бездействовало. Чернов, Керенский и компания уговаривали крестьян подождать до Учредительного собрания. Эти уговоры имели такое же значение, как если бы они были обращены к разбушевавшемуся морю, чтобы оно успокоилось и улеглось в свои берега. Крестьянская масса грозно поднялась, и никакие уговоры подействовать не могли.

В комиссиях Временного правительства решались вопросы о том, как примирить споры между крестьянами и помещиками, вопросы об аренде, вопросы о мелкой земельной единице, в то время как миллионные массы крестьян бурным порывом захватывали помещичьи земли и ликвидировали помещичий строй в деревне.

Октябрьский переворот оформливал, в сущности говоря, то дело, которое делали многомиллионные крестьянские массы. В знаменитую ночь переворота, когда в первом этаже Смольного в небольшой комнатке составлялся список первого Совета Народных Комиссаров, в эту же ночь вырабатывался и первый основной декрет о земле [2].

---

[1] «Сельскохозяйственная Жизнь», газета Наркомзема и ЦК Всеработземлеса, 1916—1922 гг., № 7, 22 ноября.

[2] Я вошел в первый Совет Народных Комиссаров в качестве народного комиссара земледелия. Первый проект декрета о земле был набросан мной и тов. Ларины м, но окончательная формулировка и написание проекта декрета о земле принадлежит тов. Ленину.

В эту историческую ночь, когда открылось заседание Всероссийского съезда советов, Зимний еще не был взят, слышался отдаленный грохот пушек. Открыл заседание меньшевик Дан, но большинство съезда было определенно наше. Это сразу же сказалось при выборах президиума. Картина была полная символизма, когда с эстрады спускался старый меньшевистский и эсеровский президиум и соглашательские партии сходили со сцены—и с исторической, и с деревянной сцены залы Смольного спускались вниз Дан, Церетели, Чхеидзе, а с другого конца на сцену поднимались тт. Ленин, Каменев, Сталин и другие. Тов. Каменев был председателем в этом историческом заседании съезда советов.

В своем выступлении тов. Ленин дал яркое обоснование нашей политики по отношению к крестьянским массам.

«Правительство Рабоче-крестьянской революции,—говорил тов. Ленин,—в первую голову должно решить вопрос о земле,—вопрос, который может успокоить, удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты... Здесь раздаются голоса, что самый декрет и наказ составлены эсерами. Пусть так. Не все ли равно, кем они составлены. Но как демократическое правительство, мы не можем обойти постановления народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашей, в духе ли эсеровской программы. Не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне нет. Пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

И первые пункты исторического первого декрета о земле говорят, что помещичья собственность на землю отменяется немедленно, без всякого выкупа, и помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение уездного земельного комитета и уездного совета крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания.

Таким образом в первом же своем законодательном акте советское правительство утвердило право крестьян на землю. Мы не можем сообщить статистические сведения о крестьянском движении в эти бурные дни. Вообще революционные перевороты трудно укладываются в цифровые данные. Первая забота наша была—прежде всего связаться с местами. Главная деятельность в эти дни заключалась в том, что рассылались различного рода эмиссары на места.

3 ноября было издано положение о волостных земельных комитетах, на которые возлагалась обязанность «скорейшей и окончательной ликвидации всех пережитков крепостного права», «учет земли». Они же определяют площадь пахотной земли, подлежащей обработке, отводят селам и деревням определенные пахотные участки и т. п. Впоследствии земельные комитеты были превращены просто в отделы советов.

Весь период с 1917 по 1918 г. был заполнен осуществлением укрепления новых органов, с помощью которых возможно было бы регулировать сельское хозяйство и связать центр с местами.

Второстепенную, сравнительно, задачу составляло овладение центральным аппаратом министерства земледелия, где оказывалось сопротивление, выражавшееся в саботаже, в забастовках, в отказе от работы и т. д. Но это было несерьезное чиновничье сопротивление. Как только исчерпывались средства, на которые существовали эти люди, так они один за другим сдавали позиции и переходили на службу к советской власти. Хотя это отнюдь не означало еще, что они добросовестно соглашались работать, и, в сущности говоря, до сих пор мы встречаем недобросовестность среди некоторой части технического персонала, хотя за это время успел создаться уже кадр новых работников, которые за совесть работают в условиях нового экономического строя.

В первые дни Народного комиссариата земледелия централизованного аппарата не существовало. Все сношения и вся работа велись в Смольном. Дело ликвидации помещичьего строя осуществляли крестьянские массы, органы на местах, и они являлись тем настоящим аппаратом Народного комиссариата земледелия, который нужно было регулировать. В этом отношении посылка товарищей на места и совещания давали возможность проводить регулировку этого движения. Но в этот именно период перешла к крестьянам земля, и в этот именно период заложены те основы организации деревни, которые в дальнейшем, путем частичных изменений и улучшений, пришли к настоящей их организации.

Это был период захватывающего ощущения мощного движения многомиллионных масс...

---

2. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ [1]

В буржуазном, капиталистическом обществе между городской промышленностью и сельским хозяйством проведена была резкая грань, велась постоянная борьба и конкуренция. Этот раздел углубляли еще

---

[1] Из «Вестника Народн. комиссар. землед.», № 1, 1919 г.

сильнее господствующие классы: в земледелии—помещики, в промышленности—фабриканты и заводчики.

Такое деление вполне понятно в капиталистическом строе, основанном на бешеной погоне за прибылью, конкуренции, спекуляции и стремлении к захвату рынка.

В капиталистическом строе не может быть речи о едином плане ведения народного хозяйства, ибо оно разделено между отдельными капиталистами или группами капиталистов, ведущими между собой борьбу.

Объединенные и связанные между собой, поскольку они эксплоатируют рабочий класс в городе и сельскохозяйственных рабочих и крестьян в деревне,—в области производства и обмена эти капиталистические группы непримиримы.

Таким образом, разделение между городом и деревней вполне объяснимо и понятно в капиталистическом строе.

Но некоторые буржуазные и мелкобуржуазные теоретики старались представить это деление вытекающим из самой экономической сущности сельского хозяйства и городской промышленности.

Это несомненно заблуждение. С таким же правом можно было бы говорить о разделении кожевенной и металлургической промышленности или химической и лесной и т. п. Разнообразие форм не исключает единства производственного процесса.

В настоящее время единство организации народного хозяйства является необходимостью и диктуется не только добрыми стремлениями и желаниями тех или иных руководителей, но и необходимостью, с точки зрения экономического развития, производства, распределения и потребления.

Сельское хозяйство не может и не должно жить самостоятельно от промышленности, но должно быть включено в общую систему организации народного хозяйства.

Сельское хозяйство приэтом остается, конечно, «сельским хозяйством», с его особыми условиями труда и техники, но общее его развитие направляется в ту же сторону, что и промышленность.

Широко проведенная национализация промышленности, которая выразилась у нас в том, что полностью были национализированы горная, резиновая, нефтяная, металлургическая и другие отрасли промышленности, и организация на 1 125 предприятиях наших советских заводоуправлений, с преобладанием представителей рабочих, сделали необходимым вместе с тем взять круто курс на создание крупного производства и организацию государственных трестов.

В металлургической, химической и текстильной промышленности уже созданы крупнейшие тресты, каковых раньше не было, отдельные, разобщенные предприятия сливаются в единый организм, управляемый общим органом.

От органов регулирования, от различного рода «главков» и «центров», которые занимались выработкой планов, финансированием данной отрасли промышленности, вопросами снабжения и т. д., мы сделали дальнейший шаг в сторону создания государственных органов, непосредственно управляющих крупнейшими объединенными предприятиями.

Этот процесс трестирования и объединения, дающий нам громадные преимущества в области управления промышленностью, будет проводиться и дальше, как это вполне ясно определено Вторым всероссийским съездом советов народного хозяйства.

Благодаря этому мы уже можем более планомерно поставить дело снабжения предприятий сырьем и топливом, финансирования и т. п.

В области промышленности мы, опираясь на наши источники сырья и запасы, должны вести дальше дело организации промышленности в смысле ее объединения и слияния, создания государственных трестов и централизации управления. В сельском хозяйстве этот процесс объединения проходит несравненно медленнее и труднее.

I

Немало копий было поломано в свое время по вопросу о преимуществе мелкого или крупного земледелия, о направлении и характере процесса сельскохозяйственного развития, об отличии его от развития промышленности.

Целая народническая школа у нас в России, начиная с покойного В. В. и кончая нынешними теоретиками вроде Виктора Чернова (также если не физически, то духовно покойного), а на западе ярых ревизионистов Фольмара, Давида и других, доказывала несомненные преимущества мелкого «трудового» крестьянского хозяйства над крупным.

(Давид решительно заявлял: «Мы без колебаний выставляем одной из первых насущных задач превращение крупных сельскохозяйственных производств в мелкокрестьянские».)

Марксизм доказывал всегда, что за многообразием форм народного хозяйства кроется единый процесс развития производительных сил, неизбежно приводящий к победе крупного производства как в области промышленности, так и в области земледелия.

И вот в настоящее время является необходимым ясно представить направление нашей экономической политики и конкретных форм ее осуществления.

Само собой разумеется, что признание преимуществ крупного производства в сельском хозяйстве, неизбежности его победы, отнюдь, конечно, не было связано с признанием крупного собственника и необходимости его существования.

Больше того: существование помещика сплошь и рядом препятствовало развитию крупного производства в земледелии, и если крупное производство побеждало, то, можно сказать, зачастую против и независимо от воли феодала-помещика.

Уничтожение помещичьего землевладения в деревне, как и частного предпринимательского, капиталистического владения в городе, отнюдь не связано с признанием мелкого производства и падением крупного: как раз наоборот. Нужна вся близорукость буржуазного теоретика, чтобы не понимать этого. И когда, например, г. Кауфман в своей книге («Аграрный вопрос в России», изд. 1919 г., стр. 194) говорит, что Н. Ленин «теперь, в качестве главы «рабоче-крестьянского правительства» проводит земельную программу, идущую решительно вразрез со всеми принципами марксизма и со всеми взглядами его на нормальный (а вместе с тем и реальный) ход социально-экономической эволюции»... и что «в области сельскохозяйственных отношений, как и в области индустрии, эта эволюция рисуется как неудержимое, победоносное шествие капитализма, сопровождаемое в среде самого крестьянства быстро прогрессирующей дифференциацией, выделением в одну сторону верхнего, капиталистического слоя землевладельцев и фермеров, а в другую—нижнего слоя сельского пролетариата»... то он просто не понимает исторического процесса и изменившихся в корне социальных отношений. Раз капиталистический строй пал, раз власть в руках пролетариата, то, разрушая помещичье и капиталистическое хозяйство, мы строим социалистическое и не только не отказываемся от развития и укрепления крупного производства во всех отраслях нашего народного хозяйства, но, наоборот, видим в этом основу нашей экономической политики как в городе, так и в деревне.

Методы и формы у нас, конечно, отличаются от тех методов и форм, с помощью которых совершалось развитие крупного производства в предшествующую эпоху, но суть дела не меняется.

Обращаясь к нашему опыту, мы видим правильность сказанного.

Декретом от 26 октября 1917 г. «помещичья собственность на землю» была отменена. «Помещичьи имения... перешли в ведение волостных земельных комитетов».

Потребность в земле крестьянства, стремление народных масс сбросить как можно скорей помещичий строй были настолько сильны и

велики, что декрет от 26 октября получил необычайно быстрое, повсеместное осуществление.

Втечение буквально недель деревня ликвидировала помещичье землевладение и хозяйство.

Это означало, что не только было уничтожено непосредственное право помещиков на землю, но в корне изменились и самые способы ведения хозяйства, поскольку они вытекали из права помещиков на землю. Эксплоатация труда с.-х. рабочих, арендные отношения, хлеботорговля крупного собственника,—все это рушилось и отошло в прошлое.

С уничтожением помещичьего землевладения осталось исключительно мелкое и среднее крестьянское хозяйство. Нужно признать, что в производственном отношении оно вполне справилось с вставшими перед ним задачами: урожай 1918 года вышел лучше, чем в 1917 г., посевная площадь увеличилась.

Однако основная экономическая тенденция немедленно проявилась в жизни созданием новых форм крупного производства в сельском хозяйстве, основными из которых являются две: с.-х. коммуны, т-ва, артели и советские хозяйства.

И тот и другой тип сельского хозяйства обнаруживает лишь неизбежность и необходимость развития крупного земледелия, с широким применением технических сил и средств, дающих возможность поднять и повысить производство.

Мы не можем привести исчерпывающих цифровых данных о количестве коммун и советских хозяйств; но самый факт развития этих двух форм сельского хозяйства несомненен.

Таким образом уже в первый год были заложены основы развития крупного производства в сельском хозяйстве и вполне сознательно поставлена цель такового развития.

II

Сельскохозяйственные коммуны, т-ва и артели,—это путь объединения и слияния мелких крестьянских хозяйств, процесс, идущий снизу, ускоряемый необходимостью объединения средств производства, коллективной обработкой, финансированием и помощью государственных органов, это путь, по которому должны будут пойти миллионы крестьянских дворов,—тот путь, который в свое время предсказывала теория марксизма в отношении мелкого крестьянина.

Этот путь прогресса и развития для крестьянства открывает только власть пролетариата: «Мы хотим только сказать,—говорил, например, в свое время, когда еще не был ренегатом, Каутский,—что

один лишь пролетариат может взять на себя инициативу общественного переустройства. Когда же условия изменятся, когда крестьяне и ремесленники получат возможность перейти к крупному общественному хозяйству, когда крестьянину не будет грозить состояние пролетария, когда общественное производство будет испробовано, тогда он и сам убедится, что его частная собственность является лишь препятствием для перехода к более высокому производству, препятствием, от которого крестьянин легко откажется».

Сельскохозяйственная коммуна имеет (при ее правильной организации) все преимущества крупного хозяйства.

Второй тип организации крупного с.-х. производства—советские хозяйства—является результатом непосредственного вмешательства города в сельскохозяйственное производство.

Советские хозяйства является возможным поставить на широкую ногу в смысле техники, размеров, культуры. Они должны стать примерными хозяйствами. Рабочая масса, непосредственно в них заинтересованная, должна принять самое близкое участие в управлении ими и снабжении необходимыми с.-х. машинами, инвентарем, устройством и использованием их для самых разнообразных целей (детских колоний, санаторий и т. п.).

Со всяким крупным сельским хозяйством связан ряд предприятий, носящих по существу промышленный характер (винокурение, сахарное производство, сыроварение и тому подобное); благодаря этому устанавливается новая прочная связь сельского хозяйства с городской промышленностью, которая с течением времени усиливается и увеличивается.

Целый ряд отраслей обрабатывающей промышленности может быть передвинут к источникам сырья, в деревню, слит с сельским хозяйством.

Таким образом, процесс развития крупного производства в деревне делает неизбежной органическую тесную связь города с деревней, управления сельским хозяйством и городской промышленностью.

Если мелкое крестьянское хозяйство в смысле производства может жить, будучи «замкнутым» (хотя и это при настоящих условиях снабжения сельско-хозяйственным инвентарем становится маловозможным), то крупное только и может существовать как часть единого советского хозяйства, будучи органически связанным с промышленностью.

Эту связь мы должны расширить и увеличить. В этом заключается громадное отличие нашей экономической политики в отношении возрождающегося крупного сельскохозяйственного производства, органи-

зуемого на социалистических началах, от предыдущей помещичьей эпохи.

Там и государственная власть и господствующие классы вели политику раздела города от деревни, искусственно мешали процессам слияния и объединения форм производства.

Наша задача—создание единого народного хозяйства на основах развития производительных сил, развития крупного производства как в городе, так и в деревне.

Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимы объединения управления и снабжения в производственном отношении как города, так и деревни и тесная связь, взаимная заинтересованность трудящихся масс в ведении хозяйства как городского, так и сельского.

Пролетарские методы и формы управления и работы должны проводиться при организации крупного производства в сельском хозяйстве.

Представители рабочих организаций должны быть привлечены в органы, непосредственно управляющие крупным с.-х. производством, и обратно: представители сельско-хозяйственных организаций, работников коммун и советских хозяйств—в органы регулирования отраслями промышленности.

Еще в большей степени, чем производство, объединения между городом и деревней требует организация снабжения и продуктообмена. На этих вопросах мы остановимся в следующей статье.

Пока же, резюмируя все вышесказанное, мы приходим к следующим выводам.

1. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве приводит в настоящее время к созданию новых форм крупного производства в виде сельско-хозяйственных товариществ и артелей и советских хозяйств.

2. Организация крупного производства в сельском хозяйстве неразрывно связана с развитием и организацией производства в промышленности.

3. Современная организация народного хозяйства на социалистических началах требует единства плана организации и единства управления всей народнохозяйственной жизнью страны, и в первую очередь сельскохозяйственной и промышленной.

4. В интересах развития производства в сельском хозяйстве необходимо привлечение представителей рабочих организаций в органы управления сельским хозяйством.

---

3. СОЦИАЛИЗМ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

а) Введение

В социалистическом строе, даже в его начальной стадии, положительные стороны экономического развития в различных областях выступают более выпукло и реально, и поэтому легче уловить основные законы его развития.

Но тем не менее в отношении сельского хозяйства этот процесс выявления новых форм общественной жизни и ее законов протекает гораздо медленнее и труднее, чем в области промышленной, вводя многих в заблуждение.

Если в области промышленности законы экономического развития проявились в яркой форме и выводы из них благодаря этому более или менее резко выдвинулись самой жизнью, то в области сельского хозяйства мы этого далеко не можем наблюдать.

Те споры, какие все время возбуждал и возбуждает земельный вопрос, в особенности относительно того, в каком направлении идет развитие сельского хозяйства, объясняются не только теоретическими увлечениями участников их, но и объективными условиями развития сельского хозяйства, которые затрудняли познание истины.

Объясняется это прежде всего условиями всего предшествовавшего развития. В буржуазно-капиталистическом строе между городской промышленностью и сельским хозяйством проведена была резкая грань, велась постоянная борьба и конкуренция. Этот процесс углубляли еще сильнее господствующие классы: в земледелии—помещики, в промышленности—капиталисты.

Весь капиталистический строй состоит из отдельных частей, борющихся и конкурирующих между собой. В этом заключается самая отличительная его черта. Единого хозяйства, как организованного целого, сознательно регулируемого и направляемого, не было и не могло быть.

«Народное хозяйство» представлено хищными владельцами и монополистами, захватившими отдельные части народного хозяйства. В области производства и обмена, в области введения новых технических и практических улучшений господствуют борьба и конкуренция, погоня за прибылью и барышами. Эта атмосфера является необходимой для существования капиталиста.

Благоприятную почву для этого давали те особенности, и естественные и производственные, какие существуют между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

Помещики и капиталисты одинаково стремились нажиться и на крестьянине и на рабочем. В этом стремлении они были едины, но при осуществлении его они неизбежно вступали в борьбу. Аграрии объединялись и выступали против предпринимателей—и обратно. Вся история капиталистического мира наполнена эпизодами этой, зачастую очень острой, борьбы.

Социальный состав города и деревни также был резко различен. В городе с поражающей быстротой рос рабочий класс, в деревне значительную часть составляла «первобытная социальная материя»—крестьянская, мелкособственническая масса.

Экономически она порабощалась господами положения, крупными владельцами, а технический прогресс проходил, оставляя ее позади. Но как преобладающая масса она накладывала свой определенный отпечаток на всю жизнь деревни.

Наконец, естественные и технические условия хозяйственной жизни также отличны в городе и деревне. Здесь, в области производства—доминирующая роль земли в сельском хозяйстве, трудность машинизации, там, наоборот,—царство техники, самой усовершенствованной и утонченной.

Такова совокупность условий, которые уже давно поставили перед экономистами кардинальной важности, вызывающий серьезные споры, вопрос:

Одинаково или нет направление развития промышленности и сельского хозяйства?

Определив законы развития, можно было строить социалистическую практику, политику и программу.

Только социалистический переворот реально поставил проблему единого народного хозяйства, как организованной системы, сознательно управляемой.

В социалистическом строе народное хозяйство едино, но как осуществить экономическую политику в промышленности и земледелии, чтобы получить максимальный результат для блага общества, для удовлетворения его потребностей и для осуществления жизненных, неотложных задач социалистического развития,—это зависит от того, насколько верно, объективно и научно мы поймем экономическое развитие деревни.

б) Два течения в теории

Обращаясь к экономической теории, мы видим, что втечение долгого времени, вплоть до настоящего, в этой области боролись две основных точки зрения на сельское хозяйство.

Первая указывала, что основные законы экономического развития и в промышленности и в сельском хозяйстве по существу одни и те же, следствия в основном также более или менее одинаковы, и пролетариат является и в городе и в деревне руководящей и организующей силой.

В промышленности, как мы знаем, вполне ясно и определенно происходил процесс развития крупного производства, концентрации и централизации его, принявший к двадцатому веку формы монополистического капитала—необычайно развитых трестов и синдикатов.

«Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одними из наиболее характерных особенностей капитализма»,—говорит тов. Ленин.

То, что в промышленности проявилось так ярко, наблюдается также и в области сельского хозяйства, хотя и не в таких ярких, но все же аналогичных формах. Развитие производительных сил, экономических отношений, «единство» экономической жизни приводят к тому, что крупное производство и в сельском хозяйстве побеждает мелкое, усовершенствованная машина—примитивную работу, товарный обмен—натуральное хозяйство. Экономическая наука с самого начала учла этот процесс развития.

К. Каутский в своем ответе Давиду [1], разбирая работу французского экономиста Оже Ларибе, так излагает исторический путь этой теории:

«Классическая теория (политической экономии.—*В. М.*), начиная с физиократов, в общем отдавала предпочтение крупному производству, считая его выше мелкого. С середины девятнадцатого столетия начинается поворот в этом отношении. Буржуазная теория становится на сторону крестьянина (подчеркнуто мной.—*В. М.*). Июньская резня, повидимому, и в этой области послужила поворотным моментом. С того дня, как социалистическое учение провозгласило необходимость замены частной собственности коллективной, либеральные экономисты стали в противовес ему указывать на сопротивление мелкого крестьянина подобной попытке».

Утописты-социалисты—Фурье, Оуэн—были на стороне крупного производства в сельском хозяйстве, «единства» народного хозяйства, сближения города и деревни, промышленности и земледелия. Так, Фурье пишет: «Наша система ведения сельского хозяйства с ее раздробленностью, работой отдельными семьями, приводит к тому, что каждый крестьянин всеми силами противится всякому разумному мероприятию».

---

[1] См. К. Каутский, «Социал. и сел. хоз.» стр. 16.

Следует, между прочим, отметить, что Фурье в будущем строе отдавал явное предпочтение сельскому хозяйству перед городской индустрией, говоря, что «фабричная промышленность, которую современные политики ставят чрезвычайно высоко, на один уровень с сельской индустрией, при общественном порядке будет иметь лишь значение вспомогательное, дополнительных органов земледельческой индустрии, подчиненных ее интересам» (см. «Избранные сочинения» Фурье, Москва, 1919 г., стр. 71 и 76).

В середине XIX столетия Луи Блан, Кабе и некоторые другие стояли за крупное производство в сельском хозяйстве.

Марксизм в XIX и XX веках явился научным завершением тех теорий, которые рассматривали развитие в сельском хозяйстве под общим углом зрения экономического развития.

В области аграрного вопроса основными положениями марксизма были:

1. Неизбежность в сельском хозяйстве развития крупного производства, концентрации земельной собственности. Мелкое производство в сельском хозяйстве, так же как и в промышленности, может играть лишь подчиненную, зависимую от крупного капиталистического хозяйства роль.

К. Маркс говорил, что «мелкая земельная собственность по своей сущности исключает: развитие общественной производительной силы труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капитала, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное приложение науки».

К. Каутский также указывает, что «нет сомнения, что современное развитие сельского хозяйства дало в руки крупного хозяйства оружие науки и техники, которое позволяет ему, при помощи специально подготовленного персонала, удерживать в своих руках превосходство».

Таковы же основные положения и других видных теоретиков марксизма в области аграрного вопроса.

2. Вовлечение сельского хозяйства в круг товарных отношений. Развитие в деревне соответствующих производств, кредитных отношений и т. п.

«Даже хозяйство среднего крестьянина,—говорит тов. Ленин (см. «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», стр. 63),—не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян—в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне... Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет»...

Общий ход развития сельского хозяйства приводит к третьему основному положению:

3. Разложение деревни на определенные классы. Выделение с.-х. пролетариата, среднего крестьянства и сельскохозяйственной буржуазии. Развитие классовой борьбы в деревне со всеми последствиями, вытекающими из этого.

Неизбежность социального переворота, уничтожение остатков феодализма, помещичьего землевладения, создание новых форм в области сельского хозяйства и организация пролетариата и полупролетариата деревни.

Таковы основные положения, развитые в трудах марксистов, из которых выдающимися явились работы К. Каутского и В. Ильина, иначе говоря, тов. Ленина.

Развитие деревни с запозданием, идя по тому же пути, по которому идет и промышленность, приводит к тем же результатам: диктатура пролетариата в момент социальной революции является общей организующей и управляющей силой в городе и деревне.

Эта теория являлась выразителем революционного движения рабочего класса.

Она вела решительную борьбу с другим течением в социализме, которое являлось выразителем мелкобуржуазных масс, настроенных оппозиционно к капиталистическому строю, но не порывающих с его основами—собственностью на средства производства, с товарным обращением и т. п.,—колеблющихся между пролетариатом и буржуазией.

Под различными флагами эти мелкобуржуазные теории существовали в социалистическом движении также уже с давних пор и получили довольно широкое распространение именно в переходный период к социализму.

По взглядам этого второго основного течения, развитие сельского хозяйства и тех отношений, которые складывались в этой области, было совершенно отличное от развития в области промышленности. В противовес развитию в промышленности они в сельском хозяйстве в основу клали мелкое производство. Чартисты в Англии стояли за мелкое сельское хозяйство. Прудон и его последователи во Франции точно так же защищали преимущества мелкого сельского хозяйства. Но особенное влияние получило это направление в конце XIX века среди мелкобуржуазных социалистов и реформистов.

На Западе идеологом этого направления явился пресловутый Давид, ныне официально перешедший на сторону врагов рабочего класса и участвующий в подавлении коммунистического движения в Германии.

У нас, в России защитниками мелкого хозяйства являлись социалисты-революционеры и вообще народнические течения. Работы Чернова в этой области, а также Пешехонова могут считаться наиболее типичными для этих взглядов.

«Мы решительно выставляем как цель, достойную наших стремлений,—говорит Давид,—превращение сельскохозяйственных крупных предприятий в крестьянские мелкие предприятия».

«Следует отвергнуть,—продолжает он,—идею производительных кооперации сельских рабочих как пункт аграрно-политической программы для настоящего момента... В нашей программе в защиту земледельческого пролетариата необходимо поставить требование устройства мелких самостоятельных хозяйств в замену крупных предприятий»... Тут комментировать и разъяснять ничего не приходится. Перед нами намечены ясная программа и пути к сохранению и укреплению собственнических начал. Правда, охрана касается мелких собственников, но тем не менее собственнический принцип здесь положен в основу всей практической деятельности как идеал, к которому следует стремиться и которого необходимо достигнуть.

Давид обосновывал и развивал преимущества мелкого хозяйства со стороны производственной, утверждая, что мелкое хозяйство представляет собою самую благоприятную предпосылку для более рационального производства при интенсивной эксплоатации почвы.

Эти взгляды развивались и доказывались и теоретиками народничества, начиная от В. В. и кончая В. Черновым.

Что общего имели эти теории с теорией социализма и борьбой за социализм? Практика борьбы показала, что во всех без исключения странах последователи этих теорий в 1914—1918 гг., когда началась и развернулась настоящая борьба за свержение капиталистического строя и за осуществление социализма, оказались поборниками буржуазного, капиталистического строя. Конечно, и в этом, как и во многом другом, у них не хватало последовательности и твердости, и, изменяя социализму, изменяя пролетариату, они не раз и не два предавали и последовательных сторонников капитализма. Давиды, Черновы и те, кто за ними, всегда колебались справа налево и обратно.

Иного ждать и не приходится. Теории эти явились выражением мелкобуржуазных, собственнических интересов определенных промежуточных слоев общества, той мелкобуржуазной, неорганизованной массы, которая сама в общественном развитии не могла никогда представлять определенного направления в своих действиях и стремлениях.

Одной из разновидностей реформистского течения является течение, представленное у нас А. В. Чаяновым, Н. П. Макаровым, А. А. Рыб-

никовым, Бруцкусом и др. сравнительно молодыми учеными; тем не менее их теории отражают серьезные направления среди крестьянских масс, в частности они являются настоящими идеологами крестьянских кооперативных организаций буржуазного характера.

С этой точки зрения они имеют более серьезное практическое значение, чем расплывчатые теории Виктора Чернова и К°.

В основу они кладут отдельное крестьянское хозяйство, которое, по их мнению, представляет наибольшие возможности для развития сельского хозяйства. Кооперация же крестьянская дает возможность для отдельных крестьянских хозяйств пользоваться всеми преимуществами техники, организованного сбыта своих продуктов, получения кредита и т. д., т. е. всеми преимуществами, какими пользуется крестьянское хозяйство.

«Кладя крестьянское хозяйство,—говорит А. В. Чаянов,—в основу будущего народнохозяйственного строя России, мы должны учитывать, что оно по самой природе отлично от хозяйства капиталистически организованного, в рамках которого мы привыкли обычно разрешать экономические проблемы. Хозяйство крестьянское есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук» [1].

Целью сельского хозяйства является получение наибольшего дохода для отдельного крестьянского хозяйства.

На этой основе это течение строит свою экономическую политику, которая по существу легко укладывается и в рамки буржуазного и в рамки социалистического строя, поскольку она ограничивается выражением интересов мелкого собственника, самодовлеющего и оторванного от общего экономического процесса. В этом до известной степени сила этого течения в области текущей практики, поскольку существует мелкий собственник, и его слабость в отношении развития будущего, когда происходит обобществление средств производства, монополия заготовок и государственное распределение продуктов.

А. А. Кауфман отчасти прав, говоря про представителей этого течения, что «они целиком берут всю совокупность аргументов, подробнейшим образом развитых у Давида, иногда даже чрезмерно утрируя те или другие из этих аргументов, доводя их почти что до абсурда» [2].

---

[1] См. А. В. Чаянов и Н. П. Макаров, «Природа крестьянского хозяйства и земельный режим», Москва, 1918 г., стр. 1 и 2.

[2] А. А. Кауфман, «Аграрный вопрос в России», стр. 207.

Утопичность этой теории бросается в глаза особенно тогда, когда ее кладут в основу всей народнохозяйственной жизни и рассматривают развитие сельского хозяйства как имеющее своей целью мелкие хозяйства, объединенные в союзы.

Отсталые, неразвитые формы народнохозяйственной жизни подвергаются идеализации, не лишенной сантиментализма.

Ни о каком единстве народного хозяйства, ни о каком слиянии сельского хозяйства с промышленностью, ни о какой массовой, общественной организации труда, с точки зрения этой теории, говорить не приходится.

Всякая теория определяет, как мы знаем, лишь общие законы и тенденции развития. Ни один, даже самый ученый, человек не может предсказать тех конкретных форм, в какие выльются события.

Рассмотренные нами теории, касающиеся развития сельского хозяйства, устанавливали лишь общие законы его развития. Практика жизни, переживаемая нами, оказалась во много раз богаче содержанием. Но прежде всего даже общие законы, которые были определены в прошлое время, подвергались проверке на опыте текущей действительности.

Жизнь показала научную правильность одних и ложность других, жизненная практика подтвердила, что развитие живых форм пошло в ту сторону, куда предсказывали те, кто исходил из основ развития общественной деятельности.

Поэтому марксистская теория получила на практике наиболее полное подтверждение и выдержала испытание жизни.

Реформистские, народнические теории оказались в полном противоречии с прогрессивным развитием общественной жизни.

Социальная революция перешагнула через них.

В дальнейшем на конкретных примерах мы увидим, что наши возражения, указания на их утопичность и консервативность оказались вполне правильными.

Практика социальной революции дает совершенно новые основания и для теоретических выводов. Развитие новых коллективных форм деятельности в сельском хозяйстве рельефно очерчивает и общее направление развития той огромной части современного общества, имя которой—деревня.

в) Земля

Все социалисты сходились на том положении, что вся земля должна быть в конечном счете изъята из частной собственности и объявлена «общественной». Это являлось аксиомой социализма.

Различие же касалось минимума программ, в котором предлагались разнообразные переходные меры: национализация земли, муниципализация, социализация.

Изъять землю из частной собственности означало фактически свергнуть класс крупных земельных собственников, отнять у них землю, разбить помещичий класс экономически и политически.

Правда, многие социалисты полагали, что национализация земли в буржуазном строе отнюдь еще не означает меры социалистической.

В буржуазном строе национализация земли является лишь ликвидацией остатков феодального строя.

Но социальной революции приходится доделывать то, чего не успела и не смогла сделать буржуазная революция. Ей приходится на первых порах заниматься уничтожением феодальных остатков.

Свержение власти помещичьего класса, уничтожение крупного землевладения являются в этом отношении неизбежным шагом вперед.

Уничтожение права частной собственности на землю, которое при социалистическом перевороте означает уничтожение крупного землевладения, отнюдь не означает, что крупное производство в сельском хозяйстве является уничтоженным. Уничтожение помещичьего землевладения в деревне отнюдь не связано с признанием мелкого производства. И когда, например, А. А. Кауфман в своей книге («Аграрный вопрос в России», изд. 1919 г., стр. 194) говорит, что Н. Ленин «теперь в качестве главы рабоче-крестьянского правительства» проводит земельную программу, идущую решительно вразрез со всеми принципами марксизма и со всеми взглядами его на нормальный (а вместе с тем и реальный) ход социально-экономической эволюции...», и что «в области сельскохозяйственных отношений, как и в области индустрии, эта эволюция рисуется как неудержимое, победоносное шествие капитализма, сопровождаемое в среде самого крестьянства быстро прогрессирующею дифференциацией, выделением в одну сторону верхнего капиталистического слоя землевладельцев и фермеров, а в другую—нижнего слоя сельского пролетариата...»,— он просто не понимает исторического процесса, смешивает правовые нормы с экономическими категориями, подменяет живую теорию марксизма мертвой схемой.

Н. Ленин еще в 1904 году писал [1]:

«...в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: вопервых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, вовторых, между всем крестьянством

[1] См. В. Ильин, «Из истории соц.-дем. аграрной программы», Петроград, 1917 г., стр. 9—10.

и всем помещичьим классом... Именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение... Вопрос о сметении остатков крепостничества, о вытравливании из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и приниженния десятков миллионов «простонародья»,—этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса».

Так писали революционные марксисты еще в 1904 г. Раз капитализм падает, то необходимо было усилить и углубить движение крестьянства за свержение помещичьего класса. Но, разрушая помещичье и капиталистическое хозяйство, мы не возвращаемся вспять, а строим новое, «крупное» социалистическое хозяйство.

Борьба за землю со стороны широких народных масс имеет глубоко-революционное значение.

В течение долгого времени (всей 2-й половины XIX века и начала XX) непосредственным условием, определявшим в деревне общественную жизнь, классовую борьбу, политические и экономические интересы, было прежде всего отношение к земле, борьба за землю.

То, что понималось под «аграрным движением», имело в своей основе, вопервых, борьбу за землю и, вовторых, борьбу за определенные политические условия.

В форме массовых выступлений крестьянство особенно сильно проявило себя к моменту отмены крепостного права (1850—1862 гг.), затем в 1905—1906 гг. и, наконец, в 1917 г.

Эти три исторических момента, так различные по своему содержанию, соотношению сил, связаны между собою глубокими стихийными взрывами миллионных масс деревни, глубоким революционным порывом крестьянства сбросить иго помещичьего класса.

Статистически точному учету крестьянские волнения и выступления не поддаются.

Нельзя указать точно количество выступавших, время, которое они продержались, и т. п., как это можно сделать, например, в отношении забастовочного движения и революционных выступлений рабочих. Имеются лишь обобщения и описания отдельных выступлений и характеристика массовых волнений.

* * *

Движение до отмены крепостного права и в первые годы после отмены его вызывалось борьбой этого права, но одной из главнейших причин было отбирание помещиками у крестьян земли.

«Помещики начинают отрезать от крепостных крестьян все больше и больше земли, и за 60 лет крепостного права в черноземной полосе из 109 *га* прежнего пользования было отрезано 41 *га*, т. е. около 40%. В нечерноземной полосе отрезки были меньше—всего 14% *га* из той прежней площади, которой крестьяне пользовались». ...«Отрезки эти доросли до такого размера, что когда в 1861 году стали учитывать землю, находящуюся в пользовании помещиков и крестьян, то оказалось, что из 115 млн. в пользовании крестьян—одна треть (42 млн. *га*)»[1].

Условия товарного рынка заставляли помещиков прибегать к новым формам хозяйства. «Производство хлеба для широкого рынка,—говорит П. Маслов,—заставило конкурировать хозяев-землевладельцев из различных районов. А это повело к победе тех хозяйств, которые располагали более плодородной землей. Таким образом, развитие товарного обмена внесло существенные изменения в хозяйственные отношения крепостной эпохи. На плодородных землях чернозема помещики, сокращая крестьянское землепользование, стремились расширить барщинную распашку и увеличить число дворовых и издельных крестьян. На менее плодородных землях промышленного нечерноземного района собственное хозяйство помещика при конкуренции черноземного района стало менее выгодным, и помещик предпочитал отпускать своих крестьян на оброк».

«Из 478 крестьянских волнений, территориальное распределение которых известно, наибольшее количество приходится на промышленные нечерноземные губернии» (см. П. Маслов, «Аграрный вопрос в России», том II, стр. 22—25).

Так, например, «из 275 случаев крестьянских волнений (в 1836—1849, 1851 и 1854 гг.), причины которых известны, почти в половине случаев (132 волнения) беспорядки происходили оттого, что крестьяне уже считали себя вольными или еще домогались свободы на каком-нибудь казавшемся им справедливым основании: в 73 случаях—вследствие жалоб на притеснения, обременение барщиной, жестокость помещиков и т. п.; в 12 случаях—вследствие несправедливых слухов о возможности так или иначе освободиться от крепостного права и т. д. и т. п. (см. Семевский, «Крестьянский вопрос», а также П. П. Маслов, «Аграрный вопрос в России», т. II).

Каковы результаты массового движения крестьян 50-х годов? Отмена крепостного права и эпоха «великих реформ»—таков ответ лучших историков, покончивших с легендой о «доброй воле» самодержца.

---

[1] Огановский, «Прошлое и настоящее земельного вопроса».

По существу, однако, «отмена» крепостного права для крестьянской массы дала крайне мало, как и вся последующая эпоха «великих реформ». Власть помещиков и значение помещичьего землевладения не только не ослабели, но даже усилились. «Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей»,— говорит Ленин (см. В. Ильин, «Из истории с.-д. аграрной программы», стр. 1):—«Освобождение крестьян с землей при помощи государственной власти». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми они втечение веков владели, крестьяне были совсем обезземелены—посажены на четвертной или нищенский надел.

При «освобождении», кроме прежних отрезков, помещики отрезали у крестьян еще одну пятую из прежних наделов.

Благодаря малоземелью, крестьянская масса осталась, несмотря на всю свою борьбу, в самой тяжелой экономической зависимости.

Помещики сдавали в аренду крестьянам забранную у последних землю. В 1880 году крестьянство арендовало до 38,1 млн. *га* земли, но кроме того оно выплачивало в продолжение 45 лет «выкупные» платежи за ту землю, какая осталась у него, причем и тут оно было обмануто самым бессовестным образом, так как платило с *га* почти в два раза больше, чем этот самый *гектар* стоил (в 60-х годах цена *га* в среднем была 18,5 рублей, выкуп же был установлен в 29 рублей с *га*, а впоследствии, путем всяких увеличений, он достиг 47 рублей; всего же крестьяне выплатили свыше 1½ миллиарда рублей, что по тем временам было колоссальной суммой). Только 1905 год заставил прекратить это издевательство.

Революция 1905 года, нанесшая первый серьезный, но не окончательный удар самодержавию и помещичье-буржуазному строю, явилась вторым уже более организованным натиском со стороны крестьянства в борьбе его за землю против помещичьего строя. Это движение было также стихийным.

Пролетарские организации в этой революции уже оказывали самое серьезное влияние не только на экономическую политику в городе, но и в деревне. В то время большевиками в их резолюциях (на III съезде 1905 года) говорилось, что рабочий класс будет поддерживать крестьянское движение «вплоть до конфискации помещичьих, церковных, монастырских и удельных земель». «Как практический лозунг (резолюция III съезда) агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических пре-

образований в интересах избавления крестьянства от полицейского, чиновничьего и помещичьего гнета».

К этому времени картина распределения земли среди различных классов и групп в России (по данным переписи) видна из следующей таблицы:

В 1905 г. насчитывалось земель:

1. Казенных	150 513 918	*га*
2. Надельных (крестьянск.)	151 256 670	»
3. Частновладельческих	110 891 524	»
4. Удельных	8 548 886	»
5. Церковных	2 040 303	»
6. Монастырских	804 177	»
7. Городских	2 227 273	»
8. Войсковых	3 770 572	»
9. Иных учреждений	717 105	»
Всего	430 770 428	*га*

В общем из 431 млн. *га* земли крестьяне имели всего 179 млн., т. е. меньше половины.

Большая часть принадлежала помещикам и казне, причем помещики, как класс экономически и политически отживавший, половину своей земли (из 58 млн. *га* до 27,3 млн. *га*) сдавали в аренду.

Малоземелье среди крестьян было сильное.

Имели земли [1]:

менее	5,46 *га*	на двор	. . . .	23,8%	крестьян
от	5,46—8,74	» »	. . . . .	27,0%	»
»	8,74—21,85	» »	. . . . .	39,1%	»
свыше	21,85	» »	. . . . .	10,6%	»

При таких условиях понятно то движение, какое поднялось в 1905 г. в деревне.

«Движение, начавшееся здесь с отдельных вспышек—потрав, порубок, в феврале—марте превратилось в массовое, охватив громадный район, и притом сразу с различных концов—в Центральной России, в Польше, в Западном, Прибалтийском крае и на Кавказе...

Движение крестьян Царства Польского, части Подольской губ. и Прибалтийского края было собственно движением полукрестьянским, полупролетарским и приняло потому значительно более сознательные, целесообразные формы. Собственно во внутренней России весной

---

[1] Последняя таблица взята у И. Мозжухина — «Аграрный вопрос», стр. 10.

и летом 1905 г. крестьянским движением было охвачено, по вычислениям Н. Саворенского, 62 уезда, т. е. 14% всей России»... [1].

Движение это втечение года разрасталось и к октябрьским дням 1905 года приняло внушительные размеры. К ноябрю оно охватило уже 160 уездов Европейской России. «За короткое время было сожжено и «разобрано» и вообще уничтожено свыше 2 000 усадеб» [2].

В 1906 году Вольно-экономическое общество предприняло подробное обследование аграрного движения 1905 года во всех губерниях [3]. Мы не можем подробно останавливаться на выводах этих работ, но некоторые из них заслуживают самого серьезного внимания.

В крестьянском движении Центрально-земледельческого района значительную роль играли рабочие, вернувшиеся в деревню.

«Ферментом» или «мозгом» движения, по выражению корреспондентов, были крестьяне, побывавшие на заработках на стороне,—на фабриках, в шахтах, в городах. Как люди более развитые, они, естественно, становились руководителями движения; в некоторых случаях они приносили в деревню, вместе с газетами, известия об аграрном и рабочем движении в других местах и бессознательно пропагандировали идеи аграрного движения.

В Промышленном (Московском) районе, кроме малоземелья и недостатка, значительную роль сыграло «умственное брожение» крестьянства, обусловленное тем, что значительная часть населения «приходит в общение с крупными промышленными и культурными центрами страны».

В Средне-волжском районе, «в тех местах, где целью движения являлось желание «выкурить» помещиков из их усадеб и «завладеть» их землею, там крестьяне действовали крайними средствами—жгли и громили систематически все помещичьи усадьбы».

Аналогичные выводы приходится сделать и в отношении ряда других районов.

Но крестьянское движение не было объединено. Вооруженная сила, армия, состоявшая в большинстве из крестьян, оставалась в общем пассивной. Организованного напора на помещичье-буржуазный строй со стороны крестьян не было.

Революция 1905 года была сорвана мелкой буржуазией. Ни армия, ни крестьянство организованно не поддержали пролетариат. Вопрос о земле отодвинулся вдаль. Правительство занялось для вида земель-

---

[1] См. «Общественное движение в России в начале XX в.», т. II, стр. 60, 61.

[2] П. Маслов, «Аграрный вопрос», т. II, стр. 254.

[3] «Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.», изд. Вольно-эконом. об-ва, 1908 года.

ным вопросом. В 1905 году было организовано совещание под председательством Витте по крестьянским вопросам, кончившееся ничем. А затем выступили на сцену проекты Столыпина, его ставка на «крепкого мужика», землеустроительные устремления создать из «хозяйственных», буржуазных элементов деревни оплот помещичье-буржуазному строю.

Движение 1905 года показало возможность размаха революционного движения, во многих местах—организованное стремление к низвержению помещичьего строя и связь с пролетарским движением.

1905 год был подготовительным годом к более великому, давшему действительные результаты, 1917 году.

1917 год был тем годом, когда усилия крестьянских масс в борьбе за землю закончились, наконец, победой.

К 1917 году положение и в городе и в деревне значительно изменилось по сравнению с 1905 годом.

Рабочий класс России значительно вырос и укрепился в революционной борьбе.

В отличие от Западной Европы, где социалистические организации увлекались «парламентаризмом», у нас борьба закаливала и рабочие массы и те организации, которые стояли на почве действительной революционной борьбы.

Крестьянство в массе оставалось попрежнему совершенно неудовлетворенным, попрежнему помещичье-полицейский режим угнетал, насиловал деревню, материально питаясь за счет обирания крестьянских масс.

Война 1914—1917 гг. лишь ускорила процесс разрушения и падение помещичье-полицейского строя.

Революция в феврале 1917 года явилась в результате восстания рабочих, солдат—этих переодетых в шинели крестьян—и крестьянских масс. Этим соединенным силам удалось нанести тот смертельный удар помещичье-буржуазному строю, от которого он свалился буквально в несколько дней.

И в этом объединении рабочих, солдат и крестьян и в одновременности их выступления было главное отличие революции 1917 года от революции 1905 года. В то время как в 1905 году рабочий класс остался одиноко впереди, без поддержки со стороны солдат и крестьян, здесь за его лозунгами пошли эти массы, и массы вооруженные. Рабочий класс сделался вождем революционного выступления и крестьян и солдат.

Подобное соотношение сил определило в феврале судьбу самодержавия, а вместе с тем и судьбу помещиков и буржуазии, чего не понимали в то время очень многие.

Буржуазия, в лице всех ее партий, вынуждена была пойти за теми силами, которые делали революцию.

В сущности все буржуазные партии, включая к.-д., помирились бы, как мы теперь знаем, на конституционной монархии во главе с кем-либо из Романовых. Об этом откровенно теперь повествует П. Милюков (его книга «История второй революции в России» тем и ценна, что вскрывает всю контрреволюционную политику буржуазии, начиная с первых дней революции).

Во главе революции—с февраля по октябрь 1917 года—стало соглашательское правительство. Львов и Керенский, Коновалов и Церетели, Чернов и помещики—таково было пестрое, разнохарактерное сочетание, которое старалось «согласить», «примирить» непримиримое. В результате же «соглашательства» мелкобуржуазных партий с буржуазными получалось единство ясное и определенное: охранение буржуазного строя.

Политическая пленка господствующих в эти 8 месяцев 1917 г. мелкобуржуазных партий имела своей задачей сдержать и задержать, ослабить и обессилить творческий порыв действующих революционных сил, рабочих и крестьян.

«Спокойствие», «порядок» и борьба с «анархией» означали спокойствие для буржуазии, буржуазный порядок и борьбу против удовлетворения насущных нужд крестьян.

В вопросе борьбы за землю это сказалось с необычайной яркостью и силой.

Тут практика жизни показала, что мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров даже в борьбе за крестьянские интересы неспособна их отстоять против буржуазии и уступает ей по всем пунктам.

Тот спор, какой велся втечение десятилетий—кто и как сумеет разрешить и удовлетворить основные требования деревни, был в 1917 г. радикально решен.

Партии народников, клавшие в основу своих программ реформистские, мелкобуржуазные начала и положения, оказались полными банкротами.

Наоборот, партия пролетариата—большевики—оказалась той партией, которая сумела решить на практике этот вопрос, и рабочий класс оказался руководителем политической и экономической борьбы не только в городе, но и в деревне.

Втечение 8 месяцев лозунгами соглашательского правительства было: «Сохранение порядка в деревне», «ждать решения аграрного вопроса от Учредительного собрания».

В комиссиях решались вопросы об аренде, о примирении и раз решении споров между крестьянами и помещиками, но основной вопрос о земле отодвигался совершенно в сторону.

Могло ли крестьянство ждать решения одного из самых основных вопросов революции и самого жизненного для него?

Могло ли оно удовлетвориться теми обещаниями, какими его корми ли соглашательские партии? Конечно, нет! Оно неизбежно должно было двинуться на выполнение своей исторической миссии, которую диктовало закономерное общественное развитие всего предыдущего периода.

Поэтому те лозунги, которые были выброшены партией большевиков с самого начала революции 1917 года и развиты в резолюциях апрельской конференции, а именно: немедленная ликвидация помещичьего землевладения, отобрание у помещиков земли и переход ее к крестьянским массам — отвечали жизненным потребностям и нашли себе немедленный отзвук в действиях крестьянских масс.

Лозунги борьбы за землю крестьян были оформлены и конкретизированы революционной партией пролетариата.

Низвержение помещиков и капиталистов было тесно связано с развитием и судьбой той революции, во главе которой шел рабочий класс.

Этого закона развития революции не поняли соглашательские партии и были сброшены с пути движения революции.

Крестьянские массы пошли за большевиками. Картину того состояния, в каком находилась деревня перед Октябрьским переворотом, дают приводимые ниже сообщения официального П. Т. А. за сентябрь и октябрь:

«Кишинев, 13 сентября. Донесения с мест свидетельствуют о разрастающемся аграрном движении во всех уездах. Возникает опасение за своевременность и успешность посева озимых».

«Тамбов, 14 сентября. Точных сведений о беспорядках в Козловском уезде до сих пор не получено. Определенно известно, что разграблено одно имение и сожжено до 25 имений частных владельцев. Кроме того, пострадало много крестьян, поселившихся на хуторах».

«Тамбов, 14 сентября. Прибыл отправленный из Москвы для подавления волнений экспедиционный отряд. Прибыли также представители Московского С. Р. и С.-Д. По их сообщению, беспорядки в Козловском уезде продолжаются. В момент их отъезда из Козлова беспорядки вспыхнули в новом пункте, в 42 *км* от Козлова. Горит село Ярославка».

«Тамбов, 16 сентября. В Софийской волости, Кирсановского уезда, началось аграрное движение».

«Таганрог, 19 сент. В волостях Таганрогского округа возникло аграрное движение. В округ выехали представители окружной управы и С. Р. и С. Д.».

«Саратов, 25 сентября. В Сердобском уезде крестьянами разгромлены имения бар. Черкасской и Азаревича. Начальнику сердобского гарнизона предложено двинуть в уезд для восстановления порядка отряд».

«Саратов, 27 сент. Аграрные беспорядки в Сердобском уезде охватили большой район. Похищают скот, делят землю, леса и забирают хлеб. Уездные власти требуют помощи войск. Опасаются расхищения огромного запаса казенного спирта. Исполнительный уездный комитет предлагает передать частновладельческие земли земельным комитетам. Беспорядки перебросились в Аткарский уезд».

«Кишинев, 27 сент. Крестьяне села Мегуры, Белецкого уезда, приступили под влиянием агитации к разделу между собою земель и выпасов соседних имений Борчеля и Слободзея».

«Одесса, 29 сент. Получены сведения о тревожном настроении в Аккермане и Оргееве, а также об усиленной агитации темных сил в Березовке. В Сорокском уезде продолжаются отдельные аграрные недоразумения».

«Житомир, 29 сент. Губернским комиссаром получен ряд сообщений о начавшихся в губернии беспорядках. Уничтожаются леса и посевы. Для успокоения посланы войска».

«Саратов, 29 сент. В Сердобском уезде разрастаются беспорядки. Разгромлен Павловский посад, во многих усадьбах отрубщиков наблюдаются пожары. Комиссар требует присылки военной силы».

«Корнешты, 29 сент. В Оргеевском уезде производство озимых посевов идет угрожающе медленно вследствие отсутствия рабочих и самочинных захватов земли. Для выработки арендных цен и принятия мер против захватов созвано заседание уездного продовольственного комитета и представителей военных и земельных комитетов».

«Киев, 3 октября. Получены сведения о разгроме имений и беспорядках в Кременецком уезде».

«Воронеж, 7 октября. В Задонском уезде, в районе села Животинского, крестьянами частично разгромлены имения Черткова и других помещиков. Сожжено более 983 тонн пшеницы и других хлебов. Уничтожена старинная ценная мебель».

«Тамбов, 11 октября. Убытки от погрома в Козловском уезде исчисляются миллионами. Так, одному только губернскому земству приходится платить за застрахованные в земстве и сожженные имения полмиллиона рублей».

«Житомир, 10 октября. Возвратившийся из поездки по Волыни помощник губернского комиссара представил доклад о положении на Волыни. По словам докладчика, Волынь находится в состоянии полной анархии. Во многих уездах идет поголовное истребление лесов и захват частновладельческих земель. В Старокостантиновском уезде большевики захватили в свои руки власть».

«Николаевск (Самарской губ.), 11. октября. Исполнительный комитет из опасения, что массовые беспорядки уничтожат в уезде ценные хозяйства, объявил все частновладельческие хозяйства общенародным достоянием и приступил к немедленной их конфискации, создав для этого специальное бюро, состоящее из представителей комитета, земельной, продовольственной и земской управ, социалистических партий и профессиональных союзов, которому поручено и управление конфискованными имениями».

«Чернигов, 13 октября. Беспорядки в губернии продолжаются. В уездах Сосницком и Суражском истребляются леса и посевы».

«Пенза, 13 октября. В Новочеркасском уезде разгромлено 8 имений. Для ликвидации беспорядков послана кавалерия. В Краснослободском уезде ограблено имение Лебедевой и в Инсарском уезде—имение Андронова».

«Спасск, 14 октября. Погромная волна охватывает уезд. По всему уезду происходит массовая порубка и расхищение лесов. Разграблено и сожжено имение Шредера. Разгромлено имение гр. Гроббе, уничтожена ценная библиотека».

«Нижний-Новгород, 19 октября. По последним сообщениям, волнениями охвачено 6 уездов, в которых разграблено и сожжено много имений. Наибольшего развития беспорядки достигли в Лукьяновском уезде, где, по донесению комиссара, беспощадно уничтожается все ценное и культурное. В связи с разрастающимися волнениями созван губернский съезд уездных комиссаров».

«Пенза, 20 октября. В Саранском уезде начались массовые разгромы имений. Волна погромного движения разрастается, перекидываясь и на другие уезды, в связи с чем осложняется продовольственный кризис» [1].

Чем ответило на это Временное правительство? Жалкими фразами. В декларации от 25 сентября 1917 г. оно говорит:

«Непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на земельные комитеты, в ведение которых в порядке, имеющем быть установленным особым законом, по б е з н а р у ш е н и я

---

[1] Данные взяты из книги «Октябрьский переворот», под редакцией Рожкова. Петроград, 1918 г.

существующих форм землевладения (курсив мой.—*В. М.*), могут быть передаваемы земли сельскохозяйственного назначения в целях наиболее полного их использования для спасения народного хозяйства от окончательной разрухи».

«Без нарушения существующих форм землевладения»—вот весь смысл политики Временного правительства, с.-р. и меньшевиков.

Этим они подписали себе смертный приговор. Они должны были пасть, так как были вредны для развивающегося революционного движения. Они стояли не только против рабочих, но и против крестьян, и революция смела их с своего пути.

Наступили дни Октябрьского переворота. Руль перешел в руки рабочих, и земельный вопрос был решен.

25 октября 1917 года—момент победы пролетариата—означало победу и для крестьянства.

В первый же день после Октябрьского переворота был издан декрет, означавший коренной переворот в земельных отношениях.

Первыми же строками декрета определялось, что помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

«Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания».

После этого декрета переход земли в руки крестьян должен был произойти уже легко. И, действительно, помещичье землевладение было ликвидировано с поразительной быстротой. В течение непродолжительного времени вся земля, все усадьбы перешли в руки крестьян.

Тов. Ленин в своей исторической речи, предпосланной декрету, так охарактеризовал его значение:

«Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, что вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй, Октябрьской, революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне... Вызвав восстание, они стали кричать о погромах и анархии, которые сами же вызвали. Они хотели задавить его железом и кровью, но сами были сметены вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих.

Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле,—вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты».

В результате благодаря Октябрьскому перевороту деревня не только была политически освобождена от помещичьего режима, но и получила значительное количество земли и освободилась от той дани, которую она выплачивала помещичьему классу в виде арендной платы.

Крестьяне получили помещичьей земли (дворян и купцов) до 65,4 млн. *га*, церковной—около 3,8 млн., да казенные земли составляли 150,5 миллионов.

Арендная плата, от которой освобождалось крестьянство, составляла от 400 до 450 миллионов рублей в год.

Таким образом основное положение социалистической программы было выполнено Октябрьским переворотом: помещичий класс ликвидирован, земля поступила обществу, и в первую голову той части общества, которая трудилась на этой земле, т. е. крестьянству.

90% всей земли, отобранной у помещиков, пошло в раздел.

Несомненно, раздел земли, хотя бы она и не поступала в частную собственность, а передавалась лишь в распоряжение мелкого производителя, является нежелательным с точки зрения развитого социалистического хозяйства. Правильнее было бы, конечно, сразу же приступить, на другой день после социалистического переворота, к созданию совершенных хозяйственных форм и в деревне, к созданию крупного сельского хозяйства, непосредственно связанного с промышленностью, поставленного на возможную техническую высоту.

Но, повторяем, социализм есть прежде всего процесс, и в первой стадии социализма социалистический строй не может получить совершенные, законченные формы.

Соотношения сил, низвергавших помещичье-буржуазный строй, общее экономическое положение определяли и те формы, какие приняло распределение земли.

Историческое требование крестьянских масс на землю было удовлетворено социалистическим переворотом, но организация сельского хозяйства в деревне на новых началах—более длительный и сложный процесс. На нем мы остановимся в следующей главе.

Социалистическая революция в России, ее практика, подтвердила, что пролетариат и его партия оказались теми силами, которые выполнили основное требование—ликвидацию помещичьего, частного землевладения.

Мелкобуржуазные социалисты оказались не в силах и неспособными выполнить это. Крестьянство пошло за партией социального переворота,

за пролетариатом, отвернувшись от мелкобуржуазных социалистических партий.

Переворот совершился, и началось развитие новых форм общественной жизни в деревне. На сцену выступил один из самых больших вопросов не только настоящего, но и будущего развития нового социалистического строя,—вопрос коллективизации деревни, организации в деревне социалистического хозяйства.

г) Формы коллективизации в деревне

Новые формы сельского хозяйства, которые могут рассчитывать на будущее, должны отвечать главному, основному условию: единству народного хозяйства.

Единство народного хозяйства приходится понимать в смысле тесной, органической связи сельского хозяйства с промышленностью, производства—с распределением, организации труда—с организацией управления. Как производственные, так и продовольственные нужды народного хозяйства диктуют необходимость единства управления и организации промышленности и сельского хозяйства.

Целый ряд отраслей промышленности был и остается неразрывно связанным с сельским хозяйством.

Возьмем, например, сахарную промышленность. Господствующим способом добывания сахара была и остается переработка свеклы. Для этой цели при свеклосахарных заводах России всегда были огромные площади земли (в несколько сот тысяч десятин), отводившиеся под свеклу. Миллионы пудов свеклы перерабатывались заводами. Добывание свеклы и выработка сахара—единый, нераздельный производственный процесс, и являлось бы крупной ошибкой разделять их между собой. Свеклосахарные заводы, в целях правильности и планомерности своей работы, должны располагать определенным количеством земли из общего земельного фонда, с которого они получают для себя сырье.

Точно такую же связь мы видим между табачными фабриками и табачными плантациями.

Неразрывно связана с сельским хозяйством и деятельность льняной промышленности, картофельно-терочных заводов, маслодельной промышленности и т. д.

Мы не упоминаем о целой группе других отраслей промышленности, также связанных с некоторыми отраслями сельского хозяйства, но находящихся в несколько более слабой связи с ними—напр., кожевенная промышленность, деревообделочная и т. п. Даже в ка-

питалистическом строе в этих отраслях заводы и фабрики перекочевывали из города в деревню, к источникам сырья.

С развитием же экопомической жизни объединение промышленности и сельского хозяйства возрастает.

Такова одна сторона вопроса, которая, в связи с организацией промышленности на новых социалистических началах, повелительно требует проведения новых, более совершенных форм организации сельского хозяйства и объединения его с промышленностью. Индивидуальное крестьянское хозяйство отнюдь не может быть опорой социалистической промышленности. Организованная промышленность не может и не должна быть в зависимости от колебаний мелкого собственника—сегодня поставляющего сырье для промышленности, назавтра задерживающего его, в этом году производящего посев определенных культур, на следующий, сообразно со своими личными или групповыми интересами, сокращающего его до предельного минимума.

Заводы и фабрики, намечающие свои производственные программы, должны твердо знать, в каком количестве и в какое время они получат необходимое для их производства сырье. Для этого необходимо, чтобы производство на фабриках и заводах и производство сырья для этих фабрик и заводов было бы объединено под одним общим управлением и поставлено на общих коллективных началах. Высший совет народного хозяйства, ведущий политику единого народного хозяйства, в силу этого должен иметь определенное довольно значительное количество земли в своем ведении для промышленных целей.

Вторым условием, определяющим коллективные формы организации сельского хозяйства, является продовольственная нужда городов.

Следует принять во внимание, что по мере развития социалистических начал отпадают те стимулы и причины, которые раньше заставляли мелкого собственника-крестьянина не только отдавать свои излишки, но и сплошь и рядом урезывать себя и свое хозяйство, чтобы вывезти на рынок сельскохозяйственные продукты и сбыть их городскому населению. Известно, например, что те 10—13 млн. тонн хлеба, которые вывозились из России до войны 1914 года за границу, вывозились отнюдь не от избытка, а за счет недоедания многомиллионной крестьянской массы. Стимулом и причиной этого были: а) налоговый пресс (прямых и косвенных налогов), которым буржуазно-помещичье государство систематически и постоянно нажимало на деревню и этим заставляло ее реализовать свои продукты; б) потребности крестьян в продуктах обрабатывающей промышленности, которые они могли приобрести лишь после того, как продавали хлеб, мясо, яйца, сено и т. п.

Вполне понятны те громадные трудности, какие пришлось преодолевать советским продовольственным органам и вообще заготовительным органам в отношении сельского хозяйства. Собрать у десятка миллионов крестьянских дворов миллионы тонн хлеба, мяса, овса и т. п. при том положении, когда прежние побудительные причины перестали играть роль, а новые еще не создались,—было неимоверно трудно.

Таким образом и производственные и продовольственные потребности центра нашей экономической жизни приводят к необходимости создания новых форм организации сельского хозяйства.

Наконец, и потребности самого крестьянского хозяйства в его индивидуальной форме требуют в наше время существования в деревне культурных сельскохозяйственных центров.

Действительно, даже индивидуальное хозяйство не может существовать, жить и развиваться без целого ряда вспомогательных элементов, которые оно могло бы в любой момент получить и пустить в дело.

Семена, рассада, с.-х. машины и орудия, починка сломанного инвентаря и т. п.,—все это должно быть где-то сконцентрировано в больших количествах, откуда мелкий производитель мог бы его позаимствовать. Если же мы примем во внимание такие отрасли хозяйства, как маслоделие, сыроварение, сушка овощей и т. п., то здесь новые коллективные формы имеют для мелкого хозяйства громадные выгоды.

Каковы же эти более совершенные формы организации сельского хозяйства?

Некоторые из них достались нам от старого строя, другие создаются только сейчас. И те и другие нам необходимо внимательно рассмотреть под углом зрения интересов развития нового общественного строя.

Нашему анализу мы подвергнем:

1) Сельскохозяйственную кооперацию.
2) Коммуну.
3) Совхоз.

д) Сельскохозяйственная кооперация

Старейшей формой с.-х. кооперации приходится считать земледельческие артели. История артели имеет за своими плечами не одну сотню лет, и много трудов посвящено ее теоретическому исследованию и освещению.

Сведения об охотничьих и рыболовных артелях мы имеем уже в XIII веке. «Далеко в глубь прошлого,—говорит один из новейших исследователей артелей, С. Маслов [1],—уходят артельные формы труда в земледелии: крестьяне артелями работали на служилых людей, на монастыри и церкви, во время крепостного права—на помещиков при урочных работах. Артельный земледельческий труд мы находили и в дореформенном периоде; в это время он проявляется в общественных запашках, в работах «на причт», в так называемой «гнездовой обработке», о которой писал Н. В. Шелгунов, в артелях косарей, ежегодно двигавшихся в далекие донские и кубанские степи, и т. д.».

Время крепостного права также имеет примеры «артельных» экспериментов помещиков, правда, не особенно многочисленных, но крайне характерных. Имеются подробные описания таких артелей, напр., как Стремоухова, Вилькинса, Жукова и др.

После 60-х годов артели развивались самостоятельно и сделались прибежищем народнических течений, искавших в них воплощения новых форм общественной жизни.

Но, несмотря на свою долгую историю, земледельческие артели были всегда крайне малочисленны и слабы. Возникавшие артели, ставившие своей задачей совместное хозяйство, совместную запашку, быстро распадались при малейших экономических изменениях. Как только экономическая конъюнктура изменялась к лучшему, так артель расползалась.

Обычно артели были по своему составу малочисленны, и на артель приходилось 10—12 домохозяев. Внутренней экономической спайки в артелях не было, мелкособственнические стремления не уживались, технически они были совершенно необорудованы и поэтому, естественно, не могли развиться в серьезное общественное движение.

Вот какую убийственную, по существу, характеристику артелей дает тот же Сергей Маслов, являющийся народником, правым соц.-рев., и который, по нашему мнению, тем не менее верно учитывает сущность артельного движения:

«Подводя итоги,—говорит он,—характеристике типа русской земледельческой артели, мы скажем, что впечатление крайней слабости и примитивности остается от нашей артели, когда всматриваешься в ее лицо. Здесь нет никакого намека на .широкие социальные задачи, нет достаточной технической оборудованности, порусски низка производительность труда, до крайности уменьшены и упущены все взаимоотношения, отсутствуют какие-либо писаные нормы и нет общеартельных

---

[1] Сергей Маслов, «Трудовые земледельческие артели».

средств и имущества; русская артель крайне малолюдна, слабо связана и, вероятно, легко распадается» [1].

Как народник, Сергей Маслов старался смягчить свой приговор артелям, и тем не менее он все же вышел убийственным.

Таким образом артели, как попытки мелких собственников организовать совместное организованное производство, были неудачны, никогда не представляя ни с экономической, ни с какой-либо другой стороны серьезного общественного значения и интереса.

Гораздо большие размеры и значение получили в области сельского хозяйства новые кооперативные формы, явившиеся в результате самостоятельного течения продуктом новейшего времени—конца XIX и начала XX века.

Сельскохозяйственная кооперация захватила многие стороны сельского хозяйства и сумела занять настолько значительное место, что даже послужила основой для возрождения новых теоретических утопий: создания идеального кооперативного строя путем исключительно экономических преобразований, объединения миллионов мелких собственников и мирного, безболезненного завоевания буржуазного строя.

Основными видами сельскохозяйственной кооперации до последнего времени являлись: 1) кредитная кооперация, 2) общества по сбыту и закупке, 3) некоторые специальные общества, как то: контрольные союзы, страховые товарищества и т. п. и 4) артели, о которых мы уже говорили выше.

Потребительские общества, сильно развитые в деревне, обычно не относят к видам с.-х. кооперации, так как они не связаны непосредственно с с.-х. производством, а, наоборот, связаны с городской промышленностью.

Кооперация в России вообще, а в сельском хозяйстве в частности, начала развиваться и достигла серьезных размеров только после 1905 г. В течение десяти лет все виды кооперации далеко шагнули вперед.

Война 1914—1918 гг. не только не повела к ослаблению кооперативного движения, но, наоборот, дала толчок его развитию. На 1 января 1918 г. в России существовало 54 400 местных кооперативов. По отдельным видам они распадались следующим образом:

На 1 января 1918 г. существовало:

1) Кредитных кооперативов	16 500
2) Потребительских обществ	25 000
3) Сельскохозяйственных обществ	6 000
4) Сельскохозяйственных товариществ	2 400
5) Молочных артелей	3 000
6) Кустарных и иных кооперативов	1 500
Всего	54 400

[1] Сергей Маслов, «Трудовые земледельческие артели», стр. 22.

По этим данным мы можем судить об относительном развитии и распространении тех или иных видов кооперации. Мы видим, что, за исключением потребительской кооперации, наибольшее развитие и распространение имеет кредитная кооперация.

Сельскохозяйственная кооперация является объединенной в несколько крупных центральных организаций; во главе ее стоит сейчас «Сельскосоюз», по задачам своим являющийся аналогичным «Центросоюзу»—центру потребительской кооперации. Большую роль для с.-х. кооперации играют также такие организации, как маслосоюзы артелей—Вологодский и Сибирский.

Какое же место может занять с.-х. кооперация при новых общественных условиях и к а к о в о е е б у д у щ е е?

Вопрос имеет крайне серьезное значение для нашего социалистического строительства.

В капиталистическом, буржуазном строе кооперация имеет большое не только экономическое, но и общественное значение. Разные виды и формы кооперации не только приносят определенные хозяйственные блага и выгоды своим членам и не-членам, но и ведут борьбу с капиталистическими формами, борьбу и экономическую и идейную. Правда, эта борьба прежде всего обусловливалась присущей капиталистическому строю к о н к у р е н ц и е й. В капиталистическом строе господствует борьба каждого против всех и всех против каждого. Кооперативные организации естественно и неизбежно в своей экономической жизни и деятельности, поскольку они хотели существовать, вели эту борьбу, и не только против капиталистов, но сплошь и рядом и друг с другом.

Но кроме этой борьбы, выросшей на почве конкуренции, борьбы за существование, кооперативные организации, объединявшие тех, кого давил крупный капитал, объединялись и в борьбе против капиталистической системы. В рабочей кооперации—как организации классовой—эти элементы ярче и сильней выявлялись. В остальной—гражданской или сельскохозяйственной, т. е. по существу дела мелкобуржуазной, это проявлялось несравненно слабее. Последние два вида кооперативных организаций почти никогда не поднимались до сознания необходимости политической борьбы, свержения ига капитализма. Сфера их борьбы ограничивалась стремлением усовершенствовать свои экономические организации, улучшить положение своих членов или же чисто идейной проповедью своих кооперативных принципов и своих кооперативных добродетелей.

Определить, что такое кооперация, старались очень многие. Известны определения Туган-Барановского, Николаева, Прокоповича, Со-

мена Маслова и других кооператоров. Как типичное, приведем определение Семена Маслова [1]:

«Кооперация,—говорит он,—это, прежде всего, организация, объединение трудящихся.

Это объединение заключается в создании совместными усилиями трудящихся особых хозяйственных предприятий или хозяйственных организаций. Целью кооперативных организаций является устранение тех потерь и невзгод, какие причиняет трудящимся сила современного капитализма в его различных проявлениях. Таким образом кооперация—это добровольно организованная хозяйственная деятельность трудящихся, целью которой является повысить трудовой доход своих членов и по возможности освободить их от той дани, какую трудящиеся вынуждены переплачивать владельцам капитала».

По этому определению, довольно точному, мы видим те рамки, которыми ограничивалась деятельность кооперации вообще и с.-х. кооперации в частности.

Это—хозяйственная организация, ставящая своей целью повысить доход, улучшить условия жизни; но она не занимается вопросами изменения основ общественно-политического строя.

Подобная сущность кооперации в хищническом буржуазно-капиталистическом мире многим импонировала, а оппозиционность капиталистическим принципам многих привлекала.

Но в настоящих условиях Советской России, когда власть, вся власть, и экономическая и политическая, перешла в руки трудящихся, все эти черты кооперации изменяют весь свой смысл.

Оппозиционность государственной власти утрачивает свое значение, так как оппозиционность советской власти, власти трудящихся, обращается неизбежно в свою противоположность—в реакционность.

Поскольку кооперативные организации пытались стать на этот путь (например, в Сибири, на Урале), они неизбежно превращались в контрреволюционные организации, помогавшие власти капиталистов и помещиков.

Таким образом для кооперации—с точки зрения развития новых общественных форм—отнюдь не оставалось места для противопоставления себя новым государственным советским формам. Наоборот, изменив свое содержание, она стала основной дорогой в деревне строительства социализма.

---

[1] См. Семен Маслов, «С.-х. кооперация», стр. 10.

* *
*

В отличие от с.-х. артелей, деятельность которых заключалась главным образом в с.-х. производстве, с.-х. кооперация имела центром своей деятельности посреднические операции. Она стояла между городом и деревней и занималась сбором готовых продуктов и сбытом их в деревню—с одной стороны, сбором сырья, льна, масла, семян и т. п. и сбытом их в город или за границу—с другой. На это обстоятельство мало кто обращал внимание, апостолы кооперации заслоняли его, говоря о кооперации как о всеохватывающей, универсальной организации, а между тем именно в этом заключалась сущность с.-х. кооперации, дающая ключ к ее пониманию.

Действительно, наиболее сильные кооперативные организации, как маслодельные союзы, т-ва льноводов и другие, имеют прежде всего значение как посреднические, а не как производственные организации. Производство остается в руках отдельного хозяина, кооперативная же организация направляет свою деятельность на объединение продуктов отдельных мелких производителей.

С.-х кооперация в этом отношении играет роль крупного скупщика сырья, которое она опять-таки не переделывает в готовый продукт, а продает (например, лен, семя и т. п.). Конечно, есть исключения, но они не имеют существенного, определяющего характер кооперации значения. Роль товариществ по закупке с.-х. машин, так же как роль кредитных т-в, сводится к посредничеству, только не в роли скупщиков, а, наоборот, в роли оптовых торговцев.

Однако именно в этой стороне деятельности с.-х. кооперации заключается секрет ее устойчивости, способности к развитию и укреплению, какую она обнаружила в буржуазном обществе, не в пример земледельческим артелям, влачившим жалкое существование.

Своей посреднической деятельностью с.-х. кооперация отвечала жизненным, насущным потребностям деревни. Ее существование этим вполне оправдывалось, и эта ее экономическая деятельность являлась основной почвой, на которой она только и могла жить и развиваться.

Ее смысл заключается в одном слове—посредничество.

Своей экономической деятельностью она объединяет миллионы крестьянства. В советских условиях она становится на новый путь развития.

е) Сельскохозяйственные коммуны

С.-х. коммуна является одним из новейших видов коллективного хозяйства в деревне, продуктом нового социалистического строитель-

ства. Коммуна создается путем слияния мелких крестьянских хозяйств в общее крупное хозяйство.

В с.-х. коммуне (в ее развитых формах) происходит слияние мелких хозяйств. Земли объединяются в одно общее поле, с.-х. машины и орудия являются общими, скот точно так же является общим, общим же объединенным, является, наконец, труд. В силу этого коммуна в деревне сплошь и рядом находит себе ярых врагов среди мелких собственников, тяготеющих к буржуазии.

В газетах в 1918—1919 гг. немало было характерных известий, что в деревне зачастую можно наблюдать среди крестьян течение, которое провозглашает: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики», или: «Да здравствует советская власть, долой коммуну». Под такими лозунгами зачастую происходили крестьянские восстания и вооруженные выступления.

Внимательно присматриваясь к этому явлению, мы легко можем заметить, что дело тут не только в плохом поведении тех или иных коммунистов на местах, в их злоупотреблениях, произволе и т. п., что вызывает возмущение населения. Нет, вопрос глубже. В этих лозунгах, за их внешней несуразностью и бессмысленностью, скрыт в сущности определенный социальный смысл. Большевики отобрали у помещиков землю 25 октября 1917 года и объявили ее народной, пустили ее в «раздел»; коммунисты же хотят землю из частной сделать общественной, создают коммуны, где нет места для отдельного хозяйчика. Вот подкладка для того, чтобы кричать: «мы за большевиков, но против коммунистов»; здесь мы видим классовую борьбу мелкого собственника против социализма. Но более высокие экономические формы всегда все же в конце концов побеждают. Конечно, в силу окружающей нас социальной атмосферы, когда идет гражданская война как это мы неоднократно говорили, надеяться и рассчитывать на мирный процесс развития—утопия. К строительству новых экономических форм в деревне приступает, вполне естественно, тот элемент, который в меньшей степени связан с устойчивыми, консервативными формами крестьянской жизни и мелкого собственнического хозяйства.

Инициаторами являются выходцы из города или беднейшие слои деревни, которых материальные условия существования заставляют стремиться к новым хозяйственным формам.

«В коммуны идут, главным образом, пролетариат города, вернувшийся в деревню, и крестьяне-бедняки. Они преодолевают неимоверные затруднения и создают новый, высший тип хозяйства в чрезвычайно неблагоприятных для этого условиях: крестьянская масса недоверчиво и даже недоброжелательно относится к этим попыткам

передовых борцов»,—так характеризует положение член коллегии Народного комиссариата земледелия т. Кураев.

Таким образом развитие коммун наталкивалось на значительное сопротивление окружающей среды мелкого крестьянства. Оно тем более медленно могло совершаться, что по существу предполагало добровольное согласие мелкого собственника-крестьянина отказаться от своей собственности, слить ее с другими хозяйствами, образовать общие хозяйства. Там, где пытались насаждать коммуны принудительно, там получались лишь отрицательные результаты. Крестьяне восставали против принуждения. VIII Съезд коммунистической партии вполне правильно учел это обстоятельство и резко осудил давление и принуждение в этой области.

Организация коммун, особенно вначале и втечение последнего времени, шла по линии наименьшего сопротивления. Коммуны организовывались главным образом на бывших помещичьих землях. Последнее вполне понятно, если принять во внимание, что коммуны образовывались главным образом беднейшими слоями сельского населения, не имевшими или имевшими крайне мало своей земли. Даже такой сторонник сельскохозяйственных коммун, каким является тов. Гоймбарг, следующим образом описывает создание сельскохозяйственных коммун:

«Сначала,—говорит он,—коммуны заводились почти исключительно в бывших помещичьих имениях рабочими и безземельными. Теперь же коммуны начинают образовываться и на надельных землях, и в них идет уже малоземельный бедняк и даже середняк...

Например, из Могилевской губ. сообщают: 90% зарегистрированных коммун образовались на бывшей помещичьей земле, а 10%—на надельной крестьянской земле (в Могилевской губ. коммуны насчитываются сотнями). Из Вологодской губ. сообщают: большинство с.-х. коммун и артелей организовалось из бывших помещичьих усадеб и несравненно меньше—на надельных крестьянских землях. Или возьмем, например, коммуну Уфимской губ. «Заря свободы», организованную на 492 *га* помещичьей земли. Состав ее—исключительно беднота, местные и пришлые безземельные и городской пролетариат. Зато из Тверской губ. сообщают «о переломе настроения крестьян-середняков»... Такова картина создания с.-х. коммун.

По данным 1919 года, втечение полутора лет в Советской России образовано до 6 тысяч коммун, охватывающих площадь земли около миллиона *га*. В среднем, следовательно, на коммуну приходится до 110 *га* земли, но насчитывается значительное количество коммун, имеющих сравнительно небольшое количество земли: 44—55 *га*.

Процесс объединения крестьян в коммуны—крайне медленный и долгий процесс.

Рассчитывать здесь на быстрый успех совершенно не приходится. Крестьянская масса только тогда переходит к более высоким формам хозяйства, когда она на практике убедится в их преимуществе и превосходстве.

Вообще же, это старая и правильная истина, которая нашла свое полное подтверждение на практике, что к социализму крестьянин придет только после долгого убеждения на опыте в преимуществах нового строительства.

Помимо, однако, медленности развития, с.-х. коммуны обладают и другими отрицательными чертами, отдаляющими их от настоящих форм социалистического хозяйства. С.-х. коммуна была и остается самодовлеющей хозяйственной единицей. Ее интересы являются интересами ее членов. В этом отношении у нее общие черты с кооперацией.

С.-х. коммуна может считаться, но может и не считаться с общегосударственными интересами. Поэтому мы встречаем часто среди с.-х. коммун тип «самопотребляющей» организации, организации, которая существует только для себя, но не работающей и не производящей для всего общества. Таким образом с.-х. коммуны отнюдь не могут считаться законченным типом социалистического хозяйства в деревне. Они являются переходными ступенями, по которым идет, медленно и с трудом, многомиллионная масса крестьянства, направляясь в царство социализма,—на что понадобится немало лет.

ж) Советские хозяйства

Советское хозяйство—как его создали практика и законодательство советской власти—является прежде всего крупным хозяйством, ведущимся наиболее усовершенствованными орудиями производства и изо всех форм сельского хозяйства наиболее тесно связанным с промышленностью.

Советские хозяйства возникли непосредственно после Октябрьского переворота. Происхождение их обусловливалось самим объективным развитием народного хозяйства. Сразу же выяснилось, что часть крупных бывших помещичьих имений не может быть пущена в раздел, а должна быть сохранена как культурная ценность, имеющая громадное значение для организации всего сельского хозяйства.

Затем часть бывших имений не могла и не должна была быть отделена в силу тесной связи с промышленностью (свеклосахарные плантации; земли, на которых велись специальные культуры, и т. п.).

Наконец, потребительские задачи сделали необходимым концентрацию земли в руках советских органов. Все это, вместе взятое, привело к тому, что советские хозяйства с самого начала твердо стали на ноги и обогнали другие формы коллективного хозяйства в деревне. В настоящее время советские хозяйства занимают площадь земли в 1,64 млн. *га*.

Основными преимуществами советских хозяйств, как хозяйств социалистических, приходится считать:

1) большую концентрацию в области производства;

2) тесную связь с промышленностью, благодаря чему получается наилучшее достижение единства народного хозяйства;

3) непосредственную организационную связь с пролетариатом, чем облегчается и упрощается система управления.

Снабжение нескольких тысяч советских хозяйств орудиями производства, с.-х. машинами, семенами—проще, чем снабжение миллионов крестьянских хозяйств.

Точно так же и использование всех технических средств лучше может быть поставлено в советских хозяйствах; при распределении тех незначительных сравнительно ресурсов, какими обладала Советская Россия в области с.-х. машин и орудий, так как ей приходилось обходиться исключительно собственными силами и средствами, львиная доля, естественно, должна была доставаться советским хозяйствам. Правда, органы местные, а в некоторых отношениях и центральные, не отдававшие себе ясного отчета в значении и роли советских хозяйств, в интересах мелких собственников нарушали иногда планы снабжения, но жизнь в конце концов берет свое, и мы видим, что даже все бывшие прокатные пункты перешли к советским хозяйствам.

Значительные преимущества дают советские хозяйства и в смысле реализации результатов производства. Весь продукт поступает к государственным органам распределения, и этим создается та необходимая прочная, экономическая база, без которой советский строй не может существовать. Уже в настоящее время советские хозяйства дадут такое количество хлеба, благодаря которому удастся переждать наиболее трудный момент.

В то время как заготовка у отдельных хозяйств (напр., у 10 миллионов крестьянских дворов, имеющихся в Советской России)—задача неимоверно трудная, и концентрация зерна, естественно, протекает медленно,—в советских хозяйствах этот процесс упрощен, в них государство имеет сконцентрированные массы зерна, которые легко могут быть пущены к потребителю.

Организация управления—одна из важнейших задач.

Проблемы управления долгое время будут занимать одно из первых мест. Особенно трудно их разрешение в переживаемое нами время, когда нам приходится изживать проклятое наследие прошлого буржуазного строя.

Всякое управление в наше время требует специальных знаний. В области сельского хозяйства, когда первобытную соху сменили сложные плуги, когда работа трактора стала необходимой, когда удобрение играет выдающуюся роль,—без солидных агрономических знаний управлять нельзя.

Но вместе с этим главная масса специалистов проникнута всеми понятиями, всеми приемами, всеми предрассудками буржуазного строя.

Разрешение вопроса заключается в создании комбинированных органов управления, где наряду со специалистами должны быть представители рабочего класса.

Советское хозяйство вполне разрешает поставленную задачу. В управление советскими хозяйствами могут быть привлечены и представители рабочих, и не только с.-х. рабочих, но и промышленных, что особенно ценно, так как последние являются более организованными и сознательными. Подобная организация управления является сколком с организации управления заводами, фабриками и т. п.

В зависимости от того, в чьем ведении находятся советские хозяйства, определяется и состав управления.

Советские хозяйства находятся в непосредственном ведении:

1) Народного комиссариата земледелия (сюда относятся хозяйства и продовольственные);

2) советов (как городских, например, Московского, так и губернских);

3) индустриальных объединений и отдельных предприятий;

4) Высшего совета народного хозяйства (советские хозяйства промышленного значения, например, свеклосахарные плантации, табачные и т. п.).

Централизация и непременное участие специалистов в деле руководства советскими хозяйствами приводят часто к возрождению вредного бюрократизма, чиновничества, а из специалистов, особенно если они еще взяты из бывших помещиков или управляющих, создает тип «наемного барина» со старыми замашками и навыками.

Этого сразу, в первое время, не изжить. Пока не подрастут новые работники, новые свои специалисты, и злоупотребления, и бюрократизм, и все то скверное, что приносит с собою «наемное барство», к

сожалению, будет существовать, и с ним придется вести энергичную борьбу.

Но самая система, самые основы организации советских хозяйств сильнее этих «надстроек». В основе организации и управления советскими хозяйствами стоит с.-х. и городской пролетариат. И этот факт является определяющим все развитие советских хозяйств.

В управлении советскими хозяйствами непосредственное участие принимает и сельскохозяйственный пролетариат и пролетариат городской.

Действительно, профессиональные союзы с.-х. рабочих могли быть созданы и создались из работников в советских хозяйствах.

Иного пролетариата в деревне и не имеется. Чем больше будут расти и развиваться советские хозяйства, тем сильнее будет расти и с.-х. пролетариат. Благодаря этому социалистический строй получает крепкую, прочную основу в деревне.

И вместе с тем, благодаря тому, что управление советскими хозяйствами централизовано и многие советские хозяйства «приписаны», т. е. находятся в ведении тех или иных предприятий или групп предприятий, городской рабочий класс также принимает самое непосредственное участие в организации, деятельности и управлении советскими хозяйствами. Весь тот революционный опыт, каким обладает городской пролетариат в деле создания новых общественных форм, переносится благодаря этому в эту область народного хозяйства. Та живая связь между городом и деревней, к которой мы стремимся, создается только таким образом, и только на этом пути могут и в деревне вырасти прочные социалистические формы новой жизни.

Перед советскими хозяйствами развертывается широкий путь усовершенствований, улучшений; они являются настоящими основами для последующего, более яркого и мощного развития социализма в деревне.

з) Организация рабочей силы в деревне

Организовать крупное советское и коммунальное хозяйство в деревне, поднять там производство путем применения усовершенствованных орудий, поднять вообще культуру сельского хозяйства и ввести экономическую жизнь деревни в рамки социалистического развития возможно лишь тем самым путем, как и в промышленности, т. е. в первую очередь и главным образом—организацией с.-х. пролетариата и полупролетариата.

Это—основная предпосылка для дальнейшего экономического развития деревни.

Можно с полной уверенностью сказать, что без подобного рода организации, несмотря на самую великолепную пропаганду идеи коллективной обработки—коммун, советских хозяйств,—мы далеко не уйдем.

Только организация пролетарских и полупролетарских масс деревни даст возможность твердо наладить настоящий аппарат экономического управления в сельском хозяйстве.

Вместе с тем только подобного рода организация, широко разветвленная и мощная, послужит могучим орудием для борьбы с мещанскими, мелкобуржуазными стремлениями, которые неимоверно трудно будет изживать в деревне. Вопрос об организации сельскохозяйственного пролетариата и полупролетариата необходимо не только рассмотреть, но и поставить на определенную практическую почву и немедленно же приступить к его осуществлению, учитывая все трудности, какие при этом встретятся.

Организация сельскохозяйственных рабочих даже в Западной Европе была необычайно слабо развита. В России же, за исключением Западного края, рабочая масса деревни всегда находилась в распыленном состоянии. Постоянные сельскохозяйственные рабочие, которых до войны насчитывалось до 3 миллионов, также сроковые и поденные рабочие, общее количество которых достигало раньше приблизительно 12 миллионов человек, представляли из себя совершенно неорганизованную многомиллионную массу, в определенное время года стихийно отливавшую из одних мест (главным образом из центральных губерний) и приливавшую в другие (в Поволжье, Донскую область, Таврическую губернию). Только в небольшом количестве пунктов, где происходило скопление рабочих, открывались особые пункты, а в последнее время—1914—1917 гг.—были открыты биржи труда. Не приходится доказывать, насколько сильно эта распыленная, неорганизованная масса рабочих подвергалась эксплоатации.

Условия труда, заработная плата, были по сравнению с условиями промышленных рабочих неизмеримо худшими. Только естественные, «природные» условия спасали в известной степени положение.

Помещичье-буржуазный строй с о з н а т е л ь н о противился всякой возможности организации этой дешевой рабочей силы, так как великолепно учитывал все преимущества, какие давала ему—в целях большей эксплоатации—подобная неорганизованность. Даже биржи труда и больничные пункты для с.-х. рабочих были на подозрении, и их не давали организовывать в сколько-нибудь широком масштабе.

Таково было положение с.-х. рабочих до революции. Но и Ф е в р а л ь с к а я р е в о л ю ц и я 1917 года не изменила его. Помещичий строй в деревне продолжал существовать. Временное правительство

робко говорило о необходимости аграрной реформы, но предлагало «ждать» Учредительного собрания. И только нараставшая стихия крестьянского движения—там, где она побеждала, вопреки воле и желанию соглашательских, господствовавших в то время, партий,—разрушала помещичий уклад деревни. Но все же общие условия в деревне продолжали оставаться такими, что создание организации с.-х. пролетариата представлялось невозможным.

Октябрьская революция, поставившая у власти рабочий класс, изменила в корне все положение в деревне и впервые поставила на реальную почву создание организации с.-х. пролетариата и полупролетариата. Помещичий строй был уничтожен до основания. Но и в крестьянской массе наметились определенные оформления, до сих пор совершенно отсутствовавшие.

Первой, во многих отношениях, конечно, несовершенной, формой, но в социальном отношении имевшей огромное значение, были повсеместно созданные комитеты бедноты.

Комитеты бедноты явились организацией одной лишь беднейшей части деревни и противостояли, как организация беднейшего крестьянства, зажиточной, буржуазной, «кулацкой» части крестьянства. Комитеты бедноты организовывались по экономическому признаку, имели экономические задачи—улучшить положение беднейшего крестьянства.

Некультурность и отсталость крестьянской массы, естественно, вносили много темного и ненормального в деятельность комитетов бедноты, но тем не менее впервые в истории полупролетарская масса деревни получила свою организацию и сделала первые попытки стать на собственные ноги и проявить самостоятельность.

Комитеты бедноты сыграли громадную роль в уничтожении помещичьего быта в деревне. Они явились во многих случаях опорными пунктами при организации снабжения.

Комитеты бедноты, однако, все же были крайне несовершенной организацией. Они не были связаны между собой. Пролетарский элемент в них был в меньшинстве. Распыленность крестьянской массы не была преодолена. Связи с профессиональными организациями городских рабочих у них не было никакой.

Намечалась определенно необходимость перехода к более устойчивым формам организации с.-х. пролетариата и полупролетариата.

Формы организации и даже способы организации с.-х. пролетариата—с одной стороны, и полупролетарской массы или, иными словами, беднейшей части крестьянства, с другой—различны.

Естественной формой экономической организации с.-х. рабочих является профессиональный союз.

Задачи профессионального союза с.-х. рабочих, само собою разумеется, остаются теми же самыми, что и задачи профессиональных союзов промышленных рабочих, как они определились в послеоктябрьский период.

Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, происходивший в январе 1918 года, так определил эти задачи:

«Центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построены по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны. Самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности и т. п.,—таковы задачи дня. Особенное внимание должно быть посвящено централизации профессионального движения во всероссийском масштабе и организации мощных союзов сельскохозяйственных рабочих».

Следующие затем съезды советов народного хозяйства и Второй всероссийский съезд профсоюзов подтвердили и укрепили эти основные задачи профессионального движения, определенные первым съездом профессиональных союзов, причем в резолюциях и постановлениях съездов особенно подчеркивалась необходимость организации с.-х. рабочих.

Таким образом в задачи профессионального союза с.-х. рабочих входит не только охрана труда с.-х. рабочих, установление норм заработной платы, распределение рабочей силы, но и участие в управлении сельским хозяйством.

Управление советскими хозяйствами—грандиозное дело. К этому делу, по примеру привлечения городских рабочих в заводоуправления, в главные правления, в отделы советов народного хозяйства и Высшего совета народного хозяйства, привлекаются с.-х. рабочие.

У нас уже при Народном комиссариате земледелия и при Высшем совете народного хозяйства имеются отделы советских хозяйств и главное управление советскими хозяйствами, которые ведают распределением земли, семян, орудий, агрономических сил и т. д. и т. п. В эти органы обязательно вводятся представители профессионального союза с.-х. рабочих.

На местах в управления советскими хозяйствами, в отделы местных органов, ведающих этими хозяйствами, точно так же должны быть введены представители профессионального союза сельских рабочих.

Профессиональный союз сельских рабочих будет являться одной из составных частей всей профессиональной организации, и не будет более прочной, органической, тесной спайки между городом и деревней, чем подобное объединение городских и с.-х. рабочих.

Основным ядром профессионального союза сельских рабочих являются рабочие советских хозяйств, где имеется, конечно, значительная примесь городских рабочих.

Профессиональный союз сельских рабочих имеет огромное будущее.

Само собой разумеется, что в настоящее время мы можем создать профессиональный союз главным образом из работников в советских хозяйствах, так как с уничтожением помещичьего землевладения наемный труд частного характера в сельском хозяйстве почти совершенно исчез. Но развитие советских хозяйств будет увеличивать количество рабочих, работающих на государство в сельском хозяйстве и получающих средства к жизни (в денежной и натуральной форме) от государства, и тем самым будет увеличиваться база профессионального союза работников в сельском хозяйстве.

Точно так же те отрасли промышленности, которые тесно связаны с сельским хозяйством, как, например, свеклосахарная, картофельно-терочные заводы, винокуренные, молочное хозяйство и т. п., будут также давать значительный контингент с.-х. рабочих.

* * *

Несравненно более сложное и трудное положение в отношении организации полупролетарских масс в деревне.

Самая масса полупролетариев крайне неустойчива и трудно поддается организации в широком масштабе.

Если с.-х. рабочие были неорганизованы раньше, главным образом в силу политических условий, которые им не удавалось преодолеть в такой степени, как рабочим в промышленности, то полупролетарская масса была распылена не только в силу политических, но и экономических условий своего существования.

Настоящие условия коренным образом меняют положение и полупролетарской массы.

В целях улучшения своего положения, в целях поднятия своего производства, она ищет и будет стремиться найти те формы организации, которые позволили бы ей достичь цели.

Но самый состав полупролетарской массы говорит за то, что в экономическом отношении найти о д н у какую-либо форму для объединения нельзя. Формы организации будут самые разнообразные и различные.

Состав крестьянской массы втечение революции вообще должен был претерпеть самые существенные изменения. Мы уже указывали на то, что та 3-миллионная армия с.-х. рабочих, которая была до революции сконцентрирована в помещичьих и вообще крупных хозяйствах, после того, как 90% помещичьей земли пошло в раздел, естественно, должна была принять иные формы.

Такие же изменения должны были претерпеть и другие условия, определявшие диференциацию крестьянства.

Главные признаки, по которым раньше определяли социальный состав крестьянства и делили его на капиталистический верхний слой, средний слой («середняк») и полупролетарскую массу, были:

1) количество земли, приходившееся на двор;

2) отношение к рынку (т. е. количество продаваемых с.-х. продуктов);

3) труд, т. е. хозяйства, прибегавшие к наемному труду, обходившиеся без наемных рук, и, наконец, та полупролетарская и пролетарская масса, которая вынуждена была жить продажей своей рабочей силы в полной мере или в известной степени[1].

Споры, которые горячо велись о социальном составе крестьянства и относительно перспективы развития его, зачастую происходили оттого, что в основу брался какой-либо один признак, а не совокупность их.

Одно только количество, например, земли, конечно, не дает еще возможности сказать—капиталистическое хозяйство перед нами или нет. Многосемейный крестьянский двор может обладать относительно бо́льшим количеством земли и тем не менее обходиться без наемной силы и не иметь возможности продавать значительного количества продуктов на рынке.

Наиболее характерный признак—это применение наемного труда, хотя и здесь нужна поправка по отношению к тем хозяйствам, в которых наемный труд применяется в силу того, что сам хозяин или занят каким-нибудь промыслом, или же хозяйство лишено за смертью, болезнью и т. п. главного работника.

Несмотря, однако, на коренным образом изменившиеся условия и на внутренние передвижки в крестьянской массе, основное деление—на

---

[1] См. по этому вопросу работы В. И л ь и н а, Развитие капитализма в России; А. В. Ч а я н о в а и Н. П. М а к а р о в а, Природа крестьянского хозяйства; Б. Н. К и п о в и ч а, К вопросу о диференциации русского крестьянства; С у х а н о в а и др.

крестьянскую буржуазию («кулачество»), на среднего крестьянина и на полупролетарскую и пролетарскую массу—остается верным и теперь и будет существовать еще долгое время.

Обращаясь к цифровым данным, имеющимся в нашем распоряжении, а именно к данным с.-х. переписи 1917 года (по 19 губерниям), мы имеем возможность, в результате массового обследования, получить представление о расслоении крестьянства.

Анализируя эти данные, мы видим, что из 4 954 144 крестьянских хозяйств 103 003 хозяйства прибегали к наемному труду. Иными словами, 2% крестьянских хозяйств могут быть отнесены безоговорочно к числу тех, которые являются крестьянскими хозяйствами, принявшими определенно капиталистический характер. По отдельным губерниям (Уфимской, Саратовской, Черниговской) процент этот возрастает до трех.

Наемных рабочих на эти хозяйства приходится 129 тысяч. Таким образом бóльшая половина этих хозяйств имеет по одному постоянному наемному рабочему, а меньшая—по два рабочих в среднем на хозяйство.

Если мы обратимся к другому полюсу крестьянской массы, то из этих данных мы видим, что количество б е з з е м е л ь н ы х в 19 губерниях составляет 185 140 хозяйств, или, иными словами, почти 4%, количество б е с п о с е в н ы х составляет уже 9%, и, наконец, если мы возьмем количество н е и м е ю щ и х р а б о ч е г о с к о т а, то таковых из 4 954 144 хозяйств насчитывается уже целых 1 364 977 хозяйств, или почти 30%. Последняя цифра дает по существу понятие о главном ядре п о л у п р о л е т а р с к о й м а с с ы.

Остальные 66% крестьянских дворов также не представляют из себя однородной массы. Среди них имеется значительнейший процент однолошадных, однокоровных, с посевом в 1,09 *га* и т. п., а с другой стороны—значительная часть зажиточного, богатого крестьянства. Но полюсы расслоения довольно точно определяются вышеприведенными данными.

Будет довольно безошибочным расчетом, если мы будем считать процентов 40 средних крестьян, процентов 50 пролетарской и полупролетарской массы и процентов 10 вполне определенной буржуазной зажиточной массы крестьянства. Таковы данные, характеризующие дифференциацию крестьянства по переписи 1917 года.

Однако простое перенесение расчетов расслоения крестьянства в настоящие условия совершенно не может иметь места.

За годы войны и революции, особенно с усложнением и ростом продовольственного кризиса в городах, на процесс расслоения крестьян главное влияние должен был оказывать р ы н о к.

Известные слои крестьянства необычайно быстро наживались на продаже с.-х. продуктов, благодаря острому недостатку последних и бешеному росту цен.

Расслоение деревни должно было пойти и пошло несравненно быстрее, чем раньше.

Зажиточное и «крепкое» крестьянство наживалось и поднималось над остальной массой. Появился тип скупщика, посредника, «мешечника», сделавшего для себя профессию из контрабандной продажи хлеба. С другой стороны, потребляющее крестьянство острее должно было почувствовать свое положение в отношении «вывозящего» крестьянства.

Сокращение возможности отхожих промыслов, сокращение городской промышленности, которое выбросило новые массы рабочих сил в деревню, поставило вопрос перед полупролетарской массой деревни—всеми способами и всеми средствами поднять свое сельское хозяйство.

Но, как мы видели выше, лишенная в значительной части рабочего скота, средств и орудий производства, эта масса может подняться и улучшить свое положение только на пути объединения в различного рода производственные союзы. Производственные союзы полупролетарской массы, в виде отдельных трудовых артелей, с.-х. кооперативов, союзов для совместного получения и пользования с.-х. машинами и орудиями—таков единственный путь, по которому может совершаться улучшение положения полупролетарской массы, насчитывающей в своих рядах десятки миллионов. Объективные условия властно толкают на этот путь.

Процесс объединения полупролетарской массы деревни—длительный и трудный, но он будет итти, ибо к этому приводит вся совокупность окружающих условий. Только таким путем деревня сможет твердо встать и поднять свой уровень во всех отношениях.

Резюмируя все сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Развитие новых, социалистических, форм сельского хозяйства требует профессиональной организации «работников земли», мощный профессиональный союз которых поведет более быстро и правильнее строительство новых форм жизни в деревне и явится действительной, неразрывной связью города и деревни.

2. В интересах улучшения положения беднейшего крестьянства, полупролетарской массы деревни и поднятия ее хозяйства—необходимо развитие производственных объединений ее в виде трудовых артелей, с.-х. кооперативов и т. п., финансовая и всякая иная поддержка их производства со стороны государственной власти.

и) Развитие законодательства советской власти о земледелии

Законодательная деятельность советской власти в России о земледелии лишь подтверждает правильность одного из основных положений марксистского взгляда на право, что оно является лишь надстройкой, выражением объективного процесса экономического развития.

Если бы наши декреты, постановления и резолюции не шли бы нога в ногу с развивающейся жизнью, то они явились бы никому ненужными бумажками.

Но советское законодательство именно тем и ценно, что оно стремится выразить действительно живую революционную деятельность рабочих и крестьянских масс, вылив ее в определенные обязательные нормы. Декреты стремятся не только закрепить завоеванное у старого мира, но дать толчок, создать благоприятные условия для развития новых, социалистических, форм.

Все это мы находим, рассматривая декреты и постановления, касающиеся земли и организации деревни.

Эти декреты и постановления мы можем и по содержанию и по времени издания разделить на две основных группы.

Первую группу составляют те декреты и постановления о земледелии, которые издавались в период с 25 октября 1917 г. по июнь 1918 года. В этих декретах нашла свое отражение революционная борьба рабочих и крестьян против помещиков, отобрание земли, объявление ее общественной собственностью, создание органов, в ведение которых земля передается, инструкции этим органам и тому подобное.

В этот период мы еще не видим отражения социалистического строительства в деревне, а видим главным образом разрушение старого помещичье-полицейского и буржуазного строя.

Вторая группа охватывает декреты, постановления и инструкции, изданные с половины 1918 года и до нашего времени (т. е. конца 1919 года). В этих декретах мы находим уже выражение того процесса строительства и организации с.-х. коммун, какой начался в деревне. Причем во второй половине 1919 года все больше и больше места отводится законодательству, касающемуся советских хозяйств, что служит лишним доказательством того, что эта форма начинает получать в сельском хозяйстве все более и более серьезное значение.

На декретах этой второй группы сказалась уже положительная, творческая работа, которая была проделана и проводится в деревне по созданию новых социалистических форм.

Таковы эти две группы декретов и два фазиса законодательной деятельности советской власти, на которых нам необходимо сосредоточить внимание, подходя к разбору их с точки зрения практики творчества нового социалистического строя и единого народного хозяйства.

Первая группа декретов о земледелии, с 25 октября 1917 г. по июнь 1918 г.

К этой группе мы относим 7 основных декретов и одну инструкцию. (Второстепенного характера постановлений мы пока не касаемся.) Декреты эти нижеследующие:

1) Декрет об отмене собственности на землю (принят на II Всероссийском съезде Р. и С. Д. 26 октября 1917 г., в 2 ч. п.).

2) О волостных комитетах (3 ноября 1917 г.).

3) Постановление о монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными орудиями и машинами (30 ноября 1917 г.).

4) О сохранении «советов лесничеств», организованных для управления государственными лесами (6 декабря 1917 г.).

5) Положение о земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений (4 декабря 1917 г.).

6) Декрет о запрещении сделок с недвижимостью (19 декабря 1917 года).

7) Декрет о социализации земли (6/19 февраля 1918 года).

8) Временная инструкция о переходных мерах по проведению в жизнь закона о социализации земли.

Названия декретов говорят об их содержании. Почти все они (за исключением декретов о монополии на с.-х. машины и охране лесов) относятся к вопросам о земле и органам, ведающим ее распределением.

В своей речи, которую нам уже приходилось цитировать, тов. Ленин, при принятии первого декрета о земле, 26 октября 1917 г., сказал:

«Правительство Рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты... В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных советов крестьянских депутатов.

Здесь раздаются голоса, что самый декрет и наказ составлены с.-р. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен? Но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановления народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить

полную свободу творчеству народным массам. Старое правительство свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный во прос с помощью несменной старой царской бюрократии. Но вмест разрешения вопроса, бюрократия только боролась против крестьян Крестьяне кое-чему научились за время нашей 8-месячной революции они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемс против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика и местные условия в ней различны. Мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В дух ли нашем, в духе ли эсеровской программы, не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет. Пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

В этих словах изложена вся та политика, какой руководствовалась советская власть в эти первые месяцы в земельном вопросе.

Центр тяжести заключался в закреплении завоеваний, сделанных Рабоче-крестьянской революцией.

Три основных мысли заключаются во всех декретах этого периода. Эти мысли развиты и детализированы во многих пунктах, но они красной нитью проходят через все декреты и по становления.

Во-первых, закрепление законом того положения, что помещичья власть уничтожена и земля переходит в собственность народа.

Пункты 1 и 2 исторического первого декрета о земле говорят:

«Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа».

«Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными по стройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение во лостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания».

В декрете говорится только лишь о помещичьей, монастырской, церковной земле. О земле крестьян в п. 5 сказано, что «земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются».

Но в наказе, приложенном к декрету «для руководства», говорится, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и кре-

ственная и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»[1].

Декрет о социализации земли (19 февраля 1918 г.) уже не только «для руководства», но и для исполнения, постановляет, что:

«1) Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской советской федеративной социалистической республики отменяется навсегда.

2) Земля без всякого (явного или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа».

Так был закреплен переход земли в руки всего общества—этот один из наиболее важных актов Октябрьской революции, и фактически и юридически закрепленный советской властью.

Второе важное положение: кому поручает советская власть распоряжаться землей, каким органам и организациям на местах вменяется в обязанность «землеустройство» на новых началах. Относительно этого мы имели ряд декретов и инструкций.

Вначале такими органами были «волостные комитеты», затем «земельные комитеты» во главе с «главным земельным комитетом» и последняя стадия—«земельные отделы советов». Организация и волостных и земельных комитетов была лишь временной, переходной стадией к развитой советской организации.

В Положении о волостных земельных комитетах (от 3 ноября 1917 г.) сказано, что на них возлагается обязанность «скорейшей и окончательной ликвидации всех пережитков крепостного права», «учет земли»; они же «определяют площади пахотной земли, подлежащей обязательной обработке; отводят селам и деревням определенные пахотные участки» и т. п.

Состав волостных земельных комитетов определяется путем выборов на основе «всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

Относительно связи с советами, относительно общего плана распределения земли, организации сельского хозяйства и т. п.—здесь ничего. Это действительно временные органы для решения тех вопросов, которые могли возникнуть сразу после переворота.

6 декабря 1917 г. распубликовано уже подробное Положение о земельных комитетах и инструкция к нему.

В организации земельных комитетов наблюдаются те же недостатки, что и волостных: недоговоренность относительно взаимоотно-

---

[1] Подчеркнуто везде мною.—*В. М.*

шений с советами и большая громоздкость---таковы отрицательные стороны этих органов.

Земельные комитеты учреждаются трех видов: «губернские (областные), уездные (окружные) и волостные земельные комитеты»; возглавляет их «главный земельный комитет».

Состав их крайне разношерстный.

Ст. 5 говорит, что «волостной земельный комитет избирается на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права из расчета от каждых 500 человек населения по одному члену. В состав волостного земельного комитета входят также представители смежных волостей, по одному от каждой волости». Таким образом получается целый парламент в 30—40 человек.

В состав уездных земельных комитетов входят по одному представителю от волостных и кроме того: «один представитель от земства и один член, избираемый городской думой уездного города» (ст. 6). Это уж такой пережиток буржуазного строя, который сейчас в Советской России как-то странно звучит, и многим покажется ни с чем несообразным это представительство от «земства и городской думы».

То же самое мы видим и относительно губернских земельных комитетов, в состав которых входят представители от «земства и городской думы», а наряду с ними—представители от советов рабочих и солдатских депутатов.

Главный же земельный комитет представлял многолюдный парламент, куда входили «представители губернских (областных) земельных комитетов по одному от каждого; 25 представителей от Всероссийского совета крестьянских депутатов; 12 представителей от Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов; представители политических партий, по одному от каждой, по постановлению главного комитета; представители крупнейших ученых экономических и сельскохозяйственных обществ и т. д. и т. п.»—еще целая куча представителей.

Вся эта «парламентская» система органов управления, которая буквально покрыла всю страну, в свое время имела серьезное воспитывающее, пропагандистское и организационное значение для масс, приступивших к управлению. Но в смысле деловитости, быстроты решений, практичности подобные организации были малопригодны.

В настоящее время, как известно, мы перешли к маленьким коллегиям в 3—5 человек, ведающим всем делом и ответственным за него. Такие же громадные органы, как вышеприведенные, кажутся нам какими-то допотопными мастодонтами, неповоротливыми и медлительными!

Но, повторяем, через эти органы мы должны были пройти, чтобы притти к нашим маленьким коллегиям.

Задачи земельных комитетов были точно и подробно определены: учет земли, охрана хозяйств от обесценения, распределение земли, распределение инвентаря, контроль и организация производства. Таковы функции земельных комитетов.

Наконец, с реорганизацией земельных комитетов и с превращением их в земельные отделы советов, к чему привела сама жизнь, так как укрепившиеся советы сосредоточили в своем ведении различные стороны общественной деятельности, в том числе и земледелие, во всем его многообразии,—органы управления в земледелии стали на твердую почву. Они были объединены с общей советской системой. Тем самым и политика их получила более выдержанный характер.

Положение о земельных отделах исполкомов было опубликовано в мае 1919 г. О нем мы скажем ниже.

Третье основное положение относится к установлению принципов распределения земли.

Кто имеет право пользоваться землей, как распределяется земля, по какой норме происходит распределение,—таковы основные вопросы в этой области.

Именно в вопросах о пользовании и распределении земли сказалось с наибольшей силой то влияние народничества и эсеровщины, о которых говорил в своей речи тов. Ленин. Последующая практика, как мы знаем, изживала это влияние, а развитие нового социалистического хозяйства еще скорей изживет его. Но в разбираемый нами период, поскольку крестьянские массы стояли за определенные формы пользования и распределения земли, постольку эти формы нашли свое отражение и в декретах.

В крестьянском наказе о земле, распубликованном как часть декрета 26 октября 1917 г. о земле, говорится:

Ст. 6. «Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается».

Ст. 7. «Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Формы пользования землею должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная,—как решено будет в отдельных селениях и поселках».

Ст. 8. «Вся земля по ее отчуждении поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления»...

Таким образом мы здесь видим регулирование отношений между мел
кими производителями. На первом плане говорится о разделе земл
«Наемный труд не допускается». Коллективные формы земледели
предоставлены на свободное усмотрение. Зато имеется «уравнительна
система».

Декрет о социализации земли (19 февраля 1918 г.) делае
несколько шагов вперед, но все же проникнут тем же духом.

Ст. 3 говорит: «Право пользоваться землей принадлежит лишь тем
кто обрабатывает ее собственным трудом, кроме случаев, особо пред
усмотренных настоящим законом».

Тут мы имеем уже предвидение того, что могут быть «особые
случаи, когда от мелкого производителя, обрабатывающего землю соб
ственным трудом, мы перейдем к более сложной системе.

Еще сильнее сказывается эта тенденция в п. 9 ст. 11, где в задачи зе
мельных комитетов входит «развитие коллективного хозяйства в земледе
лии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за сче
единоличных хозяйств, в целях перехода к социалистическому хозяйству

Но уже в статье 12 опять говорится, что «распределение земл
между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовы
началах, так, чтобы потребительная трудовая норма, применяясь в
данном районе к исторически-сложившейся системе землепользования,
не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хо
зяйства и в то же время давала бы возможность безбедно существовать
семье земледельца».

Как видим, во всех этих статьях в центре стоят «потребительские
интересы крестьянина, мелкого производителя. Совсем обходится мол
чанием вопрос, а как же быть с обслуживанием потребления городов,
как удовлетворить интересы единого народного хозяйства?

Ясно, что все эти положения могли носить лишь кратковременный
характер. Жизнь через несколько месяцев перешагнула через эти
статьи, ограниченные лишь кругозором мелкого производителя.

В общем, во всех этих декретах нашло свое отражение то поло
жение, какое наблюдалось первоначально и во всех других областях:
советские органы вначале старались лишь регулировать отношения,
но не управлять. К управлению, к строительству и организации
новых форм пришлось приступить лишь тогда, когда окрепли органы
советской власти. А это произошло приблизительно спустя 6—8 месяцев.

В промышленности стало возможным приступить к этому раньше,
в сельском хозяйстве—позже. Но и там и тут мы от регулирования
перешли к управлению, к сознательной и планомерной организации
хозяйства на новых социалистических началах.

Вторая группа декретов и постановлений о земледелии

Группа эта охватывает период с половины 1918 года и по 1919 год включительно.

В это время развертывается работа по строительству социалистического хозяйства в деревне: с.-х. коммун и советских хозяйств. Эта работа находит свое полное отражение в декретах и постановлениях советской власти. Советские органы на местах относительно окрепли, и стала возможной творческая работа по созданию новых форм.

В этих декретах окончательно закрепляется объединение органов, ведающих земельными отношениями, с советскими органами. Старая оторванность земельных комитетов ликвидируется. Затем, при распределении земли, уделяется значительное внимание на удовлетворение нужд новых коллективных хозяйств и, наконец, в третьих, определяются конкретные формы коллективного хозяйства, т. е. с.-х. коммуны и советские хозяйства, их организация, управление и т. п. Вот, в сущности, основные идеи законодательства этого периода, резко отличные и особенные по сравнению с теми, которые мы рассмотрели выше.

Тут мы находим уже ясно выраженное стремление к созданию социалистического управления в деревне, а не только регулирование тех отношений, какие складывались на развалинах помещичьего строя.

Основными декретами этого периода являются следующие:

1) Положение о земельных отделах губернских, уездных и волостных исполкомов (10 мая 1919 г.).

2) Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (14 февр. 1919 г.).

3) Декрет об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата (15 февр. 1919 г.).

4) Инструкция по применению Положения о социалистическом землеустройстве.

5) О порядке отвода земель (16 мая 1919 г.).

Еще 3 июля 1918 г. Совет народных комиссаров постановил:

«В целях организации сельского хозяйства на социалистических началах... ассигновать в распоряжение Народного комиссариата земледелия десять (10) миллионов рублей на осуществление широких мероприятий по организации земледельческих коммун и на выдачу ссуд и пособий коммунам».

Этим постановлением был заложен фундамент для деятельности по организации с.-х. коммун. На местах началась энергичная работа. Правда, как и можно было ожидать, главное внимание уделялось с.-х. коммунам, а не советским хозяйствам. Процесс узаконения более со-

вершенных форм социалистического строительства происходил постепенно, поднимаясь снизу вверх.

27 июля 1918 г. было опубликовано следующее характерное постановление Московского губернского съезда советов:

«Задачей текущей земельной политики пролетариата и беднейшего крестьянства является организация земледельческих коммун и советских коммунистических хозяйств. Делить землю, скот и пр. с.-х. инвентарь бывших частновладельческих имений в постоянное пользование трудового земледельческого населения по едокам выгодно только лишь богатому крестьянству. Единственное спасение бедноты—это организация коммун трудовых групп для совместной коллективной обработки земли и создание крупных, правильно поставленных хозяйств». Однако разграничение в понятиях между коммуной и советским хозяйством—крайне туманно. По этому постановлению, коммуны организуются на бывших помещичьих землях: «Не разрушать и не делить надо помещичьи имения, а следует забирать их в целом виде коммуной»... Ни звука не говорится о с.-х. коммунах, как о слиянии мелких производителей.

Относительно сущности советских хозяйств постановление обнаруживает также крайне отдаленное представление, рассматривая их как хозяйства, организуемые лишь на «пустующих» с.-х. площадях.

«Неотложной также задачей является организация советских коммунистических земледельческих хозяйств... Все необработанные и пустующие с.-х. площади должны быть во что бы то ни стало обработаны советами».

Циркуляры и постановления Народного комиссариата земледелия также характерны своей неопределенностью.

Но с 1919 года вопрос уже стал на твердую почву. В феврале 1919 г. были изданы: подробно разработанное Положение о социалистическом землеустройстве и декрет о советских хозяйствах, в мае месяце—Положение о земельных отделах и в сентябре—Инструкция об управлении советскими хозяйствами.

Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию издано 14 февраля 1919 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов. Оно состоит из 9 глав и представляет собою выдержанное изложение мер по организации социалистического землеустройства.

Ст. ст. 3 и 4 I главы указывают ту основу, на которой построено Положение:

Ст. 3. «Для окончательного уничтожения всякой эксплоатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основах

социализма с применением всех завоеваний науки и техники, воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшим средством для достижения этой цели. Поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть, как на переходящие и отжившие».

Ст. 4. «В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Россию наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда. В соответствии с этим, землеустройство обнимает собою совокупность мероприятий технического характера, направленных к постепенному обобществлению единоличного землепользования».

В этих статьях Положения мы видим, что курс взят на социалистическое управление сельским хозяйством. Следующие главы лишь более детально конкретизируют глубоко-правильные положения.

Глава II разрешает важный вопрос: «какие земли и кому отводятся»:

Ст. 7. «Землеустройству подвергается вся площадь сел.-хоз. фонда».

Ст. 8. «Этот земельный фонд используется в первую очередь—для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь—для нужд трудовых артелей и товариществ и для общественной обработки, в третью—для добывания средств к существованию единоличных землепользователей».

Конечно, здесь намечена лишь линия общего направления земельной политики, осуществление же может последовать лишь через долгий срок.

Ст. 9 очерчивает тот круг земель, которые отнюдь не могут подлежать разделу для единоличного пользования. Сюда относятся «земли, находящиеся в ведении советских и общественных культурно-просветительных учреждений (с.-х. школы, опытные поля и т. п.), бывшие земли нетрудового пользования, на которых организованы или предполагается организовать советские хозяйства» и т. д., и, наконец, «все вообще земли, ко времени вступления в силу настоящего Положения еще не распределенные в единоличное пользование».

Все остальные земли безусловно могут подлежать распределению в единоличное пользование в пределах, установленных для каждого района норм пользования.

В то время как в предыдущих декретах мы не находим определенных указаний на формы организации коллективного хозяйства, в этом По-

ложении, наоборот, даны точные указания и относительно советских хозяйств и относительно с.-х. коммун.

Главы V и VI целиком посвящены советским хозяйствам. Мы приведем наиболее важные пункты этих глав.

Ст. 29. «Советские хозяйства организуются в целях: а) наивозможно большего увеличения продуктов путем поднятия производительности сельского хозяйства и расширения посевной площади; б) создания условий для полного перехода к коммунистическому земледелию; в) создания и развития культурно-агрономических центров».

Ст. 30. «В целях наиболее успешного проведения задач, указанных в ст. ст. 3 и 29 настоящего Положения, под советские хозяйства отводится: а) имения с ценными многолетними культурами, как то: садами, огородами, плодовыми питомниками, виноградниками, хмельниками, чайными, табачными, свекловичными и хлопковыми плантациями; б) имения с рациональными хозяйствами; в) имения со сложными техническими оборудованиями по обработке с.-х. продуктов (сыроварни, маслобойни, маслодельные заводы, виноделия и фруктовых вод и т. п.); г) имения с развитыми специально отраслями животноводства, как то: коннозаводством, племенным скотоводством, овцеводством и пр.; д) имения с развитым технически-промышленным делом (ремонтные мастерские с.-х. машин, орудий и пр.); е) имения с прудами, озерами в целях промышленного развития рыболовства, а также ж) сельскохозяйственные предприятия и участки земли, имеющие в учебно-показательном, культурно-просветительном или производственном отношении общегосударственное или особо важное местное значение».

Ст. 32. «Советские хозяйства общегосударственного значения находятся в непосредственном ведении Наркомзема».

В главах о советских хозяйствах мы находим необычайно важные статьи, говорящие о привлечении индустриального пролетариата к контролю и управлению в области земледелия.

Ст. 35 Положения говорит: «В целях применения к сельскому хозяйству организационного опыта промышленных рабочих, при Нар. ком. земледелия учреждается по соглашению с Всероссийским советом профессиональных союзов р а б о ч и й комитет содействия, посылающий уполномоченных из числа наиболее надежных, опытных и сознательных промышленных рабочих в губернские и районные управления и отдельные хозяйства, согласно вырабатываемым Наркомземом инструкциям».

Ст. 36. «Для организации советских хозяйств и управления ими учреждаются губернские, районные и местные управления советских хозяйств, подчиненные в своей деятельности подотделу советских хо-

яйств отдела обобществления сельского хозяйства Нар. ком. земле-елия.

Таким образом промышленный пролетариат привлекается к делу правления сельским хозяйством. Правда, это привлечение далеко еще е полное. Рабочие комитеты «содействуют» только. Но все же это ерьезный шаг вперед. Жизнь, как мы знаем, пошла дальше законо-ательства. Значительное количество земли и бывших помещичьих име-ий поступило в полное ведение фабрик и заводов, «приписано» к ним. акое «привлечение» земли к рабочим, а не рабочих к земле, является, ечно, еще более действительным средством воспользоваться опытом знаниями промышленных рабочих. Отдельное хозяйство управляется ли заведующим или коллегией, причем контрольные функции выпол-яет «контрольный рабочий комитет».

Ст. 47. «Заведующий отдельным хозяйством или коллегия его под-инены соответствующему районному (губернскому) управлению и в очности исполняют все его распоряжения и указания».

Ст. 48. «Контрольный рабочий комитет состоит из 3—5 лиц, вы-анных из числа постоянных годовых рабочих и служащих хозяйств; представитель от сроковых и поденных рабочих входит в комитет с овещательным голосом».

Ст. 50. «К обязанностям рабочего комитета относятся:

а) рассмотрение смет и отчетов по хозяйству и дача по ним заклю-ния в районные и губернские управления;

б) наблюдение за своевременным составлением сметы и отчетов хозяйству;

в) наблюдение за условиями быта и труда, в частности за сани-рным состоянием помещений для рабочих и служащих, а также за раведливым распределением жилищ;

г) контроль над выдачей продовольственных пайков;

д) участие в учете производимых продуктов;

е) наблюдение за сохранностью и исправным состоянием государ-венного имущества;

ж) наблюдение за поддержанием трудовой дисциплины и соблюде-ем правил внутреннего распорядка».

Наконец, статья 44 говорит, что «за покрытием производственного требления (семена, фураж и пр.) излишки нормированных продуктов ветских хозяйств сдаются губернскими управлениями в распоряжение ркомпрода и распределяются через его органы. Ненормированные одукты передаются соответственным советским организациям».

В заключение говорится (ст. 59), что «советские хозяйства не лжны отгораживаться от местного земледельческого населения и

обязаны, войдя в тесные сношения с ним, оказывать ему всяческ помощь в деле ведения его хозяйства на правильных и лучших н чалах».

Советским хозяйствам, как культурным центрам, ставится в об занность проведение в жизнь социалистической культуры, привлечен к себе населения, организационное воздействие на его жизнь.

Таким образом в этом Положении советские хозяйства получа оформленный и определенный вид, как социалистические хозяйст

* *

С.-х. коммунам посвящена специальная VII глава Положения. В н мы находим также подробно разработанные положения относитель управления, сдачи продуктов, отношения к органам власти и т. д.

Ст. 60 дает определение самого понятия с.-х. коммуны: «Сельск хозяйственные производительные коммуны суть добровольные сою трудящихся, часть общенародной организации товарищеского земл делия, организуемые с целью ведения хозяйства на коммунистическ началах в области производства и распределения. Определение э далеко не точное, так как с.-х. коммуна—это прежде всего союз ме ких производителей, сливающих свои хозяйства вместе. То, что у на часто наблюдается и называется «коммуной», не соответствует этом названию.

То обстоятельство, что бывшие помещичьи имения, на которые ос дают безработные или даже крестьяне, вместе с этим не превр щаются в советские хозяйства, объясняется слабостью нашег организационного аппарата. Коммуна отличается от советского хо зяйства тем, что она в первую очередь обслуживает свои собственн интересы, а затем уже общегосударственные, и, вовторых, тем, чт она значительно слабее связана с общей системой управления.

Характер «добровольчества» является основной чертой ее деятел ности, которую мало ослабляют всякие ограничения.

Правда, ст. 66 говорит, что «сельскохозяйственные производите ные коммуны, как хозяйственные единицы, наравне с другими форма товарищеского землепользования, подчиняются контролю Народно комиссариата земледелия, осуществляемому им непосредственно и чер его местные органы».

Но контроль, конечно,—недостаточная мера при управлении сел ским хозяйством.

Относительно распределения продуктов и доходов говорят ст. с 68 и 70:

«Средства и продукты производства сельскохозяйственных коммун подлежат на общих основаниях учету соответствующих органов».

«Доходы, получаемые от коммунального хозяйства, должны расходоваться исключительно на улучшение и расширение хозяйства».

Таким образом мы видим, что Положение 14 февраля главное внимание обращает на вопросы организации социалистического хозяйства в деревне, а не только на вопросы распределения земли. «Положение» имеет громадный теоретический интерес и большое практическое значение.

15 февраля 1919 г. издан был новый декрет в дополнение к Положению 14 февраля—«Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата».

Декрет этот определяет уже условия передачи в непосредственное распоряжение промышленного пролетариата земли и организации сельского хозяйства—в той части, которая непосредственно может быть использована им для удовлетворения своих продовольственных потребностей.

Ст. 1 декрета говорит: «Объединениям государственных предприятий, а также отдельным крупным государственным предприятиям, городским совдепам, крупным профессиональным союзам и местным советам профессиональных союзов предоставляется право получать от Народного комиссариата земледелия во временное пользование и управление участки и имения из земель нетрудового пользования (бывш. помещичьих и т. п.) и непредназначенных для распределения в единоличное пользование, а равно других пустующих, незалятых или незасеваемых на данный сельскохозяйственный год земель для организации на них советских хозяйств для потребительных целей».

Ст. 4 указывает, что «продовольственные продукты, производимые в указанных выше советских хозяйствах, за покрытием производственной потребности, поступают на удовлетворение продовольственных потребностей устраивающих их организаций промышленного пролетариата в пределах норм Компрода».

Ст. 5. «Сметы сельских хозяйств, организуемых объединениями государственных заводов и другими учреждениями промышленного и транспортного пролетариата, проводятся по сметам этих учреждений, после утверждения этих смет Наркомземом».

На основании этого декрета целый ряд промышленных предприятий и советов смог взять в свое ведение то или иное количество земли и повести на ней хозяйство. Таковы хозяйства Государственного треста машиностроительных заводов («Гомза»), текстильных предприятий и т. д.

В сущности говоря, этим декретом намечается настоящий путь организации советских хозяйств промышленным пролетариатом, и эта

идея выражена в нем гораздо ярче, чем в предыдущих декретах и постановлениях.

Мы не будем останавливаться на Инструкции к применению положения о социалистическом землеустройстве, так как она не дает ничего принципиально нового по сравнению с разобранными нами декретами. Из этой второй группы декретов нам необходимо остановиться на рассмотрении Положения о земельных отделах, изданного 10 мая 1919 г., которое устанавливает, в отличие от декретов о земельных комитетах первого периода, вполне определенное отношение к советской системе, вливая земельные организации в общую сеть советской организации.

В то время как земельные комитеты являлись юридически «независимыми» органами,—земельные отделы являются подчиненной частью советов.

Положение о земельных отделах так и называется: «Положение о земельных отделах губернских, уездных и волостных исполкомов».

В главе об организации губернского земельного отдела говорится, что «во главе губземотдела стоит член губисполкома, заведующий губземотделом и коллегия губземотдела. В состав коллегии губземотдела входят: заведующий губземотделом и 2—4 члена коллегии губземотдела из числа членов губисполкома или из лиц, приглашаемых заведующим и утверждаемых губисполкомом».

Такова же система организации уездных и волостных земельных отделов, с небольшими изменениями в количестве членов для волостных.

На земельные отделы возлагается: «установление земельных отношений, организация социалистического сельского хозяйства и осуществление землеустройства»...

Для выполнения этих задач Положение о земельных отделах указывает подробно разработанную схему внутренней организации земельных отделов. Сюда входят: отделение землеустройства, землемерно-техническая часть, отделения: земельно-учетное, переселенческое, агрономическое, по животноводству, по сельскохозяйственному образованию, опытного дела и метеорологии, садоводства и огородничества, обобществления сельского хозяйства, лесной отдел.

Такова система органов управления, возглавляемая Народным комиссариатом земледелия.

* * *

Из всего нами сказанного нетрудно видеть, что законодательство по организации сельского хозяйства на социалистических началах далеко еще не закончено.

Развиваясь вместе с жизнью, оно отражает в себе все те неизбеж-ые несовершенства и незаконченность, какие имеются в действитель-ости.

Одним из главных вопросов, которые будут играть в будущем ачительную роль, несомненно, является вопрос об урегулировании тношений промышленного пролетариата к земле и вообще к сель-кому хозяйству и о слиянии города и деревни в одно органическое елое. В этой области советскому законодательству предстоит про-кладывать новые пути.

к) Заключение

Слияние города и деревни—вот по существу та задача, которую азрешает социализм.

Единство управления, единство организации народного хозяйства, динство, основанное на труде всех и каждого,—таковы условия, при оторых происходит строительство высшего общественного строя—со-циализма.

Однако, как мы это видели в предыдущих главах, в деревне, с ее многомиллионной массой мелких производителей, самостоятельных хо-зяйств, образование нового социалистического строя встречает немало репятствий и затруднений.

Деревенская масса разнородна. С одной стороны, еще долго будут ить здесь мелкособственнические интересы, стремление отгородиться отделиться от общей жизни, стремление к мелкобуржуазной «незави-имости». Проникновение в деревню новых форм жизни будет встречать опротивление со стороны этого деревенского слоя. Но историческое азвитие социализма не мог задержать даже более организованный и плоченный класс—класс крупной буржуазии; тем более его не может адержать хотя бы и многочисленный, но не поддающийся организации ласс мелких собственников. И тем более не может произойти этой адержки, что в сущности для мелкого собственника социалистический трой выгоден, так как в нем он не испытывает того социального равенства, гнета и эксплоатации, на какое он был неизбежно обречен буржуазном, капиталистическом строе.

С другой стороны, те силы, которые непосредственно участвуют организации социалистического строя, в деревне растут и увеличи-аются.

Приток сил происходит прежде всего путем проникновения про-ышленности в деревню, приближения фабрик и заводов к источникам ырья. Технический прогресс приводит нас уже в настоящее время к

тому, что мы от скученности, сжатости городской промышленности мо
перейти к свободным пространствам деревни.

Когда-то еще Энгельс предсказывал, что «уничтожение поводо
отделению города от деревни, с точки зрения возможности осу
ствления равномерного распределения крупной промышленности по
стране, не может представляться утопией».

Теперь это стало практической необходимостью. Промышленно
проникает быстро в сельское хозяйство, захватывая все новые и но
области.

Точно так же и технический прогресс приближает и объедин
сельское хозяйство с промышленностью.

Объединение города и деревни происходит также на почве вза
заинтересованности городов в сельскохозяйственных продуктах, и
видим общественную обработку земли, уборку урожая, производи
промышленным пролетариатом.

Наконец, в деревне создаются те центры сельскохозяйствен
жизни, которые уже непосредственно связаны с жизнью городов, явля
ся фабриками хлеба, ставят дело социалистического строите
ства на прочную ногу; это—совхозы.

Через них в деревню двигаются культура городов, техничес
усовершенствования, опыт и знание.

Следует обратить внимание еще на одну сторону, на которую
свое время обратил внимание Ф. Энгельс: «Устранение противо
чия,—говорил он,—между городом и деревнею должно совершиться
только в интересах индустриального и земледельческого производст
но также для установления общественной гигиены. Только с соедин
нием города и деревни в одно целое возможно устранить отравле
воздуха, воды и почвы».

Вопрос на практике получил с первых же шагов более широ
развитие, чем полагал Энгельс. В интересах создания здорового, н
мального, сильного поколения людей, а не тех заморышей, каких соз
вал город и каких культивировал капиталистический строй, тыс
детей города, детей рабочих, поселяют в здоровых условиях дерев
Народные комиссариаты социального обеспечения и народного здра
охранения организуют в деревне колонии, санатории и жилища,
может окрепнуть молодой организм и отдохнуть городской рабоч

Развитая сеть советских хозяйств, управляемая общими органа
народного хозяйства, работающая на общество и сдающая все св
продукты на удовлетворение общественных потребностей, включающ
не только производство с.-х. продуктов, но и разнообразную их пер
работку,—такова картина, которую в начальной форме мы наблюда

же в настоящее время, но которая, несомненно, вырастет до громадных азмеров в ближайшие годы.

Советские хозяйства должны будут развивать и совершенствовать ехнику производства. Электричество, которое в нашу эпоху явится лавной силой в промышленности, должно будет получить наиболее ирокое применение в деревне и в с.-х. производстве.

В советских хозяйствах должна быть раскинута сеть заводов и абрик: консервные, кожевенные, машиностроительные (с.-х. машин орудий), деревообделочные, текстильные, ремонтные и т. п. предприятия должны развернуться во всей широте.

Советские хозяйства должны явиться рассадниками агрономической ультуры. Здесь должны содержаться стада племенного скота, конские аводы, производиться улучшения с.-х. культуры и т. д.

Наконец, советские хозяйства должны будут явиться центрами социалистической культуры, просвещения, искусства, воспитания нового еловека.

Затем, коммуны, с.-х. т-ва, артели, кооперативные организации—вляясь формами крупного сел. хозяйства—становятся основой единства города и деревни.

Многих занимает вопрос: каким образом будет происходить в социалистическом строе прирост рабочей силы?

Многие до сих пор не могут отделаться от представлений и отношений буржуазного, капиталистического строя.

Там этот вопрос решался пролетаризацией деревни, обнищанием в той или иной форме части деревенского населения благодаря эксплоатации буржуазией. Влиял также прирост населения, не находивший применения своим силам в деревне. Все это приводило к тому, что многие десятки тысяч людей ежегодно переселялись из деревни в города.

Так образовывался и рос рабочий класс города. Как же будет происходить этот процесс в социалистическом строе? Что может привести жителя деревни в промышленность, в город? Два условия определяют ответ на поставленный вопрос.

Вопервых, социалистический строй—это прежде всего сознательно организуемый и управляемый самим обществом строй, построенный на организации труда. От стихийной формы организации массовых трудовых процессов, какую мы наблюдаем в капиталистическом строе, мы переходим к планомерной, организованной форме. При этом условии труд всех и каждого может быть направлен и организован органами советской власти в том направлении, как этого требуют интересы общественного развития. Что это значит на практике? Это значит, что если

в настоящий момент необходимо мобилизовать силы для промышленности, то они общественными органами будут мобилизованы и переведены в промышленность—на добычу топлива, сырья, обработку и т. п.

Наоборот, если необходимо будет усилить с.-х. производство, то переброска сил может быть произведена обратная (как и было, напр., с уборочными отрядами, когда было мобилизовано несколько десятков тысяч рабочих и двинуто в сельское хозяйство, как происходит вполне добровольная мобилизация для разгрузки и нагрузки вагонов и т. п.).

Вообще организация труда в социалистическом строе резко отличается от того, что было в капиталистическом. Таким образом передвижение рабочих сил из одной отрасли в другую вряд ли может встретить препятствия.

Вовторых, как мы неоднократно указывали, влияние преимуществ жизни и деятельности, организованной на коллективных началах, будет настолько велико, что явится могучей силой притяжения для людей, занятых мелким хозяйством, преобразующей последнее в хорошо поставленное, обеспеченное всеми культурными удобствами,—крупное.

Как в настоящее время люди идут в школы, в университеты, в силу тех преимуществ, какие дают наука и знание, так и тут люди будут бросать свое изолированное, маленькое существование и итти туда, где будет кипеть общественная жизнь, где будут решаться важнейшие вопросы существования, где деятельность человека поставлена на более высокую и совершенную ступень.

Города и раньше являлись центрами притяжения, теперь же пролетарская культура, брошенная в деревню, образует те центры, вокруг которых произойдут объединение и организация миллионов во имя общей деятельности по созданию новой жизни.

Так будет происходить превращение отсталой деревни в ту более высокую форму человеческого общежития, которая явится объединением города и деревни. Деревенский город или городская деревня будут прочно стоять на общей основе коллективного организованного труда, организованного в советскую систему массового управления, и продолжать, усовершенствуя и улучшая, социалистическое строительство.

* * *

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

1) Социалистическая революция, произведенная рабочим классом, и диктатура пролетариата привели к уничтожению помещичьего класса, к отобранию земли из частной собственности и к переходу ее в руки общества.

2) Переход земли в руки общества и уничтожение крупного помещичьего землевладения отнюдь не уничтожили развития крупного производства в сельском хозяйстве, принявшего новые формы, построенные на коллективных началах.

3) В области сельского хозяйства в первый период после социального переворота существуют две основных формы: 1) новая—общественная, основанная на общем труде и общем ведении хозяйства: с.-х. коллективы и советские хозяйства и 2) мелкая—индивидуальная форма отдельного хозяйства.

4) Новыми, социалистическими формами организации являются с.-х. коммуны и советские хозяйства. Причем с.-х. коммуны являются переходными формами организации мелких производителей в единое народное хозяйство. Советские хозяйства являются частями единого народного хозяйства, организуемого советской властью.

5) Развитие новых, социалистических форм сельского хозяйства требует объединения промышленности с сельским хозяйством, проникновения индустриального пролетариата в деревню, профессиональной организации с.-х. работников, мощный профессиональный союз которых поведет более быстро и правильно строительство новых форм жизни в деревне и явится наиболее действительной связью с деревней.

6) В интересах улучшения положения беднейшего крестьянства, полупролетарской массы деревни и поднятия ее хозяйства, необходимо развитие производительных объединений в виде с.-х. кооперативов, трудовых артелей и т. п.

7) В результате систематически проводимых мероприятий по поднятию техники и организации производства в сельском хозяйстве, организации пролетариата в деревне, привлечению масс к социалистическому строительству, путем все более и более проявляемых культурных, организационных и иных преимуществ нового социального строя—происходит слияние промышленности и сельского хозяйства в единое народное хозяйство города и деревни—в единую организацию общества на коммунистических началах.

---

4. О ГОЛОДЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (в 1921 г.)

Вопрос о неурожае в Советской России является не только русским вопросом, но и международным. Бедствие, постигшее Советскую Россию, всколыхнуло весь мир, одновременно необычайно ярко осветив экономическую роль Советской России в мировом хозяйстве и заставив даже буржуазные правительства капиталистических стран поставить в

порядок дня вопрос о Советской-России, о борьбе с голодом и о последствиях этого голода.

Последствия этого стихийного бедствия несомненно будут еще долго сказываться на всей жизни и деятельности Советской России. Но вопрос о голоде явился в международных рамках не только экономическим, но и политическим вопросом, и вокруг страшного бедствия, обрушившегося на рабочих и крестьян Советской России, закопошились планы ее врагов и врагов мирового пролетариата, мечтающих о нанесении ей в этот момент нового удара.

Мировой пролетариат, все время внимательно следящий за развертыванием хозяйственной деятельности Советской России и за ее экономическим положением, горячо откликнулся на это бедствие, и его организации в различных странах налаживают помощь советской власти.

Но именно в силу всех этих обстоятельств особенно важно объективное освещение этого вопроса и всего того, что развертывается по поводу борьбы с этим тяжелым, страшным бедствием.

а) Размеры голода

Неурожаем охвачен огромнейший район, главным образом вдоль реки Волги. 15 губерний и округов охвачены им, свыше 20 миллионов жителей ввергнуты во все ужасы, какие следуют за полным неурожаем. Губернии и области, охваченные неурожаем, нижеследующие: 1) Самарская, 2) Саратовская, 3) Царицынская, 4) Татарская республика, 5) Симбирская, 6) Астраханская, 7) Трудовая Коммуна области немцев Поволжья, 8) Чувашская область, 9) Белебеевский и Бирский уезды Уфимской губ., 10) Марийская область, 11) 4 уезда Вятской губ. (Яранский, Уржумский, Советский и Малмыжский).

Роль их в предшествующий период, в отношении снабжения продовольствием Советской России и вообще, была весьма значительна, что ясно можно видеть из нижеследующих цифр:

Годы:	Общая государственная заготовка хлеба по всей Советской России	В том числе заготовлялось в пораженном неурожаем районе
	Количество хлеба в миллионах тонн:	
		%
1917—18	0,5	0,2	37
1918—19	1,8	1,9	59,4
1919—20	3,5	1,4	41,1
1920—21	4,7	1,1	22
Всего	10,5	4,6	36

Итак, мы видим, что почти 40% общегосударственного продовольственного фонда падало именно на эти губернии.

В довоенное время именно этот район был одним из главнейших, откуда за границу вывозился хлеб (главным образом пшеница). По этим цифрам легко можно судить, насколько серьезен тот ущерб, который наносится этим неурожаем всему хозяйственному положению России, а также будущему экспорту.

Благодаря этому неурожаю Советская Россия не добирает в 1921 году с этих губерний до 1,2 миллиона тонн хлеба, которые она могла бы заготовить в них по самым скромным расчетам.

Непосредственной причиной полного неурожая явилась небывалая засуха в 1921 году, оказавшаяся губительной особенно для заволжского степного края, где все посевы выгорели совершенно.

Влияние засухи сказалось особенно сильно благодаря вообще низкой сельскохозяйственной технике и культуре.

Поздняя вспашка, система засева, незначительное развитие устойчивых в отношении засухи культур,—все это, вместе взятое, привело к усилению последствий для урожая от небывалой засухи.

Председатель ВЦИК тов. Калинин, специально объехавший голодающие губернии, так рисует картину полей: «Продолжая путь от Пензы к Самаре, вы видите, что поля делаются все хуже: сначала появляются овсы, на вид обычного среднего урожая, потом делаются все ниже, и все чаще появляются темные плешины, а потом и совсем голые поля—таков вид голых выжженных полей»[1]. Но, кроме указанных причин, имеются еще причины, на которые указал тов. Каменев в одном из своих докладов. «Это стихийное бедствие,—сказал он,—обрушилось на нас в тот момент, когда сельское хозяйство России находится в весьма плачевном и тяжелом положении. Вы знаете, что общая сумма производства хлебов в России понизилась, сравнительно с эпохой до войны, на 48%, т. е. мы собираем теперь в России хлеба почти наполовину меньше, чем собирали на той же территории до войны.

«Это есть результат семилетней войны, сначала империалистической, которая отвлекла миллионы работников от земли и кинула их на фронт, затем гражданской.

«Как раз этот голодающий район—Урал, Поволжье и Юго-Восток—был ареной самых ожесточенных схваток гражданской войны; именно на Волге произошло первое восстание чехо-словаков, именно на Волге поднято было знаменитое восстание учредиловцев, в продолжение нескольких месяцев там сидело правительство Авксентьева (соц.-револ.).

---

[1] «Правда», № 198, «В местах голода».

Вся эта область одно время была занята на севере Колчаком, на юге казацкими бандами, и таким образом весь этот район переходил из рук в руки, что, конечно, должно было в сильнейшей степени подорвать производительные силы района».

К этому мы можем добавить, что действительно втечение трех первых лет империалистической войны сбор урожая быстро падал. В пятилетие 1909—1913 годов в среднем урожай в России (без Закавказья и Туркестана) равнялся 55,1 миллионам *m*, но уже в 1916 году он понизился на 6 миллионов *m* и упал до 49,1 миллионов *m*, а в 1917 году он упал еще ниже и достигал лишь 43,4 миллионов *m*, т. е. уменьшился на 6,4 миллионов *m*, следовательно, еще до Октябрьской революции понижение в сборе хлеба выразилось в громадной цифре—в 12,4 миллионов *m*.

Громадного падения общая цифра сбора, однако, достигла в 1921 г. По данным Центрального статистического управления, ожидаемый в 1921 году валовой сбор главнейших хлебов по всей Советской России и Украине выразится в цифре 32,2 миллионов *m*, т. е. действительно всего около 50% того, что собирали до войны.

О положении в голодающих и пораженных неурожаем районах той же территории можно судить по следующим данным: ожидаемый валовой сбор главнейших хлебов в местностях, пораженных неурожаем, равняется 7,6 миллионам *m*; потребность в семенах—2,4 миллионов *m*, потребность населения—6,8 миллионов *m*, т. е. потребность общая—и в семенах и для потребления—выражается цифрой в 9,3 миллионов *m*; дефицит, следовательно, равен 1,7 миллионам *m*.

Благодаря этому создалась страшная опасность и для засева полей и для потребления населения.

Во многих местностях население питалось всякого рода суррогатами, болело и умирало.

Перед нами конкретная задача—покрыть дефицит в 1,7 миллионов *m*. Иначе будет в корне подорвано хозяйство богатейшего района, и население страшно пострадает.

На борьбу с этим бедствием необходимо было направить все силы; указанные цифры сами по себе говорят о необходимом масштабе борьбы.

б) Борьба с голодом

Советское правительство сразу же всем громко и открыто объявило о грозящей опасности. Этот шаг советского правительства находится в противоречии с той политикой, какую привыкли обычно видеть и

которую проводили в подобных случаях в дореволюционное время в России и в буржуазных странах господствующие классы, всегда старавшиеся скрывать и замалчивать постигшее страну бедствие, лицемерно называя неурожай «недородом» и успокаивая общественное мнение лживыми сведениями о размерах народного бедствия. Для буржуазно-помещичьего класса и его государственной власти подобная политика вполне естественна: она вытекает из самой его классовой сущности. Для помощи народу господствующий буржуазный класс не любит раскошеливаться.

Для рабоче-крестьянской власти, наоборот, важно немедленно же учесть всю глубину опасности, ибо это ее опасность, и все силы, все средства бросить на борьбу с нею.

Не затушевывать, а ярко вскрыть грозящее бедствие, оценить его и вступить с ним в борьбу—вот путь, по которому пошло советское правительство.

Необходимо было, вопервых, борьбу с голодом поставить организованно и систематично; вовторых,—наметить и с наибольшей быстротой провести план борьбы.

В июле месяце при ВЦИК образуется «Центральная комиссия помощи голодающим» под председательством тов. Калининой, которая берет в свои руки руководство всей работой по борьбе с голодом.

Ответственные товарищи, члены ВЦИК, командируются в голодающие губернии и в те губернии, в которых должны быть собраны семена для голодающих районов. На местах образуются такие же комиссии при местных советах.

Вся советская печать, все органы партийные и советские по агитации и пропаганде ставят в центре своей работы освещение голода, призывы к борьбе с голодом.

Весь советский аппарат поворачивается фронтом на работу по борьбе с голодом.

В отношении плана борьбы с голодом советское правительство подошло к этому делу не с филантропической стороны, а с хозяйственной. В первую очередь надо было позаботиться о производственном положении в голодающих районах и прежде всего обеспечить крестьян голодающих местностей семенами для засева озимых полей.

Ясно, что если не притти немедленно же на помощь крестьянскому хозяйству, то бедствие в будущем году будет в тысячу раз больше, чем в настоящем. Необходимо было во что бы то ни стало помочь сельскохозяйственному населению засеять свои поля. Собрать семена

втечение августа и первых чисел сентября и отправить их в Поволжье—таково было боевое задание, данное ВЦИК всем местным органам.

Как справился советский аппарат с этим первым шагом, можно видеть из официального заявления, помещенного от имени Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК в печати 16 сентября:

«Выяснившийся во второй половине июля неурожай в ряде губерний Поволжья и Урала,—говорится в этом заявлении,—в связи с полным отсутствием в распоряжении Наркомпрода в данный момент каких-либо запасов озимых семян, поставил перед Центральной комиссией помощи голодающим задачу—принять ряд экстренных мер к доставке в голодающие районы возможно большего количества озимого семенного материала.

Предварительное обсуждение размеров нужды в Совете народных комиссаров, в Госплане и в Центральной комиссии помощи голодающим дало возможность определить задание в 0,2 миллиона тонны зерна, которое должно было быть переброшено в голодающие районы в промежуток от уборки нового урожая до срока посева, т. е. приблизительно втечение одного месяца... Итоги напряженной работы соответствующих ведомств выразились в следующих цифрах: по тринадцатое сентября погружено и отправлено в голодающие районы всего 0,22 миллиона тонны вместо предположенных 0,2 миллиона тонны.

Из отправленных 0,22 миллиона тонны большая часть уже прибыла в голодающие районы и обращена на засев, небольшая часть находится по пути к голодающим губерниям и, несомненно, попадет на место до окончания срока посева.

Таким образом Центральная комиссия помощи голодающим констатирует, что основное задание, поставленное ею в деле оказания помощи голодающим районам при неимоверно тяжелых условиях, благодаря напряжению сил и быстрому приспособлению отдельных ведомств к неожиданно возникшим задачам—выполнено».

Действительно, собрать и отправить 0,22 миллиона тонны семян (из них 0,03 миллиона тонны было куплено за границей) в настоящих условиях было крайне тяжело, и это явилось крупной победой на фронте борьбы с голодом.

Снабжение семенами голодающего района мы считаем первым важным шагом в деле борьбы с голодом. Кроме того был предпринят ряд шагов к облегчению положения голодающего района путем специальных отчислений продовольствия для голодающих организацией добровольного сбора, не говоря, конечно, о том, что всякие государственные

налоги были с них сняты, а то, что возможно было заготовить внутри этих районов,—обращено на их же нужды.

Наконец, часть голодающих была вывезена и расселена по другим губерниям, где им оказывалась соответствующая помощь.

Таким образом мы видим, что борьба с голодом была организована как дело всех рабочих и всех крестьян Советской России.

Но эта борьба только еще началась, сделаны пока только первоначальные шаги. Советская власть вполне отдает себе отчет, что своими силами и средствами, с помощью тех ресурсов, какие у нее имеются, она этой задачи полностью разрешить не сможет.

Поэтому необходима была помощь извне, в-первую голову от рабочих и крестьян других стран.

Организацию борьбы с голодом надо было строить в международном масштабе.

Самое тяжелое, самое трудное еще впереди.

Поддержку в борьбе с голодом Советская Россия получила прежде всего от мирового пролетариата. На призыв Исполкома Коммунистического Интернационала откликнулись рабочие организации буквально всего мира. Поддержка выразилась в сборе пожертвований, в отчислении из заработной платы, в организации широкой агитации по поводу помощи Советской России.

Мы не имеем еще полной сводки о всей произведенной работе, но то, что имеется, ясно и определенно говорит о глубине и широте движения, а также о классовой солидарности, проявленной в данном случае.

Коммунистические партии во всех странах, согласно призыву Коминтерна, развили активную деятельность помощи Советской России.

Газеты пестрят фактами, как фабрики, заводы и даже мелкие предприятия откликнулись на этот призыв.

Приведем несколько примеров.

В Германии. «Общее собрание союза строительных рабочих Золингенского района постановило работать в пользу голодающих один лишний, сверхурочный час в неделю.

«Рабочие фабрики Брант и Сын в Дортмунде постановили: пожертвовать в пользу голодающих заработную плату за один рабочий день.

«Женатые рабочие с тремя и более детьми жертвуют половину своей дневной заработной платы.

«Рабочие предприятий Шварцкопфа постановили работать в пользу голодающих два воскресенья» («Роте Фане» от 17 августа).

«Рабочие обувной фабрики Гауейзен (Вюртемберг) постановили отчислить в пользу голодающих заработную плату за 5 рабочих часов. На образовавшуюся сумму (около 40 000 марок) будут ку-

лены для посылки в Россию ботинки» («Лейпцигер Фольксцейтунг» от 20 августа).

В Италии. «Палата Труда в Кастельфранко Венето установила для своих членов взнос в пользу голодающих 10 лир» («Аванти» от 17 августа).

«В Брешии члены социалистических организаций отчислили в пользу голодающих однодневный заработок. Союз кооператоров в Брешии пожертвовал 3 000 лир» («Аванти», 21 августа).

Чехо-Словакия. «Состоявшееся 2 августа собрание представителей всех социалистических партий, профсоюзов, трудовых производственных кооперативов, без различия национальностей, постановило призвать организованных рабочих Чехо-Словакии втечение четырех недель отчислять в пользу голодающих заработную плату одного часа в неделю. Постановлено также открыть прием пожертвований. Выпущено соответствующее воззвание» («Коммунист», 9 августа).

Америка. По сообщению газеты «Нью-Йорк Колл» от 12 августа, на 13 августа назначена в Бостоне конференция от 100 рабочих организаций, созванная в ответ на воззвание Ленина по инициативе Массачузетской окружной организации «Arbeiter Ring» для обсуждения мер скорейшей помощи голодающим. От американских рабочих получено уже в Советской России 500 000 долларов.

Дания. «Датская коммунистическая партия объявила 18 августа днем помощи России и предлагает рабочим пожертвовать в пользу голодающих весь заработок за этот день» («Роте Фане»).

Швеция. «Стокгольмские металлисты объявили с 15 по 21 августа «неделю помощи русским голодающим» («Соц.-дем.», 16 авг.).

Франция. «Французская коммунистическая партия постановила предложить своим членам и всем другим рабочим отчислить однодневный заработок в пользу голодающих Советской России» («Юманите» от 3 и 4 августа).

«Союз башмачников предложил всем башмачникам, состоящим и не состоящим в союзе, отчислить в пользу голодающих России однодневный заработок (в 22—23 франка); сверх того, союз пожертвовал 1 000 франков, собранных по подписке» («Юманите» от 7 августа).

Англия. «Сессия Совета национальной федерации всеобщего союза рабочих постановила призвать организованных рабочих к оказанию всяческой денежной и материальной помощи голодающим в Советской России» («Дейли Геральд» от 20 августа).

«Исполнительный комитет социал-демократической федерации постановил обратиться к правительству с требованием оказать немедленную помощь голодающим России» («Дейли Геральд» от 16 августа).

«Национальный совет независимой рабочей партии выпустил обращение ко всем партийным секциям с требованием организовать специальный сбор в пользу голодающих Советской России и провести соответственную митинговую кампанию» («Дейли Геральд»).

«Исполнительный комитет Великобританской коммунистической партии постановил мобилизовать все партийные силы на помощь голодающим русским товарищам. Секциям партии предложено организовать специальную «неделю помощи России», произвести сбор пожертвований и провести ряд митингов на тему о помощи. Постановлено также обратиться к другим организациям рабочего, кооперативного и социалистического характера с приглашением объединить свои силы в деле помощи голодающей России» («Дейли Геральд» от 4 авг.).

Таков обзор данных на протяжении только 2—3 недель. Эти факты вполне определенно говорят о том настроении, каким охвачен рабочий класс во всех странах. Здесь не на словах, а на деле мы видим проявление настоящей классовой солидарности. Это та именно реальная и ценная поддержка, которая нужна Советской России. Вместе с тем эта помощь явится реальной поддержкой и для голодающих Советской России.

На помощь в борьбе с голодом пришел и ряд буржуазных государств.

Весь буржуазный мир заговорил о голоде в России. Как и полагается, буржуазией было сказано много громких слов о человеколюбии и подобных хороших вещах.

Но в этом вопросе, вполне естественно, буржуазия пошла путями, которые диктовались ее классовыми интересами. И так как интересы буржуазии различных стран в области экономических отношений с Советской Россией резко отличаются между собой, то, естественно, и пути оказались разными.

Часть буржуазных государств пришла с реальной помощью голодающим Советской России. Таковы страны: Германия, Америка, Швеция, Норвегия, Эстония.

Другая часть начала строить контрреволюционные планы и подготовлять борьбу с Советской Россией. Таковы: Франция, Польша, Румыния и некоторые другие. О голоде и контрреволюционных замыслах мы будем говорить ниже, пока же остановимся на рассмотрении методов и размеров той помощи, какую оказывает первая группа указанных буржуазных государств.

Мировой экономический кризис еще раньше, как известно, толкнул ряд буржуазных государств к экономическим отношениям с Советской Россией. Даже буржуазными экономистами и политиками признается

огромная роль России в мировом хозяйстве. Экономическое восстановление России необходимо для всего мирового хозяйства. С другой стороны, стремление завязать более тесные экономические связи с Россией, проникнуть на ее рынок побуждает к целому ряду шагов; которые давали бы эту возможность.

Поэтому те наиболее передовые и устойчивые капиталистические страны, которые еще раньше вошли в экономические отношения с Советской Россией, вполне естественно, идут теперь по пути закрепления и расширения их и отсюда выходят на путь непосредственной помощи голодающим.

Они понимают, что помощь голодающим даст возможность Советской России экономически пережить трудное положение и в силу этого вступить с ними в более широкие экономические отношения, которые дадут выгоды, значительно покрывающие ту помощь, какую они сейчас окажут.

Таковы внутренние движущие пружины этой помощи.

Формы ее состоят пока исключительно в посылке продовольствия в голодающие местности. Помощь оказывается на основе тех договоров, которые заключила советская власть с Нансеном и Гребером. Попытки Нансена поставить помощь голодающим на более широкие рельсы и с помощью специального займа закупить и двинуть большие количества продовольствия не дали реальных результатов.

Если таким образом одна часть буржуазного мира в силу указанных условий шла на помощь в борьбе с голодом, какую ведет Советская Россия, то другая вела работу по использованию этого голода для подготовки новых ударов против Советской России. Таким образом в борьбе с голодом Советской России приходится преодолевать не только всю ту страшную тяжесть, какую принес голод, но и быть готовой к борьбе с той опасностью, какую ей готовят ее враги по ту сторону границы.

«Мы не фантазеры, а реалисты вооруженной борьбы, которая требует гораздо меньших средств, чем накормление десятков миллионов голодающих», заявляют русские белогвардейцы.

Конечно, все эти «реалисты вооруженной борьбы», гг. Бурцевы, Александры Яблоновские, Первухины и т. п., имеют значение не сами по себе, а лишь как отголоски тех чаяний, какие живут в контрреволюционных кругах.

Формулировку этих надежд мы получаем здесь действительно «ясную», между тем как в милюковских «Последних новостях» и в эсеровской «Воле России» мы то же самое находим в прикрытой и затушеванной форме.

В июле месяце в Советской России организовался «Всероссийский комитет помощи голодающим». В его состав вошли главным образом буржуазные лица. В своем стремлении привлечь всех и каждого к борьбе с голодом советская власть не побоялась создать центральную организацию из лиц заведомо ей чуждых, но которые могут быть полезны в деле помощи голодающим. Комитет был создан, причем главную роль в нем играли: Кишкин, Головин, Прокопович, Кускова и др.

В организации этого комитета контрреволюция увидела центр, вокруг которого можно было объединить свои силы как внутри России, так и за границей.

Милюковская газета «Последние новости» 11 августа писала: «В России коалиция осуществилась, хотя и в ограниченной форме. Общественный комитет помощи голодающим свидетельствует об этом достаточно наглядно. Может быть, и несвоевременны и слишком преувеличены разговоры о том, что этот комитет послужит началом будущего правительства. Но те силы, которые заставили людей различных партий объединиться для общественной работы, заставят их объединиться и для правительственной работы» (ст. «Нелишний урок»).

Зашевелилась вся белогвардейская эмиграция всяких оттенков и цветов: кадеты, монархисты, эсеры и т. д.

Всероссийский комитет помощи голодающим превращается в центр политической борьбы.

Роспуск комитета вследствие отказа его членов выехать для работы на места в голодающие губернии и, наоборот, явного стремления их переправиться за границу, арест части членов комитета, произведенный советской властью,—все это разрушило организационную работу контрреволюции с этой стороны. Центр тяжести контрреволюционных усилий переносится на подготовку вооруженного нападения против Советской России.

Выше мы указывали, что имеется группа буржуазных государств, во главе с Францией, все время ведущая крайне агрессивную политику в отношении Советской России. Франция была застрельщицей всякого рода интервенционистских замыслов. Более отсталая в экономическом отношении, чем другие крупные капиталистические государства, пострадавшая в сильной степени от войны, находящаяся на краю финансового банкротства,—она ведет наглую политику зарвавшегося хищника, старающегося поживиться, где только можно.

Она подчинила себе Польшу и Румынию, что дает ей возможность большей изоляции Германии, а с др. стороны, представляет удобную почву для всякого рода авантюр по отношению к Советской России.

Голод явился для Франции моментом, который она считала выгодным для политического шантажа.

Конечно, лицемерие есть добродетель всех буржуазных политиков: под влиянием Франции создается при Лиге наций международная комиссия помощи голодающим в России под председательством заклятого врага Советской России, инициатора многих контрреволюционных заговоров—Нуланса.

Комиссия вместо помощи поставила себе более чем странную цель: произвести подробное анкетное обследование Советской России.

Неизвестно, какую дозу наивности предполагала она найти у советского правительства, когда обратилась с таким издевательским предложением.

Когда советское правительство ответило решительным отказом пустить этих господ для производства «анкеты» и «статистических исследований»,—карты были открыты в еще большей степени.

К этому времени уже образуются белогвардейские отряды Савинкова и Петлюры в Польше и Румынии, переходят кое-где границу и стараются нападениями внести дезорганизацию в работу по сбору налога и отправке семян в голодающие места.

Сами по себе эти отряды ничтожны и вызывают у населения лишь озлобление. Советское правительство энергично протестует и требует, чтобы правительства Польши и Румынии приняли меры к прекращению этих нападений и к высылке контрреволюционных штабов, легально действующих на их территории. За этими первыми налетами последовали дальнейшие. Под давлением Франции правительство Польши предъявляет советскому правительству ультиматум о выполнении некоторых статей Рижского договора. Самое содержание и форма ультиматума явно говорят о скрытой цели.

Франция усиленно организует новый нажим капиталистических государств на Советскую Россию, используя для этой цели мелкие окраинные государства и рассчитывая их руками пустить в ход новую кровавую авантюру.

Таково развитие контрреволюции вокруг голода в Советской России.

С этой опасностью приходится серьезно считаться и ей необходимо противопоставить как все внутренние силы Советской России, так и силы международного пролетариата.

в) Заключение

Общий подъем хозяйственной жизни Советской России является наиболее радикальным средством борьбы с голодом.

Непосредственная помощь голодающему населению имеет, конечно, огромное значение. Но центр тяжести лежит в общем экономическом подъеме страны, в улучшении ее техники, в развитии производства.

Поднять производство во что бы то ни стало—было всегда целью и советской власти, и коммунистической партии, и профессиональных союзов с самого начала, тотчас же после переворота.

Препятствием к этому являлась та война, которую пришлось вести советской власти с врагами, нападавшими на нее со всех сторон.

С начала 1921 года, когда положение изменилось, сделан поворот всей экономической политики, сущность которого заключается в предоставлении населению широкой производственной инициативы и самодеятельности.

Поставлены определенные задачи подъема крупной государственной промышленности силами и средствами государства и сдвига мелкой промышленности с мертвой точки путем предоставления широких прав мелкому производителю.

Враги Советской России тратят немало усилий на то, чтобы помешать ей улучшить свое экономическое положение; запутавшийся в противоречиях мировой капитал, с одной стороны, старается завязать экономические отношения с Советской Россией, но, с другой,—пользуется каждым удобным случаем, чтобы повредить ей.

Проявление этой противоречивой политики мы видим и во время голода, когда помощь некоторых капиталистических стран идет рука об руку с попытками нанести новый удар Советской России и спекулировать на голоде для новой очередной авантюры.

Но мировой пролетариат и пролетариат России сумеют пустить все силы в ход, чтобы не дать «костлявой руке голода» и жирной руке капиталистических авантюристов схватить за горло Советскую Россию.

III. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ С 1917 ПО 1925 г.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Аграрная политика советской власти и коммунистической партии имеет свои исторические корни в дореволюционном времени, а именно—в той политике по отношению к деревне и по установлению законов развития сельского хозяйства, какую проводила партия большевиков. Теоретическое обоснование эта политика получила в марксизме и главным образом, конечно, в трудах Ленина.

Политика нашей партии в деревне в дореволюционный период определялась всем ходом экономического развития и интересами классовой революционной борьбы пролетариата против помещичье-буржуазного строя.

Законы развития капитализма в общем и целом определяли в досоветский период и развитие сельского хозяйства и развитие социальных отношений в деревне. Само собой разумеется, что капитализация сельского хозяйства отнюдь не носила вполне тождественный характер с развитием капитализма в области промышленности. Сельское хозяйство развивалось своеобразно, но, тем не менее, повторяю, в общем законы капитализма с полной определенностью и очевидностью выявились как в сельском хозяйстве, так и вообще во всей жизни деревни. Законы концентрации в области производства и обмена в полной мере приложимы и к концентрации земельной собственности в руках крупных земельных собственников и буржуазного крестьянства и к накоплению капиталов—как основного, так и оборотного. Развитие сельскохозяйственного производства на капиталистических основах приводило и к развитию наемной рабочей силы, что являлось наиболее показательным признаком капитализации деревни. Точно так же развитие сельского хозяйства совершалось на основе машинизации сельскохозяйственного производства.

В результате проникновения капитализма в деревню происходили классовое расслоение и резкая классовая борьба. Борьба эта велась не только между крупными собственниками, с одной стороны, и сельскохозяйственным пролетариатом и крестьянством—с другой, но также и в среде крестьянства, дифференцировавшегося на различные слои: беднейшего, середняцкого и кулацкого крестьянства. Эта борьба получила крайне ожесточенные формы, выливаясь сплошь и рядом в вооруженные столкновения. Господствующий класс принимал все меры к жестокому подавлению крестьянских волнений и восстаний.

Факт капитализации сельского хозяйства и вообще развития деревни по общим законам капитализма означал, что все это неизбежно приведет крестьянство к борьбе против капитализма.

Законы экономического развития приобщали деревню к революционной борьбе, которая протекала в городе, и таким образом определяли неизбежность борьбы против капитализма не только в городе, но и в деревне. Поэтому марксисты так тщательно анализировали всегда процесс развития капитализма в деревне и горячо боролись против стремления замазать процессы капитализации в деревне и, под покровом «особенностей» развития сельского хозяйства и социальных отношений в деревне, замазать революционный путь, на который с железной необходимостью толкалось крестьянство, и вообще социальные отношения в деревне. Экономически путем анализа России и анализа сельского хозяйства капиталистических стран Европы и Америки революционный марксизм вскрывал сущность процессов, происходящих в этой области. В классической форме эта работа получила свое выражение в трудах Ленина (по вопросу о развитии капитализма в области сельского хозяйства в России и ряде других европейских стран). В особенности был дан классический анализ развития капитализма в земледелии Соединенных штатов Америки. Следующие основные теоретические выводы тов. Ленина могут быть предложены как классические, в смысле определения законов развития сельского хозяйства и социальных отношений в деревне.

«Общие законы капитализма в земледелии,—говорит тов. Ленин,—и разнообразие форм проявления этих законов всего удобнее изучать на примере Соединенных штатов. И такое изучение приводит к выводам, которые можно подытожить в следующих кратких положениях. Ручной труд неизмеримо больше преобладает в земледелии над машиной по сравнению с промышленностью, но неизбежно и неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его более крупным, более

капиталистическим. Машина употребляется в современном земледелии капиталистически. Главный признак и показатель капитализма в земледелии—наемный труд. Развитие наемного труда, как и рост и употребление машины, мы видим во всех районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства. Рост числа наемных рабочих обгоняет рост сельского и всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста сельского населения. Усиливаются и обостряются классовые противоречия. Идет вперед вытеснение земель мелкого производства крупным земледелием. Капитализм растет не только путем ускорения развития крупного по площади хозяйства в интенсивном хозяйстве, но и путем создания более крупного по размерам производства, более капиталистических хозяйств в наиболее мелких участках земли в интенсивных районах. В итоге—концентрация производства в крупном хозяйстве на деле сильнее, вытеснение мелкого производства на деле идет дальше и глубже, чем представляют обычно данные о фактах различного размера по площади земли... Идет вперед экспроприация мелкого земледелия. Неуклонно уменьшается в течение последнего десятилетия процент собственников среди общего числа фермеров, которое, в свою очередь, отстает в своем росте от роста населения. В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам при несравненно большей отсталости второго замечательную одинаковость эволюции вытеснения мелкого производства и тут и там».

Эти основные выводы относительно экономического развития сельского хозяйства и тождественность эволюции промышленности и земледелия приводят к известной одинаковости и социальной борьбы в городе и деревне. Этого не понимали противники марксизма как из буржуазного, так и из мелкобуржуазного лагеря. Или лучше сказать: они прекрасно понимали революционную сущность этих выводов и именно поэтому боролись против них. Возражения относительно теории марксизма в аграрном вопросе были наиболее детально разработаны в трудах немецкого ученого Давида, а также у Бернштейна, Герца, а в России у Булгакова, Кауфмана, Пешехонова, Каблукова и, наконец, в целом ряде работ представителей эсеровской партии. Основные их возражения заключались в том, что процессы экономического развития принципиально отличны от процессов в области промышленности; что на самом деле в деревне побеждает не крупное хозяйство, а мелкое, которое, наоборот, вытесняет крупное; что в деревне процессы машинизации не могут развиваться в такой степени и мере, чтобы явиться определяющими для экономического развития деревни; что применение наемного труда крайне ограничено и, наконец, что в общем

в целом деревня идет особыми путями от города, и революция в деревне не нужна, а достаточно лишь кооперирования населения. В разных вариантах эти доводы выставлялись против теории марксизма. Нетрудно видеть, что в основе своей они стремились доказать, что революция в деревне невозможна. Как мы знаем, практика полностью и целиком подтвердила правильность теории марксизма и опровергла теорию буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, а также и тех, кто старался теорию марксизма извратить и свести на путь реформизма (последнее относится к ряду теоретиков меньшевистского толка). Революционная борьба крестьянства еще до 1917 г. достигла значительных размеров. Борьба против помещичье-буржуазного строя диктовалась всем развитием деревни, и массовое обезземеление крестьянства и концентрация земли в руках помещиков неизбежно приводили к борьбе за основной лозунг, к борьбе за землю. Стихийное массовое движение крестьянства в 1905 году, выливавшееся в разгроме помещичьих усадеб, явилось предвестником того движения, которое разыгралось через 12 лет и привело к победе пролетариата и крестьянства над помещичье-буржуазным строем России. Как мы сказали, политика партии большевиков полностью базировалась на основе вышеприведенных взглядов на экономическое и социальное развитие деревни. Перед партией большевиков стоял вопрос организации борьбы против помещичье-буржуазного строя в городе и деревне и в намечении конкретных форм этой борьбы как в политическом, так и в организационном отношениях. Тов. Зиновьев в одной из своих статей очень хорошо сказал, что большевизм «открыл роль крестьянства, как той силы, при завоевании которой на свою сторону только становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции». Тов. Ленин так намечал основную линию нашей политики в деревне: «Наша сила— полная ясность и трезвость учета всех наличных классовых величин. Образование массы пролетаризированного беднейшего крестьянства, происходящее именно вследствие вышеуказанных процессов в деревне, создает определенную связь деревни и города, крестьянства и пролетариата в борьбе против помещиков и капиталистов. Пролетариат, как организованная сознательная сила, становится гегемоном и руководителем этой борьбы». Дальше он говорит: «Сначала вместе «со всем крестьянством» против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция оказывается буржуазной, буржуазно-демократической), затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом; вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулян-

тов, и, поскольку революция становится социалистической, пытаться поставить искусственную китайскую стену между теми и другими, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой,— есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом». Намечение программных требований партии большевиков и конкретной политики в деревне, в зависимости от исторических условий, не раз менялось за весь период до 1917 года. Но с каждым годом, с каждым партийным съездом наша линия в деревне получала все бóльшую определенность, бóльшую разработанность, бóльшую отчетливость и ясность. И к 1917 году мы имели настолько обоснованную и проработанную программу и тактику в деревне, значительным образом проверенную опытом и практикой, что это давало нам твердую уверенность при проведении той борьбы, которую мы начали в 1917 г. Весь период до 1917 года явился для нас той подготовительной стадией, благодаря которой мы выработали определенный план борьбы и сумели организовать наши силы, чтобы в решительный исторический момент, когда на карту была поставлена борьба не на жизнь, а на смерть с буржуазным строем старой царской России, мы смогли выйти победителями. Победа в 1917 году была подготовлена практикой партии большевиков и ее теорией за весь предшествующий период. И наша политика после переворота 1917 года постоянно опиралась на ту твердую базу, которую создали партия и ее вождь тов. Ленин своими трудами в предшествующее десятилетие.

2. ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКИМ ПЕРЕВОРОТОМ

К 1917 году развитие социальных противоречий в городе и в деревне достигло высшей степени. Война и экономические тяготы, сопряженные с нею, усилили и углубили эти противоречия. Разрешение их возможно было искать в деревне только путем свержения помещичье-буржуазной власти, передачи земли крестьянам и установления советской власти. Стихийное массовое движение пошло именно путем борьбы за землю.

Весь 1917 год после Февральской революции представляет из себя картину массового крестьянского движения, открыто выступившего против помещиков и бравшего у них землю.

Всероссийская конференция партии большевиков в апреле 1917 г. следующим образом формулировала задачи партии и нашу политику в этот период в деревне:

«Существование помещичьего землевладения в России,—говорится в этой резолюции,—есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России—крестьянство—на нищету, кабалу и забитость, а всю страну на отсталость во всех областях жизни. Крестьянское землевладение в России, как надельное (общинное и подворное), так и частное (арендованные и купчие земли), снизу доверху, вдоль и поперек окутано старыми полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, чересполосицей и т. д. и т. п. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость разгородить землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново, применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства, составляет материальную основу стремлений крестьянства к национализации всех земель государства».

И действительно, крестьянство всеми силами старалось сломать устаревшие перегородки помещичьего строя и стремилось стихийно к национализации всех земель в государстве. Целый ряд данных свидетельствует о массовом нараставшем аграрном движении во всех концах России. Эти сведения говорят о том, что крестьянство приступило к разделу между собою помещичьих земель, помещичьих угодий. Целый ряд телеграмм сообщал о разгромах помещичьих усадеб, о вооруженных столкновениях, которые имели место на этой почве. Крестьянство рвало старые путы буржуазно-помещичьего строя. Временное правительство, состоявшее из эсеров и меньшевиков, отказалось от своей программы, испугалось массового крестьянского движения и старалось его подавить. В декларации от 25 сентября 1917 года оно говорило: «Непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на земельные комитеты, в ведение которых, в порядке, имеющем быть установленным особым законом, но без нарушения существующих форм землевладения, могут быть передаваемы земли с.-х. назначения в целях наиболее полного их использования и спасения народного хозяйства от окончательной разрухи». Таким образом Временное правительство выступило в защиту существовавших форм землевладения и решительно выступало против нарушения этих форм. Один этот факт говорил уже за то, что Временное правительство и господствовавшие в это время партии меньшевиков и эсеров подписывали себе исторически смертный приговор.

Действительно, все экономическое развитие предшествующего периода, все противоречия, которые накопились и с необычайной силой

выявились в 1917 году, могли быть разрешены только решительными мероприятиями, могущими удовлетворить интересы рабочих и крестьян. Другой путь означал, по существу, борьбу с законосообразным историческим развитием и был обречен заранее на полную неудачу.

В вышеприведенной резолюции партии большевиков мы имеем следующее указание: «Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России, а также удельных, церковных, кабинетских и пр. Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов или в другие действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления. Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве. Означенная передача права собственности на все земли в руки государства, национализация, передает право распределения земли в руки местных демократических учреждений. Партия должна решительно бороться как против Временного правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», т. е. на деле помещичий характер реформы грозит крестьянам карами за самоуправство, т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников, меньшевиков и эсеров, советующих крестьянам не брать все земли до Учредительного собрания. Партия советует крестьянам брать земли организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства».

Такова была линия партии большевиков в этот период. Она полностью и целиком оправдывалась всей практикой революционной борьбы и завоеваниями, которые делали рабочие и крестьяне. Эта линия сразу устанавливала связь между крестьянством и рабочими в их революционной борьбе. Временное правительство, которое боролось, по существу, против крестьянского движения, своей политикой, своими мероприятиями подготовляло свое собственное свержение. Наоборот, политика большевиков, стремившаяся объединить крестьянство на почве борьбы и разрешения основной проблемы деревни, проблемы земли,—привела к тому, что партия большевиков стала вождем крестьянских масс. В апреле месяце уже в вышеприведенной резолюции говорится: «В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский и присоединить к нему массу полупролетариев деревни или эта

масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и контрреволюцией вообще,—в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного влияния».

В настоящее время мы, оглядываясь назад, видим, что пролетариат во главе с партией большевиков сумел как в этот период, так и во все последующие годы вести за собою крестьянство. Октябрьский переворот в 1917 году явился результатом победы пролетариата и крестьянства над помещичье-буржуазным строем и дал возможность в первую же очередь разрешить основной вопрос революции—вопрос о земле.

---

3. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С 1917 ПО ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1918 г.

В первый же день после Октябрьского переворота был издан исторический декрет, означавший коренной переворот в земельных отношениях и радикальнейшее решение вопроса о земле. Это—декрет, принятый 26 октября 1917 года, декрет об отмене собственности на землю. Первыми же пунктами декрета определялось, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские и церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания». Этот декрет, как мы видим, ликвидировал помещичью собственность на землю.

«Мы полагаем,—говорил Ленин на историческом заседании съезда советов,—что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания во вторую, Октябрьскую, революцию ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и эсеров, которые под разными предлогами откладывали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучали их слова о погромах и анархии в деревне. Вызвав восстание, они стали кричать о погромах и анархии, которые сами же вызвали. Они хотели задавить его железом и кровью, но сами сметены вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство

рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земельном вопросе, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты».

В результате решений советов крестьянство получило до 65,5 милл. *га* помещичьей земли и около 3,8 милл. церковной, а казенные земли составляли 151 милл. *га*. Арендная плата, от которой освобождались крестьяне, составляла 400—500 милл. руб. в год. Таким образом мы видим, что в этот первый период решался прежде всего вопрос о земельной собственности и о ликвидации помещичьего строя. Фактически земля поступала в раздел крестьянству. Противники большевиков увидели в этом факте измену нашей основной линии и наших взглядов на развитие сельского хозяйства. Они кричали о том, что мы, взявши власть в свои руки, не только не защитили крупную собственность и крупные сельские хозяйства, но, наоборот, дали их в раздел мелким производителям—крестьянам. Они, по существу, хотели бы, чтобы мы сделали ту же самую ошибку, которую спустя некоторое время сделали в Венгрии наши товарищи. Действительно, мы пошли в решении земельного вопроса по тому пути, по которому шли крестьянские массы. Достаточно сказать, что основное положение исторического декрета было нами взято и составлено на основании 242 наказов местных советов крестьянских депутатов. Но наши противники не понимали одного: что в историческом развитии мы были бы архи-близорукими политиками, если бы сразу поставили своей задачей решить все вопросы в один день. Перед нами стояла коренная задача свержения помещичье-буржуазного строя. Свержение его предполагало коренное решение земельного вопроса—передачу земли крестьянам, борьбу со «священной» земельной собственностью помещиков. А в городе перед нами стояла проблема свержения всех капиталистов. Решить эту задачу мы могли только «со всем крестьянством», как говорил тов. Ленин. Поэтому решение этой задачи и требовало передачи земли крестьянам. Этот и только этот вопрос мы решали в первый период революции. Установить пути дальнейшего развития производительных сил страны мы могли лишь в течение длительного периода времени. Первая задача—свергнуть помещиков и капиталистов. Вторая задача—создать рабоче-крестьянскую власть. Третья задача—приступить к развитию производительных сил страны и на основе новых экономических отношений итти по пути создания социалистического строя. И взятием помещичьей земли и передачей ее в руки крестьянства решалась именно первая основная задача. Только таким путем мы могли итти вместе с крестьянством в революционной борьбе.

Дальнейшими вопросами нашей политики являлось создание организационных форм, с помощью которых разрешалась бы экономическая политика в деревне. Поэтому основными декретами первого периода в области аграрной политики были следующие декреты. Вопервых, декрет об отмене собственности на землю, принятый на II Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 года в 2 часа ночи. Вовторых,—о волостных комитетах, принятый 3 ноября 1917 г. Втретьих, постановление о монопольном распоряжении государства с.-х. машинами и орудиями, принятое 30 ноября 1917 года. Вчетвертых, сохранение совета лесничества, органа для управления государственными лесами—6 декабря 1917 года. Впятых, положение о земельных комитетах и об урегулировании с.-х. отношений—4 декабря 1917 года. Вшестых, декрет о прекращении сделок с недвижимостью—19 декабря 1917 года. Вседьмых, декрет о социализации земли—19 февраля 1918 года и, ввосьмых, временная Инструкция о переходных моментах по проведению в жизнь закона о социализации земли.

Эти декреты намечали и определяли те мероприятия, которые должны были дать возможность крестьянству соответствующим образом распорядиться землею и организовать на местах органы по с.-х. управлению. Вначале органами управления были волостные комитеты, затем земельные комитеты во главе с Главным земельным комитетом и (последняя стадия) земельные отделы советов. Земельные комитеты в значительной степени являлись наследием предыдущего, до-октябрьского периода, и только с их реорганизацией в земельные отделы советов были созданы органы, которые объединились с общей советской системой, благодаря чему и политика этого рода получила более выдержанный характер. На первых порах в этих органах было, как и во всех органах этого периода, много обсуждения, много дискуссий и очень мало управления. Но постепенно эти органы в своей работе выравнивались и становились действительно органами советского управления и проведения экономической политики советской власти и коммунистической партии в деревне. Как мы видим, в этот первый период мы еще не могли приступить к решению более сложных проблем нашей экономической политики в деревне, как в вопросах кооперации, в вопросах землеустройства, в вопросах развития производительных сил деревни и т. п. Первый период нашей экономической политики в деревне, как об этом мы уже говорили выше, был всецело посвящен ликвидации помещичьего строя и установлению новых органов рабоче-крестьянской власти. Это был первый организационный период советской власти в деревне.

4. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

(Со второй половины 1918—1921 гг.)

а) Основы аграрной политики этого периода

1918 год принес советской власти тяжелое испытание, в смысле крайнего обострения гражданской войны, которая тянулась вплоть до 1921 года, приняв необычайно широкие размеры. Достаточно сказать, что под конец этого периода под ружьем в Красной армии находилось до 6 милл. человек. Вся страна была объявлена военным лагерем. Отстоять завоевания Октябрьской революции—такова была центральная задача как партии, так и советской власти. На разрешении этой задачи было сконцентрировано все внимание, все силы и все средства страны. Как мы говорили выше во введении, наша экономическая политика во всех областях народного хозяйства и была направлена к тому, чтобы способствовать наиболее полному разрешению этой задачи. Победа над буржуазной контрреволюцией, вооруженной рукой старавшейся возвратить утерянное ею,—такова была цель, которую преследовала наша борьба, и именно к достижению этой цели была направлена вся наша политика, в том числе и экономическая, как в городе, так и в деревне. Конечно, насколько только было возможно, наряду с мероприятиями, которые бы способствовали ведению нами войны с буржуазной контрреволюцией, нами предпринимались шаги, направленные к поддержанию производительных сил страны и к установлению дальнейших организационных форм, дававших возможность лучшего управления и лучшего ведения экономической деятельности. Основными мероприятиями, которые характеризуют аграрную политику этого периода, были следующие: вопервых, установление продразверстки и организация планового снабжения; вовторых, социалистическое землеустройство и организация коммун и совхозов; втретьих, реорганизация кооперации; вчетвертых, организация в деревне комитетов бедноты; впятых, организация с.-х. пролетариата и, вшестых, решительная борьба с кулацкими и антисоветскими элементами в деревне.

б) Продразверстка

Введение продразверстки диктовалось необходимостью концентрации всех излишков с.-х. продукции в руках государства. для снабжения Красной армии и для снабжения городского пролетариата. Само собой

разумеется, что продразверстка являлась крайне тяжелым бременем для крестьянского хозяйства. Но если принять во внимание, что в этот период о торговле не приходилось, по существу, говорить, что денежная система приходила в полный упадок, денежные знаки обесценивались, на сцену выступал натуральный товарообмен,—то придется признать, что все эти условия требовали концентрации излишков с.-х. продукции путем обязательного внесения их государственным продовольственным органам. Оглядываясь назад, мы можем с полной определенностью сказать, что только последовательное проведение продразверстки спасло в то время страну и дало возможность победоносно завершить гражданскую войну.

Размеры продразверстки характеризуются следующими цифрами: в 1918/1919 г. путем продразверстки было заготовлено 1,8 милл. тонн хлеба, в 1919/1920 г.—3,5 милл. тонн и, наконец, в 1920/1921 г.—4,65 милл тонн. Из этих данных мы видим, что с каждым годом периода военного коммунизма проведение продразверстки становилось все более последовательным и твердым и приводило к все более значительным результатам. Заготовляемые с.-х. продукты шли на снабжение, как выше было сказано, городского населения и Красной армии. Приблизительно около 40 милл. чел. было в этот период на государственном снабжении. Правда, размеры этого снабжения, в смысле норм потребления на 1 чел., были крайне незначительны. Но, тем не менее, даже при незначительной величине пайка, он являлся все же единственным подспорьем, единственной основой для питания городского населения и Красной армии. Следующее постановление IX съезда РКП(б) дает в сжатой форме содержание нашей политики в этот период в области этого основного продовольственного вопроса, который по существу являлся для этого периода стержнем нашей политики в деревне.

«В области продовольственной политики,—говорится в этой резолюции,—выдвигаются следующие задачи: вопервых, собрать путем высшего напряжения сил продовольственный фонд в несколько сотен миллионов пудов. Вовторых, распределить его в виде продовольственных баз в главных районах сосредоточения промышленности. Втретьих, теснее и непосредственнее подчинить продовольственную политику в области распределения задачам возрождения промышленности и транспорта (обеспечение в первую голову важнейших промышленных предприятий и транспорта более гибким маневрированием в связи с изменяющимися производственными заданиями, обеспечение премиальной системой, необходимыми продуктами и пр.). Одной из важнейших задач как для восстановления промышленности, так и для внешнего

товарообмена является заготовка и образование запасов сырья. Заготовка сырья должна основываться на системе государственной разверстки и обязательной сдачи сырья согласно разверстке. Вместе с тем при заготовке сырья должна быть применяема система расплаты за сдаваемое сырье в известном, устанавливаемом каждый раз особо размере продуктами и полуфабрикатами в том виде, как это уже применяется при заготовке льна, муки и т. п.».

В этой резолюции мы находим по существу все содержание нашей политики в этот период. Взамен бравшихся излишков с.-х. продукции у крестьянства, государство давало ему продукты промышленности. Само собою разумеется, что при том недостатке продуктов промышленности, который мы имели в эти годы, когда опять-таки главная масса предметов первой необходимости направлялась в Красную армию и наша промышленность работала на войну, мы не могли, не говоря уже о полной мере, но даже в сколько-нибудь достаточной степени удовлетворять потребности деревни в промышленных продуктах. Поэтому снабжение деревни происходило в крайне сокращенном масштабе. Проведение продразверстки и государственное снабжение города и деревни требовали крайней централизации. Централизация управления, проводимая во всех областях нашей общественной жизни в этот период, получила свое выражение в области продовольствия в форме диктатуры Народного комиссариата по продовольствию. Народный комиссариат по продовольствию, вполне естественно, в целях выполнения тех труднейших задач, которые ставило перед ним государство, должен был принять все меры к тому, чтобы все препятствия, которые стояли на пути проведения намеченной политики в области продовольствия, в области продразверстки, в области планового снабжения, были устранены. Одним из серьезнейших препятствий, стоявших на этом пути, являлась спекуляция. Частная спекуляция, несомненно, стремилась всеми мерами сорвать как план продразверстки, так и план снабжения. При общем крайнем недостатке в области продовольственных продуктов ей сплошь и рядом удавалось достигать определенных результатов. Вполне естественно, что подобного рода стремлениям необходимо было положить решительный предел. Поэтому Народный комиссариат по продовольствию принимает все меры запрещения мешочничества, запрещения спекуляции, борьбы с разного рода тайными формами частной торговли. Только с крайним напряжением средств и сил мог выполнять Народный комиссариат по продовольствию в этот период возложенные на него задачи, и нужно прямо сказать, что если бы он не сумел так решительно провести свою линию, то победа наша над противниками или бы значительно затянулась, или вообще не могла

бы быть выиграна. Крестьянину в этот период мы определенно указывали, что за его с.-х. излишки мы не можем дать соответствующего эквивалента, что он должен нам дать хлеб в ссуду, если он хочет, чтобы советская власть отстояла завоевания революции, отстояла землю от посягательства буржуазной контрреволюции и отбила стремление белогвардейских сил восстановить помещичье-буржуазный строй в Советской России. Подавляющая масса крестьянства шла в решении этого вопроса нога в ногу с пролетариатом, и именно это обстоятельство дало возможность советской власти победить в ее борьбе с буржуазной контрреволюцией.

в) Реорганизация кооперации

Кооперация в первое время после переворота находилась в руках эсеров и меньшевиков. В своей речи на VIII съезде РКП(б) тов. Ленин говорит:

«С кооперативами мы бьемся и возимся уже с марта 1918 года, и хотя мы достигли значительного успеха, но еще не решающего. Объединения кооперативами населения мы достигали иногда в таких размерах, что на 98% сельское население во многих уездах уже объединено, но эти кооперативы, существовавшие в капиталистическом обществе, насквозь проникнись духом буржуазного общества, и во главе их стоят меньшевики и эсеры—буржуазные специалисты. Их мы себе подчинить еще не сумели. Тут наша задача остается неразрешенной».

Перед советской властью и перед партией стояла огромной важности задача реорганизации кооперации с той целью, чтобы она была включена в систему всей нашей экономической политики. Мы прекрасно понимали, что наилучшей связью с крестьянскими массами является именно кооперация в области экономической, но эта старая кооперация была не в наших руках. Поэтому задача заключалась в том, чтобы путем реорганизации кооперации сделать ее действительно советской. На IX съезде партии в 1920 г. в резолюции об отношении к кооперации мы находим следующее постановление:

«Исходя из положений принятой на VIII съезде программы партии, которая в части, касающейся с.-х. распределения, совершенно правильно, по мнению съезда, намечает путь превращения старой мелкобуржуазной кооперации в кооперацию, руководимую пролетариатом и полупролетариатом,—съезд предлагает Центральному комитету в своей работе в этой области руководиться следующими директивами».

Затем следует подробный план реорганизации кооперации. Важнейшими пунктами из этого плана являются следующие.

«В отношении потребительской кооперации, вопервых, завершить начатое декретом от 20 марта 1919 г. и последующей работой партии закрепление за нашей партией руководящего значения во всех организациях потребительской кооперации снизу доверху. Затем в полной мере привлекать кооперативный аппарат к делу снабжения населения на основе продовольственной политики, установленной Наркомпродом. Наиболее правильными и отвечающими современным условиям взаимоотношениями между потребительской кооперацией и государственными органами являются такие, при которых потребительская кооперация, находясь в центре и на местах в ведении Наркомпрода, выполняет технические и хозяйственные операции по его заданиям и под его контролем, что наиболее полно может быть осуществлено в деле организации и распределения и что проводится в жизнь на основе декрета от 20 марта 1919 г. Заготовительная же деятельность, отражающая на себе основы государственной хозяйственной политики и построенная на применении принципа государственной повинности, принимающая все большее и большее распространение, должна составлять предмет исключительной компетенции государственных хозяйственных органов, всемерно использующих кооперативный аппарат в качестве подчиненного технического аппарата при заготовках как не монополизированных, так и монополизированных продуктов. Через кооперативный государственный аппарат должна производиться заготовка прежде всего тех продуктов и предметов первой необходимости, которые заготовляются не в порядке разверстки и на которые, таким образом, не распространяется государственная повинность. Задания государственных органов в области заготовок должны быть обязательными для кооперативных организаций, так как только при этих условиях кооперативный аппарат может быть использован с необходимой полнотой не только в области распределения, но и в области заготовок».

Таким образом мы тут видим, что потребительская кооперация по существу становится подсобным аппаратом Наркомпрода и включается в централизованную сеть хозяйственного управления. Как известно, в этот период участие в кооперации становится обязательным, и поэтому все верхушки кооперации в конце концов были сменены, и кооперация действительно становится советской кооперацией не на словах, а на деле. В отношении с.-х. и промысловой кооперации IX съезд партии говорит, что декретом 27 января с. г. «сделан первый шаг в деле подчинения организации отдельных групп более зажиточных крестьян, объединенных по различным отраслям с.-х. и кустарной промышленности, органам потребительской кооперации, как охватывающей все рабоче-крестьянское население в целом—именно: прекращение само-

стоятельного существования всех всероссийских центров с.-х. и производственной кооперации и слияние их с Центросоюзом на правах секций». При этой реорганизации съезд предлагает руководствоваться двумя основными директивами: вопервых, стремиться к тому, чтобы инициатива и самодеятельность объединенных и объединяющих в этой кооперации крестьян-производителей не подавлялись и чтобы количество производимых ими продуктов не уменьшалось, а возрастало, и, вовторых, подчинять различные виды с.-х. и промысловых кооперативов в губернском и районном масштабах соответствующим союзам потребительских обществ на правах их автономных производственных секций.

г) Политика в отношении бедняков, середняков и кулаков в период военного коммунизма

При проведении в этот период своей политики коммунистическая партия и советская власть опираются в деревне прежде всего на бедняцкий слой крестьянства, затем заключают союз с середняком и ведут решительную борьбу с кулацким элементом в деревне.

Коммунистической партии и советской власти в этот период ожесточенной гражданской войны необходимо было в деревне создать организации, с помощью которых можно было бы полностью и решительно проводить взятый курс. Такими организациями и явились так называемые комитеты бедноты или, сокращенно, комбеды, которые сыграли в эту эпоху огромную организующую роль бедняцких слоев деревни; с их помощью возможно было повести решительную борьбу против кулацких элементов и получить возможность проводить продразверстку и другие мероприятия в деревне. Само собою разумеется, что в деятельности комитетов бедноты немало было ненормального, неправильного, особенно в смысле использования комитетов бедноты в личных, а иногда в групповых интересах отдельных выходцев из города или же отдельных лиц и групп из крестьянства. Но наряду с констатированием несовершенств комитетов бедноты мы не должны забывать той огромной роли, которую комитеты бедноты сыграли в эту эпоху и в смысле организованной силы в борьбе с кулачеством и при проведении нашей аграрной политики в деревне. Несомненно, роль бедняцкой части деревни в эту эпоху явилась решающей, и беднота сплошь и рядом с оружием в руках отстаивала мероприятия советской власти. Бедняцкая часть населения с небольшими колебаниями втечение ряда лет численно определялась приблизительно в 40% ко всей массе крестьянских дворов. Таким образом чисто с количествен-

ной стороны она играла огромную роль. Бедняцкие же хозяйства послужили и первоначальной основой для создания коммун. Правда, с.-х. коммуны этого периода носили сплошь и рядом не столько производственный, сколько потребительский характер. И поэтому многие из них погибли, когда пришлось выступить в условиях свободного рынка и конкуренции. Но наряду с комитетами бедноты и с.-х. коммуны также явились опорным пунктом организации бедноты и играли значительную роль в борьбе, которая развернулась в деревне. Точного подсчета с.-х. коммун в этот период не существовало, но все же, по данным 1919 года, втечение полутора лет в Советской России было образовано до 6 000 коммун, охватывающих площадь около 1,09 милл. *га*. Но необходимо принять во внимание, что эти коммуны периода эпохи военного коммунизма в производственном отношении были слабы и отнюдь не могли претендовать на показательную роль для крестьянства. Поэтому не только кулаки, но даже середняки относились к коммунам пренебрежительно, и коммуна для них символизировалась как организация исключительно потребительского характера. Только в борьбе за существование, только путем установления более крепких хозяйственных отношений к с.-х. коммунам мы получили тот вид коммун, который имеем уже в настоящее время и который представляет из себя в хозяйственном отношении серьезную производственную единицу, твердо стоящую как коммерчески, так и производственно на собственных ногах.

В общем и целом приходится сказать, что бедняцкая часть крестьянства в период военного коммунизма все же, несомненно, значительно улучшила свое положение не только путем закрепления за собою определенных земельных угодий, но также в смысле пополнения своего инвентаря и вообще улучшения своего быта.

Значительные трудности представляла наша политика в отношении к середняцкой массе крестьянства—этой основной и главной части крестьянства, размеры которой равняются несколько более 50% в отношении всех хозяйств. Еще VIII съезд нашей партии обратил серьезнейшее внимание на роль среднего крестьянства и установил вполне определенную линию нашей политики в отношении к нему. Вот что говорится в резолюции указанного съезда:

«Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества—значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соединение пролетариата со средним крестьян-

ством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии и как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации. Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни в силу отсталости с.-х. техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятельность партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества со средним крестьянством. Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками в деревне той вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплоататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а, наоборот, выиграет в сильной степени от свержения ига капитала, эксплоатирующего его тысячами способов во всякой, даже самой демократической республике».

Таким образом мы видим здесь вполне определенную, ясную формулировку нашего отношения к середняцкому крестьянству, формулировку, которая имеет полное актуальное значение и для современного периода. Несомненно, конкретное проведение нашей политики в эту эпоху в отношении к среднему крестьянству было страшно затруднено тем обстоятельством, что мы вынуждены были брать у среднего крестьянства все эти излишки его с.-х. продукции, не давая ему соответствующего эквивалента взамен. В этот труднейший для нашей истории период мы должны были говорить середняцким крестьянским массам, что мы берем «в ссуду» излишки их с.-х. производства для того, чтобы отстоять прежде всего ту самую землю от натиска помещичье-буржуазной контрреволюции, который она ожесточенно делала при поддержке капитализма всего мира в этот период. Только сознание середняцкой крестьянской массы, что земля и дело дальнейшей организации деревни, ее устроения находятся в руках бедняцких и середняцких масс, только тот факт, что на ее глазах происходила решительная борьба с кулачеством,—только это обстоятельство приводило середняцкую массу крестьянства к союзу с городским пролетариатом, который был необходим в той жестокой борьбе, которую в это время вела советская власть за самое свое существование. Наконец, в отношении к кулачеству наша политика была политикой решительной и беспощадной борьбы. Эпоха гражданской войны была не только эпохой борьбы на фронтах, но и эпохой борьбы с буржуазией внутри страны. Как и всякая борьба, особенно гражданская, она принимала формы

сплошь и рядом крайне ожесточенные. Кулацкая часть деревни, несомненно, выступала против нас не только в скрытой форме, по сплошь и рядом в вполне открытой, вооруженной. Такие факты мы имели не только по Сибири, в Донецкой области, на Украине, но даже в центральной полосе России. В резолюции VIII съезда партии мы находим следующее определение нашего отношения к кулачеству:

«По отношению к кулачеству и к деревенской буржуазии политика РКП состоит в решительной борьбе против их эксплоататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике».

Кулацкая часть населения составляла и составляет сравнительно незначительный процент: в среднем 4%. По отдельным районам она достигает 10%. Под кулаком подразумевается такой вид крестьянина, который живет за счет эксплоатации наемной рабочей силы в своем хозяйстве или же за счет присвоения прибавочной стоимости, путем ростовщичества, частной торговли и т. п. Несмотря на свои незначительные размеры, тем не менее в экономическом отношении эта часть деревни играет значительную роль и выявляет себя в области политики таким же образом, как и городская буржуазия. В эпоху гражданской войны, в эпоху военного коммунизма она принимала более или менее активное участие в этой борьбе, борясь на стороне противников советской власти, отстаивая буржуазный строй. Поэтому вполне понятно, что в отношении к этой части деревни советская власть и применяла методы подавления и обессиливания как ее экономического, так и политического влияния. И само собой разумеется, что в эту эпоху роль административного и вообще политического воздействия на кулацкую часть деревни была особенно значительна. Такова была политика в отношении основных частей крестьянства в этот период.

Развитие производительных сил в эпоху военного коммунизма в деревне было страшно стеснено.

д) Падение с.-х. производства в эпоху военного коммунизма

Изъятие излишков с.-х. производства приводило к тому, что крестьянство стремилось сокращать посевную площадь и постепенно переходило на тип потребительского хозяйства. Этому же способствовал недостаток самого необходимого и нужного для с.-х. производства инвентаря, с.-х. машин, орудий, недостаток скота и т. п. Таким образом отсутствие стимула к развитию производства было налицо. Наряду с этими причинами влияли также и причины чисто военного характера,

когда целые районы, целые области были подвержены всем последствиям военных действий, иными словами говоря,—разорению и истреблению рабочего скота и сплошь и рядом истреблению и живой людской силы. Хлебороднейшие районы в этот период, как, напр., Донская область, Уральская область, значительная часть Сибири, подвергались опустошению в результате военных действий. Точно так же благодаря мобилизации лошадей на фронт сельское хозяйство испытывало чрезвычайные затруднения, не говоря уже о том, что целый ряд ценнейших питомников и племенных рассадников погиб в огне гражданской войны. Все это, естественно, привело к огромному падению с.-х. продукции. Это были колоссальные издержки гражданской войны. Но в этой войне победили рабочие и крестьяне, поражена была буржуазно-помещичья контрреволюция. Завоевания Октябрьской революции были закреплены. 1920 год явился последним годом гражданской войны, наиболее тяжелым и трудным. Но поражение последнего противника дало возможность повернуть всю нашу экономическую политику на мирный путь и тем самым радикальнейшим образом изменить и нашу аграрную политику. Эпоха военного коммунизма явилась эпохой окончательного закрепления земли за крестьянством от покушения буржуазно-помещичьей контрреволюции, явилась эпохой подавления кулака и кулацкого влияния в деревне, эпохой организации и активной роли бедняцкой части деревни, когда был заложен союз между пролетариатом и середняцкой массой крестьянства.

---

5. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

а) Основы аграрной политики нэпа

Окончание гражданской войны создало совершенно новое положение для страны. Сохранение старых мероприятий как в области экономической, так и политической, приспособленных к условиям гражданской войны, к условиям так называемого военного коммунизма, уже не обусловливалось необходимостью. На сцену выступили новые объективные условия, в эпоху гражданской войны отодвинутые на второй план и по окончании ее предъявившие полностью свои требования. Таким основным условием являлось в первую очередь требование развития производительных сил, ослабленных предшествующим периодом. Как мы уже видели, эпоха военного коммунизма привела к значительной задержке развития производительных сил, к значительным издержкам материальных средств, а централизованная система управления неизбежно привела к стеснению хозяйственной инициативы и самодеятельно-

сти, в особенности, конечно, у мелкого производителя. Если бы партия и советская власть не поняли необходимости крутого поворота в области экономической политики, вне всякого сомнения возникли бы серьезнейшие социальные конфликты, так как требования экономического развития не укладывались в рамки старых отношений. Поворот был неизбежен. И в этом отношении огромную роль сыграли гениальная прозорливость тов. Ленина и быстрота маневрирования, которую проявили партия и советская власть, взявши курс на новую экономическую политику. В такие моменты, каким был 1921 год, когда требовался крутой поворот от условий военного коммунизма к условиям экономики мирного строительства, он мог быть совершен и в кратчайшее время мог дать положительные результаты только благодаря единству и сплоченности как партийной, так и советской организации.

Новая экономическая политика, несомненно, в первую очередь касалась деревни. Она была определена первоначальным постановлением X партийного съезда в марте 1921 года. Резолюция о замене разверстки натуральным налогом определяла этот первоначальный поворот. В этой резолюции говорилось следующее:

«Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцев своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом».

Таким образом вместо полного изъятия излишков с.-х. производства вводился натуральный налог, который был установлен в виде процентного, или долевого, отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, причем во внимание принимались размер урожая, число едоков в хозяйстве и наличие скота. Налог имел прогрессивный характер. Для середняка и маломощных, а также для хозяйства городских рабочих он был пониженным. Наоборот, для зажиточных крестьян, для многопосевных—повышенным. Вместе с этим старательные хозяева-крестьяне поощрялись тем, что имели льготы по выполнению продналога. Этой же резолюцией допускался товарообмен. Правда, он допускался в ограниченных размерах. Вот что говорит соответствующее постановление:

«Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укре-

пления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и с.-х. производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота».

Но уже через 2 месяца нам это последнее решение пришлось значительно расширить и допустить обмен уже в общесоюзных размерах. Всероссийская конференция РКП, собравшаяся в мае 1921 года, в резолюции об экономической политике постановила:

«Основным рычагом новой экономической политики признается товарообмен. Правильное взаимоотношение между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих этих классов на период перехода от капитализма к социализму невозможны без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием. В частности осуществление товарообмена необходимо как стимул к расширению крестьянского посева и к улучшению крестьянского земледелия. Предприимчивость и самодеятельность мест должны быть во что бы то ни стало всесторонне поддерживаемы и развиваемы».

Таким образом товарообмен становился на место прежнего государственного снабжения. Это было, несомненно, коренное изменение в экономической политике в отношении деревни, и оно шло навстречу удовлетворению интересов именно мелкого производителя. Допуская товарообмен, советская власть и коммунистическая партия создали для мелкого производителя-крестьянина стимул к расширению производства. Так как продналог с течением времени видоизменялся, становясь с каждым годом все более сокращенным и переходя в денежную форму, то, естественно, распоряжение своими излишками давало возможность для крестьянина производить накопление, производить реорганизацию своего хозяйства и вообще расширять его, насколько это позволяют ему естественные и материальные условия. Вот как формулировал в своей известной брошюре о продналоге тов. Ленин основную задачу поворота нашей аграрной политики:

«Итак,—говорит он,—в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства. Сделать это нельзя без серьезных изменений в продовольственной политике. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная с свободной торговлей после уплаты налога, по крайней мере в местном хозяйственном обороте».

Основными мероприятиями по проведению аграрной политики в эпоху новой экономической политики являются: вопервых, переход от продразверстки к продналогу (сначала в натуральной, затем в де-

нежной форме); вовторых, объявление свободной торговли на внутреннем рынке; втретьих, регулирование цен, в частности борьба с так называемыми «ножницами», т. е. несоответственным расхождением цен на продукты сельского хозяйства и промышленности; вчетвертых, широкое проведение землеустройства; впятых, способствование восстановлению сельского хозяйства в различных формах путем принятия целой системы агрикультурных мер; вшестых, переход кооперации на основу добровольного вступления в члены и максимальное ее развитие; вседьмых, плановое регулирование развития сельского хозяйства. По этим путям были приняты многочисленные меры, которые дали возможность поставить развитие сельского хозяйства на новые рельсы.

б) Восстановление с.-х. производства

В результате новой аграрной политики мы имеем на протяжении с 1921 по 1925 год почти полное восстановление сельского хозяйства в смысле производства по сравнению с 1913 годом. К 1925 году мы уже имеем продукцию сельского хозяйства, достигшую 90% по сравнению с продукцией 1913 года. Восстановилось упадшее было животноводство, значительно усилился инвентарь сельского хозяйства. Вместе с этим государственные хлебозаготовки не только не упали, но и значительно возросли. Следующая табличка дает представление об этом росте. Сельскохозяйственная продукция составляла по сравнению с 1913 годом в процентах:

в 1921—22 г.	49
» 1922—23 »	67
» 1923—24 »	70
» 1924—25 »	71
» 1925—26 »	89

Размеры хлебозаготовок в миллионах тонн изменялись по этим же срокам следующим образом:

в 1921—22 г.	2,5
» 1922—23 »	7,03
» 1923—24 »	7,
» 1924—25 »	5,3
» 1925—26 »	10,6 (предп. Госплана)

в) Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством

Снабжение деревни точно так же значительно возросло, но тем не менее оно далеко не соответствовало покупательной способности деревни. Это несоответствие между покупательной способностью де-

ревни и между предложением промышленных товаров являлось одним из самых больных вопросов втечение всего периода новой экономической политики и не может считаться изжитым до самого последнего времени. Дело в том, что диспропорция между развитием промышленности и сельским хозяйством является у нас еще результатом исторического наследства. Недаром мы представляем из себя аграрную страну по преимуществу. Это несоответствие сказывается прежде всего в товарном голоде для деревни, который обостряется благодаря выросшим потребностям деревенского населения как в смысле производственного, так и личного потребления. Темп развития деревни у нас хотя несколько и отставал от темпа развития промышленности, но благодаря бывшему и ранее несоответствию между промышленностью и сельским хозяйством, это несоответствие продолжает сказываться и будет еще сказываться втечение довольно значительного промежутка времени. Оно сказалось в частности в этом резком расхождении цен между продуктами промышленности и продуктами сельского хозяйства. Несоответствие цен достигало значительных размеров в 1923—1924 гг., оно сохранилось также и для 1924—1925 гг. Правда, принятыми мерами, главным образом в области снижения как оптовых, так и розничных цен промышленности, а также, с другой стороны, путем поднятия цен на продукты сельского хозяйства, отчасти в зависимости от экспорта продуктов сельского хозяйства за границу, нам удалось эти «ножницы» значительно сблизить. Но до тех пор, пока основные причины диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством не будут устранены, несомненно, мы всегда будем иметь перед собой опасность раскрывающихся «ножниц». Поэтому регулирование крестьянского рынка продолжает оставаться в нашей аграрной политике наиболее серьезным и ответственным моментом.

г) Кооперация

В деле регулирования крестьянского рынка, в деле организации снабжения и сбыта крестьянского хозяйства первенствующая роль выпадает, вполне естественно, на долю кооперации. Последняя точно так же пережила крайне крупные изменения в связи с общим изменением нашей политики в эпоху нэпа. Прежде всего совершился переход кооперации на почву добровольного членства. Последнее обстоятельство на первых порах повело, вполне естественно, к снижению количества членов кооперации, но зато усилило ее активность, самодеятельность, и в кратчайший срок кооперация именно своими хозяй-

ственными успехами начинает привлекать в свои ряды значительное количество членов. Число пайщиков в потребительской кооперации на 1 октября 1924 г. было 7 млн. человек, а в с.-х. кооперации было на то же число 2½ млн. По данным Центросоюза, потребительская кооперация обслуживала в деревне 25%, а с.-х. кооперация объединила приблизительно 15% крестьянских дворов. Но уже к 1925 г. это количество удвоилось, и с.-х. кооперация в настоящее время объединяет до 5 млн. крестьянских дворов. Наша политика заключалась в том, чтобы опорной организацией в деревне сделать именно кооперацию. Вначале, несомненно, мы опасались, что развитие свободного рынка приведет к усиленному развитию частнохозяйственных форм, которые даже могут стать господствующими. Но на практике этого не оказалось, и, наоборот, частный капитал отступил перед развитием нашей государственной промышленности в городе и перед развитием кооперации в деревне. Кооперация становится все более и более основным руслом, в смысле переброски товаров промышленности в деревню и продуктов с.-х. производства в город, точно так же и для экспорта. Правда, до сих пор кооперация в деревне еще является крайне несовершенной хозяйственной формой, которая сплошь и рядом не умеет конкурировать с частным торговцем; ее естественным недостатком является также неуменье вовлечь широкую массу населения в кооперативную работу. На эти обстоятельства было обращено внимание последних съездов и конференций партии, и по поводу их начата энергичная борьба. Но самый факт поступательного развития кооперации не представляет сомнения. Кооперация представляет из себя основную форму хозяйственной организации деревни, с помощью которой разрозненные крестьянские хозяйства вовлекаются в общий хозяйственный организм страны и с помощью которой мы получаем возможность регулирования сельского хозяйства. По пути социалистического строительства хозяйства в деревне мы можем итти только укрепляя и развивая кооперативные формы, которые вовлекают основную массу крестьянства в организованную коллективную работу.

д) Сельскохозяйственные коллективы

Наряду с этим приходится констатировать и значительное развитие с.-х. коммун, которые представляют из себя новую форму с.-х. производства. В настоящее время они имеют уже собственный центр при

Сельскосоюзс. С.-х. коммуны уже не являются в настоящее время теми потребительскими коммунами, которые были распространены в эпоху военного коммунизма, но являются устойчивыми хозяйственными организациями, у которых техника значительно выше, чем у отдельного крестьянского хозяйства, благодаря чему и продукция и удовлетворение личных потребностей начинают становиться выше, чем у крестьянских хозяйств. Поэтому организация с.-х. коммун начинает получать все большее и большее значение. Правда, к этой организации нам приходится все время относиться с большой осторожностью, так как, несомненно, этот новый путь организации с.-х. производства чреват самыми серьезными трудностями.

Весь период 1921—1925 гг. может быть охарактеризован как для всей нашей экономики, так в частности для нашего сельского хозяйства, как период восстановительный, так как, действительно, производство восстановилось до размеров довоенного времени. В дальнейшем стоит проблема дальнейшего развития производительных сил уже на новой технической базе. Но уже в восстановительный период мы столкнулись с самыми серьезными вопросами в области нашей политики в отношении отдельных групп крестьянства.

е) Смычка рабочих и крестьян

Основной проблемой нашей политики в отношении деревни была и остается проблема союза рабочих и крестьян или, как часто говорят, проблема смычки между рабочими и крестьянами, между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. В своей речи на XI съезде партии в 1922 году тов. Ленин говорит:

«Прежде всего важна нам новая экономическая политика как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономикой. В предшествующую эпоху развития нашей революции, когда все внимание и все силы главным образом были устремлены или почти поглощены задачей отпора от нашествий, мы об этой смычке не могли как следует подумать. Нам было не до нее. Ею до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и наивысшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными гигантской силой мирового империализма»... «Все значение новой экономической политики, которое наша пресса продолжает искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение--в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики,

которую мы с громадными усилиями создаем»... «Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны переделывать ее неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя (потому что где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись из прямой опасности мучительной голодной смерти). Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь. Надо сделать так, чтобы простому, рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил не так, как получали многие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшения бывал, несомненно, улучшением, но очень крепко был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудут. Наша цель—восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо, сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина,—доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищалого, мучительно-голодного мелкого крестьянина ему сейчас помогут на деле».

Вот та экономически-политическая проблема, которую выдвигал тов. Ленин, а с ним вся партия и советская власть в своей политике в деревне. Этой цели мы в значительной степени достигли в течение всех этих лет, в результате чего получили, несомненно, значительный подъем производства в деревне и значительное улучшение экономического положения крестьянина и рабочего.

«Политика нэпа,—говорится в резолюции XIII съезда,—в основном оправдала себя целиком в деревне: производительность сельского хозяйства, благосостояние широких крестьянских масс хотя и медленно, но непрерывно идет вперед».

«При решении вопроса о работе партии в деревне необходимо исходить из основной для целого исторического периода задачи осуществления союза рабочего класса с крестьянством. Дальнейшее развитие крестьянского хозяйства, борьба с рядом недостатков его, неизбежных при нашей нищете и разоренности, должны происходить

на основе дальнейшего развития союза рабочего класса с крестьянством, хозяйственной смычки госпромышленности с сельским хозяйством. В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития. Одна линия развития—капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом—наемный труд, нищета. Другая линия развития—через наиболее понятные, легко доступные крестьянству приемы кооперации—к социализму. Наличие советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути. Основная линия партии в этом вопросе намечена в последней статье Ленина о кооперации».

Так определяется наша линия XIII съездом партии. Вся практика, которую мы имели втечение последних лет, полностью подтвердила правильность этой линии и действительно привела к укреплению союза между городом и деревней, между рабочими и крестьянами.

---

6. СОВРЕМЕННАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ

а) Предварительные замечания

Как известно, 1925 год является переломным годом в том смысле, что восстановительный процесс нашего хозяйства может считаться заканчивающимся в рамках существующей техники и в смысле достижения продукцией границы, на которой стояло народное хозяйство в довоенный период. Понятие «восстановительный процесс», конечно, не означает восстановления старых экономических форм и отношений. Конечно, качество нашего хозяйства, его формы и экономические отношения коренным образом и принципиально разнятся от тех, которые были в старой, буржуазной России. Но именно в смысле размеров продукции и в смысле использования основного капитала мы можем сказать, что восстановительный процесс народного хозяйства в общем будет закончен в наступающем хозяйственном году, и мы одновременно вступаем в новый период, в котором на первое место выдвигается проблема реконструкции нашего хозяйства, обновления и реорганизации нашей техники.

Наш 8-летний опыт с несомненностью убеждает нас в том, что наше хозяйство, несмотря на огромное преобладание мелкого крестьянского хозяйства, с каждым годом делает новые успехи в сторону развития и строительства социалистических форм.

Относительно промышленности и транспорта это не подлежит сомнению. Плановые начала в этой области пустили настолько глубокие корни, и новые формы управления и организации настолько укрепились, что в настоящее время мы и представить не можем себе иной формы организации нашего хозяйства. Хозяйственный план является фактом, осуществляемым рабоче-крестьянскими массами под руководством наших хозяйственных органов. Вместе с этим национализированная промышленность показала, что в условиях новой экономической политики она не только успешно смогла конкурировать с частным капиталом, но является настолько преобладающей формой хозяйства, что, в сущности говоря, приходится о частном капитале в области промышленности говорить как о совершенно незначительной величине. В области сельского хозяйства мы, конечно, имеем совершенно иное положение. Новые социалистические формы в области производства по сравнению со всей массой сельских хозяйств являются относительно крайне незначительными. Мы имеем до 30 000 коллективных хозяйств, имеем несколько тысяч совхозов, имеем несколько тысяч с.-х. крестьянских товариществ. С.-х. кооперация, по последним данным Сельскосоюза, объединяет около 5 милл. крестьянских хозяйств по СССР. На другой стороне мы имеем около 20 милл. индивидуальных крестьянских хозяйств. Правда, голое сопоставление еще ничего не говорит о влиянии новых форм в производстве, так как, например, и пролетариат представляет из себя меньшую величину по сравнению с сельским населением; тем не менее он играет доминирующую роль в смысле направления всей нашей общественной жизни. Вместе с этим кооперация представляет из себя значительную силу и является главнейшей формой перехода крестьянской массы на новые, социалистические рельсы. Правда, и кооперация объединяет пока еще, как мы видим, относительно небольшую часть крестьянских хозяйств. С.-х. кооперация обнимает всего около 5 милл. крестьянских хозяйств, а потребительская кооперация обнимает процентов 15 сельского населения и обслуживает процентов 30 сельского населения. Но и в этой области процесс развития идет относительно быстрым темпом. Таким образом хотя процесс развития новых форм в сельском хозяйстве является еще далеко не преобладающим, но тем не менее путь развития показывает, что эти новые формы уже пустили глубокие корни во всю жизнь деревни, и будущее за этими формами может считаться обеспеченным. Таким образом мы можем сказать, что социалистические формы побеждают у нас буржуазные формы, и наша политика должна быть направлена к усилению этого положения, принимая в расчет конкретное положение в экономической области.

Развитие производства деревни достигло почти довоенного уровня. Так, по данным Госплана, валовая продукция сельского хозяйства достигла в 1924/25 году 9 150 млн. руб. по довоенным ценам против 12 821 млн. руб. в 1913 году, т. е. составляла 71% довоенной продукции. В 1925/26 же году продукция земледелия достигнет 10 236 млн. руб. по довоенным ценам, т. е. достигнет 87% продукции 1913 года. А если включить лесное хозяйство, рыболовство и охоту, то она достигнет 11 436 млн. руб. против 12 826 млн. руб. в 1912 г., или составит 89% продукции 1913 года. Производство главных зерновых хлебов достигнет в 1925/26 году, по данным Госплана, 77 млн. тонн. Последние данные об урожае заставляют снизить эту цифру приблизительно на 3,3 миллиона. Производство же картофеля в нынешнем году достигнет 127% довоенных. По технической культуре, льну, конопле, маслосеменам и по хлопку мы также почти достигли довоенного уровня. Общая сумма продукции животноводства за 1925/26 год определяется в 80% по сравнению с 1913 годом. При принятии мер по улучшению качества обработки земли, введению многопольной системы, расширению работ по мелиорации и т. п. даже в настоящих технических условиях можно ожидать, что этот предел будет скоро перейден нашим сельским хозяйством. И если не будет каких-либо стихийных бедствий, то ближайшие 2—3 года уже покажут еще более значительный рост производства в сельском хозяйстве. Развитие производительных сил деревни заключается главным образом в развитии техники сельского хозяйства. Поэтому, вполне естественно, решения нашей партии, решения советской власти уделяют огромное внимание именно этой стороне вопроса. Особенно в связи с проблемами реконструкции нашего хозяйства вопросы технического развития встают как наиболее острые вопросы для деревни, ибо отсталость техники в сельском хозяйстве у нас огромнейшая. Но дальнейшее развитие производительных сил деревни ставит перед нами во всей полноте вопрос о дифференциации крестьянства, и только учитывая расслоение крестьянских хозяйств и самого крестьянства по определенным группам, учитывая пути развития этих групп, мы сможем правильно разрешить как экономические проблемы деревни, так и политические задачи, стоящие перед нами в связи с крестьянством. Только учитывая своеобразие развития форм зажиточной части крестьянства, середняцкой массы и бедняцкого хозяйства, мы можем построить нашу политику. В сущности говоря,

втечение всех 8 лет наша политика в деревне и базировалась на установлении определенных взаимоотношений с этими слоями крестьянства, и определялась она общеэкономическими и общеполитическими условиями нашей жизни.

Основные этапы развития нашей политики в деревне могут быть прослежены в смысле, вопервых, тех экономических мероприятий, которые пропзводила наша партия в области сельского хозяйства, и, с другой стороны,—в отношении тех политических решений, которые она устанавливала втечение этих лет в работе в деревне. Эти отношения менялись не раз на протяжении этих лет. Как мы знаем, был период, когда мы находились в войне с кулацкими элементами деревни. С введением новой экономической политики, с окончанием гражданской войны мы постепенно установили к кулацким слоям деревни то же отношение, что и к частным предпринимателям в городе: мы учитываем неизбежность образования этого слоя в силу развития производительных сил в деревне, за период времени, который, конечно, измеряется еще многими и многими годами. И последним решением XIV партконференции мы устраняем административные препятствия, мешающие его хозяйственной работе, и полагаем, что с влиянием кулака в деревне мы можем уже бороться экономическими мерами. Это отнюдь, конечно, не означает, что мы позволяем кулаку овладевать органами управления. Решения, например, XIV партконференции ясно говорят: «Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов». Претерпевала наша политика изменения и в отношении середняцкой и бедняцкой массы. Само собой разумеется, что связь с бедняцкой массой деревни для пролетариата (мы говорим здесь о полупролетарской массе деревни; с.-х. пролетариат и его организации являются лишь частью пролетариата вообще и его организаций), для его партии является естественной, вытекающей из всего существа положения и отношения рабочего класса и бедняцкой части деревни. Вопрос только заключался в конкретных формах организации бедняцкой массы. И на протяжении 8 лет эти формы, вполне естественно, в зависимости от общих политических и экономических условий видоизменялись. В настоящий момент, как мы увидим дальше, в вопросе о бедняцкой части деревни нам приходится решать именно конкретные задачи, определяемые настоящим экономическим положением—иначе говоря, конкретными условиями экономического положения деревни в 1925/26 году.

Так же втечение этих 8 лет не раз менялись и конкретные формы нашей политики в отношении к середняку, в зависимости от изменения общих условий. Последняя XIV партконференция центром своей работы имела, в сущности говоря, вопрос о середняке и наметила целый ряд конкретных мер нашей политики к закреплению союза между рабочим классом и середняком. Развитие сельского хозяйства, оживление работы кооперации рассматривались под углом зрения развития центральной, преобладающей массы середняцкого хозяйства, установления с ней связи и вовлечения ее в кооперацию. В этом заключалась сущность решений XIV партконференции. Задача настоящего момента заключается в необходимости еще раз, в зависимости от выяснившихся экономических условий, просмотреть конкретные формы и мероприятия в отношении середняка и бедняка.

Общее направление всей нашей политики заключается в стремлении уничтожить классовое деление. Но само собой разумеется, что эта задача может быть решена только в сравнительно очень длительный период времени. Для настоящего периода, для периода, который исчисляется хотя бы десятком лет, мы будем иметь в условиях быстрого развития хозяйства скорее продолжение диференциации крестьянства, причем, несомненно, эти процессы будут сопровождаться в деревне ростом социалистических форм общественных организаций, как хозяйственных, так и политических. Таким образом мы будем иметь процессы расслоения деревни, процессы выделения из середняков зажиточных слоев крестьянства, кулаков, с другой стороны—переход части бедняков в середняки и, наоборот, середняков в бедняки. Это неизбежные процессы расслоения крестьянской массы в условиях преобладания товарного хозяйства. Наряду с этими процессами будут происходить процессы кооперирования основных масс крестьянства, роста коллективных форм производства, усиления влияния плановых начал как в области производства, так и обмена, что дает, вместе взятое, усиление новых, социалистических форм. «Общая политика партии и советской власти должна быть направлена в сторону укрепления социалистических начал нашего народного хозяйства и обеспечения в руках государства действительного контроля над всеми происходящими в деревне хозяйственными процессами». Вот на что указывает постановление XIV партконференции. Но условием, определяющим конкретные формы нашей политики в отношении основных групп крестьянства в настоящий момент, является настоящее экономическое положение; это экономическое положение сводится в общем и целом к следующему: во-первых, к значительному урожаю

77 млн. тонн), затем к относительно высокой конъюнктуре на с.-х. продукты на внутреннем рынке и, в-третьих, к неблагоприятному соотношению между с.-х. продукцией и городской продукцией. Вот три определяющих момента, с которыми необходимо считаться при конкретном намечении нашей политики, и не учтя их, мы не можем наметить правильно эту политику. Этим определяется и то обстоятельство, почему мы не можем удовлетвориться только решениями XIV партконференции. Когда принимались решения XIV партконференции (в мае месяце с. г.), в то время мы имели только данные за 1924/25 год и предположения относительно настоящего хозяйственного 1925/26 года. Уже настоящая, текущая практика вскрыла, что некоторые опасения, которые мы питали в то время, как, например, относительно возможного значительного падения цен на продукты сельского хозяйства и повторения пресловутых «ножниц», оказались неосновательными. Дождливая погода, затянувшаяся уборка урожая, с одной стороны, с другой стороны—недостаточное предложение товаров на рынке и ослабление побуждающего действия со стороны с.-х. налога (как известно, налог нынешнего года значительно снижен и легко выполняется крестьянами),—все это, вместе взятое, привело к тому, что цены на с.-х. продукты не только снизились, а в некоторых городах, как, например, на Украине, даже поднялись, а на некоторые продукты, например, на пшеницу, цена поднялась до высоты, которая начала угрожать рентабельности экспорта пшеницы. Подобного экономического положения не было в то время, когда принимались решения XIV партконференции. Приняв во внимание современное экономическое положение, мы должны просмотреть решения XIV партконференции и сделать необходимые добавления и изменения к ним. Усилились и все экономические процессы, растет спрос, растет накопление, изменяются и отношения между отдельными группами, растет предложение труда с.-х. пролетариата, тяга к переселению, отхожие промыслы и тому подобное. Все это необходимо учесть.

Вместе с этим развивающееся экономическое положение выдвигает перед нами реальную возможность более широкого осуществления принятия мер по культурному подъему деревни. Эта задача, в важности которой никто, кажется, не сомневается, тем не менее привлекает недостаточно к себе делового внимания. Конечно, никто не будет спорить против культурного подъема. Но очень мало кто занимается действительно серьезной разработкой этого вопроса и концентрирует на этом внимание нашей партии и органов советской власти.

Таково положение, которое заставляет нас особенно внимательно отнестись к рассмотрению вопросов нашей политики в деревне и не почить на лаврах принятых решений.

Но прежде чем заняться этими вопросами, мы должны предварительно остановиться на крайне важном и существенном обстоятельстве, рассмотрение которого приводит к неутешительным выводам и одновременно ставит перед партией и советской властью необходимость разработки мер к его устранению. Этот предварительный вопрос заключается в том, как, в какой мере наши решения—партийные и советские—достигают низов и проводятся нашим низовым аппаратом в жизнь. Наша политика, наши решения, наши мероприятия принимаются нами не для того, чтобы их более или менее стройно и логично, последовательно изложить на бумаге, не для того, чтобы они стали известны десяткам тысяч или даже сотням тысяч читателей, а для того, чтобы их осуществить в действительности, на практике, в жизни, чтобы они вошли в практику миллионов рабочих и крестьян. И раньше чем принимать новые решения, мы всегда должны по существу пересмотреть, что произошло с уже принятыми решениями, какую проверку устроила им жизнь. Поэтому, подходя к вопросу—какую линию мы должны наметить на деревне в настоящий момент, мы должны ответить и на вопрос: а что стало с решениями XIV партконференции?

б) Как проведены в жизнь решения XIV партконференции

Ряд этих решений, как, напр., помощь со стороны государства с.-х. и потребительской кооперации в виде денежных субсидий, улучшения условий кредита для кооперации, изменения в более благоприятную сторону политики наших трестов и синдикатов в отношении кооперации,—все это для кооперации уже несомненно получило свое осуществление и дало вполне определенные результаты. Ряд решений партконференции, как, напр., о большем привлечении беспартийных деловых работников из среды крестьянства в управляющие органы кооперации, не могли пока дать своих результатов просто потому, что перевыборов в правление кооперации за этот промежуток времени почти не происходило.

Но относительно третьей важнейшей части решений XIV партконференции—об оживлении работы в деревне, об оживлении работы низового партийного, советского и кооперативного аппарата,—об этой

части наших решений мы имеем, правда, немногочисленные, но тем не менее очень и очень ценные указания. ЦКК втечение последних месяцев произвела серьезную работу, пославши на места членов ЦКК, которые проработали 2—3 месяца в деревне, подробно знакомясь с работой партийных, советских, кооперативных органов. Результаты своей работы и своего обследования члены ЦКК представили в качестве огромного материала и сводных докладов. Пока еще полностью материал не обработан и не представлен. Но и те доклады, которые обсуждались на последнем пленуме ЦКК, и те доклады, которые представлены сейчас членами ЦКК приблизительно из 10 пунктов разных губерний, дают подробную картину о положении на местах. И к этим данным мы должны отнестись со всей серьезностью. Вывод, к которому приходится притти на основании этих данных, заключается в том, что огромная часть решений нашей XIV партконференции совершенно не проведена еще в жизнь на местах. Приведем выводы по этому вопросу товарищей, бывших в деревне.

Вот, напр., что говорит в своем докладе т. Магидов, проведший 3½ месяца в Пензенской губ.: «До сих пор не проработаны постановления XIV всесоюзной партконференции, хотя говорят об этих решениях и постановлениях, как будто бы и читали их и прорабатывали их». А выше он замечает: «Все вопросы, которыми живет крестьянство, все вопросы, которые являются важными для крестьянства, а именно: землеустройство, лес, переселение, школы, агрономия, ветеринария,—этими вопросами партийные и советские работники не занимаются. Это не их ума и разума дело. Они заняты вопросами местными и на такие «мелочи» считают ниже своего достоинства обращать внимание».

Другой член ЦКК, т. Абель, в своем докладе о Житомирском округе Волынской губ. сообщает: «Райкомы и ячейки не совсем усвоили политику партии по приему крестьян в партию и в этом направлении почти никакой работы не вели и беспартийного актива вокруг себя для изучения и обработки не имели, благодаря чему тяга крестьян в партию проходила большей частью вне ячейки».

Тов. Бабушкин, обследовавший деревни Курской губ., сообщает: «Как я уже отмечал в начале доклада, работа сельсоветов на 90% неудовлетворительна». Вместе с этим он отмечает то положительное явление, что те сельсоветы, председателями которых являются члены партии, работают более удовлетворительно, чем те, которыми руководят беспартийные. «Коммунисты,—говорит он,—работают более удовлетворительно не только потому, что у них больше стремления к ра-

боте, чем у беспартийных, но и потому, что они знают, что с них работу спросят не только по советской линии, но и по партийной, и потому они вынуждены работать лучше». Дальше он указывает, что «из общих положений, происходящих внутри крестьянства в обследуемом нами Рыльском уезде, необходимо отметить, что повышение активности крестьянства, его тяга к более интенсивным формам землепользования происходят без поддержки и руководства со стороны сельсоветов».

Тов. Караваев в своем докладе о Владимирской губ. говорит, что «решения партии по работе в деревне не прорабатывались достаточно ни в уездном центре, ни на местах. В ряде ячеек решения октябрьского пленума ЦК совсем не известны. В других ячейках, где они были получены, их прочли, но значение этих постановлений не поняли, не договорились, что их нужно положить в основу всей работы парторганизации. При своей слабости, низком уровне развития членов, полном отсутствии актива ячейки на местах не получили со стороны укома никакого руководства, никакой помощи при проведении задач партии по работе в деревне». Подобного же рода выводы мы находим и в других представленных докладах.

Все это говорит о том, что первейшая задача, которую нужно решать политически, в первую очередь, организационно, это—проведение уже принятых решений в жизнь. Без этого мы, конечно, не можем двинуться вперед. Наша политика должна превращаться в конкретное дело. Поэтому первейшим нашим решением и должно быть осуществление уже принятых решений, особенно принятых решений XIV парт-конференции, определившей нашу линию по основным вопросам деревни. Но, конечно, было бы ошибкой полагать, что самый факт недостаточного и слабого осуществления принятых решений тем самым не дает нам возможности продвигаться вперед. Прежде всего следует заметить, что, конечно, и во все предыдущее время наши решения не осуществлялись полностью, а осуществлялись лишь частично. Тем не менее это не давало нам права останавливаться на принятии новых решений, поскольку они диктовались самым ходом развития экономической и политической жизни. Мы должны, несомненно, чутко прислушиваться и зорко смотреть за теми новыми фактами, которые выдвигаются самой жизнью, учитывать их в нашей политике и давать ответы на то, что и как делать сообразно с этими новыми обстоятельствами. Со времени XIV партконференции прошло всего несколько месяцев. Но эти несколько месяцев были богаты содержанием и во внешней и во внутренней жизни. Вопросы нашей политики в деревне встанут перед нами с большей

рельефностью и определенностью, когда мы будем иметь уже выяснившиеся размеры урожая и более или менее определившуюся рыночную конъюнктуру и условия внешнего рынка. Поэтому мы не можем и не должны ограничиваться только решениями XIV партконференции, а должны просмотреть наши решения под углом зрения этих новых условий, не забывая, конечно, ни на одну минуту, что поскольку старые решения отвечают жизни, они должны быть полностью осуществлены.

При проведении нашей политики в деревне мы должны считаться таким образом с двумя основными обстоятельствами: с длительностью периода осуществления тех или иных мероприятий, намечаемых нашей политикой в деревне, и с таким характером этих мероприятий, которые отвечали бы вполне конкретным потребностям крестьянства в его повседневной хозяйственной и общественной жизни. Действительно, в городах, в особенности в отношении промышленности, мероприятия, диктуемые нашей экономической политикой, требуют для своего осуществления несравненно более короткого срока времени, чем в области сельского хозяйства. Определяется это при иных прочих условиях прежде всего большей децентрализацией крестьянского сельского хозяйства. Чтобы получить ощутительный результат от проведения той или иной меры в отношении 20 миллионов разрозненных крестьянских хозяйств, потребуется, несомненно, значительно больший срок времени, чем для получения тех же результатов в отношении нескольких тысяч предприятий. Это обстоятельство мы должны всегда иметь в виду, если желаем добиться от нашей политики в деревне реальных результатов.

Второе, на что нам приходится обратить внимание, это—необходимость считаться с конкретными потребностями крестьянского хозяйства при проведении наших решений. Решения наших партсъездов и конференций поневоле пишутся вообще, охватывая весь Союз. Для намечения общих линий партии это необходимо. Благодаря этому сверху донизу достигается общее направление деятельности парторганизаций, необходимая концентрация энергии и единство действий. Но все же этого одного для проведения нашей политики в деревне мало. Обязательно необходимо, чтобы наши областные и губернские парторганизации прорабатывали решения партийных съездов и конференций применительно к условиям данного района. Условия Туркестана и Урала, Центрального района и Кавказа настолько различны по своим экономическим и социальным признакам, что конкретные способы проведения нашей политики будут, в свою очередь, также различны. Это обстоятельство у нас, к сожалению, мало привлекает вни-

мания, а от него зависит очень многое, и немало ошибок проистекает именно благодаря игнорированию его. Ведь, несомненно, понятия «середняк» и «бедняк» в различных районах различны. Формы взаимоотношений между различными группами крестьянства по различным районам также отличны, и в этом отношении крайне опасен был бы бюрократический подход,—безразлично, был ли бы это партийный или советский бюрократизм. Таким образом наши общие решения должны получать свою конкретизацию в зависимости от района и области их применения, в зависимости от своеобразия экономических и социальных условий того или иного района.

Затем наши решения и формы общественные должны быть переведены на язык фактов крестьянской жизни и на язык ее потребностей. Это тоже у нас делается очень плохо. Примеры этому мы видим в вышеуказанных выводах наших товарищей, бывших в деревне. Конечно, дело это будет, пожалуй, значительно труднее, чем, например, делать доклады на международные темы и выносить по ним решения, но, тем не менее, без подобного рода перевода, без подобного рода проработки наши решения останутся только общими резолюциями, но не получат своего осуществления в жизни. Недостатки в проведении наших решений в этом отношении выпукло выявляются прежде всего имеющимся обследованием. И эти недостатки должны быть устранены в первую очередь. Таковы эти предварительные выводы.

в) О середняке и бедняке

Середняцкая и бедняцкая часть составляют огромную, подавляющую массу крестьянского хозяйства и сельского населения вообще. Это бесспорно. Можно говорить о нескольких процентах выше или ниже, но все же около 90% приходится именно на эту часть деревни. Точно так же подавляющая часть сельскохозяйственной продукции падает именно на эту часть. Поэтому было бы несомненной ошибкой, если бы мы допустили переоценку роли и значения кулака и допустили бы определение всей нашей политики исключительно под углом зрения борьбы с ним. Несомненно, центром, который определяет нашу политику, будет вопрос о взаимоотношении с середняцкой и бедняцкой массой, причем задача союза с середняком представляет особенно большую и сложную задачу. XIV партконференция, как мы уже говорили выше, по существу была посвящена именно вопросу о середняке. Ее решения, определившие направление развития сельского хозяйства,

развертывание производительных сил деревни, определившие формы и направление развертывания кооперативной работы, касались главным образом именно вопроса о середняке. Кооперация является той организационной формой, через которую мы проводим связь со всей огромной массой середняка. Создав условия, при которых, не стесняя инициативы самодеятельности в проявлениях хозяйственной деятельности середняка-крестьянина, мы бы вместе с тем создали условия, при которых он мог бы наиболее полно организоваться в кооперацию и тем самым вступить на путь нового общественного хозяйства и связи с пролетариатом и с промышленностью,—в этом центр вопроса нашей политики в отношении к середняцкой массе. Кооперация, несомненно, играет доминирующую роль как форма организации для середняка, так как вопросы снабжения и сбыта деревни решаются именно через кооперацию, точно так же, как проблема борьбы старых хозяйственных форм, капиталистических форм с новыми формами, социалистическими, в деревне решается борьбой между кооперацией, как представительницей новых социалистических форм, и старыми индивидуалистическими мелкобуржуазными формами хозяйства. Современные условия, условия 1925/26 года, условия высокого урожая, твердой конъюнктуры на рынке, возможности довольно значительного экспорта на внешний рынок и довольно значительного импорта сельскохозяйственных машин и орудий,—все это, вместе взятое, создает благоприятную конъюнктуру для развития нашего сельского хозяйства, а следовательно, в первую очередь для развития середняцкого хозяйства и для развития нашей кооперации. Правда, мы не должны закрывать глаза на то, что относительно высокие цены на сельскохозяйственные продукты у нас на внутреннем рынке создали известного рода затруднения для экспорта наших сельскохозяйственных продуктов, так как цены, например, на пшеницу или на масло, почти уже достигли той предельной границы, за которой экспорт является уже нерентабельным. Мы, несомненно, будем испытывать затруднения, если только повышательная тенденция на продукты сельского хозяйства будет продолжаться. Поэтому рядом экономических мероприятий мы должны урегулировать этот вопрос. Вместе с этим указанные условия способствуют процессам накопления в деревне, благодаря чему создается база для развития и расширения внутреннего рынка. Поэтому вопрос наивозможного расширения производства нашей промышленности на внутреннем рынке получает огромнейшее значение. Разрешение этого вопроса лежит именно в расширении нашей советской промышленности, так как иного рода решение, т. е. восполнение потребностей внутреннего

рынка не за счет развития нашей промышленности, а за счет импорта товаров для деревни из-за границы, установление, так сказать, смычки между нашим сельским хозяйством и промышленностью капиталистических стран в конечном результате привели бы к задержке развития производительных сил у нас, к задержке развития нашей промышленности и поставили бы тем самым и развитие нашего сельского хозяйства в зависимость от положения промышленности капиталистических стран. Этого не учитывают те, кто имеет уклон в сторону фритредеровских тенденций и ориентировки на внешний рынок. Конечно, в известной доле, в известной пропорции мы допускаем импорт товаров для деревни, но именно постольку, поскольку это не наносит ущерба развертыванию нашей промышленности и темпу этого развертывания. Середняк имеет товарные излишки. Благодаря высокой рыночной конъюнктуре он имеет возможность *накоплять*. Наша задача—направить его деятельность *по кооперативному руслу*, в сторону поднятия техники его хозяйства, опять-таки связывая это поднятие с кооперацией, и на усиление производства нашей промышленности. Вот что диктуется нам современным положением в отношении середняка. Вопрос о середняке таким образом решается прежде всего *проведением тех решений, которые были приняты на XIV партконференции* и которые заключаются в максимальном содействии развитию нашего сельского хозяйства, в развитии и укреплении сельскохозяйственной потребительской кооперации, в оздоровлении ее финансовой и организационной основы, в оживлении деятельности кооперативов, в устранении препятствий, которые мешают этому развитию, *и в тех добавлениях, на которых мы сейчас остановились. В таком положении находится вопрос о середняке.* Теперь мы перейдем к бедняку.

Почему нам приходится сейчас говорить о бедняцкой части деревни? Нельзя ли ограничиться уже ранее бывшими решениями по этому вопросу? Ведь и в резолюции XIV партконференции мы имеем ясные указания по вопросу о помощи бедняцкой массе крестьянства, и затем не имеется ли в самой постановке вопроса о бедняцкой массе опасности изменения нашей линии в отношении середняка? Подобного рода вопросы и опасения существуют и в рядах нашей партии и даже отчасти проникли в печать. Нужно прямо сказать: никакой почвы они под собой не имеют. Резолюций у нас, конечно, написано немало, но важно то, чтобы наши решения отвечали на наиболее острые требования текущей действительности, выделяли бы наиболее важное и существенное в каждый данный момент. Наиболее опасное—консервативная линия, замазывание и страусовская

политика закрывания глаз на действительность. Это было чуждо нашей партии в прошлом. Этого же не должно быть и в настоящем.

Вопрос о бедняцкой части деревни нам приходится разрешать: во-первых, и прежде всего, в зависимости от особенностей настоящего экономического положения, положения именно нынешнего года. И, во-вторых, этот вопрос приходится решать, принявши во внимание существование некоторого извращения линии партии в этом вопросе со стороны некоторых наших товарищей. Эти два обстоятельства делают необходимым постановку этого вопроса. Опасение, что сама постановка может быть истолкована как попытка изменить нашу линию в отношении середняка, конечно, беспочвенно. Дело, конечно, заключается в том, как решить вопрос. Ни о каком изменении нашей линии в отношении самой главной и значительной части крестьянства не может и не должно быть речи. Союз с середняком был и остается важнейшим центральным вопросом нашей партийной и советской линии и в данный конкретный момент, и в отношении середняка, как мы говорили выше, необходимо провести ранее уже принятые решения. В отношении же бедняцкой части крестьянства мы должны наметить ряд конкретных мер, учитывая улучшившееся положение деревни в нынешнем году. Замалчивание или замазывание этого было бы, несомненно, вредным уклоном. Именно в этом вопросе нам необходимо намечение системы вполне конкретных мероприятий, которые бы дали нам возможность поднять и подтянуть бедняцкую часть деревни. Основным положением для нас остается то, что когда-то говорил Ленин, т. е., что мы можем итти вперед, двигаясь со всей массой крестьянства. Поэтому улучшение положения бедняцкой массы крестьянства является первейшей нашей задачей. Благоприятные условия в области сельского хозяйства и на рынке, как мы выше говорили, дают возможность и производить накопление для крестьянства и более быстрым темпом развивать свои производительные силы, но это для ближайшего периода приводит, как мы это точно так же указывали уже не раз, и к большей диференциации среди крестьянства. Наша политика должна быть направлена к тому, чтобы, учитывая эти процессы, мы могли улучшить положение и сельскохозяйственного пролетариата и бедняцкой части крестьянства путем хозяйственных мероприятий. Ошибочен был бы подход к решению этого вопроса с точки зрения филантропической помощи. Бедняцкая часть населения отнюдь не должна быть иждн-

вещем государства. Это было бы и неправильно и невозможно в силу чисто материальных соображений. Наоборот, система государственных и хозяйственных мероприятий направлена на то, чтобы, считаясь с особенностями бедняцких крестьянских хозяйств и положением бедняцкой части сельского населения, поставить их на путь возможности хозяйственного укрепления и продуктивного и целесообразного использования своих рабочих сил. Этот путь является правильным. Эту систему мероприятий намечает последний пленум Центрального комитета нашей партии по докладу т. Молотова. Главнейшие мероприятия в этом отношении намечаются следующие:

«А. При проведении политики оживления советов, вовлечения в их работу широких масс бедняков и середняков парторганизации должны особое внимание уделить на то, чтобы приэтом сплотить вокруг себя бедноту и вести за собой среднее крестьянство. Для этого во время перевыборов и в дальнейшей работе советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), стремясь приэтом к совместному с середняками отстаиванию практических мероприятий в работе советов, кооперации, крестпомов и к совместному с середняками выдвижению кандидатов при перевыборах.

Б. В работе кооперации усилить внимание к вовлечению бедноты, разработав дополнительные меры по облегчению доступа бедняков в сельскохозяйственную и кредитную кооперацию (уменьшение размера паев, помощь государства при внесении их и т. п.) и по увеличению материальной помощи беднейшим слоям деревни путем расширения сел.-хоз. кредита (гарантирование правительством определенных сумм для кредитования бедняков, особенно для коллективных производственных объединений; удлинение сроков кредитования для бедноты, организация при сел.-хоз. товариществах предприятий, обслуживающих главным образом бедноту, как, например, прокатных пунктов и т. п.).

В. Всемерно содействовать строительству колхозов (с.-х. коммун, с.-х. товариществ) маломощного и среднего крестьянства, особенно облегчая им приобретение сел.-хоз. машин (в частности тракторов), стремясь связать работу колхозов с помощью окрестному маломощному и среднему крестьянству. Наряду с этим необходимо усилить поддержку развития простейших видов коллективизации (артели, машинные товарищества, товарищества по совместной обработке земли, по совместному использованию скота и т. п.), особенно обращая внимание на вовлечение в эти товарищества маломощных хозяйств.

Г. Отмечая недостаточное внимание к работе крестпомов, обязать парторганизации, согласно решениям XIII партсъезда о работе крестпомов, усилить содействие их работе. Организации крестпомов необходимо строить на основе существующего Положения ВЦИК, а именно, на основе коллективно-добровольного членства всех крестьян, имеющих право избирательного голоса при выборах в советы, добиваясь более активного участия в их работе беднейших слоев деревни. Наряду с развитием работы по индивидуальной и общественной взаимопомощи в деревне крестпомы должны усилить связь с работой советов и кооперации, содействуя облегчению доступа маломощных в кооперацию, получению ими кредита для своего хозяйства, защищая и наблюдая за предоставлением бедноте установленных законами льгот и т. п.

Д. Утвердить решение пленума ЦК КП(б)У (от 23—25 июля с. г.) о реорганизации комнезамов с превращением их в организации общественные и добровольные. В дальнейшей работе комнезамы должны направить свою деятельность на сплочение бедняков и середняков, на отстаивание интересов маломощных (незаможных) в советах, кооперативах, крестпомах, на сосредоточение главного внимания на задачах поднятия хозяйств деревенской бедноты. С реорганизацией комнезамов и выдвижением в их работе новых задач парторганизации должны еще большее внимание сосредоточить на деле руководства их работой.

Признать необходимым, чтобы организации бедноты в ряде восточных республик (кошчи в Средней Азии, джарлы в Казакстане, хамначиты в Якутии) в основном были построены на таких же началах, как реорганизованные комнезамы на Украине.

Е. В связи с проведением «временных правил о применении наемного труда в сельском хозяйстве» особенное значение приобретает работа Всеработземлеса, как органа сплочения и защиты интересов пролетарских слоев в деревне. Всеработземлес должен, всемерно укрепляя связь беднейших слоев деревни с промышленными рабочими города, на деле стать организацией широких пролетарских и полупролетарских масс: сельскохозяйственных рабочих, батраков и полупролетарских элементов деревни, основным занятием которых является работа по найму. Приэтом необходимы дальнейшая всемерная поддержка партийными силами органов Всеработземлеса и усиление его материальных средств.

Ж. Парторганизации должны добиваться действительного проведения в жизнь законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, и предоставленных им по этим законам

льгот (освобождение от налогов или понижение их для маломощных, льготы по проведению землеустройства, льготный отпуск леса и т. п.). Во всей работе советов, кооперации, крестпомов парторганизации при активном участии комсомола должны брать на себя инициативу в деле организации беднейших слоев и обеспечения их интересов в работе соответствующих органов (прием в школы детей бедноты, защита бедняков в судах, облегчение беднякам доступа в кооперацию, поддержка селькоров из беднейших слоев и т. п.).

3. Задача помощи и организации деревенской бедноты на основе укрепления руководства пролетариата выдвигает перед партией необходимость дальнейшего укрепления партийных и комсомольских организаций деревни. Необходимо усилить внимание к привлечению в партию и в комсомол беднейших элементов деревни, в особенности сельскохозяйственных рабочих и батраков, всячески поддерживая выдвижение из их среды работников для руководящей работы во всех общественных органах деревни, вовлекая наиболее активные силы из них в парторганизацию, памятуя, что наиболее крепкой опорой коммунистической партии в деревне могут быть только пролетарские и полупролетарские слои деревни».

Эти мероприятия, как мы видим, охватывают целый ряд различных сторон нашей государственной хозяйственной кооперативной деятельности. Современная экономическая обстановка дает больше, чем мы имели в прошлом году, реальных возможностей для осуществления этих мероприятий. Именно это обстоятельство и продиктовало необходимость и своевременность постановки вопроса о бедняцкой части крестьянства. Перед местными организациями стоит задача конкретизации этих положений в жизнь и осуществления их, о чем мы говорили во второй главе нашей статьи.

Разработать для каждого района эти решения—вот что является важнейшей предпосылкой их осуществления.

Каково фактическое положение этого вопроса, мы можем также судить по данным обследования ЦКК.

Тов. Бабушкин говорит: «В деревнях Курской губ., на почве голода, было много кабальных сделок, с которыми приходилось сталкиваться почти в каждом селе Рыльского уезда; поэтому, ясно, особенной работы от сельской организации спрашивать не приходится.

Основной гвоздь положения Курской губернии, и в особенности Рыльского уезда, это—острое малоземелье. Крестьяне имеют средний душевой надел по Рыльскому уезду 0,8 гектара на человека. Но эта беда была бы не столь велика, если бы не было той земельной путаницы, которую мы имеем по Рыльскому уезду.

Непрерывное повышение товарности крестьянского хозяйства в Рыльском уезде сильно способствует расслоению крестьянства. По Теткинской волости мы имеем следующую картину.

В 1923/24 году в Теткинской волости было около 8 560 самостоятельных домохозяйств, из них безлошадных было 368, а в 1924/25 году самостоятельных стало 8 200, число же безлошадных хозяйств увеличилось с 368 до 540. За это же время общее количество лошадей по Теткинской волости увеличилось на 180 рабочих единиц.

Эта область, так же как и масса других областей в работе в деревне, до сих пор на местах не изучена и никем не направляется и не руководится».

Тов. Магидов по Пензенской губ.: «Влияние среди крестьян имеют до сих пор зажиточные элементы, старики еще до сих пор подчиняют себе молодежь. Их, стариков, побаиваются, им редко возражают».

Самообложение процветает в огромных размерах.

Как показала непосредственная проверка низового советского аппарата, так и по другим материалам видно, что большинство комитетов взаимопомощи до сего времени не в состоянии оказывать маломощному крестьянскому населению реальную помощь, которая давала бы возможность последнему перестать быть объектом эксплоатации имущих слоев деревни.

Работа комитета крайне слабо поставлена, нет надлежащего руководства этой работой ни со стороны губернского комитета уездными, ни со стороны последних низовыми—волостными и сельскими комитетами.

В большинстве случаев, как пришлось убедиться на практике, руководство верхушечных организаций комитетов происходит при помощи рассылки циркуляров, которые, как, например, Саранским уездным крестпомом, механически перепечатываются и направляются в волостные крестпомы, а последние, в большинстве случаев, слабо разбираясь в «мудрых словах» получаемых циркуляров, подшивают их к делу.

Живая связь с местами почти отсутствует. Представитель губернского крестпома с 1/X 1924 г. по 1/V 1925 г. посетил уездный Саранский крестпом лишь один раз, да и то случайно. Даваемые директивы со стороны уездного крестпома местами не проверяются.

В результате на местах работа идет из рук вон плохо. Отсутствие руководства и проверки работ на местах порождает целый ряд хищений и других злоупотреблений.

Тов. Розит по Калужской губернии: «Рост сельского хозяйства и рост отхожих заработков означают растущую политическую активность крестьянства. Перед партией и советскими органами стоит

большая задача: суметь направить эту активность в русло советского и кооперативного строительства.

Нужно отметить, что в связи с ростом отхожих заработков в 1925 г. резко повысилось количество беспосевных хозяйств.

Это количество возросло в 18 раз по сравнению с 1924 г.».

Таковы факты, подтверждающие полную своевременность постановки вопроса о бедняцкой массе на почву конкретных мероприятий.

Существует ли извращение партийной линии в вопросе о бедняцкой массе крестьянства со стороны отдельных товарищей? Есть факты, показывающие, что в известном числе существует. Уже XIV партконференции пришлось заниматься обсуждением «кулацкого» уклона, но он, повидимому, еще не изжит. Выражается этот уклон главным образом в игнорировании бедняцкой массы деревни, в игнорировании мер к ее подъему и улучшению ее положения. Фигура зажиточного крестьянина-кулака с его хозяйственными успехами зачастую заслоняет в глазах некоторых товарищей бедняцкую массу, или же курс на середняка понимается так, что до бедняка нет дела.

Чтобы не быть голословным (относительно отдельных товарищей подобного рода факты приводились на XIV партконференции), мы приведем для примера нижеследующие факты, взятые из тех же материалов обследования ЦКК.

Вот что мы читаем в отчете по обследованию низового аппарата в Зиновьевском округе Одесской губ. УССР:

«В Бобриницком районе мы установили извращение линии партии на селе с лозунгом: «Курс на середняка», что дало возможность поднять голову мелкобуржуазному и кулацкому элементам, которые проникли в советы.

Почти во всех семи сельсоветах низовой партийный и советский работник совсем упускает теперь из виду социальные группировки, само понятие и различие кулака со старательным хозяином смешиваются, и при новом курсе он не знает, как обуздать кулака.

Один председатель сельсовета (село Сентово) нам заявил, что теперь, при новом курсе, у них кулаков нет—это среди 6½ тыс. населения,—и мы, обходя хаты, натолкнулись на нескольких, один из них дает в рост деньги, но проценты в большинстве случаев берет не деньгами, а трудом; кроме возврата долга, занимающий должен в благодарность отработать что-либо.

По Зиновьевскому округу про КНС (комитеты незаможных селян) можно сказать, что последние полгода этой организацией никто не интересовался. Сам окружком почти 9 месяцев не заслушивал ни

одного доклада о состоянии КНС, в низовых же организациях было такое мнение, особенно у тех, кто «хорошо понимал» новый курс партии, что незаможные крестьяне, это—лишние нахлебники у государства, а в советской системе это вроде отростка слепой кишки.

Когда же мы стали разбираться с селянской головкой, где у них кулаки, то оказалось, что члены КНС тщательно ведут учет кулаков; конечно, они все-таки еще ждут раскулачивания, так как от прошлогодней ликвидации имущества нетрудовых хозяйств КНС кое-что перепало.

Но все же это—организация бедноты, прошедшая гражданскую войну в передовых рядах, и сейчас вполне правильно поступил ЦК КП(б) Украины, сохранив в дальнейшем существование КНС».

А вот что мы имеем в Туркестане, где существует бедняцкая организация, так называемый союз Кошчи (вроде комнезамов Украины): с развитием нэпа «в партийных кругах Туркестана усиливаются ликвидаторские настроения в отношении Кошчи. К ним относятся с «пролетарским презрением», как к «союзам огородников», с которыми советской власти, в сущности, нечего делать. Критикуют их с марксистской точки зрения, говоря, что «с точки зрения экономической Кошчи—в лучшем случае артель, через артель же мы к социализму не придем». Кошчи не встречает должного внимания и руководства со стороны партии. Фракций в союзе Кошчи фактически не существует» (доклад Сольца) [1].

С этими «ликвидаторскими» настроениями в Туркестане справились, Кошчи довольно твердо стал на ноги.

С подобного рода извращением нашей партийной линии нужно повести решительную борьбу. Мы отнюдь не должны проходить мимо подобного рода фактов, полагая, что они единичны. Они указывают на возможность серьезнейших ошибок с серьезнейшими последствиями.

Подобного рода «уклоны» делают необходимым еще раз осветить с точки зрения партии вопрос о бедняцкой массе и дать конкретные ответы на стоящие в этой области задачи.

Выводы наши:

В условиях сравнительно быстрого развития деревни и укрепившегося хозяйственного положения наша политика, направленная на укрепление социалистических начал нашего хозяйства в деревне, должна:

вопервых, способствовать дальнейшему развитию производительных сил деревни, в первую очередь в области техники, в массовом мас-

---

[1] См. «Бедняцкие организации на советском Востоке и их задачи» («Советское строит.», сборник 2—3, стр. 223).

штабе и в отношении основной массы крестьянских хозяйств середняков и бедняков;

вовторых, считаясь с дифференциацией крестьянства и с особенностями каждого слоя крестьянства, путем ряда конкретных мероприятий в большей степени втянуть середняка в кооперацию и дальше закрепить союз с ним путем содействия его хозяйственной работе; для бедняцкой части разработать конкретные меры поднятия ее хозяйственного положения; повести решительную борьбу с недооценкой значения бедняцкой части в деревне;

втретьих, все решения необходимо прорабатывать на местах путем их конкретизации в зависимости от экономических и бытовых условий района.

IV. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

1. СОВРЕМЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ

а) Общие предпосылки

Чем отличается современная советская кооперация от той кооперации, какая была в старое недоброе дореволюционное время?

Втечение восьми лет советской власти кооперация не раз меняла свои основы как в области форм организации, так и в области характера своей работы.

В первый период после Октябрьского переворота, по формам своей организации и по характеру своей работы, кооперация старалась удержаться в старых дореволюционных формах и вследствие этого стояла во многом в оппозиции к советской власти. Особенно верхушка кооперации, состоявшая из меньшевиков, эсеров и отчасти из представителей буржуазии, оказывала определенное сопротивление советской власти, доходившее в отдельных районах, как, напр., в Сибири, до открытой помощи врагам советской власти. Этот период был, однако, вскоре изжит путем реорганизации кооперации, изменения характера ее работы.

Обязательное членство радикальнейшим образом изменило социальный характер кооперации, принятие же на себя функций распределения продуктов, предоставляемых ей в то время Наркомпродом, сделало кооперацию по существу лишь частью распределительного аппарата государства. В эпоху военного коммунизма кооперация становится советской кооперацией, сбросив раз навсегда свое оппозиционное настроение к советской власти, тем более, что главные носители ее оппозиционности, в лице старых руководителей кооперации, как, например, Зельгейм, Беркенгейм, Ленская, Орлов и др., были сняты со своих постов новым составом членов кооперации и вскоре очутились в рядах белой эмиграции за границей, где и пытались продолжать борьбу против советской власти и новой кооперации.

С окончанием периода военного коммунизма перед кооперацией встали новые задачи.

В условиях новой экономической политики кооперация, как и все другие наши хозяйственные органы, естественно должна была изменить, применительно к новым условиям, и формы и характер своей работы. Она вернулась опять на основу добровольного вступления в члены кооперации, и опять ей пришлось вступить на арене внутреннего и внешнего рынка в борьбу с частным капиталом и применяться к условиям конкуренции и торговли.

Формально, казалось, основа организации и форма деятельности кооперации теперь те же, что и в дореволюционное время. Это обстоятельство может даже для наших противников дать повод полагать, что у нас восстановилась старая форма кооперации и что хотя бы в этой области, но повеяло духом далекого прошлого. В белогвардейском заграничном журнале «Крестьянская Россия» мы и находим подобного рода надежды и мечты.

Однако достаточно только сравнить формы и содержание современной кооперации и старой, чтобы сразу убедиться в радикальной разнице между ними.

Современная кооперация в такой же степени не похожа на старую дореволюционную, как весь наш хозяйственный строй, со всем его своеобразием форм и отношений, даже несмотря на существование в его рамках частного капитала, совершенно не похож на тот экономический строй и на те экономические отношения, какие существовали у нас в дореволюционное время и существуют теперь в рамках буржуазно-помещичьих государств.

Правда, на это нам могут возразить, что подобного рода изменение форм той или иной хозяйственной организации не является чем-то особенным. Оно может происходить и происходит и в рамках капиталистических стран. Ведь, как известно, и в капиталистических странах хозяйственные организации претерпели существенные изменения по сравнению с довоенным временем.

Однако мы не должны упускать из виду разницу в характере этих изменений. Конечно, капитализму при всех его усилиях не удается вернуться в рамки прежнего, довоенного, относительно устойчивого положения и восстановить потерянное равновесие. И он претерпел серьезные изменения, на которых, к сожалению, мы сейчас не можем остановиться. Но, тем не менее, основные экономические отношения и вместе с этим основные противоречия в капитализме не только остались прежними, но получили более яркое, более острое свое выражение.

Господство и гнет капиталистического класса выливаются в открытое уничтожение политических противников капитализма, где это только

возможно, где это по силам капиталистическому классу. Эксплоатация и грабительство не прикрываются даже фиговыми листками каких-либо патриотических выдумок. Классовая борьба поэтому принимает сплошь и рядом формы открытой гражданской войны. Эти условия, естественно, влияют и на кооперацию буржуазных стран и будут приводить к определенным расслоениям в ее среде, но в общем качество кооперации капиталистических стран остается прежним.

У нас, наоборот, господство пролетариата означает, что и в экономической области отношение и значение хозяйственных форм иное, чем при капитализме: в области производства у нас господствует государственная национализированная промышленность, в области обмена господствует кооперативная и государственная торговля; частный капитал как в том, так и в другом случае должен иметь, и в действительности имеет, подчиненное значение государственным и кооперативным формам народно-хозяйственной жизни; доля участия частного капитала может меняться в сторону увеличения или уменьшения, но основное соотношение должно остаться в силе.

Таково существенное принципиальное отличие, какое было и остается в рамках советского строя, в рамках диктатуры пролетариата.

Отличительными чертами современной кооперации приходится считать следующие.

Во-первых, ее социальный состав.

В то время, когда дореволюционная кооперация охватывала главным образом зажиточную часть городского населения и зажиточные слои крестьянства, наша кооперация охватывает почти исключительно рабочие массы и бедняцкие и середняцкие массы крестьянства в стране (на 90% состав кооперации в деревне заключается в бедняках и середняках, перевес имеют середняки). Между прочим, именно этот социальный состав нашей кооперации заставляет с особенной осторожностью относиться, напр., к повышению паевых взносов, так как чрезмерное повышение паевых взносов несомненно оттолкнуло бы значительную часть бедняцких слоев деревни и города от кооперации, что, само собой разумеется, является неприемлемым.

Во-вторых, наша кооперация проводит экономическую политику советской власти, направленную на удовлетворение интересов рабочих и крестьян, и в последнее время, например, проводимая нами политика снижения цен на предметы массового потребления могла быть проведена исключительно только благодаря кооперации.

В-третьих, кооперация выполняет также государственные задания в области торговли, в области заготовки хлеба, сырья и

так далее, в то время как старая кооперация являлась частнохозяйственной формой.

В-четвертых, определенные виды кооперации, как, например, сельскохозяйственная кооперация, являются органами, проводящими коллективизацию сельского хозяйства, и колхозы представляют из себя новые хозяйственные формы в деревне.

Все это, вместе взятое, дает новое содержание кооперации, ставит ее на тот путь, который действительно ведет к социализму. Всем этим она отличается от дореволюционной кооперации.

Мы не только рассматриваем, но и направляем развитие кооперации у нас таким образом, что она становится социалистической формой общественного развития. Конечно, как это мы увидим дальше, наша кооперация страдает еще огромными недостатками, и она только начинает становиться тем, чем мы ее хотели бы видеть, но несомненно, что она вступила на новый путь. Работы, черновой кропотливой работы, впереди—целая уйма, но вообще направление взято вполне определенное и правильное.

Эти ее типичные черты бывают непонятны даже лучшим представителям кооперации буржуазных стран, привыкшим видеть иную кооперацию. Так, например, Шарль Жид, виднейший французский кооператор, проработавший всю жизнь в области кооперативного движения, восхищаясь советской кооперацией, тем не менее, недоумевает, почему она не допускает в свои ряды лиц, лишенных избирательных прав по советской конституции, т. е. буржуазию города и деревни; почему она, как он выражается, «односторонняя», т. е. включает в свои ряды почти исключительно рабочих и беднейших крестьян и середняков. Подобного рода недоумение крайне характерно для представителя кооперации буржуазной страны, так как действительно показывает отличительные черты нашей кооперации, рабоче-крестьянской кооперации советского государства, от кооперации буржуазных стран. Однако подобное положение кооперации сообщает ей не только определенные права, но налагает на нее и определенные обязанности, каких не имела и не могла иметь дореволюционная кооперация и которые, наоборот, логически вытекают из самого положения современной кооперации.

Потребительская кооперация является в настоящее время главным звеном товаропроводящей цепи. Она является тем жизненным каналом, по которому текут товары от производителя к потребителю, от госпромышленности в деревню, к крестьянской многомиллионной массе и от заготовителей продуктов к рабочей массе. Ее работа исключительно важна именно в этой области. В то время как в буржуазных странах в настоящее время, а у нас в дореволюционное

время главным звеном, основным каналом в торговл является частный капитал, у нас, в СССР, его мест занимает кооперация.

Это ее значение определяется не только ее количественным уча стием в торговле,—как раз оно еще далеко не достигло необходимы размеров: кооперация пропускает 30% всех потребительских товаро и обслуживает пока лишь 31% городского населения и 25% дере венского,—а тем обстоятельством, что она является основой органи зации объединения крестьянских масс и организацией, объединяюще потребительские массы города,—в настоящее время она насчитывае 7 милл. членов. «Положение обязывает», говорит старая французска пословица. Обязывает она и нашу потребительскую кооперацию.

Потребительская кооперация должна в смысле доставления товаро широким массам работать лучше частного торговца. Само собой разумеется, что это не может быть достигнуто в короткий срок но это—настоятельная задача, которая стоит перед потребительско кооперацией и которую она обязана выполнить. Свою финансову основу она должна иметь в средствах населения, собирать их путе паевых взносов, целевых вкладов и т. п. Пока она еще очень далека от этого и работает на так называемые привлеченные средства, кото рые приблизительно в 4 раза больше собственных средств кооперации

Но выполняя свои экономические функции, т. е. главным образо торговые, потребительская кооперация не должна забывать, что это еще не является исключительной ее задачей. Выполняя эти торговые функции, она должна кооперировать население. Потребитель ская кооперация отнюдь не является и не должна являться только лавочкой, хотя бы и хорошей советской лавочкой (к со жалению, она очень часто является плохой лавочкой), но она должна втянуть объединяемых ею потребителей в коллективную работу по организации потребления, по организации торговли. Это втягива ние населения в кооперативную работу должно выли ваться и в формах организации материальных средств путем увеличения паевых взносов, вкладов (целевых, денежных или натуральных) и т. п., что даст здоровую финансовую базу для развития кооперации, и путем участия в кооперативной работе: обсуждение вопро сов потребительской кооперации на общих собраниях, участие в лавочных комиссиях, контроль над работой правления, участие в проведении определенной ко оперативной политики в связи с нашей общей эконо мической политикой.

Одной из самых важных современных задач потребительской кооперации является несомненно борьба с кооперативным бюрократизмом, который несомненно имеет значительное место в нашей потребительской кооперации и является серьезнейшим злом, тормозящим действительное кооперирование населения. Кооперативный бюрократизм, выражающийся в отсутствии умения втягивать массу населения в кооперативную работу, в выполнении лишь формальным путем торговых функций, является серьезным тормозом развития кооперации. С ним должна быть поведена решительная, настойчивая борьба.

Аппарат кооперации приходится признать раздутым и громоздким и необходимо принять ряд мер к его сокращению и к более рациональной организации.

В целях сохранения за кооперацией ее основного значения в товаропроводящей цепи госпромышленность должна в первую очередь через кооперацию проводить свои товары. Частный капитал привлекается к торговле в той мере, в какой кооперация не может провести через себя всю массу товаров. Для действительной реализации этого необходимо, чтобы условия кредита и расчетов в отношении кооперации со стороны госпромышленности были более благоприятны, чем в отношении частного капитала. Точно так же кооперации должна быть предоставлена первоочередность в отношении ассортимента товаров, и принудительный ассортимент, затруднявший и осложнявший работу кооперации, тяжелым бременем лежавший на ее оборотных средствах, должен быть постепенно отменен. Кооперация, в интересах обслуживания широких масс деревенского и городского потребителя, должна иметь те товары, которые отвечали бы потребностям этих масс населения. Частный капитал мы должны в большей степени привлечь, чем это делалось до сих пор. Сейчас в наших интересах по возможности увеличить торговый капитал, но это должно делаться отнюдь не умаляя роли кооперации и не ухудшая ее положения.

За кооперацией должна быть сохранена руководящая роль на рынке.

Экономически потребительская кооперация тогда сможет привлечь прочно в свои ряды членов-пайщиков, когда создаст действительные экономические выгоды для своих членов. Поэтому «уравнительность» по отношению к членам и не-членам кооперации

должна быть решительно отброшена и установлена первоочередность получения товаров для членов кооперации, а также и льготные условия покупки.

Вообще потребительская кооперация должна критически просмотреть свое финансовое положение и свою хозяйственную работу. Она в большей степени в этой области должна подойти к действительным задачам своей работы в смысле объединения средств населения и в смысле обслуживания хозяйственных интересов населения, при котором последнее имело бы ощутительные выгоды.

Таковы задачи, которые стоят перед потребительской кооперацией.

Переходя теперь к сельскохозяйственной кооперации, мы прежде всего должны констатировать, что ее положение значительно сложнее и труднее положения потребительской кооперации.

В то время как линия поведения и деятельность потребкооперации определяются довольно четко выраженными интересами широких масс потребителей—рабочих и крестьян, причем в эти интересы входит прежде всего получение отвечающего их потребностям ассортимента товаров по ценам дешевле, чем у частного торговца, в достаточном количестве и в соответствующие сроки, и разрешение этих задач и в городе и в деревне отличается в основном единством методов,—сельскохозяйственной кооперации приходится иметь дело с противоречивыми взаимоотношениями и столкновением интересов различных групп крестьянства. В буржуазных странах это обстоятельство приводит к откровенной борьбе различных видов кооперации между собой, причем эта борьба ничем не отличается от конкуренции, напр., капиталистических синдикатов друг с другом.

Интересы крестьянства, особенно по отдельным группам его, как производителя, сплошь и рядом расходятся с его интересами, как товародержателя и поставщика на рынок сельскохозяйственной продукции (конечно, в смысле взаимоотношений прежде всего интересов отдельных слоев крестьянства), и затем наблюдается также расхождение его интересов, как потребителя, в области личного и производственного потребления с его интересами, как производителя сельскохозяйственной продукции.

Сельскохозяйственная кооперация имеет таким образом перед собой сложные экономические взаимоотношения, которые она должна уметь согласовать, чтобы добиться единства своей экономической политики в деревне в отношении объединяемых ею групп крестьянства.

Чтобы определить свою линию в деревне, направление своей работы и направление своей политики, сельскохозяйственная кооперация должна строить и свою экономику и свою политику в деревне прежде всего в соответствии с нашей общей политикой в деревне. Только это соответствие с нашей общей линией в деревне сообщит сельскохозяйственной кооперации необходимую выдержанность, ясность и твердость.

Наша политика в деревне, как известно, в общем определяется следующими тремя основными положениями:

1) союз города и деревни,

2) курс на бедняка и середняка и борьба с кулачеством,

3) развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Таковы основные линии нашей политики в деревне. Но конкретизация их должна происходить, естественно, в зависимости от реального экономического и политического положения в деревне.

В настоящее время определяющим экономическим моментом в деревне является сравнительно быстрый процесс восстановления сельского хозяйства, который приводит, с одной стороны, к развитию коллективизации в сельском хозяйстве (количество колхозов растет прежде всего в силу тех экономических преимуществ, какие дает вообще крупное хозяйство перед мелким), а с другой—приводит к капитализации деревни.

Сельское хозяйство восстановилось по сравнению с довоенным временем почти на 80%. Можно предполагать, что в ближайшие 2—3 года оно перешагнет довоенную ступень и в области производства и в области обмена.

По развитие производительных сил, естественно, вызовет большую дифференциацию в деревне и образование, с одной стороны, довольно значительного слоя крупного крестьянства, которое будет строить свое хозяйство на капиталистических началах, с другой стороны, образование довольно значительных кадров наемной рабочей силы в деревне.

Задача партии и советской власти состоит в содействии развитию производительных сил в деревне, считаясь при этом с неизбежностью вышеуказанного явления: дифференциацией деревни. Но если в отношении сельскохозяйственного пролетариата—в отношении бедняцких и середняцких масс—у нас всем известна и ясно определена линия, каковая и проводится в жизнь, то того же нельзя сказать в отношении крупного крестьянства, в то время как быстро растущее развитие производительных сил в деревне

ставит перед нами во весь рост—и экономически и политически—именно этот вопрос. По нашему мнению, в отношении крупного крестьянства перед нами, так же, как и в отношении частного торгового и промышленного капитала в городе, стоит задача не в механическом административном его подавлении, а в направлении его хозяйственной деятельности и его экономических ресурсов в сторону усиления общенародного хозяйства. Это может быть достигнуто мерами главным образом финансового и торгового характера, поскольку регулирование этих вопросов находится всецело в руках государства. Мы отнюдь не должны «запрещать» развиваться крупному крестьянству: пусть оно улучшает и увеличивает свое хозяйство, но мы его должны подчинить интересам общего экономического развития страны. Вместе с этим мы должны и дальше твердо проводить борьбу с эксплоататорством кулачества в деревне и защиту сельскохозяйственного пролетариата, беднейших и середняцких крестьянских масс—от ростовщических и кабальных форм со стороны кулачества. В этом отношении наша линия совпадает с той, какую мы проводим в городе в отношении частного торгового и промышленного капитала.

В связи со всем этим сельскохозяйственная кооперация и должна определить характер и направление своей деятельности в деревне. Правда, до сих пор сельскохозяйственная кооперация объединяет 12—15% крестьянского хозяйства, но вместе с этим, несмотря на незначительный количественный размер, сельскохозяйственная кооперация и в области производства и в области обмена может и должна играть руководящую роль для крестьянства.

Вне всякого сомнения, уже в ближайшем будущем для сельскохозяйственной кооперации наступит время конкуренции с крупным крестьянским хозяйством и с его стремлением установить в деревне преобладание своих интересов в противовес кооперативу. Это сельскохозяйственная кооперация должна предвидеть, и к этому она должна быть готова.

В области развития сельскохозяйственного производства и обмена она должна итти вперед в смысле укрепления своего влияния и деловым хозяйственным путем укреплять свое экономическое руководящее значение в деревне.

Сельскохозяйственная кооперация ни на одну минуту не должна упускать из виду, что основной базой ее должны быть се-

редняцкие и бедняцкие слои деревни, составляющие, как известно, более 90% сельскохозяйственного населения. Только работа среди этой массы и в ее интересах обеспечит для сельскохозяйственной кооперации определенное руководящее место в крестьянских массах.

Особенно плохого ничего не будет, если с.-х. кооперация будет иметь даже против себя 10% кулацкого элемента деревни, но очень плохо будет, если она не сумеет иметь полностью за себя 90% бедняков и середняков в деревне.

Поэтому при проведении своей политики по организации сельскохозяйственного производства, по заготовкам и сбыту сельскохозяйственной продукции, по укреплению своей финансовой базы сельскохозяйственная кооперация должна исходить из положения интересов именно этой крестьянской массы, которая является ее основой, ее стержнем, интересы которой она призвана обслуживать.

Сельскохозяйственная кооперация на деле должна доказать свою хозяйственную устойчивость и свои организационные преимущества.

Каким путем должна пойти с.-х. кооперация к кооперированию населения—со стороны производства, т. е. колхозов, или со стороны организации сбыта и переработки с.-х. сырья? Насчет этого сильно сейчас спорят в кооперативных кругах.

По нашему мнению, *одностороннее решение в обоих случаях было бы ошибочно. С.-х. кооперация должна одновременно итти обоими путями, иначе произойдет вредный уклон в ту или иную сторону.*

Действительно, беднейшие слои деревни, раньше чем организовать сбыт, должны организовать свое производство, довести его до таких размеров, когда есть что сбывать; следовательно, тут надо начинать с коллективизации сельского хозяйства. Наоборот, середняки, и особенно зажиточная часть их, заинтересованы прежде всего в *организации сбыта*, и тут к кооперированию надо подходить с этого конца.

В *области поднятия сельскохозяйственного производства* сельскохозяйственная кооперация должна особое внимание обратить:

1) на дальнейшее развитие укрепления коллективных хозяйств (в этом отношении до сих пор сделано было очень мало); развитие коллективных хозяйств должно происходить в большей степени за счет помощи им со стороны центра сельскохозяйственной кооперации, но линия должна быть взята в направлении их действительного хозяйственного укрепления на твердых хозяйственных расчетах и лишена «собесовского» характера;

2) на снабжение крестьянства машинами и семенами;

3) на дальнейшее усиление агрономической помощи населению.

Задачи организации, заготовки и сбыта сельскохозяйственной кооперации являются крайне важными ее функциями, дающими возможность охвата широких масс крестьянства. Но приходится признать, что пока сельскохозяйственная кооперация даже в наиболее лучших ею обслуживаемых областях достигла сравнительно небольших размеров (по льну, например, 20—25% общей заготовки и 23% по хлебу). Таким образом в этой области перед кооперацией лежат еще большие возможности. Но вместе с этим следует иметь в виду, что было бы ошибкой считать заготовку и сбыт такой областью, на которой сельскохозяйственная кооперация должна исключительно сосредоточить свое внимание, на базе которой будто бы и может только происходить кооперирование населения, и на второй план отодвинуть свою работу в других областях. В результате получился бы вредный уклон—превращение сельскохозяйственной кооперации в исключительно посредническую организацию, которая волей-неволей должна была бы переносить центр своей деятельности на зажиточные слои деревни и вряд ли сумела бы в дальнейшем выдержать борьбу с частным капиталом в деревне. Поэтому в области организации заготовки, сбыта и переработки сельскохозяйственного сырья сел.-хоз. кооперация должна строить свою работу из расчета объединения миллионов крестьянских хозяйств среднего и мелкого типа.

В области финансовой,—крайне трудной для сельскохозяйственной кооперации как с точки зрения сел.-хоз. кредита, неизбежно более долгосрочного, чем, например, в потребительской кооперации, так и с точки зрения оборотного капитала, оборот которого также сравнительно является медленным,—финансовое перенапряжение происходит и может происходить в большей степени и более легко, чем в других областях кооперации. Поэтому необходима финансовая помощь сельскохозяйственной кооперации со стороны государства, особенно ввиду тех задач, которые перед ней стоят.

Но сельскохозяйственная кооперация своей основой должна иметь средства самого населения, которые ей вносятся в виде паевых взносов и в виде вкладов. Несмотря на то, что этот путь финансового укрепления развития сел.-хоз. кооперации неизбежно будет медленным, тем не менее это единственный правильный путь по ее действительному финансовому укреплению и оздоровлению.

Однако следует заметить, что повышение размера паевого взноса должно быть таково, чтобы не оттолкнуть бедняцкие и середняцкие массы от сельскохозяйственной кооперации.

Условия финансовой работы сельскохозяйственной кооперации ставят вопрос о большой самостоятельности кредитной кооперации и сельскохозяйственных обществ с кредитными функциями. Вкладские операции смогут, повидимому, как доказал опыт прошлого, лучше развиться при большой самостоятельности кредитной кооперации.

Кредитная кооперация в большей степени и лучшей форме сможет выполнить функции собирания средств населения. В то же время специальное внимание в проведении финансовой политики в деревне даст возможность более глубокого проникновения нашей финансовой политики в крестьянскую массу.

Наконец, сельскохозяйственной кооперации необходимо, так же как и потребительской кооперации, сосредоточить свое внимание на действительном кооперировании населения, на вовлечении его в работу по сельскохозяйственной кооперации. В сельскохозяйственной кооперации, так же как и в потребительской, необходима борьба с кооперативным бюрократизмом.

Партийные советские организации должны на деле помогать кооперации и не мешать ей, как это наблюдалось в отдельных случаях на практике, административным вмешательством в управление или незаконными обложениями и т. п., которые тормозили работу сельскохозяйственной кооперации.

Промысловая кооперация, являющаяся, пожалуй, самой отсталой у нас формой кооперации по сравнению с другими видами кооперации, в настоящее время, тем не менее, получает большое значение.

Во первых, промысловая кооперация должна прежде всего уметь организовать сбыт мелкой кустарной промышленности. Ведь кустарное производство у нас в некоторых крайне важных областях, хотя бы, например, в области производства обуви и металлической промышленности и т. п., имеет огромное, иногда первенствующее значение; например, в производстве обуви кустарное производство дает раза в три больше обуви, чем наша промышленность.

Вместе с тем именно мелкий производитель, кустарь, являлся и является сплошь и рядом наиболее доступной жертвой хищничества частного капитала. Частный капитал может получить в этой области вполне благоприятную почву для своего развития, и именно в своих худших хищнических кабальных формах, если только не встретит препятствия со стороны кооперированных кустарей.

Промысловая кооперация может и должна организовать прежде всего дело сбыта продуктов кустарного производства и продуктов промысловых артелей. Только таким путем она сможет вплотную подойти к мас-

совому кустарю, организуя его в этой области, и вместе с тем захватить и область организации кустарного производства.

Во-вторых, промысловая кооперация представляет тот путь, по которому может пойти довольно большая часть избыточного населения деревни и найти в ней приложение своих сил.

Избыточное население в деревне образовывается в силу двух основных причин: в силу естественного прироста населения и в силу развития производительных сил сельского хозяйства. Избыточное население в деревне находит выход или в форме ухода на работу в город, или же рассасывается путем внутреннего перераспределения, т. е. путем переселения в редко населенные районы, где имеется неиспользованная и необрабатываемая земля, или же, наконец, находит для себя выход в занятии каким-либо промыслом или кустарным производством. В настоящих условиях последний выход является наиболее доступным. В городе, как известно, избыточная рабочая сила деревни может найти для себя применение прежде всего в промышленности. Размеры, в каких может промышленность дать работу приходящим рабочим из деревни, зависят от размеров промышленности и темпа ее развития. Темп развития нашей промышленности, как мы знаем, в настоящее время являются довольно быстрым, но зато размеры нашей промышленности таковы, что она может в настоящее время сравнительно лишь небольшую часть избыточного населения деревни впитать в себя. Так, например, за шесть месяцев, считая с сентября 1924 года, количество рабочих в госпромышленности возросло всего на 150 000 человек. Поэтому у нас наблюдается относительно большая безработица, правда, объясняемая не только притоком ищущих работу из деревни, но также и сокращением нашего государственного аппарата, бывшего сильно раздутым. Но все же определенную и довольно большую часть безработных приходится объяснить притоком из деревни. Таким образом первый канал, по которому может течь избыточное население из деревни в город, обладает сравнительно небольшой пропускной способностью.

Второй путь, каким избыточное население может найти для себя выход, является, как мы сказали, переселение в малонаселенные области и районы, главным образом в Сибирь. Но в настоящее время по целому ряду причин переселение начинает только организовываться, и сколько-нибудь значительных размеров оно, вероятно, достигнет только по прошествии нескольких лет. Но, конечно, уже и в настоящее время определенная часть избыточного населения находит приложение своих сил именно в результате переселения.

Таким образом, в силу всех вышеуказанных причин, крайне серьезное значение для нас получает развитие промыслов и кустарного производства, как способ использования наиболее целесообразным путем избыточных сил деревни. В этом отношении промысловая кооперация может сыграть очень большую роль, если проявит достаточно инициативы и размаха в деле организации промысловых и кустарных артелей, организации сбыта их продукции, организации снабжения их сырьем и организации для них кредита. Такова эта вторая и очень, очень серьезная задача, которая встает перед промысловой кооперацией.

Промысловая кооперация в своей работе должна также ясно определить свою классовую линию, так как ей приходится иметь дело, так же как и сельскохозяйственной кооперации, с мелким производителем, который отображает дифференциацию крестьянства. Среди кустарей имеются бедняки, середняки и кулаки, и организации кустарей также могут быть разделены по этим признакам. Кулак-кустарь или кулацкая кустарная артель по существу ничем не отличаются от мелкого предпринимателя и живут и наживаются за счет наемного труда или же сплошь и рядом за счет эксплоатации своего же брата-кустаря послабее. Конечно, таких кустарей и такого рода кустарных и промысловых артелей ничтожное меньшинство, но, тем не менее, было бы ошибкой их игнорировать и не считаться с ними. Наша промысловая кооперация должна держать курс прежде всего на организацию бедняцких и середняцких масс кустарей, организуя их работу и удовлетворяя их интересы. Это должно лежать в основе организационной и хозяйственной деятельности промысловой кооперации, и только в таком случае она сможет стать большой массовой организацией.

Резюмируя все вышесказанное, мы видим, что основная задача кооперации заключается в увеличении своего значения в хозяйственной жизни страны, так как перед ней встают задачи такого рода, каких не знает кооперация буржуазных стран и каких не имела кооперация дореволюционного времени. Но эту задачу кооперация сможет выполнить не только за счет своего количественного роста, но прежде всего и раньше всего за счет улучшения качества своей организации и качества своей работы. Как мы знаем, лозунг Ленина—«Лучше меньше, да лучше»—стал лозунгом для всех областей нашей партийной и советской работы. Кампания по рационализации управления техники и труда и кампания по увеличению производительности труда дают в некоторых областях нашей советской и партийной работы определенные положительные ре-

зультаты, и, например, нашей госпромышленности вследствие проделанной ею в этом отношении работы удалось достигнуть серьезных результатов в отношении поднятия производительности труда и улучшения своего аппарата. Кооперации нужно немедленно вступить на этот путь, путь поднятия производительности своего аппарата, рационализации и постановки его на действительную работу по кооперированию населения.

Вместе с тем для всех видов кооперации в деревне важно вполне четко и определенно вести свою линию работы хозяйственной и организационной в направлении кооперирования миллионных масс бедняцких и середняцких слоев и устранять все то, что может нарушать эту линию работ. Обслуживание интересов именно этих масс должно стоять всегда в центре внимания кооперации, и тогда только она будет являться прочной связью между городом и деревней. Кооперация должна организовывать тех, кто составляет 90% населения деревни, в этом ее задача, в этом ее цель.

Но для видов кооперации—городской и деревенской—дальнейшее расширение рамок ее деятельности должно происходить на основе улучшения качества ее работы.

б) Как велика роль кооперации

Как выполняет кооперация те задачи, которые мы рассмотрели выше?

Развитие кооперации определяется, конечно, прежде всего общим экономическим развитием. Свою деятельность она развивает в зависимости от общих экономических отношений. Она является лишь одной из форм, правда, крайне важной, но, тем не менее, лишь одной из форм народно-хозяйственной жизни, и развитие ее зависит от положения в других областях народного хозяйства.

Каковы же современные общие экономические условия, в которых приходится жить, развиваться и работать кооперации?

Настоящие экономические условия, как известно, характеризуются прежде всего крайне быстрым восстановлением народного хозяйства СССР. В 1923/24 году сельское хозяйство достигло 80% довоенного уровня, а госпромышленность—60%. В такой, например, важнейшей области, как текстильная промышленность, к концу 1925 года мы будем иметь на душу населения 9,9 метров хлопчатобумажной ткани, в 1914 году приходилось 11,3 метров, таким образом разница будет всего лишь в $1\frac{1}{2}$ метров. Точно так же и в области финансовой, вследствие проведенной денежной реформы, мы имеем в настоящее время устойчи-

вый денежный знак и вообще оздоровленной всю финансовую систему страны. Государственный бюджет в своей доходной части достиг в общем $2^1/_4$ миллиардов рублей, причем поступление доходов превысило те ожидания, какие имелись у Народного комиссариата финансов. Товарный оборот растет в соответствии с ростом производства и с укрепившейся финансовой базой. В 1923/24 году общий товарооборот по сравнению с предыдущим годом удвоился, и дальнейшее его развитие показывает почти непрерывное возрастание. Таково существующее экономическое положение, которое в своем развитии, если только не будет каких-либо сверхординарных стихийных или иных бедствий, приведет нас года через два к довоенному уровню, который затем будет несомненно быстро превзойден.

Развитие кооперации таким образом совершается в благоприятных условиях общего хозяйственного подъема. Если ей в предыдущие годы приходилось работать в условиях огромного недопроизводства продуктов города и деревни, то в настоящее время ей приходится уже строить свою работу применительно к условиям непрерывно возрастающего производства, а следовательно, и товарных излишков, огромного роста товарооборотов и увеличивающегося нашего влияния на мировом рынке.

Но именно этот хозяйственный подъем, темп его развития и размеры ставят перед нами важнейший вопрос: насколько кооперация по размерам ее деятельности как в количественном, так и в качественном отношении отвечает современным требованиям всего нашего хозяйства.

Необходимо, следовательно, отметить, в какой мере потребительская кооперация участвует в товарообороте страны и в какой мере она выполняет ту работу, какую в дореволюционное время выполнял частный торговый капитал. Потребительской кооперации, как это мы говорили выше, в наших условиях приходится замещать частный торговый капитал. В какой степени она справляется с этой задачей и какие перспективы в этом отношении у нее имеются? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть конкретную работу потребительской кооперации.

Такие же вопросы, но в другом отношении, встают и по сельскохозяйственной кооперации. Нам точно так же необходимо учесть, в какой степени выполняет с.-хоз. кооперация те функции, какие в дореволюционное время выполняли крупное земледелие и крупные оптовые торговые фирмы, т. е. в какой степени она содействует развитию

производительных сил сельского хозяйства, как она работает по заготовительным операциям, по заготовке хлеба, льна, пеньки, картофеля и т. п., по переработке с.-хоз. сырья и по снабжению деревни сел.-хоз. машинами, орудиями, семенами и удобрениями.

В отношении промысловой кооперации нам необходимо учесть ее конкретную работу по объединению кустарей, по организации сбыта кустарной промышленности и продуктов промысловых артелей, так как только этот учет даст нам возможность судить о том, как она выполняет те задачи, которые, как мы видели выше, ставятся перед ней современным экономическим развитием.

Вместе с тем мы должны обратить самое серьезное внимание на те изменения, какие вносит общий хозяйственный подъем в экономические отношения между отдельными классами и социальными группами. Действительно, вместе с хозяйственным подъемом неизбежно, особенно в деревне, должно происходить обострение интересов различных групп, и от нашей организованности зависит, как направить эту борьбу интересов, чтобы в результате получилось дальнейшее укрепление нашего хозяйства.

До тех пор, пока у нас общее недопроизводство товаров как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, у нас даже в условиях нэпа действовали скорее распределительного характера отношения, и процессы накопления торгового, промышленного и сельскохозяйственного капитала происходили страшно медленно. В настоящее время с ростом производства товарность промышленности и сельского хозяйства непрерывно возрастает, а тем самым создается основа для накопления торгового, промышленного и сельскохозяйственного капиталов. В результате на почве имеющейся дифференциации в деревне будет происходить обострение экономических интересов между различными группами крестьянства, а в городе центральным пунктом будет являться вопрос о темпе накопления капиталов у госорганов, кооперации и частного капитала. Таково экономическое положение, в каком приходится работать кооперации.

Это более яркое выявление и борьба экономических интересов должны заставить нашу кооперацию особенно энергично действовать и работать, чтобы использовать экономический подъем и не отстать от развития других форм народного хозяйства.

Теперь мы обратимся к цифровым данным, характеризующим размеры нашей кооперации. Прежде всего посмотрим, каково было количество кооперативов низовой сети, и как изменялось количество пайщиков. Нижеследующие данные характеризуют рост числа кооперативов и рост числа пайщиков.

Число кооперативов низовой сети

Виды кооперации	На 1/I 1924 г. (для потреб. на 1/X 1924 г.)	На 1/X 1924 г.	— / +	%
1. Потреб. общества . . .	18.085	22.330	+ 4.395	+ 24
2. С.-х. кооперация	25.300	33.330	+ 8.030	+ 31
3. Промысловая	—	8.500	—	—
4. Кредитная	—	2.500	—	—

Из этой таблицы видно, что в настоящее время мы имеем приблизительно около 70 000 кооперативов низовой сети (на 1 октября 1924 года мы имеем 66 160), причем мы видим, что число кооперативов низовой сети в течение 10 месяцев 1924 г. выросло в потребительской кооперации на 24%, в сельскохозяйственной—на 31%. Такую же картину роста мы видим и в отношении числа пайщиков кооперации.

Число пайщиков

Виды кооперации	На 1/I 1924 г. (для потреб. на 1/X 1924 г.)	На 1/X 1924 г.	— / +	%
1. В потреб. об-вах. . . .	5 млн. чл.	7 млн. чл.	+ 2 млн.	+ 40
2. В с.-х. кооп.	1,5 » »	2,5 » »	+ 1 »	+ 60
3. В промыслов.	—	0,5 » »		

Эти данные показывают, что число пайщиков точно так же непрерывно растет. Между прочим, количество пайщиков в потребительской кооперации в городе и деревне распадается поровну: в городе насчитывается 3,5 млн. (членов) пайщиков потреб. коопер., в деревне—3,5 пайщиков. Приведенные данные в общем отражают правильный процесс роста кооперации, и данные обследования РКИ СССР, проведенного в конце 1924 г., показывают в общем те же самые цифры роста кооперативов и роста числа пайщиков. Но эти данные ничего не говорят нам об удельном весе кооперации. А этот удельный вес и важен для оценки роли и значения кооперации, и, обращаясь к нему, мы получаем следующую картину, которая отнюдь не

позволяет нам удовлетвориться ходом роста кооперации и успокоиться на этом. По данным Центросоюза потребительская кооперация обслуживает в деревне всего лишь 25% населения, в городе—31%, т. е., иными словами, 75% деревенского и 70% городского населения не обслуживаются потребительской кооперацией и получают и покупают необходимые им продукты помимо кооперации. Средний размер потребительского общества в деревне также мал, всего около 200 человек, а в городе—около 1 600 чел. По данным РКИ количество пайщиков в отношении ко всему населению района, обслуживаемого кооперативом, в деревне равняется в среднем 4%, а по отношению к домохозяевам—20%. Данные Центросоюза не многим разнятся от указанных данных. По данным Центросоюза, процент кооперированного населения в деревне равняется 15,3%. Далее для характеристики удельного веса потребительской кооперации мы должны сказать, что в среднем на каждую лавку потребительского общества в деревне приходятся 2 лавки частного торговца и 1 лавка другого вида кооперации. По данным Центросоюза, мы имеем следующую табличку, иллюстрирующую отношение потребительской сети к частной.

Число торговых заведений у частной торговли и у потребительской кооперации в 1923/24 году (2-е полугодие)

Число выданных патентов частным лицам	352.937
Число лавок у потребительских обществ	34.919
Из общего числа выданных патентов частным лицам в деревне выдано	91.646
Число лавок у потребительских обществ в деревне	27.912

Эти данные показывают, что сеть потребительских обществ значительно меньше сети частного капитала. Как мы в дальнейшем увидим, потребительским обществам удалось вытеснить в известной степени и мере частный капитал с рынка, но, тем не менее, по своим размерам он продолжает оставаться больше, чем потребительская кооперация. Наконец, по данным Центросоюза, потребительская кооперация пропускает лишь 30% всех потребительских товаров. Таков удельный вес потребительской кооперации. Он говорит нам, что последняя еще далеко не достигла тех размеров, какие отвечали бы ее руководящему значению на рынке. Но, конечно, несмотря на то, что по всем этим данным потребительская кооперация имеет лишь около 30% в отношении удельного веса других торговых организаций (частных и государственных), тем не менее, ее значение продолжает оставаться крайне важным, и она играет неко-

менно руководящую роль на внутреннем рынке, точно так же, как, например, рабочий класс в СССР, несмотря на то, что количественно он меньше остальной части населения, тем не менее, благодаря своей организованности и влиянию в хозяйственной жизни, он играл и играет руководящую роль. Но, тем не менее, мы должны все же сказать, что и в области кооперирования населения и в области своей хозяйственной работы кооперация достигла пока что относительно незначительных размеров.

К такому же выводу мы приходим и в отношении сельскохозяйственной кооперации. Действительно, как мы видим из вышеприведенных данных, сельскохозяйственная кооперация объединяет около 3 миллионов крестьянских дворов, что составляет 12—15% ко всему количеству крестьянских дворов в СССР, которых насчитывается 22 миллиона. С другой стороны, размеры хозяйственной деятельности сельскохозяйственной кооперации, на чем мы остановимся более подробно ниже, относительно также невелики. Так, например, в области хлебозаготовок сельскохозяйственная кооперация заготовила всего только 23% из общего количества заготовленного хлеба и 25% из общего количества заготовленного льна. Таким образом по этим двум важнейшим продуктам сельского хозяйства в области заготовок участие кооперации пока незначительно. Сравнительно незначительна работа сельскохозяйственной кооперации и по поднятию и развитию производительных сил в деревне. Опять-таки на 22 миллиона крестьянских дворов сельскохозяйственная кооперация по ее подсчетам имеет всего 20 с лишним тысяч коллективных хозяйств (эти данные расходятся с данными НКФ, который в нынешнем году по сельхозналогу взял налог с 33 тысяч колхозов).

Мы не будем останавливаться на удельном весе промысловой кооперации и кредитной кооперации, которые по своим размерам являются крайне незначительными и роль которых в полной степени скажется лишь в ближайшем будущем.

Таким образом мы приходим к общему выводу относительно кооперации, что ее размеры и ее удельный вес в нашем общем народном хозяйстве совершенно еще недостаточны. В силу этого кооперация и в области обмена и в области производства не удовлетворяет тех требований, которые перед нею ставит общее экономическое развитие нашей страны. Вследствие этого несоответствия размеров кооперативной деятельности общему ходу развития народного хозяйства и происходит ряд затруднений в деле организации нашего хозяйства и в деле укрепления новых хозяйственных форм. Так, например, самый факт слабой товаропроводи-

мости потребительской кооперации заставляет нашу промышленность, производство которой непрерывно возрастает, обращаться в большей мере, чем это бы следовало, к услугам частного капитала. На этой почве, как известно, в конце 1924 года и в начале 1925 года создался даже острый конфликт между промышленностью и кооперацией. Наша госпромышленность прибегла к крайне жесткой политике в отношении кредита и сроков расчета с кооперацией. В результате потребительская кооперация попала в крайне тяжелое финансовое положение и была почти накануне банкротства. Вместе с этим на рынке сразу же получилось затруднительное положение в области сбыта товаров промышленности. Только путем своевременно принятых мер, путем облегчения положения кооперации и урегулирования ее взаимоотношений с госпромышленностью удалось избежать более тяжелых последствий. Хотя приходится сказать, что в настоящее время рост производства, а следовательно, и необходимость сбывать на рынке в большом количестве товары нашей госпромышленности заставляют привлекать в большей степени частный капитал, поэтому проблема частного капитала, упорядочение взаимоотношений между ним и госпромышленностью, облегчение его положения со стороны налогов и со стороны кредитов поставлены в порядок дня.

Точно так же и недостаточное развитие сельскохозяйственной и промысловой кооперации порождает ряд противоречий в деревне. В области посреднических операций и особенно по заготовке хлеба большую роль играет частный капитал, который ведет свою политику вразрез с политикой госорганов и сельскохозяйственной кооперации, чем создает большие затруднения на рынке, хотя бы, например, в области политики цен, спекулируя и взвинчивая цены. Недостаточное развитие коллективизации сельского хозяйства ставит в затруднительное положение развитие маломощных крестьянских хозяйств. Недостаточное развитие промысловой кооперации порождает большие затруднения в вопросе с избыточным населением деревни, которое не находит приложения своим силам в области кустарной промышленности и в промыслах, идет в город и увеличивает число безработных на рынке труда.

Все это, вместе взятое, ставит вопрос о расширении и укреплении кооперации, о приведении как ее размеров в смысле кооперирования населения, так и размеров ее деятельности в соответствие с требованиями развития всего нашего народного хозяйства.

Но решение этой задачи мы можем найти не сразу, а в сравнительно длительный срок, причем к решению этой задачи мы должны подойти прежде всего и раньше всего с точки

зрения улучшения качества работы кооперации. Только на основе улучшения качества рабочей кооперации, на основе укрепления ее современного положения мы сможем развить ее работу вширь, захватить в рамки ее влияния новые слои населения.

На рассмотрение хозяйственной деятельности отдельных видов кооперации мы и обратим теперь наше внимание.

в) Хозяйственная деятельность кооперации

Потребительская кооперация

Выше мы уже указали, что общий товарооборот кооперации вырос в 2—3 раза за 1923/24 год по сравнению с предыдущим годом (с 858 млн. руб. на 1/X 1923 г. поднялся до 2 миллиардов руб. на 1/X 1924 г.), причем товарооборот кооперации рос быстрее, чем товарооборот госорганов и частных лиц.

Нижеследующие данные по оптовой торговле это полностью доказывают.

Роль кооперации в оптовой торговле за 1923/24 г.

	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	Всего
Общая сумма в млн. рублей	252,6 м. р.	329,0	366,2	515,0	1462,7
Госорганы в %	62,7%	51,8	48,5	45,9	52,1
Смеш. акц. о-ва	2,2	3,4	2,1	3,4	2,9
Кооперация	16,7	24,8	33,5	37,7	30,1
Частные	18,4	20,0	15,9	9,4	14,0
	100%	100%	100%	100%	100%

Из этих данных мы видим, что, в то время как из квартала в квартал в 1923/24 г. обороты кооперации повышались и выросли с 16% за 1-й квартал до 37% за 4-й, обороты госорганов почти не изменились и даже обнаружили, правда незначительную, тенденцию к падению, обороты же частного капитала упали с 18,4% за 1-й квартал до 9,4% за 4-й. По московской бирже та же картина. Кооперация

почти утроила свои обороты—с 7% до 22%, у частных лиц паден вдвое—с 21% до 11%.

Таким образом мы видим, что из оптовой торговли ко операция действительно начала вытеснять частный капитал.

Но, обращаясь к торговой сети, мы видим, что частный капи тал имеет значительную сеть, по данным Центросоюза превышающу кооперативную сеть почти в 3 раза.

По данным РКИ, в среднем, в районе с.-х. потребительского об щества находится 4—6 лавок, из них 2—3 кооперативных (причем не только потребкооперации, но и сельскохозяйственной кооперации и 2—3 частных.

По данным Центросоюза, мы имеем следующую табличку, иллюстри рующую положение:

Число торговых заведений у частной торговли и у потребительской кооперации

1923/24 год	Число выдани. патентов частн. лицам		Число лавок у потр. о-ва	
	Всего	В том числе в деревне	Всего	В том числе в деревне
1-е полугодие	394102	104227	29402	25146
2-е полугодие	352937	91646	34919	27912

(включая базарную развозную и разносную торговлю, на которую при ходится около $\frac{1}{3}$ всех частных патентов).

Эти данные показывают понижение патентов, выбираемых частны ми торговцами, но все-таки торговая сеть, напр., в деревне у частны торговцев, в 3 раза больше, чем у кооперации (91 тыс. у частны и 27 тыс. у кооперации).

Кооперация играет, как на это мы уже указывали, недостаточну роль в товаропроводящей цепи. Мы это уже видели в данных обслу живаемого кооперацией населения (25% в деревне, 31% в городе). Мы это видели по данным оптовой торговли—на долю кооперации при ходится всего 30% по данным 70 провинциальных бирж и 16% по московской товарной бирже. Наконец, мы имеем данные, характеризую щие роль кооперации в пропуске товаров госпромышленности.

Роль потребкооперации на рынке

(Стоимость рыночной части товаров потреб. ассортимента крупной промышленности и сельск. хоз. принята за 100%)

1914 г. — 9,6%
1916 » — 22,0%
1922/23 » — 15,0%
1923/24 » — 30,0%

Непрерывно возрастая, превысив довоенную и военную нормы,— участие кооперации в 1923/24 г., тем не менее, выражалось всего только в 30% ко всей рыночной части товаров потреб. ассортимента.

Все эти данные подтверждают наш вывод о несоответствии размеров кооперации объему нашей промышленности и сельского хозяйства.

Результатом этого является то, что госпромышленность в значительной мере начинает прибегать к услугам частного капитала, что вряд ли имело бы место, будь кооперация более сильной, чем она есть в настоящее время.

Как торгует кооперация? Торговая политика кооперации была в общем вполне правильна. Прежде всего следует отметить, что именно благодаря кооперации мы могли осуществить политику снижения цен, и частному капиталу не удалось ее сорвать. По данным РКИ, совпадающим с данными Центросоюза, кооперация на 10—20% продавала дешевле частного торговца.

Но, тем не менее, следует отметить и отрицательные стороны в деятельности кооперации; к ним относятся главным образом сравнительно высокие накладные расходы и относительная медленность оборота.

Приходится и здесь отметить совпадение данных РКИ и Центросоюза.

Данные РКИ показывают, что накладные расходы в сельской кооперации колеблются от 10 до 30%, и в рабочей—от 10 до 26% к обороту; данные Центросоюза: 15,5%, по сельским ЕПО 10,6%, по городским 9,6%, по Центросоюзу 4,5%, т. е. данные РКИ показывают несколько больший процент накладных расходов. Особенно велики расходы по двум статьям: содержание служащих и транспорт. В среднем, по данным РКИ, в каждом сельском потребительском о-ве имеется 3 платных члена правления. Расходы на служащих составляют в среднем до 33,5% всех расходов, но в некоторых случаях поднимаются до 40—50%. Расходы на транспорт также колеблются от 18 до 40%.

Таким образом, из этих данных с очевидностью вытекает необходимость и возможность снижения накладных расходов.

Какова быстрота оборота? Данные РКИ говорят, что капитал потреб. о-ва оборачивается 4,3 раза. Данные Центросоюза определяют по со-

южной сети быстроту в 4—5 раз. Наконец, что касается количества товаров, то мы видим увеличение таковых у кооперации, но неходовые товары нарастают быстрее ходовых, следствием чего является затоваривание кооперации неходовыми товарами.

Финансовое положение потребительской кооперации, несмотря на то, что втечение последнего времени ей удалось его значительно улучшить, тем не менее в своей основе продолжает оставаться тяжелым. Внешними показателями плохого финансового положения потребительской кооперации являются ее задолженность и неблагоприятное соотношение между собственными и привлеченными средствами.

По данным Центросоюза, если взять все средства потребительской кооперации, то соотношение между собственными средствами и чужими равно на 1 октября 1924 г. 1 : 2,5; если же взять оборотные средства, то это соотношение в среднем будет по всем видам потребительской кооперации 1 : 4,7. Следующая таблица показывает нам более наглядно это соотношение:

Средства потребкооперации

	На 1 января 1924 г.	На 1 октября 1924 г.
Всего средств	594,2 млн. руб.	818,6 млн. руб.
Из них своих	157,4 » »	242,5 » »
» » чужих	291,8 » »	606,1 » »
Соотношение	1:2,5 » »	1:2,5 » »
Оборотных средств	472,1 млн. руб.	736,0 млн. руб.
Из них своих	80,3 » »	129,9 » »
» » чужих	391,8 » »	606,1 » »
Соотношение	1:4,9 » »	1:4,6 » »

Данные РКИ в общем подтверждают это соотношение. Из этих данных мы видим, что свои операции потребительская кооперация главным образом построила на так называемых привлеченных средствах. Конечно, всякое торговое предприятие в известной мере должно работать за счет привлеченных средств и кредитов. У старой кооперации 1912—1914 гг. соотношение между своими и привлеченными средствами было приблизительно как 1 : 1,1; но ненормальность в настоящее время состоит в чрезмерной задолженности потребительской кооперации, и соотношение 1 : 4,6 не может быть признано здоровым. Малейшее колебание рынка может поставить кооперацию в критическое положение. Это мы и наблюдали в ноябре, декабре и январе месяцах прошлого и нынешнего года. Неправильная политика нашей промышленности, начавшая в конце 1924 г. изъятие своих капиталов из торговли,

ухудшившая расчетную политику с кооперацией, поставила последнюю в крайне тяжелое положение, и только своевременное принятие мер соответствующими учреждениями, изменившими эту политику, поправило дело. Потребительская кооперация сама поняла ненормальность подобного положения и постоянно старается освободиться от чрезмерной тяжести задолженности. В этом отношении довольно энергичные меры были предприняты Центросоюзом и Церабсекцией, в то время как у губ- и райсоюзов положение не только не улучшилось, но ухудшилось. Соотношение между своими и чужими средствами у Центросоюза на 1 января 1924 г. было как 1 : 10,3, к 1 октября стало как 1 : 4,1, иначе говоря,—повышение собственных средств и понижение чужих, т. е. Центросоюз расплатился с частью своей задолженности. У Церабсекции соотношение было на 1 января как 1 : 6,2, на 1 октября—1 : 3. У губ- и райсоюзов картина обратная. В то время как на 1 января отношение было как 1 : 2,8, на 1 октября—1 : 4,1. У низовой рабочей сети соотношение также ухудшилось: на 1 января как 1 : 7,8, на 1 октября—1 : 8,6. У сельскохозяйственной низовой сети соотношение изменилось в лучшую сторону, в результате—увеличение своих собственных средств, в то время как одновременно размер чужих средств в обороте также значительно вырос. Но в то время как собственные средства увеличились почти в 4 раза с 1 января по 1 октября—чужие увеличились в 2 раза, и поэтому если соотношение на 1 января 1924 г. было как 1 : 10,3, к 1 октября стало как 1 : 2,9.

Таким образом мы видим финансовое перенапряжение у потребительской кооперации и при быстро растущем товарообороте; при данном состоянии своих финансовых средств кооперация вынуждена будет или значительно отстать в развитии своего товарооборота и уступить место своим конкурентам, в частности частному капиталу, или же принять меры к оздоровлению своего финансового положения и к увеличению своего основного и оборотного капитала. Пути к решению этого вопроса лежат прежде всего в увеличении паевого капитала кооперации.

Паевой капитал кооперации может возрасти двояким путем: посредством увеличения количества членов и увеличения размеров паевого взноса. Потребительской кооперации придется пойти этими обоими путями. Количество членов в 7 милл. человек не может считаться достаточным, и здесь для кооперации представляются широкие возможности вовлечения новых слоев деревни в кооперативную работу. Простое увеличение количества членов даст миллионы в кассу кооперации. Но и второй путь должен быть использован кооперацией. В настоящее время размер паевого капитала на одного пайщика потребительского общества

на 1 октября 1924 г. равняется в среднем 2 руб. 47 коп. В 1912 г. паевой капитал на одного пайщика был от 12 до 18 руб. (в рабочей кооперации равнялся 12 руб., в городской всесословной—21 руб. и в деревне 18 руб.).

Конечно, в настоящее время социальный состав потребительской кооперации резко отличается от социального состава, какой она имела в дореволюционное время. Главная масса, не говоря уже о рабочей кооперации, но и в деревне, состоит почти исключительно из бедняцких и середняцких слоев крестьянства. Поэтому значительного повышения паевого капитала на 1 пайщика не может и не должно быть, но повысить его до 5 руб. представляется вполне возможным; кроме того, потребительская кооперация должна принять меры к вовлечению средств населения и другими способами: путем целевых взносов и путем привлечения вкладов.

Таковы основные меры, какие должны быть приняты кооперацией по улучшению своего финансового положения. Но, кроме этого, кооперация должна принять меры по уменьшению своих накладных расходов, которые, как мы видели выше, чрезмерно велики. Ясно, что содержать в каждом потребительском обществе в среднем трех платных членов правления является таким накладным расходом, какой тяжело отзывается на положении потребительского общества и висит тяжелой гирей в борьбе с частным лавочником и торговцем. Но вместе с этим ясно, что, помимо собственного оздоровления финансового положения собственными средствами, кооперация нуждается в помощи со стороны государства.

Существенная помощь со стороны государства должна оказываться путем прямых ассигнований по государственному бюджету на выдачу долгосрочной ссуды кооперации. Таковое ассигнование мы имеем уже в нынешнем году, и растущая доходность государства даст возможность увеличить эту статью расхода, начиная с будущего года. Наконец, кооперация должна вести более здоровую политику в области пользования кредитом, и некредитоспособные потребительские общества должны исключаться, так как финансовый крах их подрывает доверие ко всей кооперации.

В заключение мы должны остановиться на политике кооперации. Политика кооперации определяется прежде всего интересами той массы потребителей, которую обслуживает кооперация. Интересен в этом отношении социальный состав в деревне. По данным обследования РКИ, он характеризуется следующими цифрами:

В сельскохозяйственных потребительских обществах в среднем на одно общество приходится 38,9 бедняков, 57,4 середняков и 3,7 зажиточных крестьян. По отдельным местам эти проценты колеблются. Ко-

ичество бедняков колеблется от 10 до 86%, середняков—от 22 до 95% и зажиточных—от 1 до 10%.

Таким образом мы видим, что главная масса в потребительских обществах состоит из бедняков и середняков. Это находит свое отражение и в составе правлений. В среднем, по обследованию РКИ, социальный состав правлений в деревне выражается на 1 октября 1924 г. следующими цифрами: середняков—55%, бедняков—39% и интеллигентов—6%.

По партийности—24% членов РКП и 76% беспартийных.

Повторяю, эти данные вполне определяют по существу характер работы потребительской кооперации.

Население должно ясно, ощутительно чувствовать те выгоды, какие дает потребительская кооперация. Только тогда, когда для него с полной очевидностью будут видны преимущества кооперации, когда оно их почувствует на деле,—только тогда оно пойдет записываться в пайщики, только тогда оно внесет свой паевой взнос.

Помимо улучшений в постановке хозяйственной работы, на чем мы останавливались выше, необходимо создание для пайщиков определенных выгод от кооперации.

Какие непосредственные выгоды может получить пайщик?

Эти выгоды член кооперации перед не-членом должен иметь в виде ли премий на забор, в виде ли первоочередности в получении товаров (особенно тех товаров, которых ощущается недостаток), или в виде скидок с цены, или, наконец, в виде дивиденда. Мы затруднились бы дать общее правило для всех районов и областей—какие должны быть льготы, выгоды и преимущества для члена перед не-членом кооперации; они, по-видимому, могут быть самые различные, но они должны быть. это ясно для всякого.

Потребительская лавка должна обслуживать всех, все окружающее население; это она должна делать в интересах расширения своего оборота, в интересах окружающего населения, в интересах борьбы с частным капиталом. Но она должна предоставить выгоды своим членам, должна дать преимущества,—тогда она станет притягательным центром.

Однако этого одного мало. Кооперированная масса может быть и должна быть вовлечена в работу потребительской кооперации путем обсуждения хозяйственной работы. Одно только, например, обсуждение ассортимента товаров, цен, накладных расходов могло бы всколыхнуть массу, захватить и заинтересовать ее. Тут она сама приняла бы деятельное участие, и тут, именно в такой работе, ска-

залась бы разница кооперативной работы от узкой торговой деятельности какой-нибудь лавочки.

Что же мы имеем в этом отношении на практике? На практике мы имеем очень и очень небольшие, совсем маленькие попытки поставить эту работу.

Вот несколько иллюстраций того, как относится и как втягивается население в кооперативную работу. Иллюстрации эти мы берем из обследования, произведенного РКИ СССР в конце 1924 года.

Вот, напр., обследование Епишевского общества потребителей:

«Волостная ячейка РКП(б) за исключением разговоров на заседании ячейки ничего практического для вовлечения населения в кооперацию не сделала. Волисполком ограничился мерой вовлечения населения в кооперацию заслушиванием на своем заседании докладов от представителя ПО и по ним постановлениями «продолжать работу в дальнейшем в том же духе». Волкомзам ограничился посланием обратить серьезное внимание на вовлечение неимущего населения за счет ПО.

Для предотвращения этого серьезного недостатка необходимо требуются срочные мероприятия, с тем, чтобы каждый коммунар и каждый общественный работник и каждая общественная ячейка должны стать повседневными агитаторами за кооперирование населения и активными участниками в практических мероприятиях кооперативного строительства».

А вот другой пример—Ольховского потребительского общества, Ряжского райсоюза; тут мы имеем краткий красноречивый вывод:

Население относится к работе лавки ПО недоверчиво, так как существовавшая до реорганизации ПО многолавка проторговалась и прежние вклады пайщиков пропали».

Зато, например, по данным ревизии Верхне-кигинского ПО мы наблюдаем несколько иную картину:

«Для привлечения членов в кооперацию общее собрание установило следующие льготы членам потребобщества по сравнению с нечленами: скидка при заборе товаров в 10% допустило кредитование членов, но вопрос с кредитом для членов строго не регламентирован и общее собрание вопрос о кредитах предоставило разрешить правлению общества. Кредит колеблется от 5 до 30 руб.».

Поэтому и результаты получаются иные:

«Привлечение средств населения выражается в виде вкладов и займов. Вклады поступают в большинстве случаев от своих членов всегда на неопределенный срок (до востребования), уплаты %% п

вкладам пока не производилось, но общее собрание 25/IV с. г. постановило уплачивать по вкладам не более 10% годовых. Состояние вкладов таково: на 1 октября 1923 г.—нет, на 1 января 1924 г.—10 р. 50 к., на 1 февраля—33 р., на 1 апреля—20 р. 09 к., на 1 августа—33 р. 24 к., на 1 сентября—30 р. 04 к., на 15 сентября—та же сумма».

По обследованию Бердеевского потребительского общества мы имеем также почти полное отсутствие каких-либо мер по вовлечению населения в работу.

«Что же касается льгот для членов потребительного общества, то еще в марте месяце с. г. было постановление общего собрания пайщиков о предоставлении последним 5% скидки при заборе товара. Но это постановление оставалось на бумаге до 15 сентября с. г., когда было снова вынесено решение общего собрания пайщиков о предоставлении 5% скидки с уплатой ее помесячно. В момент обследования, т. е. к 1 октября с. г., это постановление правления уже проводится в жизнь, но довольно слабо. Пайщикам выдаются заборные книжки, в которых отмечается сумма купленного товара, и к 1 октября с. г. роздано заборных книжек только 26 из общего числа членов 143. Такое медленное проведение в жизнь постановления общего собрания пайщиков правление ПО объясняет денежными затруднениями, но каковы бы затруднения ни были, а отсутствие льгот безусловно имеет значение на увеличение числа пайщиков».

«Что касается лавочных комиссий, то таковые отсутствуют, и правление даже не имеет абсолютно никакого представления о роли и значении таковых».

Вот пример, который показывает, как не надо работать; точно так же ясны и организационные причины:

«О деятельности и работе ПО вопрос не обсуждался в течение всего 1924 года ни в ячейке РКП(б), ни в ячейке РЛКСМ, ни в КОВ, и только 2 раза ставился доклад правления в Успенском волисполкоме. Из этого видно, насколько имеется интерес к ПО и его работе со стороны партийных и советских организаций волости».

Обследование ПО «Наша лавка» в селе Архипово-Осиповке, Черноморского округа, дает опять плачевную картину работы:

«Никаких льгот и преимуществ или скидок членам не делалось; по истечении года, согласно постановления общего собрания, делается начисление в счет пая, на руки начисления на паи выдавались в исключительных случаях».

«В ячейке РКП(б) вопрос о состоянии ПО обсуждался очень часто, причем всегда почти в плоскости необходимости замены имеющегося состава правления новым, так как этот состав правления «Наша лавка» никакого не только контакта, но и никакой решительно связи с партийными, профессиональными и советскими организациями ни-

когда не имел. Был один доклад представителя правления, каковой ячейкой признан неудовлетворительным, и больше никакого касательства к ПО, благодаря составу правления, она не имеет и не имела».

«В исполкоме о деятельности о-ва потр. вопроса не рассматривалось, и вообще связь с исполкомом слабая. На общем собрании граждан делался доклад председателем о-ва потр. тов. Соколовым о работе и средствах кооперации. Решения никакого не вынесено и доклад принят к сведению».

«Привлеченных средств со стороны населения ни в виде целевых взносов ни в виде вкладов не было».

Аналогичная картина и в Тимошевском ЕПО:

«О результатах своей работы правление ЕПО систематически не информирует не только хлеборобов, но и тот контингент рабочих и служащих, который имеется в ст. Тимошевской. Этот пробел надо отнести к существенным минусам в работе правления Тимошевского ЕПО».

«Среди паёщиков наблюдается индиферентное отношение к жизни и работе ЕПО; об этом можно судить как по посещаемости рабочими общих собраний, так и по следующему факту: в правлении ЕПО лежит более года около 600 членских книжек, которых паёщики, несмотря на ряд объявлений, не удосужатся взять».

«Вкладные операции ЕПО стало производить в конце 1923 года, когда падение курса совзнаков заставляло мелких держателей денег обращать их в твердую валюту путем вклада в ЕПО. Вклады вносились преимущественно служащими и рабочими, а отчасти профсоюзами. Был также такой момент, когда в кассу ЕПО вносились крупные остатки профсоюзных касс, составлявшие больше половины всех вкладов».

«В общем же вклады имели весьма ограниченное значение для финансовой жизни Тимошевского ЕПО».

Интересны данные доклада о Петропавловском ПО.

«В конце марта т. г. была проведена кампания добровольного членства. Она была приурочена к годичному собранию, на котором крестьянские массы были ознакомлены с работой потр. обв-а, с новым уставом и с задачами кооперации вообще».

«Результаты этой кампании сказались довольно быстро: с 276 человек на последние числа марта за несколько дней число членов выросло до 459, т. е. на 70%. Постепенно прогрессируя, число членов на 1/X с. г. увеличилось с 1 января на 386 человек и таким образом на 1/X оказалось кооперированным около 25% всего населения, если считать каждого члена потр. об-ва за главу семьи, имеющей в среднем до 5 душ».

«Анализ указывает на весьма малый % кооперированной бедноты: на 708 человек, зарегистрированных в ККОВ, состоят членами о-ва потр. всего только 59, т. е. 8% всей бедноты. На это обстоятель-

тво было обращено внимание, и правлением потр. об-ва уже было остигнуто соглашение, по которому ККОВ обязался уплатить потр. б-ву за каждого желающего вступить в потр. об-во бедняка по 25 к., . е. половинную ставку вступительного взноса, другую половину плюс евой взнос в три рубля каждый вступивший член будет погашать утем зачета скидок при покупке товара. Уже известно о почти пого-овном вступлении бедноты в потр. об-во».

А вот картины положения потр. об-ва, взятые из доклада о состоя-ии и деятельности Успенского ПО (Арм. окр.) за время 1/I по 1/X 1924 г.

Взаимоотношения ПО и с.-х. х-ва самые ненормальные; невзи-ая на партийность председателей обеих организаций, не только нет онтакта в работе, но даже простой организационной связи. Подчас ти нездоровые отношения настолько обостряются, что принимают формы ражды. П. О. считает свою линию правильной, а с.-х. т-во паходит, то отказ от торговли товарами потребительского характера подорвет го материальное благополучие».

«В целях дальнейшего вовлечения масс в кооперацию членам ПО редоставлены следующие льготы;

1) 5% скидки на забор товаров, причем полнопайным эта скидка асчитывается при уплате за покупку, а неполнопайным записывается платой в погашение взноса;

2) шпагат и другие предметы с.-х. значения отпускаются в кредит».

Такова эта жизнь на местах.

Тут много и много необходимо сделать, чтобы кооперация дей-твительно вела кооперативную работу.

Подобное положение на местах (мы взяли отдельные лишь случаи, о их можно было бы увеличить, и они, несомненно, отражают дей-твительность) типично не только для потребительской кооперации, но для других видов кооперации.

Необходимо действительное принятие мер, чтобы влить больше изни в кооперативную работу.

Выводы, к которым мы приходим по хозяйственной деятельности отребительской кооперации, следующие:

Необходимо, чтобы потребкооперация и впредь оставалась основным главным звеном в товаропроводящей сети. Госпромышленность в ервую очередь должна через потребкооперацию проводить свои товары.

Частный капитал привлекается в торговлю в той мере, в какой по-ребкооперация не может провести через себя всю массу товаров. Условия кредита и расчета в отношении потребкооперации должны быть олее благоприятными, чем в отношении частного капитала. Точно так же потребкооперации наряду с госторговлей должна быть предоста-лена первоочередность в отношении ассортимента товаров. Госпро-

мышленность должна взять решительный курс на ликвидацию принудительного ассортимента. Кооперация должна иметь товары, отвечающие потребностям широких масс населения.

Следует признать накладные расходы низовой потребкооперации значительными и нуждающимися в сильном сокращении. Высокие накладные расходы и наблюдающиеся зачастую незаконные поборы являются препятствием к накоплению потребкооперацией капитала, к проведению политики снижения цен и ложатся тяжелым бременем на оборотный капитал потребкооперации.

Льготы для членов потребкооперации в смысле скидок и первоочередности должны быть обязательно проводимы в жизнь. С наблюдающейся в настоящее время «уравнительностью» по отношению к членами и не-членами потребкооперации, практикуемой потребительскими обществами в настоящее время, должно быть решительно покончено. Только ощутительная выгода быть пайщиком создаст действительный экономический стимул среди населения к вступлению в члены потребкооперации.

Упрочить финансовое положение потребкооперации необходимо прежде всего развитием деятельности самой потребкооперации путем большего привлечения к потребкооперации средств самого населения: увеличения паевых взносов, целевых взносов и вкладов, а также путем накопления капитала, которое должно происходить главным образом за счет снижения накладных расходов. Только таким путем кооперация будет иметь глубокую и прочную связь с массами.

Однако необходимо признать, что расширяющийся товарооборот требует более ускоренного увеличения торгового капитала потребкооперации, и собственными только средствами в ближайшее время потребкооперация этого достичь не может. Поэтому необходимо увеличение основного и оборотного капитала потребкооперации путем прямых ассигнований на эту цель по государственному бюджету.

Необходимо увеличение кредитования со стороны кредитных и торговых организаций соответственно размеру оборотов собственных средств потребкооперации.

Необходимо установить строжайшую вексельную дисциплину.

Потребкооперация, состоящая почти исключительно из рабочих, бедняцких и середняцких масс крестьянства, должна в своей экономической политике бороться прежде всего за дальнейшее проведение политики понижения цен на товары, которыми она снабжает рабочих и крестьян, за возможное уменьшение разницы между оптовыми и розничными ценами прежде всего путем уменьшения накладных расходов. Далее должны быть установлены твердые нормальные отношения

между различными видами потребкооперации путем разграничения и согласования областей деятельности и избегнута ненужная борьба между ними. Удовлетворение потребностей рабочих и крестьянских масс и привлечение их к работе потребкооперации должно быть руководящим принципом в деятельности потребкооперации.

Сельскохозяйственная кооперация

Обращаясь к деятельности сельскохозяйственной кооперации, мы прежде всего должны остановиться на ее финансовом положении.

Финансовое положение сельскохозяйственной кооперации, несмотря на рост ее капиталов, продолжает оставаться крайне тяжелым. Объясняется это прежде всего ее задолженностью, затем медленностью накопления своих капиталов.

Подобное финансовое положение отражается на всей деятельности с.-х. кооперации, тормозя ее развитие.

В докладе председателя правления Сельскосоюза П. А. Садырина первому Всесоюзному совещанию председателей правлений с.-х. кооперации 22—25 февраля 1925 года мы находим следующие данные:

«На 1 января 1923 г. сумма балансов всей нашей системы составляла 55 милл. рублей, на 1 января 1924 г.—255 милл. рублей и на 1 октября 1924 г.—470 милл. руб., вместе же с УССР—560 милл. руб.»

Таким образом мы видим, что сумма балансов быстро растет. За 10 мес. в 1924 г. она выросла более чем в полтора раза. Но низовая сеть гораздо здоровей верхней.

Обследование РКИ дает следующую картину финансового положения Сельскосоюза:

«Общая сумма баланса Сельскосоюза составляет 55 090 613 руб. и увеличивалась за 1923 и 1924 гг. быстрым и равномерным темпом. В общей сумме баланса 11% занимает баланс контор, что характеризует оперативную деятельность Сельскосоюза, которая в значительной мере проходит помимо членов союза, посредством собственного аппарата.

«Сельскосоюз работал почти исключительно на средства, занятые и привлеченные от кредиторов.

«Собственные капиталы вместе с прибылями прошлых лет составляют лишь 2,02% баланса. Хотя увеличение капиталов за 1924 год выразилось относительно и в большем проценте (406%), но абсолютно сумма собственных капиталов представляет все еще ничтожную величину (1 113 346 руб. при общем балансе в 55 000 000 руб.). Помимо отчисления из прибылей, собственные капиталы образуются лишь путем незначительных членских взносов (30 коп. с физического лица, вхо-

дящего в низовую периферию); к составлению специальных капиталов члены Сельскосоюза никаким другим образом не привлечены.

«Собственные капиталы относятся к прямым денежным займам как 1 : 16,7, а ко всем привлеченным средствам как 1 : 38,6.

«Прямые денежные займы составляли 18 668 398 р. (43,5% баланса), в том числе долгосрочных ссуд 55,3%, краткосрочных 38,3% и ссуд по специальным текущим счетам 6,4%. Таким образом можно считать, что Сельскосоюз был в достаточной мере обеспечен долгосрочными ссудами»..

Эта картина далеко не утешительна. Как видим, собственные капиталы Сельскосоюза ничтожны и относятся к денежным займам как 1 : 16,7.

Вообще же собственных средств у сельскохозяйственной кооперации не больше 100 миллионов, и все они вложены в постоянный капитал; оборотный капитал состоит почти исключительно из привлеченных средств.

Оборот сельскохозяйственной кооперации значительно ниже оборотов потребительской и составлял всего 600 миллионов рублей в год. Обороты центров за 1923/24 г. увеличились в 2 раза, а обороты низовой сети—в 3—3½ раза.

Финансовая база является главным орудием в политике сельскохозяйственной кооперации. Действительно, операции по посредничеству, по заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции целиком зависят от финансовых средств, какими располагает сельскохозяйственная кооперация. Поэтому так остро у нее стоит вопрос с финансами и так горячо деятели сельскохозяйственной кооперации принимают вопросы организации с.-х. кредита. Успех работы с.-х. кооперации на три пятых зависит от положения с финансами.

П. А. Садырин заявил, что «при огромности задач, которые стоят перед с.-х. кооперацией, она не в состоянии собственными силами организовать свои финансы. Ей должна быть оказана финансовая помощь государством».

Государство пришло и приходит на помощь с.-х. кооперации: ей отпущено немало. Более 150 миллионов ей отпущено в виде кредита Наркомфином и другими предприятиями и учреждениями. Последним постановлением СТО, во исполнение постановления 3-й сессии ЦИК, из отпущенных 10 миллионов кооперации 4 миллиона дано с.-х. кооперации в виде долгосрочной ссуды.

Но кооперация сама должна принять ряд мер для укрепления финансового положения и прежде всего привлечь средства населения. Паевой взнос, установленный таким образом, чтобы он был приемлем для бедняцкой и середняцкой массы, не свыше 5 рублей, должен,

однако, аккуратнейшим образом вноситься. Необходимо обратить особое внимание на привлечение вкладов.

Кредитная кооперация, которая, повидимому, должна получить больше свободы в своей работе от райсоюзов, должна упорядочить свою работу, помня, что кредит является важнейшим средством для направления с.-х. работы. Упорядочить свои финансы—вот что должна сделать с.-х. кооперация в первую очередь.

Вторая задача, стоящая перед сельскохозяйственной кооперацией, это—организация сбыта сельскохозяйственной продукции. В этой области наблюдается несомненный прогресс, но все же сельскохозяйственная кооперация охватывает только от $^1/_5$ до $^1/_4$ основных заготовляемых продуктов сельского хозяйства. Вот данные по основным отраслям сельского хозяйства.

В текущую хлебную кампанию всеми основными организациями было заготовлено около 4,8 миллионов тонн хлеба; из этого количества заготовленного хлеба около 6,5 миллионов тонн было заготовлено сельскохозяйственной кооперацией, иначе говоря, сельскохозяйственная кооперация заготовила около 23% по ее же собственным данным:

Такая же картина и по льну. В 1922/23 г. Льноцентром было собрано 10,6 тысяч тонн льняного волокна, за 1923/24 г. количество собранного льняного волокна поднимается до 11,8 тыс. тонн и за 1924/25 г.—до 24,5 тыс. тонн. Ко всей массе заготовленного льна другими организациями Льноцентр заготовил 20%. Главная масса заготовленного Льноцентром льна пошла на экспорт.

Значительных успехов сельскохозяйственная кооперация достигла в области переработки картофеля. На 68 заводах сельскохозяйственной кооперации в 1924 г. переработано более половины всего промышленного картофеля страны.

Значительных результатов достигла сельскохозяйственная кооперация по переработке молока в сыр и масло. Предприятий, занятых в этой области, насчитывается 6 500, а производительность их выражается в переводе на масло в 41 миллионов тонн. Эти заводы обслуживают около 1 миллиона крестьянских хозяйств с 2 миллионами молочных коров.

Точно так же сельскохозяйственная кооперация ведет работу в области заготовки пушнины, яиц, овощей, плодов и т. п., но все указанные цифры показывают, что в отношении даже товарной части сельскохозяйственных продуктов в настоящих ее размерах сельскохозяйственная кооперация занимает пока что незначительное место. Объясняется это, как выше мы говорили, прежде всего недостатком оборотных средств кооперации.

Хозяйственная деятельность кооперации в области организации сбыта сельскохозяйственной продукции затрагивает интересы той части крестьянских хозяйств, которые имеют излишки сельскохозяйственных продуктов, иначе говоря, середняцких и зажиточных крестьянских дворов, каковые в общей сложности составляют до 60% всех крестьянских дворов. Для укрепления своего влияния в этой части крестьянства с.-х. кооперация должна обратить особое внимание на расширение своих операций в этой области. Развитие производительных сил будет предоставлять ей все более и более расширяющееся поле деятельности в области организации сбыта сельскохозяйственных продуктов, и к выполнению этой задачи она должна подготовить свой деловой аппарат, свои организации, свои предприятия, дабы действительно кооперативным путем пошел сбыт сельскохозяйственных продуктов. Но в своей политике по организации сбыта сельскохозяйственных продуктов кооперация должна остерегаться вступить на неправильный путь отрыва своей политики по организации сбыта от общей нашей политики по организации всего народного хозяйства.

Насколько опасность здесь велика, тому служит пример кооперации Западной Европы, хотя бы, например, с.-х. кооперации в Дании. Там организация сбыта кооперации получает формы и направление, противоположные интересам широких масс потребителей и интересам рабочего класса. Непомерное взвинчивание цен, стремление, вопреки интересам развития внутреннего производства, перебрасывать большую часть продукции в другие страны дают в результате разрыв экономических интересов города и деревни и приводят к борьбе между ними. В Дании сельскохозяйственная кооперация, охватывающая 90% крестьянских хозяйств, борется против понижения цен на внутреннем рынке на сельскохозяйственные продукты, старается вывести на внешний рынок все, что только возможно, оставляя рабочим своей страны только отбросы,—ясно, что такая политика является в корне нездоровой. На этот путь при организации сбыта сельскохозяйственного сырья и сельскохозяйственных продуктов наша кооперация отнюдь не должна вступать. Она должна сочетать свою политику в области организации сбыта сельскохозяйственных продуктов с нашей общей политикой, каковая заключается в первую очередь в поднятии нашего производства и в доставлении дешевых продуктов широким массам потребителей; поэтому центром внимания сельскохозяйственной кооперации должна стать тесная увязка ее работы с работой нашей госпромышленности, удовлетворение требования в сырье нашей госпромышленности по ценам, которые не срывали бы нам политику снижения цен на продукты нашего

производства. Эти задачи должны стоять в центре внимания сельскохозяйственной кооперации.

Организация вывоза сельскохозяйственных продуктов, выступление на мировом рынке с нашим сырьем, является, конечно, также крайне важной задачей для сельскохозяйственной кооперации. Здесь она свою экспортную политику должна сочетать с импортной политикой, с политикой ввоза сельскохозяйственных машин и удобрения для поднятия техники нашего сельского хозяйства.

В смысле снабжения сельского хозяйства машинами и орудиями деятельность Сельскосоюза является недостаточной: даже тот скромный план на 1924 год, какой был установлен по целому ряду важнейших сельскохозяйственных машин, оказался выполненным лишь в половинном размере; так, например, кос и серпов было всего продано 115 тысяч штук, а предположено было—150 тысяч штук, иными словами, даже в отношении плана не выполнено 23%; уборочных машин вместо 8 тысяч сдано всего лишь 3 355, или 43%. Зато в отношении плугов мы имеем выполнение программы более чем по плану: предполагалось 29 500 штук, выполнено 43 520, причем 34 520 штук внутреннего производства и 15 тысяч внешнего производства. Таким образом в области организации снабжения орудиями и машинами Сельскосоюзу еще предстоит большая работа.

Теперь мы обратимся к деятельности сельскохозяйственной кооперации, основой которой является маломощная часть крестьянства, каковая составляет от 40 до 45% всех крестьянских дворов. В этой области на первое место выдвигаются вопросы организации сельскохозяйственного производства. В этой части крестьянского хозяйства, раньше чем получить товарные излишки, нужно организовать само производство. Безлошадный, бескоровный крестьянин не имеет тех излишков сельскохозяйственных продуктов, с которыми он может выйти на рынок. Его хозяйство носит потребительский характер, да и еще при изрядном недостатке продуктов потребления. Эту область работы сельскохозяйственная кооперация, если она не хочет стать только кооперацией зажиточной части крестьянства, отнюдь и ни в коем случае не должна упускать из виду. Путь, по которому может пойти эта часть крестьянского хозяйства, охватывающая, как мы видим, большую половину крестьянских дворов, это—путь к коллективизации сельского хозяйства, созданию коммун-артелей. Только при этом условии может происходить развитие производительных сил этой части крестьянских масс. Совместное пользование машинами, коллективная обработка земли, укрепление своих земельных участков путем

слияния их,—все это может быть достигнуто этой частью крестьянства только на основе коллективизации своего производства, и только идя этим путем она сможет избежать разорения.

Коллективизация сельского хозяйства, по мнению наших противников, являлась наиболее слабым местом политики советской власти. Коммуна, по их мнению, это—просто выдумка, навязанная крестьянству. Эту критику хором провозглашали и буржуазные и мелкобуржуазные теоретики: и эсеры, и кадеты, и меньшевики.

Но действительность показала, что развитие именно беднейшей части крестьянства, наиболее близкой к пролетариату, идет именно этим путем. В настоящее время, по данным Сельскосоюза, мы имеем свыше 20 тыс. коллективных хозяйств. По данным НКФ это количество поднимается до 33 тыс.,—по крайней мере НКФ именно с этого количества взял налоги. Но не устанавливая пока что точной цифры коллективных хозяйств, мы должны сказать, что они в настоящее время уже стоят на твердой хозяйственной почве.

Они уже являются серьезным фактором в нашей экономической жизни. Анализ хозяйственной деятельности коллективных хозяйств показывает, что в массе они и по технике и по своей производительности стоят выше единоличного крестьянского хозяйства. Центры сельскохозяйственной кооперации обращали крайне недостаточное внимание именно на эту область своей работы. Здесь в значительной степени действовала старая традиция сельскохозяйственной кооперации, которая в прежнее время концентрировала все свое внимание на сбытовых операциях и держала курс на среднее и зажиточное крестьянство. С этими традициями центрам сельскохозяйственной кооперации необходимо решительно порвать и значительно больше внимания уделять нуждам и потребностям маломощного крестьянства и формам развития его хозяйства, иначе говоря, коллективизации сельского хозяйства.

В начале этого года состоялось первое всесоюзное совещание сельскохозяйственных коллективов: коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли. Оно дало массу нового интересного материала, осветив замечательно любопытные стороны жизни, деятельности и роста деревенского коллектива. Эти данные были использованы нами в статье от 15 марта 1925 г. в «Правде»—«Как пробивают себе дорогу колхозы», но мы все же считаем необходимым в настоящей работе привести этот материал, который дали представители коллектив-

ных хозяйств, приехавшие с мест и поделившиеся своим опытом по строительству коллективных хозяйств в деревне. На этом вопросе мы считаем необходимым более подробно остановиться, именно ввиду того, что сейчас, даже среди видных партийных товарищей, наблюдается недоучет всех достижений, какие сделаны именно в этой области.

Как организовать труд и как организовать питание в коллективном хозяйстве, особенно в коммуне, это—такие жизненные и такие трудные вопросы. Только практикой, опытом и проверкой этого опыта можно нащупать пути к их решению. Ведь колхоз, это—не завод, не фабрика, ведь тут сталкиваются между собою и индивидуализированные способы работы, и неизжитая психология мелкого собственника, и отсутствие знания и опыта в строительстве новых форм. Тут приходится творить—в самом настоящем, доподлинном смысле этого слова. И это творчество, конечно, должно будет проходить через тысячу ошибок, пока найдет верное решение.

В заграничной белогвардейской «Русской мысли» сбежавший, по-видимому, сочувствующий эсерам—помещик, пытавшийся, будучи в СССР, примазаться к крестьянам и укрыться под флагом коммуны, приходит к такому выводу: «Работая в деревенской коммуне сам, непосредственно, я познакомился с теми техническими препятствиями для коммунизма в сельском хозяйстве, которые не могут быть преодолены при современном психологическом состоянии земледельца». А строители коммун рассказали, как они преодолевают эти трудности и как достигают решения этих задач. Пути к решению этого вопроса различны, как различны районы, по которым раскинуты коммуны, но цель одна: добиться рациональной организации коллективного труда в сельском хозяйстве.

Вот с.-х. коммуна «Незаможник», Запорожского округа.

«У нас сделано такое распределение труда: по каждой отрасли закреплено известное количество людей: в полеводстве—примерно 30, в садоводстве—12 и т. д.

Кроме этого, имеется еще так называемая перебросная группа в 30 чел., которая распределяется ежедневно по тем отраслям, где нехватает рабочей силы.

Питание—общее; для изготовления занят специальный работник: «А когда варили наши коммунарки, то ничего не получалось. С одной стороны—неэкономно, невкусно; наконец, никто не хотел готовить».

В артели «Культиватор», Донецкой губернии, другой порядок, там ежедневное урочное задание.

«Труд у нас обобществлен. Наряд производится так: вечером собираемся, распределяем кто куда идет на работу, а утром все выполняем работу».

Красиво-меченское товарищество, Моск. губ.:

«Наш коллектив... почти исключительный по своей внутренней структуре. В основу его мы положили материальную личную заинтересованность каждого члена. Если человек больше и лучше работает, он больше получает...

Каждый взрослый участник этого товарищества работает в товариществе как бы по найму и получает по 17-разрядной сетке Всеработземлеса, в пределах своего личного счета, имеет все записи, включая это на пай...

За четыре года нашей работы никто из наших членов не был в ссоре, драке, суде со своими сочленами, ибо восемь причин из десяти, вызывающих эти хозяйственные ссоры, отпали. Не стало борозды, которую перепахивал крестьянин, не стало той овцы, которая перескакивала в чужой огород, не стало чужого имущества, которое хорошо было бы притянуть себе. Все стало общим, все имущество принадлежит коллективу. Члены имеют паевой капитал, который, если они захотят уйти из товарищества, они получают полностью вместе с прибылью и той зарплатой, которую они имеют в товариществе по личному счету».

Таким образом тут мы видим интересное сочетание еще непреодоленной индивидуалистической психики с принципами коллективизма.

Коллективный труд, заработная плата—как рабочего на фабрике, и с другой стороны—пай и дивиденды на пай.

«В труде крестьянин совершенно свободен. Ленив он или нет, это—его дело. Если он не захотел работать, то он сам себя наказал. Если он не попал в табели, то ему не будет зачтена оплата труда, жалованье за этот день».

В Белоруссии, в артели «Возрождение», организация труда построена на началах заработной платы, причем заработная плата определяется соответственно проработанным часам и качеству работы.

«Труд у нас организован так,—говорит докладчик:—сначала велась только запись рабочих дней, но на этой почве происходили споры, вследствие чего пришлось записывать дни и указывать качество произведенной работы и количество часов...

С этого времени стало гораздо легче и руководителю работ. Раньше председатель должен был искать рабочих, а теперь, как говорят, сами рабочие ищут его, чтобы получить работу. Оплата труда установлена у нас 15 рублей в месяц, причем весенний день оплачивается по 40 коп., летний—по 75 коп., а зимний и осенний—по 30 коп. Высчитывается заработная сумма каждого члена, и в этот счет могут браться любые продукты, которые нужны»...

В коммуне «Свободный труд» (Адыгейско-черкесской области) организация труда построена по урочной системе, причем урок дается на весь сезон, а не на каждый день, как это мы видели в артели «Культиватор».

«В области полеводства мы работаем таким образом,—говорит докладчик:—один рабочий должен с помощью машин сработать за лето 3,28 гектара специальных культур и 7,65 гектаров зерновых.

Производительность труда по всем отраслям учитывается по особым табелям, полученным из губсельсоюза. Труд отдельных лиц учитывается таким образом: если ты работаешь слабо, переводят в другую отрасль, оттуда и далее. За халатное отношение к работе полагается на первый раз выговор, на второй раз—выговор на общем собрании, а затем, если через полтора—два месяца член не исправляется, его исключают».

В артели «Яктыюль» (Татреспублика) труд и оплата труда организованы на уравнительных началах, получают все по норме.

«Сейчас в составе коммуны работает 11 домохозяев. И мужчины и женщины работают и получают поровну, по норме. Ниже 15 лет получают полнормы. На лошадей во время пахоты отпускается 328 *кг* муки, сено тоже отпускается по количеству лошадей».

Вот опыт ряда коммун и артелей из самых разнообразных мест.

Сейчас нельзя сказать, какой способ наиболее целесообразен, да и вряд ли возможно построить общую систему организации труда для всех колхозов. Но при всем разнообразии методов—начиная от урочной системы, ежедневной, сезонной—и до полной свободы труда, регулируемого лишь размерами заработка, выплачиваемого коммуной за проработанное время своим членам,—мы видим, что труднейшему вопросу в деле организации с.-х. колхоза дается вполне правильное практическое решение—достигнуть такой организации труда, при которой производительность труда могла бы возрастать, причем во внимание принимается необходимость добиться дружной организованной работы.

Это уже одно является большим шагом вперед.

Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочным и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу». Так говорил тов. Ленин. Насколько наши колхозы оказались в состоянии

служить примером крестьянскому хозяйству? В настоящее время мы не имеем общих цифр, характеризующих работу всех коллективных хозяйств, но из тех докладов, которые были на совещании, мы видим, что коллективные хозяйства начинают выполнять указанные им задачи.

Вот что говорит докладчик сельскохозяйственной коммуны «Несгаможник», Запорожского округа, т. Кохальский:

«Несмотря на неблагоприятные климатические условия (наличие иссушающих восточных ветров), наша коммуна имеет лучший урожай, чем соседняя крестьянская деревня. Яровой пшеницы у коммуны был урожай 525 *кг* с гектара, у окружающих крестьян—178 *кг*. Ячменя у коммуны было 316 *кг*, у окружающего населения—298 *кг*. Овса в коммуне было 105 *кг*, у окружающего населения—270 *кг*. Картофеля у коммуны было 2 980 *кг*, у окружающего населения — 2 250 *кг*. Вот те цифры, которые говорят за то, что урожай коммуны несравненно выше, чем у окружающего населения».

Докладчик артели «Путь к социализму» говорит:

«Несмотря на то, что наш Донецкий округ был захвачен засухой и в нашем районе погибло 75%, в коллективе погибло только 20% хлебов. Посевы смежных крестьянских участков, которые не погибли, дали урожай озимых от 134 до 178 *кг* и яровых от 119 до 149 *кг*. У нас озимые дали от 298 до 447 *кг* и яровые до 298 *кг*. Таким образом мы видим успех коллективной группы, и этого успеха достигли не только в этом году: засушливые годы начались еще с 1920 г., и все время были такие примеры».

Коммуна «Верный путь» в Сибири:

«Обработка земли у нас была лучше, чем у населения. Урожай был тоже подходящий. Десятина дала около 1 638 *кг*, тогда как у населения десятина дала 596—894 *кг*.

Взаимоотношения с населением у нас были сначала очень скверные... В 1924/25 г. мы вступили в иные отношения с населением. Это произошло не оттого, что мы стали хорошими, а потому, что население увидело разницу в урожае. У населения в среднем получалось 894—1 043 *кг* на десятину, а у нас 1 343, 1 490 и больше, и все это было на той же самой земле, которую они прекрасно знают и которая родит у них меньше».

В коллективах Саратовской губернии:

«Урожай в 1923/24 г. был на 60—67% и даже местами на 95% выше урожая единоличных крестьянских хозяйств».

Таких примеров, когда урожай у коллективных хозяйств был выше, чем у крестьянских, можно было бы привести очень много. Урожай является лишь показателем тех улучшений, которые вводит коллектив

в сельском хозяйстве: многополье, лучшего качества семена, машинная обработка,—все это является достижением колхозов. Значительным количеством докладчиков отмечается, что именно этот факт—показательного успеха коллективного хозяйства—заставляет крестьян определенно менять свое мнение о коммунах, артелях, товариществах, менять свое отношение к ним и стремиться перенять ряд улучшений, вводимых ими для своего хозяйства. Недоверчивое, сплошь и рядом враждебное отношение к коммунам, под влиянием достигаемых последними успехов, исчезает у крестьянской массы, особенно, когда коммуна действительно на деле старается притти в той или иной форме, в меру своих возможностей, на помощь окружающему населению.

Мы не можем остановиться на целом ряде других интересных сторон жизни и деятельности коммун. Мы не можем здесь осветить их культурно-просветительную работу, меры, предпринимаемые ими в отношении детей, меры, предпринимаемые ими по привлечению агрономов и техников. Всего этого мы в этой статье коснуться не можем. Но на чем бы мы хотели остановить внимание, это—на бюрократическом, сплошь и рядом недопустимом, невнимательном отношении к развитию коллективного хозяйства в деревне со стороны чиновников наших земорганов. Из многих мест от ряда докладчиков неслись жалобы на это бюрократическое, а иногда и недоброжелательное отношение. Люди не только не помогали трудному делу развития коллективного хозяйства, но сплошь и рядом тормозили его и мешали его развитию. Были жалобы и на некоторых бюрократов из кооперации (есть и такие). Против подобного отношения мы должны повести решительную борьбу. Коллективизация—дело трудное. Задачи, стоящие перед нею в деревне, крайне сложные, не проработанные еще никакой теорией. И тут не только помеха, а всемерное содействие должно быть оказано тем, кто работает на этом трудном деле. А эта-то помощь и оказывается очень слабо. Землеустройство в коммунах проводится плохо, недостаточно, и почти единодушные жалобы на это слышатся со всех сторон. Налоговые льготы, как поощрительная мера, не только не проводились, но, наоборот, сплошь и рядом мы видели противоположное: с коммун брали налог в большем размере, чем с окружающих единоличников, и совершенно не считаясь с положением колхозов. Мы полагаем, что эти ошибки могут быть и должны быть изжиты в кратчайший срок при достаточно внимательном к ним отношении.

Колхозы показали, что они выросли и окрепли хозяйственно, что они стоят на собственных ногах. Но им нужно ясно понять, что в настоящих условиях не только нужно итти к улучшению своего производства по пути поднятия техники, но также не упускать из виду

современных товарных отношений. Коллективное хозяйство должно уметь выступить на рынке, должно уметь организовывать сбыт своей продукции и организовать закупку и снабжение как для своего хозяйства, так и для нужд своих членов. В этом отношении сельскохозяйственная кооперация во всем своем объеме дает все возможности для достижения указанной цели.

Нам нужно коллективное хозяйство в деревне экономически стойкое, с прочной идейной спайкой его членов.

То, что рассказывают представители мест, работники коммун, артелей и товариществ, говорит за то, что развитие коллективизации в деревне идет именно этим путем. Изучать этот опыт и применять его во все бо́льших размерах, освещая самые повседневные стороны жизни и деятельности коллектива,—такова задача наших кооперативных и партийных органов.

Выводы, к которым мы приходим по поводу хозяйственной деятельности сельскохозяйственной кооперации, заключаются в следующем.

Сельскохозяйственная кооперация должна поставить в основу работы всех своих звеньев принципы безубыточности. Особое внимание необходимо ей обратить на упорядочение работы райсоюзов; сеть райсоюзов необходимо пересмотреть с целью их сокращения и закрытия тех из них, которые обнаружили свою хозяйственную несостоятельность.

Необходимо обратить особое внимание на расширение работы по операциям по сбыту и снабжению, ставя их на коммерческих основах, согласуя свою политику в этой области с нашей общей экономической политикой и увязывая заготовку и сбыт сырья с развитием нашего внутреннего производства.

Коллективизации сельского хозяйства необходимо уделить больше внимания, чем это делалось до сих пор. Организация сельскохозяйственных коммун-артелей, товариществ должна производиться и строиться на основаниях хозрасчета и в направлении создания большей товарности коллективного хозяйства. Необходимо обратить внимание на обслуживание сбыта коллективных хозяйств. Необходимо, чтобы землеустроительные органы усилили свою работу по обслуживанию той части крестьянства, которая переходит на коллективное хозяйство. В этой части приходится констатировать большие упущения. Коллективные хозяйства должны на деле пользоваться теми преимуществами по налогам, какие им предоставлены согласно закону, и упущения в этой области, а также наблюдающееся и обратное явление, когда, вместо облегчения по налогам, коллективные хозяйства ставятся в более тяжелое положение по сравнению даже с единоличными хозяйствами, должны строго караться. В целях улучшения техники коллективных

хозяйств обратить особое внимание на снабжение их инвентарем и сельскохозяйственными машинами.

В области финансовой сельскохозяйственная кооперация должна принять самые серьезные меры по увеличению своих собственных капиталов путем привлечения средств населения в виде вкладов и паевых взносов. Паевой взнос должен быть повышен до 5 рублей. Необходимо произвести насколько возможно сокращение всякого рода накладных расходов. Необходимо стремиться к ускорению оборотов капитала.

Вся хозяйственная деятельность сельскохозяйственной кооперации должна итти в строгом соответствии с нашей общей экономической политикой.

Кредитная кооперация

Организация сельскохозяйственного кредита—дело огромного значения во всех отношениях. Сельскохозяйственный кредит не только служит орудием для усиления развития сельскохозяйственного производства и торговли, но является и одним из самых серьезных орудий для регулирования и направления деятельности отдельных слоев в деревне.

От направления сельскохозяйственного кредита зависит усиление хозяйственной деятельности одних групп крестьянства по сравнению с другими. Поэтому политика в деле сельскохозяйственного кредита тесно переплетена с экономикой. Особенно большое значение сельскохозяйственный кредит будет иметь в настоящее время—время усиленного подъема и развития хозяйственной жизни деревни. Потребность в средствах оборота уже в настоящее время крайне велика; она еще больше вырастает с течением времени. И тут кредит, даваемый в достаточном размере, на подходящих условиях, сыграет громадную роль.

В деле организации сельскохозяйственного кредита с.-х. кооперации принадлежит несомненно первое место. Организация сельскохозяйственного кредита с.-х. кооперацией диктуется самыми жизненными интересами ее развития, а также интересами крестьянства. Одним из способов подчинения крестьянства частному капиталу является предоставляемый последним кредит крестьянам. Незачем доказывать, что формы этого кредита носят кабальный, ростовщический, разорительный по существу для крестьянского хозяйства характер. Но нехватка частного кредита заставляет крестьянина недостаток государственного и в особенности кооперативного кредита. В силу всего этого кооперации приходится обратить самое серьезное внимание на этот вопрос.

Дореволюционная сельскохозяйственная кооперация была у нас по существу кредитной кооперацией, выполнявшей, помимо кредитных операций, также операции по сбыту и снабжению. Но с изменением всей хозяйственной организации в период после Октябрьской революции, особенно в период военного коммунизма, она совершенно замерла. Годы нэпа опять создали условия для ее развития, но пока еще по своим размерам кредитная кооперация совершенно недостаточна и не отвечает тем запросам, какие предъявляются к ней развитием нашей хозяйственной жизни и в особенности сельским хозяйством.

О размерах кредитной кооперации можно судить по тем данным, какие приведены в № 4 «Планового хозяйства» в ст. тов. Афонского. По этим данным, «на 1 сентября 1924 года действовало 5 068 кредитных кооперативных учреждений (при 5 815 зарегистрированных), в том числе 1 237 кредитных и ссудосберегательных товариществ, 2 980 сельскохозяйственных товариществ с кредитными функциями, 843 кредитных отдела при потребительских обществах и 8 промысловых товариществ с кредитными функциями. Сводный баланс по 2 016 кооперативам, представившим отчеты—34 324 000 рублей. Число членов в этих кооперативах 419 281». Эти данные показывают всю недостаточность развития кредитной кооперации.

Наиболее существенными вопросами в развитии кредитной кооперации являются два вопроса: во-первых, собирание средств, необходимых для кредита, и, во-вторых, организационный вопрос.

Как общее правило, у нас замечается крайне слабое развитие вкладских операций. Это объясняется, конечно, с одной стороны, недостаточным накоплением денежных средств у крестьянства, а с другой стороны—и недостаточностью тех мероприятий, которые должны были бы быть предприняты для привлечения средств населения к кооперации. В наступающий период накопление средств будет развиваться несомненно более быстрым темпом, чем это было до сих пор, и кредитная кооперация должна принять все меры по привлечению средств от населения к себе. Средства кредитной кооперации в настоящее время составляются за счет средств, отпускаемых государством, и в ничтожной доле за счет вкладов. Это соотношение необходимо значительно изменить. Только тогда, когда кредитная кооперация станет центром концентрации средств населения, она будет действительно стоять на здоровой дороге своего развития.

Второй вопрос, который имеет огромное значение для развития кредитных коопераций, это—ее отношения, с одной стороны, с союзной сетью сельскохозяйственной кооперации, а с другой стороны—с систе-

мой Центрального сельскохозяйственного банка. Организационный вопрос является до сих пор крайне болезненным для кредитной кооперации. В настоящее время решениями партконференции этот вопрос может считаться урегулированным. Вот каким образом в докладе тов. Рыкова на партконференции сформулировано решение этого вопроса: «Это решение заключается в следующем: внизу в деревне создается единый сельскохозяйственный кредитный кооператив, обслуживающий и снабженческо-посреднические нужды кооперативного населения. В деревне не должно быть никакой специальной организации по кредиту и особой — по посреднически-снабженческой сельскохозяйственной работе. Однако создание единой сельскохозяйственной кредитной кооперации в деревне должно сопровождаться целым рядом дополнительных мер, которые гарантировали бы целесообразность и правильность ее работы. Главный вопрос заключается здесь в создании такой организации этого кредитного сельскохозяйственного кооператива, которая обеспечила бы возможность привлечения вкладов, приток средств, накопляющихся в крестьянском хозяйстве, в кооператив. Для достижения такого результата необходимо, чтобы кредитные средства, получаемые от вкладов со стороны населения, равно как и средства, данные государством на развитие сельскохозяйственного кредита, были свободны от ответственности по каким-либо другим операциям. Снабженческо-сбытовые посреднические функции должны вестись таким кооперативом за счет специальных капиталов или за счет специальных кредиторов, но не должны затрачивать тех средств, которые обслуживают кредитную работу. Эти гарантии необходимо установить для того, чтобы дать крестьянству полную уверенность в том, что кредитные средства обеспечены от каких-либо рисков. Этот единый кооператив в отношении кредитной работы связан с системой Центрального сельскохозяйственного банка, по всем остальным отраслям его работы он входит в общую сеть сельскохозяйственной кооперации».

Таким образом, мы видим, что низовая сеть кредитной кооперации будет одновременно с кредитными функциями вести и снабженческо-сбытовые операции. Сельскохозяйственная кооперация уже приняла решение, что так называемые универсальные сельскохозяйственные кооперативы превращаются именно в такие кредитные кооперативы со снабженческими и сбытовыми функциями. По всей кредитной работе эта низовая сеть кредитной сельскохозяйственной кооперации будет связана с системой Центрального сельскохозяйственного банка.

Уже ближайшее будущее даст возможность учесть результаты работы кредитной кооперации на этом новом пути ее развития.

Промысловая кооперация

Недоучитывать роль кустарного производства и промыслов было бы несомненно очень крупной ошибкой. В нашем народном хозяйственном балансе продукция этих отраслей играет несомненно крупную роль: в отношении, например, товарной массы промышленности кустарное производство составляет целых 26%, а в некоторых отраслях, например, в обувной, гончарной и т. п., кустарное производство преобладает над соответствующими отраслями крупной промышленности. Но, к сожалению, мы должны констатировать, что это кустарное производство до сих пор является разрозненным и неорганизованным. Система кустарной промысловой кооперации лишь сравнительно в незначительной степени охватывает и объединяет кустарное производство и промысла. Вообще приходится сказать, как на это мы указывали выше, что кустарная промысловая кооперация является наиболее слабой и наиболее отсталой по сравнению с другими видами кооперации.

Кустарно-промысловая кооперация охватывает около 1/2 милл. человек, низовая ее сеть насчитывает около 8 500 кооперативов. По данным на 1 января 1925 года в состав Всекопромсоюза входило 63 союза, из них:

областн. промысл.	союзов	1
губерн. промысл.	»	6
районных промысл.	»	24
губерн. смешанн.	»	17
районных смешанн.	»	15
Всего		63 союза

Помимо этих 63 союзов, Всекопромсоюз еще объединяет через последних 72 районных и уездных союза. Таким образом Всекопромсоюз находится в непосредственной и посредственной связи со 135 союзами. Большая часть этих союзов—58%—находится в Центральной области, где наиболее развита кустарная промышленность, затем следует Северо-западная область, где имеется 11% союзов, Северо-восточная область, где имеется 8%, в Средне-волжском районе—5%. На Украине же Всекопромсоюз имеет всего 1 союз, в Сибири—1 союз и такое же положение в ряде других областей. Таким образом сеть Всекопромсоюза сравнительно очень незначительна. Но в хозяйственном отношении Всекопромсоюз играет незначительную роль и для этой сравнительно редкой сети союза. Действительно, эти 135 союзов приблизительно имели оборот по сбыту кустарных изделий около 62 млн. руб. Обороты Всекопромсоюза по закупке кустарных изделий в этом же 1924 году

выразились всего около 5 млн. руб., иными словами Всекопромсоюз охватывает лишь 8% всей продукции его периферии, а 92% сбывалось союзами непосредственно, помимо Всекопромсоюза.

Центром хозяйственной деятельности и кустарно-промысловой кооперации должна являться прежде всего организация сбыта кустарных изделий, затем снабжение кустарей необходимыми им материалами и сырьем и, наконец, организация самого кустарного производства. Пока главная деятельность объединенной кустарно-промысловой кооперации протекает в области организации сбыта кустарных промысловых изделий, гораздо слабее происходит работа в смысле снабжения кустарей необходимыми им материалами, и совершенно пока не ведется работа по организации самого производства.

Обращаясь к рассмотрению заготовительных операций Всекопромсоюза, мы видим, что они хотя и медленно, но все же возрастают. В 1923 году Всекопромсоюзом заготовлено было кустарных изделий на сумму 4 282 тыс. руб., в 1924 г.—на сумму 4 989 тыс. руб., т. е. на 707 тыс. руб. больше, или на 18%. Сбыт за тот же период выражался следующими цифрами: в 1923 г.—3 929 тыс. руб., в 1924 г.—6 800 т. руб., т. е. на 2 871 тыс. руб., или на целых 73% больше. Таким образом мы и по сбыту видим рост. Главными предметами торговых операций Всекопромсоюза являлись: валенки, полушубки, варежки, рукавицы, колеса, дуги, полозья и т. п. Большие сравнительно операции производились также по заготовке и сбыту металлических кустарных изделий: замков, ножей, вилок, ножниц и т. п. Сбыт главным образом шел на внутреннем рынке, на котором было продано кустарных изделий Всекопромсоюзом на сумму 6 255 тыс. руб., на внешнем рынке—всего на 545 тыс. руб. Эти данные относятся к 1924 году. В области организации сбыта на внутреннем рынке Всекопромсоюз почти исключительно работал лишь в Москве и на Нижегородской ярмарке. Это является также результатом его слабости, так как при более разветвленной организации он смог бы несомненно значительно расширить сбыт кустарных изделий.

Обращаясь теперь к финансовому положению кустарно-промысловой кооперации, мы должны констатировать, что ее положение еще более тяжелое, чем, например, положение других видов кооперации. По данным РКИ, сводный баланс по 63 союзам—членам Всекопромсоюза—показывает, что на 1 октября 1924 г. в результате получился убыток, правда, сравнительно убыток незначительный, всего лишь в 280 тыс. руб., или, по соотношению к балансу, 0,8%, но, тем не менее, подобное положение очень показательно. Кроме того, тяжело отражается на финансовом положении задолженность кустарно-промысло-

вой кооперации. Собственных средств у Всекопромсоюза и местных союзов всего лишь 1 милл. руб., привлеченных средств около 7 милл. руб.

Таким образом, собственные средства относятся к привлеченным как 1 : 7.

Таково хозяйственное положение кустарно-промысловой кооперации.

Выводы, которые приходится сделать из всего вышесказанного, заключаются в том, что Всекопромсоюз должен прежде всего более полно охватить уже существующую сеть союзов. Необходимо развитие более активной деятельности по организации сбыта кустарных изделий. Следует обратить особое внимание на организацию снабжения кустарей необходимыми им материалами. Финансовое положение Всекопромсоюза может быть налажено только в том случае, если его операции будут безубыточны и он сможет производить накопление капитала. А этой безубыточности вполне возможно достигнуть путем сокращения накладных расходов и более рациональной постановкой работы. Особенное внимание необходимо обратить Всекопромсоюзу на увязку работы между госпромышленностью и кустарным производством. Подобная связь несомненно открывает более широкие перспективы для перехода кустарной промышленности на следующую ступень своего развития.

г) Заключение

Основной задачей кооперации, как мы видели, является улучшение своей работы, поднятие производительности труда своих органов и тем самым укрепление своего положения и создание твердой основы для своего развития.

Кооперация деревенская должна твердо держать курс на бедняцкие и середняцкие массы и помнить, что в рамках ее же собственной организации неизбежно столкновение интересов различных групп крестьянства, и только при условии твердого курса, при условии сочетания своей линии с общей линией нашей политики в деревне она сумеет укрепить единство своей организации.

Кооперация в городе, имея под собой прочную социальную базу, сумеет конкурировать с частным капиталом, выступая единым фронтом вместе с госпромышленностью на рынке. Больше единства и связи между кооперацией и нашими госорганами! Различными методами они делают общее дело, и нет никакого смысла вести им борьбу между собой. Ни к чему хорошему подобного рода борьба привести не может.

Особое внимание необходимо посвятить организационным вопросам, в особенности исправлению и оздоровлению серединной кооперативной сети—райсоюзов в первую очередь. Тут необходима энергичная перетряска.

Но все наши резолюции, все наши решения останутся на бумаге, если кооперация не будет иметь кадров подготовленных, умелых, опытных работников, понимающих и умеющих вести кооперативное строительство. Без этой живой силы ничего не выйдет.

Необходимо при выборе правлений, лавочных комиссий, ревизионных комиссий руководиться прежде всего оценкой того, насколько данный кандидат подходит и отвечает поручаемому ему делу, насколько он опытен и деловит. Эта оценка должна стоять на первом месте. Это крайне элементарное правило, но его часто забывают, и бывают последствия... нехорошие последствия! Привлекать работников, знающих массу населения, его потребности и вкусы и умеющих организовать дело. Предоставлять им больше самостоятельности, инициативы, свободы действия.

Партия, во исполнение постановления XIII съезда, посылала и посылает коммунистов на работу в кооперацию. Их обязанность и заключается в том, чтобы характером своей работы завоевать доверие населения. Кооперативное дело—не легкое дело: его надо изучить, его нужно знать и его нужно уметь хорошо практически делать. Ошибки и оплошности здесь, в этом деле, имеют более серьезное значение, чем, напр., даже в советских органах.

Вместе с тем и кооперация должна принять меры для подготовки новых кадров работников. Задача получить хорошего работника, сочетающего в себе знание дела с широким и определенным общественным, классовым подходом и пониманием,—эта задача повелительно встает перед всеми областями нашей работы в наших организациях. Встает она и перед кооперацией. Ее нужно скорей осознать и в широком масштабе приступить к ее решению. Тут полумерами и заплатами мало поможешь делу; необходим широкий и решительный подход к нему. В конечном случае обслужить кооперацию несколькими десятками тысяч хороших работников,—это не такая уже сложная задача, и при систематической неуклонной работе она втечение ближайших 3—4 лет могла бы быть полностью выполнена.

А ее выполнение сыграло бы огромную роль в деле организационного и тем самым и хозяйственного укрепления кооперации. Это делалось и делается, но не в том масштабе, как этого требует жизнь и как об этом говорят факты. А факты, как известно, упрямая вещь, и лучше учитывать их и делать из них правильные выводы для воплощения в жизнь, чем оставлять их без внимания.

Поднимающаяся, растущая экономическая жизнь СССР говорит кооперации: «Не отставай, помни, кто не идет вперед—тот движется назад».

2. ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В связи с предстоящей реализацией урожая снова встает вопрос о правильном обслуживании деревни, насколько верно идет наша промышленность по пути удовлетворения нужд крестьянских масс, а также, конечно, и нужд массового потребителя в городе.

Вопрос об экономической связи между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней поставлен, как известно, в центре нашей экономической политики, но постоянно нуждается в конкретизации. Основа смычки города и деревни, пролетариата и крестьянства заключается прежде всего в совокупности определенных экономических мероприятий. Из них, несомненно, в настоящий период на первом месте стоит снабжение деревни продуктами промышленности. В какой степени, как и какими мерами получает деревня удовлетворение своих хозяйственных потребностей, это—центральный вопрос нашей экономической политики, указанный последним партийным съездом. Вопрос этот многосторонний, но в нем, несомненно, также одно из первых мест занимает приспособленность нашей промышленности к удовлетворению потребностей многомиллионного сельского населения.

Еще в довоенное время деревня в значительной степени не допотребляла продуктов промышленности; еще в довоенное время наша деревня представляла огромный рынок спроса. В настоящее же время, как известно, здесь пропорция несоответствия между продукцией промышленности и продукцией сельскохозяйственной еще более увеличилась и углубилась. Из этого мы можем видеть, насколько действительно важен вопрос о приспособлении нашей промышленности, производящей предметы массового потребления, к потребностям многомиллионного сельского населения.

Правильная постановка массового производства является одной из основных задач нашей промышленности.

В этом отношении дело в промышленности далеко не благополучно. То наследство, которое мы получили от прошлого, далеко не отвечает тем задачам, которые мы ставим, т. е. производству на массового потребителя. Необычайная разнородность степени техники в производстве, зависимость от западно-европейского капитала,—все это приводило к тому, что в нашей промышленности наблюдалось самое хаотическое сплетение азиатского примитива сплошь и рядом с последним словом капиталистической культуры в области производства. В этом смысле для нас, несомненно, затруднена задача правильной постановки

массового производства, для потребностей трудящихся масс, требующей известного рода единства в постановке производства. Тем не менее сама жизнь к нам предъявляет повелительные требования в этом смысле. Для подхода к решению этой задачи мы должны использовать опыт западно-европейской, а в особенности американской промышленности. Само собой разумеется, что изменения, которые надлежит ввести, мы должны проводить с большей осторожностью, считаясь с техническими и организационными возможностями у нас, но, тем не менее, сдвиг в эту сторону мы должны произвести уже в настоящее время. Для постановки производства на массового потребителя необходимо решение трех вопросов: 1) точный ассортимент продуктов, рассчитанный на действительные нужды массового потребителя; 2) дешевизна этих продуктов; 3) производство их в достаточном количестве и без перебоев. Эти задачи, казалось бы, элементарно просты, но с каким трудом подходит к их решению наша промышленность и как далеко мы еще стоим от их решения!

Сравнительно недавно вышла книга известного американского капиталиста Генри Форда «Моя жизнь и мои достижения». Форд в области общественной представляет из себя вполне определенную фигуру, о которой не может быть двух мнений; это—капиталист, идеолог капитализма в чистой форме, прикрывающий в своих литературных упражнениях путем добродетельных рассуждений свою откровенно-буржуазную сущность, но, тем не менее, его книга крайне ценна, и прочесть ее, по нашему мнению, следует каждому хозяйственнику. Было бы ошибкой отмахнуться от этой книги на том основании, что она написана одним из самых крупных представителей капитализма. Ценна она, конечно, не его рассуждениями об обществе, а теми практическими указаниями и выводами, какие он сделал на основании многолетней практики, как крупнейший руководитель одного из самых крупных и прекрасно оборудованных предприятий в мире.

Форд поставил своей задачей (и в значительной степени достиг ее для Америки)—сделать автомобиль пригодным для массового потребителя. Его опыт, путь, которым он шел к этому, представляют огромный интерес для всякого производственника, для всякого хозяйственника не только в автомобильной, но и в других областях хозяйственной жизни. В этой книге мы находим немало ценных указаний относительно методов хозяйствования и относительно методов массового производства.

Как нужно подходить к улучшению в производстве, работающем на массового потребителя?

Вот какой ответ на это дает Форд:

«Когда заходит речь об улучшениях,—говорит он,—проектируется обычно изменение в фабрикате. Улучшенный фабрикат—это тот, который подвергся изменениям. Мое понимание понятия улучшения совершенно иное. Я считаю вообще неправильным начинать производство, пока не усовершенствован самый фабрикат. Это, конечно, не значит, что никогда не следует вносить в фабрикат изменения. Я только считаю более хозяйственным лишь тогда браться за опыт производства, когда получилась полная уверенность в доброкачественности, пригодности расчетов и материалов. Если такой уверенности при ближайшем рассмотрении не получилось, то следует спокойно продолжать изыскание, пока уверенность не явится. Форсирование продукции без предварительной уверенности в самой продукции было скрытой причиной многих и многих катастроф. Прошло 12 лет, прежде чем я закончил «модель Т», удовлетворяющую меня во всех отношениях, ту самую, которая теперь пользуется известностью в качестве фордовской машины. Мы даже не дали вначале попыток приступить к производству в собственном смысле, пока не получили настоящего фабриката; этот последний до сих пор не подвергался существенным изменениям».

Но раз тип продукции установлен и приступлено к массовому производству, центр внимания, по Форду, следует перенести на методы производства, на улучшение и удешевление способов производства и как можно меньше стараться менять самый продукт. Этот совет для нас крайне полезен, так как, действительно, мы должны иметь в виду массового потребителя, а не моду на тот или иной продукт.

«В то время,—продолжает Форд,—как большинство фабрикантов охотнее решается на изменение в фабрикате, чем в методе их производства, мы пользуемся как раз обратным приемом... В методах нашего производства мы предприняли ряд значительнейших изменений. Тут никогда не бывает застоя. Мне кажется, что с тех пор, как мы построили наш первый автомобиль по нынешней модели, ни одно из прежних условий не осталось без изменения. Вот причина дешевизны нашего производства!!»

Таким образом, выводы в технической области по части массового производства, которые приводит Форд, это—постоянное улучшение, усовершенствование, удешевление способов производства машин, установок и упразднение фантазий относительно изменений в самом фабрикате. Только вполне доказанная полезность изменений должна приводить к таковым. Особенно это, само собой разумеется, важно в продуктах и в предметах массового производства. Погоня за удовлетворением

моды, меняющихся вкусов потребителя, является с этой точки зрения вредной.

Второй принцип массового производства—это предохранение от остановок или заминок в самом производстве вследствие недостатка тех или иных материалов. Само собой разумеется, что массовый потребитель не может ожидать или откладывать закупки продуктов потребления первой необходимости, и в этом смысле всякая задержка в поставке продуктов массового производства сказывается особенно тяжело в экономике страны. Форд и говорит: «Точно так же мы хотим обеспечить себя от заминок в производстве или от необходимости повышать цены в связи с возможным недостатком каких-либо отдельных материалов. В этих видах мы для всех почти частей имеем материал заменяющий».

Мы не можем останавливаться на целом ряде крайне полезных выводов, к которым пришел Форд в своей работе в области правильного понимания постановки производства массовых продуктов. Еще раз повторяю: книга Форда важна именно как выявление опыта крупного организатора-техника, но не теми своими выводами относительно общественного производства и своей общественной философии, которые Форд рекламирует в своей книжке; но с точки зрения технической книжка Форда должна быть и может быть использована нашими руководителями предприятий, трестов и хозяйственных учреждений.

Из всех отраслей промышленности особенно важное значение правильная постановка производства на массового потребителя имеет в текстильной, кожевенной и частью в химической и металлической. Покойный т. Ногин, бывший руководителем текстильной промышленности, втечение последних лет вполне определенно поставил эту задачу для текстильной промышленности, особенно после своей поездки в Америку, откуда он привез крайне ценные данные и наблюдения. В своей статье в газете «Правда» он с особенным вниманием останавливается именно на этом вопросе, и больше того—по его же инициативе этот вопрос был поставлен на вполне практически продуманный путь на совещании производственников текстильной промышленности.

В начале июня состоялось совещание производственников текстильной промышленности с участием виднейших инженеров и техников этой отрасли. В докладе т. Фролова, вызвавшем горячие прения на совещании, указывается, что «есть тресты, которые не вырабатывали до сих пор типов городских товаров; они стремились поставить у себя выработку более или менее тонких товаров; некоторые тресты, которые не работали до сих пор ни батиста, ни более тонких товаров, стремятся поставить у себя эту работу». Подобное, совер-

шенно неправильное и вредное положение, на которое указывал т. Фролов, имеется, к сожалению, не только в текстильной промышленности, но и в других отраслях нашей промышленности, работающей на массового потребителя.

Борьба с этим необходима! Какие крупные достижения в этом отношении возможны, показывает яркий пример, который приводился и докладчиком Фроловым и представителем Иваново-вознесенского треста. Но Иваново-Вознесенскому тресту в 1921/22 году вырабатывалось 1741 сорт ткани. Кому и для чего это было нужно?! После того как иваново-вознесенцы энергично принялись за работу по упрощению и удешевлению ассортимента, они имели к апрелю 1924 г. всего-навсего 66 сортов.

«Эти условия работы,—говорит докладчик,—дают возможность поставить дело таким путем, что один и тот же сорт можно работать если не втечение всего года бессменно, то полгода,—это вот серьезное достижение! И вот теперь перед товарищами-производственниками и перед трестами лежит основная задача—концентрировать работу у себя таким путем, чтобы иметь более или менее точный ассортимент» (небольшой, рассчитанный на массового потребителя.—*В. М.*). «Если мы у себя достигли 66 сортов, то тем самым наша работа еще не считается законченной, мы стремимся и дальше углублять эту работу. Я не могу сейчас смело заявить о том, до какого количества сортов мы дойдем, но вся наша волевая энергия направлена к тому, чтобы как можно больше их сократить, остаться при самом минимальном количестве сортов и тем самым поставить нашу работу на рельсы массового производства». Этот пример иваново-вознесенцев достоин всяческого поощрения и подражания, по этому пути должны пойти и наши другие тресты, работающие на массового потребителя.

Дело и обязанность наших специалистов—повести эту работу таким образом, чтобы она шла в согласии с нашей техникой. С плеча тут рубить нельзя. Необходим, несомненно, научно-технический подход к этому, казалось бы, такому простому и элементарному вопросу, но ошибки в котором отзовутся на миллионах потребителей. Приходится помнить, что мы работаем с предприятиями, которые развивались в крайне отсталой в отношении техники стране, но которая вместе с тем крайне быстро проходила основные этапы экономическо-технического развития. Поэтому на наших фабриках сплошь и рядом можно видеть сочетание самых примитивных начальных ступеней фабричного производства и к ним наслаивались втечение времени, пристраивались, постепенно расширялись новые, более совершенные части, которые входили в круг производства.

Наша текстильная промышленность поставила перед собой необычайно важный вопрос. Дело за другими отраслями промышленности, работающими на массового потребителя, в первую очередь за кожевенной и металлической промышленностями, которые под углом зрения снабжения потребителя наиболее подходящим массовым продуктом и приспособления своего производства к этой задаче должны ставить свои программные задачи и развивать свое производство.

Наши хозяйственные органы, наши контролирующие органы должны самым серьезным образом поставить перед собой этот вопрос, так как именно работа на массового потребителя, увеличение продукции предметов массового потребления является одной из важнейших наших основных задач. Крестьянская масса у нас до сих пор страшно нуждается в тканях, необходимых для ее одежды, в гвоздях, в чугунном литье, в простейших сельскохозяйственных машинах и орудиях, в шлеях, хомутах и т. п., на которые чувствуется острейший голод. Укажем, насколько мы отстаем в этом отношении: наша государственная кожевенная промышленность лишь 10% своей обуви изготовляет для деревни. На чем тут подойдешь к крестьянину? Только произведя серьезнейший нажим на удовлетворение этих потребностей крестьянского рынка, мы двинем промышленность нашу активнейшим образом на путы действительной смычки города и деревни, на тот путь, когда крестьянство ощутительно почувствует, что городская промышленность стоит в непосредственной, теснейшей связи с его интересами, с его жизнью, с бытом, с улучшением его сельского хозяйства.

Ленинский путь в крестьянском вопросе [1]

Каждый из нас, вероятно, не один раз спрашивал себя при трудных и ответственных поворотах нашей действительности: а что сказал бы Ильич? Какой бы лозунг он бросил теперь? Какие директивы дал бы? Поступил бы он так, как мы это делаем, или иначе? И особенно встают эти вопросы в настоящий момент, в момент поворота, который совершает страна, в момент сложных отношений, когда особенно сильно сказываются болезни нашего роста. И, конечно, ни у кого не остается сомнения, что, будь жив Ильич, его гений дал бы более точные, более яркие ответы на проклятые вопросы и указал бы более прямой и краткий путь к их решению...

И все это относится прежде всего к труднейшему вопросу нашей переходной эпохи—крестьянскому вопросу. К решению этого вопроса

---

[1] «Правда», 15 января 1926 г.

нельзя подходить с трафаретными избитыми мерками, и первый, кто больше всех и теоретически и практически работал над этим вопросом—Ленин, показал, как его надо решать в условиях развивающейся действительности. В каждый данный исторический период он брал важнейшее звено, определявшее все развитие деревни, и он всегда умел дать объединяющий лозунг, за которым шла многомиллионная масса рабочих и крестьян. Борьба за землю, борьба за окончание империалистской войны—основные звенья, связавшие крестьянскую массу с рабочим классом в борьбе за свержение буржуазного строя в России в семнадцатом году. Борьба за завоевания Октябрьской революции в тяжелый период от 1918 до 1921 г. явилась реальной почвой, на которой сошлись рабочий класс и крестьянство в борьбе против наступавшей контрреволюции. Борьба за восстановление хозяйства, когда Ильич требовал «делом», «практикой» показать и доказать крестьянину, что наш путь правилен, что мы идем к нему на помощь, что только вместе с нами он сможет восстановить свое разоренное хозяйство, была основным положением во все эти годы нэпа.

И в последнее время своей жизни т. Ленин показал те основы для дальнейшего развития нашего строительства, благодаря которым мы можем закрепить союз рабочих и крестьян для достижения тех результатов, которые необходимы по пути строительства социализма в нашей стране.

Прежде всего и раньше всего крестьянин должен на практике убедиться в преимуществах новых форм хозяйства и в том, что мы дадим действительную помощь для его хозяйственного развития. Тот период, в который мы вступаем, чреват для нас тяжелыми болезнями роста. Уже нынешний год показал, что, несмотря на быстрый темп развития нашего народного хозяйства, мы сталкиваемся с целым рядом крупнейших затруднений, и не один раз придется нам пережить тяжелые минуты. Но именно в такие моменты, как нас учил Ильич, мы должны сосредоточивать всю нашу энергию и всю нашу волю на решении той основной задачи, которая является определяющей для всего данного периода. Такой задачей является наивозможное расширение нашей промышленности и борьба с ее отсталостью. Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством является тяжким наследством прошлого, которое в настоящий момент тяжелой гирей висит на нашей экономике и мешает ее развитию вперед. Решение этой задачи упирается прежде всего в обновление нашей техники. Рабочие подняли свою

производительность. Старая техника использована почти на 100%. Но, несмотря на выросшее производство и на быстрый темп этого роста производства, товаров для нашей огромной страны нехватает. Рост потребностей и покупательных способностей населения и в первую очередь крестьянства обгоняет предложение промтоваров. Все затруднения нашего экономического развития вращаются вокруг этого пункта, и поэтому основным лозунгом является лозунг—поднятие промышленности. Это должен понять каждый рабочий и каждый крестьянин. Крестьянину мы должны сказать, что если он хочет развить дальше свое хозяйство, получить в кредит сеялки, тракторы, если он хочет получить дешевый товар, он должен понять, что для этого раньше всего мы должны поднять нашу промышленность, оборудовать ее новыми машинами, построить новые предприятия. Это—сейчас важнейшее для города и для деревни и для деревни в не меньшей степени, чем для города. Партия выдвинула этот лозунг на последнем XIV съезде. Конечно, эту задачу нелегко будет решать, так как в ее решении мы ограничены средствами, и зарываться, действовать, не соразмеряясь с имеющимися ресурсами, было бы такой ошибкой, которая бы немедленно тяжело сказалась на всем нашем хозяйстве. И тут мы должны сочетать осмотрительность с размахом, который так умел сочетать в себе т. Ленин. Каждый шаг по решению указанной задачи, каждый успех и каждое достижение есть действительно шаг на том пути, который указывал Ленин, и мы будем иметь ту практику и то «дело», которое закрепляет союз рабочих и крестьян по строительству новых форм жизни и укрепляет наш Союз в борьбе и конкуренции с окружающим капиталистическим миром.

И второе основное направление, данное Лениным, заключается в том, чтобы итти вперед хотя и медленно, но со всей многомиллионной основной массой крестьян. Это—путь, путь нашей классовой политики в деревне. Основная масса крестьянства значительно улучшила свое положение втечение последних лет. Укрепились кооперативные организации и коллективные формы хозяйства. Партия конкретизирует каждую меру и каждый шаг, который прежде всего дает возможность закрепить союз с середняком, этой основной и главной фигурой крестьянства. Не закрывать глаз на опасность капиталистических тенденций в деревне, но, наоборот, учитывая их, с удесятеренной силой вести работу по улучшению и укреплению связи с середняком. Это—задача и прошлых лет и ряда будущих лет. Это—задача, намеченная и разработанная Ленцным, которую мы должны неуклонно разрешать, так как именно

ее решение дает нам возможность действительного вовлечения деревни в социалистическое строительство и действительной реальной борьбы с капиталистическими тенденциями в деревне. Мы имеем здесь реальные успехи, но работы впереди больше, чем позади. Бедняцкий вопрос—это вопрос экономической организации бедняцкого хозяйства, помощи ему, с тем чтобы бедняк становился на прочные хозяйственные ноги. Союз середняков, бедняков и рабочих является таким союзом, который сумеет в ежовых рукавицах держать кулацкий элемент в деревне. Мы идем не на углубление противоречий в деревне, а на организованное их изживание. Для этого у нас в руках государственная власть, для этого у нас—партийные, кооперативные и профессиональные организации.

Перспективы того пути, по которому мы должны итти в решении крестьянского вопроса, были определены Лениным, и наша задача в каждый данный момент уметь выполнить их конкретным содержанием, и, оглядываясь на пройденный путь, мы видим, что как развитие деревни, так и развитие города идет по этому пути. Мы почти достигли довоенного уровня в производстве как сельского хозяйства, так и промышленности. Мы закрепили в деловой повседневной работе союз рабочих и крестьян.

Мы поднимаемся теперь на следующую ступень по тому пути действительного строительства социализма, который был намечен Лениным. Нас ждет немало трудностей, но самый факт, что мы идем по пути, определенному самым гениальным знатоком законов общественного развития, вливает в нас уверенность, что эти трудности нами будут преодолены.

Путь, по которому мы идем, есть тот путь, по которому нас вел Ленин,—путь строительства социализма силами рабочих и крестьян. С этого пути мы не сойдем!..

---

3. НАША ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ

Наша политика в деревне должна на предстоящий период претерпеть некоторые существенные изменения вследствие меняющихся экономических условий.

Эти изменения не касаются принципиальных ее основ, не потому, конечно, что эти основы представляют для нас раз навсегда данные абсолютные истины, а потому, что как раз весь ход развития нашей советской деревни и данные современных экономических отношений

полностью подтвердили и подтверждают правильность нашей основной линии как в отношении к крестьянству, так и в отношении развития сельского хозяйства. Достигнутые результаты являются наиболее верными показателями правильности нашей политики.

Но именно вследствие того, что наша политика была правильна и привела к крупным положительным результатам и прежде всего к почти полному восстановлению сельского хозяйства и к укреплению отношений между городом и деревней, между рабочими и крестьянами,—именно вследствие этого нам приходится и т т и в п е р е д, учитывая уже более высокую ступень нашего общественного и экономического развития, и на основе достигнутых результатов нам приходится менять или, лучше сказать, развивать дальше нашу политику в деревне.

Наша политика в деревне заключается:

1) В развитии производительных сил сельского хозяйства, а следовательно, в регулировании развития сельского хозяйства, в направлении поднятия производительных сил, в развитии более совершенных форм сельского хозяйства и в постепенном переводе его на коллективные начала.

2) В укреплении союза города и деревни как по экономической, так и по политической линии. «Смычка города и деревни», «смычка рабочих и крестьян».

3) В курсе на бедняцкие и середняцкие массы в деревне, составляющие 90% всего населения деревни, и в борьбе с кулацким элементом.

Эта наша политика находила и находит свое выражение как в государственных мероприятиях, так и в работе партии в деревне.

Но наступающий период требует большей детализации нашей политики в деревне и большей ее гибкости, чем это было до сих пор.

В настоящее время мы находимся как раз н а п е р е л о м е нашей экономической, а следовательно, и общественной жизни. Этот перелом и вытекающие из него следствия явились, как известно, центральным пунктом как XIV партийной конференции, так и III Съезда советов.

В чем же заключается перелом нашей хозяйственной жизни? Я приведу то определение, какое мною было дано на страницах «Правды» (№ 101): «Причины перелома лежат в нашей экономике, в развитии производительных сил страны. Этим, между прочим, условия настоящего перелома отличаются от тех, которые были в 1921 году. Тогда основным условием, изменившим направление нашей политики, был факт победоносного окончания гражданской войны; окончание гражданской войны означало объективно и окончание периода военного коммунизма, а также изживание и установление того, что обусловливалось военной обстановкой... В 1925 году экономическая обстановка такова,

что она сама диктует необходимость принятия ряда мер и серьезных изменений в нашей экономической политике; с 1921 г. втечение всех этих лет мы изживали разорительные последствия периода войн империалистической и гражданской... И вот наступает время, когда мы можем сказать, что в рамках имеющихся у нас технических возможностей мы заканчиваем выполнение этой задачи. Уже в 1925 году, как заявил т. Дзержинский на партконференции, наша промышленность, при том темпе развития, каким она идет в настоящий момент, достигнет 65—70% довоенной. Ясно, что отнюдь не будет преувеличением ожидать, что года через два мы достигнем довоенного уровня, а по некоторым отраслям—перешагнем его... И вот всем этим заканчивается первый период нэпа. Мы вступаем в следующий период, когда дальнейшее развитие производительных сил страны создает для всей нашей работы новую обстановку и ставит перед нами новые задачи. Главнейшими отличительными чертами наступающего периода явится следующее: вопервых, расширение и обновление нашей технической базы, обновление и переоборудование наших фабрик и заводов, постройка новых, дальнейшее развитие электрификации... Но одновременно мы должны будем обратить особое внимание на дальнейшее развитие и усиление сельскохозяйственной техники. Второй отличительной чертой наступающего периода явится усиленное нарастание товарности нашего хозяйства... Наконец, втретьих,—вопросы накопления капиталов в промышленности, в торговле, в государственных, кооперативных и частных руках,—все это будет иметь особенно важное значение и в известной степени определять соотношение сил нашей экономики. Вот в чем заключаются особенности нового периода.

Эти новые экономические условия—условия уже не восстановления, а дальнейшего внутреннего экономического развития—скажутся, вполне естественно, и на положении развития сил города и деревни и на отношениях между ними. Улучшение положения рабочих масс в городе и бедняцких и середняцких масс в деревне явится неизбежным результатом этого экономического развития и найдет свое отражение, конечно, в нашей экономической политике».

Таким образом, мы вступаем в новый период нэпа. Наше экономическое развитие в дальнейшем должно совершаться в расширяющихся рамках нашего основного капитала. Вместе с этим новый период нэпа приводит и к более сложным общественным отношениям в деревне. Кто не понимает и не видит этой предстоящей сложности отношений в деревне, некоторой передвижки в соотношении сил, тот ничего не понимает в том, что происходит в деревне. На основных пунктах нашей современной и предстоящей политики в де-

ревне мы и остановимся, основываясь прежде всего, конечно, на тех решениях, какие приняты XIV партконференцией и III Съездом советов.

Развитие сельского хозяйства по сравнению с дореволюционным уровнем достигло около 80%, и можно полагать, что и сельское хозяйство, так же как и промышленность, втечение ближайших 2—3 лет перешагнет довоенный уровень. Так, по данным ЦСУ [1], отношение площади посева 1923/24 г. к площади посева 1916 года, принятой за 100, составляло 88,4: по потребляющей полосе—103,9, по производящей—84,7, по Северному Кавказу—73,9, по Сибири—90,8, по Украине—101. Озимые составляли 101,3, яровые—82,4. В отношении скота в 1923/24 г. по сравнению с 1916 годом, взятым за 100, всего голов скота было 95, рабочих лошадей—74,1, волов—74, коров—101.

Из этих данных мы можем видеть, что в ряде районов по размеру посевной площади сельское хозяйство даже перешагнуло дореволюционный уровень. Продукция сельского хозяйства в 1912/13 году исчислялась в $8\frac{1}{2}$ миллиардов рублей, в 1923/24 году—в 6 миллиардов, что составляет 70% довоенной.

Все это говорит за то, что мы должны менять масштаб нашего развития, как вообще нашего народного хозяйства, так в особенности нашего сельского хозяйства.

Прежде всего, конечно, нашему сельскому хозяйству в предстоящий период в значительно большей степени придется считаться с положением на мировом рынке и той ролью, какая выпадает в этой области на его долю. А это означает, что нам придется особенно сильно считаться с темпом развития тех капиталистических стран, которые играют сейчас на мировом рынке в отношении с.-х. продуктов господствующую роль; к этим странам, как известно, принадлежат в первую очередь—Америка, Австралия, Канада и Аргентина.

Географически наше положение очень благоприятно по отношению к основным потребителям с.-х. продукции на мировом рынке, то есть прежде всего к промышленным странам Европы. Благодаря ему мы даже при нашей отсталой с.-х. технике можем конкурировать с капиталистическими странами, и даже наш хлеб и наше сырье имеют возможность в известной мере вытеснять хлеб и сырье, например, Америки.

В 1923/24 г. нами было вывезено с.-х. продуктов 2,8 млн. тонн на сумму в 284 млн. руб. (по современной оценке, данные ЦСУ).

---

[1] Данные ЦСУ взяты нами из Стат. справочн. ЦСУ 1925 г.

Дальнейшее развитие нашего сельского хозяйства будет определяться не только потребностями нашего внутреннего рынка, но также и теми отношениями, какие будут складываться для нашего сельского хозяйства на мировом рынке.

Эти отношения будут тем более благоприятны, чем скорее технически наше сельское хозяйство сможет и сумеет подняться до того уровня, на каком стоят капиталистические страны с развитым сельским хозяйством. В смысле с.-х. техники мы, как известно, страшно отстали по сравнению с капиталистическими странами. Для этого было вполне достаточно исторических причин в нашем далеком и близком прошлом. Но в настоящее время и в особенности в настоящий период одной из главнейших наших задач является подъем у нас с.-х. техники. Курс на подъем с.-х. техники должен быть нами взят «всерьез и надолго». Это самая что ни на есть актуальная и неотложная задача. Причем при решении ее мы должны руководиться тем правилом, какое было проверено в другой области: поменьше болтовни (хотя иногда болтовня бывает весьма поэтической и квази-ученой) и побольше практической деловитости.

При подъеме с.-х. техники мы, конечно, значительно легче сможем закрепить нашу позицию на мировом рынке.

Вполне своевременно т. Рыков подчеркнул эту задачу, сказав на Съезде советов в своей речи, что... «в сельском хозяйстве и в промышленности мы стоим перед задачей создания новой технической базы, мы будем в дальнейшем производить все увеличивающиеся затраты не в оборотный, а в основной капитал».

При изменении технической базы в сельском хозяйстве, учитывая наличные реальные возможности, мы должны соизмеряться не с бывшим у нас дореволюционным уровнем состояния с.-х. техники, а с тем, какой имеется у наших конкурентов на мировом рынке.

Далее потребности внутреннего рынка также будут стимулировать сельскохозяйственное производство, главным образом, конечно, в области развития технических сельскохозяйственных культур. Наша текстильная, кожевенная, сахарная и некоторые другие виды промышленности уже в настоящее время ставят крупные требования сельскому хозяйству. Эти требования в ближайшие годы, несомненно, сильно возрастут.

Наконец общий подъем благосостояния населения и города и деревни значительно расширит спрос на сельскохозяйственную продукцию.

Поэтому и с этой стороны перед нами встает значительно в более крупном размере потребность развития сельского хозяйства.

Улучшение техники сельского хозяйства, помимо тех агрикультурных мероприятий, какие выдвинуты всей текущей практикой и уже проводятся в жизнь, как-то: расширение посева технических и пропашных растений, сортировка семенного материала, введение зяблевой вспашки, ранних паров, применение минеральных удобрений и т. п., должно быть в общем для ближайших лет направлено по трем основным линиям:

1) По проведению в наивозможно широком масштабе землеустройства.

2) По организации мелиоративных работ.

3) По машинизации крестьянского хозяйства.

На этих вопросах нашим земельным органам нужно сосредоточить максимум внимания, сил и средств.

По землеустройству в резолюции, принятой по докладу Наркомзема на Съезде советов, говорится: «Придавая исключительное значение землеустройству, как основе правильного ведения сельского хозяйства, и отмечая, что ход землеустройства задерживается недостатком средств у населения и происходит медленно, поручить правительству разработать план землеустройства, рассчитанный на скорейшее разрешение всей землеустроительной задачи. Усилить кредитование рабочего землеустройства и сделать последнее более доступным малоземельной и бедняцкой части сельского населения».

Действительно, без разрешения этой первоочередной задачи мы не можем серьезно сдвинуться с места. Дальноземелье и чересполосица—эти остатки нашего феодального прошлого—мешают развитию нашего сельского хозяйства. Одно их исправление явится развязыванием пут, лежащих на нашем сельском хозяйстве. Вместе с этим землеустройство является показателем, в какой степени новые формы коллективного хозяйства пробивают себе дорогу.

Последние партийные и советские решения намечают определенный подход к делу землеустройства: не вводить никаких стеснений в выборе форм хозяйства и в частности не ставить препятствий к выходу на хутора и отруба. Действительно, приходится принять во внимание два крайне серьезных обстоятельства: 1) крайнее разнообразие сельскохозяйственных районов на пространстве СССР и 2) ненужность методов административного вмешательства в выборе форм хозяйства, так как само развитие и практика показывают населению, какие формы хозяйства являются наиболее целесообразными.

Мы имеем возможность экономическим путем и путем выявления преимуществ той или иной формы хозяйства влиять на ее создание. Анализ хода землеустроительных работ показывает, что эти формы определяются экономическими отношениями тех или иных районов. Единоличные хозяйства возникают в большинстве случаев в потребительских районах. Наоборот, коллективные формы хозяйства имеют место в наибольшей степени в производящих районах, где имеется бо́льшая возможность машинизации сельского хозяйства и организации совместного коллективного труда.

Громадная роль в деле поднятия нашего сельского хозяйства принадлежит мелиорации. Мы не можем, конечно, подробно останавливаться на этой специальной теме. К сожалению, должно констатировать, что этому делу уделяется все еще недостаточное внимание. Некоторый сдвиг произошел под влиянием последних засушливых лет. Но этот вопрос требует к себе более серьезного отношения. От решения его зависит в значительной степени качественное улучшение и расширение земельных угодий.

Наконец—машинизация сельского хозяйства. Она также недостаточна. По тем же данным ЦСУ в 1923/24 г. всеми крестьянскими хозяйствами (без Туркестана и Закавказья) было закуплено: сельскохозяйственных машин и орудий всего на 45 млн. рублей, это составляет около 2 руб. на хозяйство. Правда, тут действует сразу несколько фактов: недостаточная покупательная способность крестьянских хозяйств, сравнительно высокие цены и, наконец, недостаточное предложение с.-х. машин и орудий. Со всем этим необходимо повести самую энергичную борьбу. В нашем сельском хозяйстве мы должны насколько возможно шире применить работу машины. Только этим путем мы создадим условия для крупного сельского хозяйства и для перехода его на коллективные начала. Этого мы ни на одну минуту забывать не должны. На теперешней технике мы далеко не уйдем и без энергичного проведения машинизации наше крестьянское хозяйство превратится в маломощное хозяйство потребительского типа. В наступающий период у нас имеются условия для разрешения указанной задачи, и ее решить во что бы то ни стало нужно.

Успехи нашего сельского хозяйства начинают признаваться даже частью белой эмигрантской печати, вызывая в этом чахлом потустороннем мире своеобразную полемику.

В свет появились «Записки Института по изучению России» в Праге, кн. I. Черносотенная газета «Дни» помещает критический фельетон некоего А. Маркова по поводу «Записок Института» (№ 736). Автор

прежде всего критикует статью А. Н. Челинцева в этих «Записках». «А. Н. Челинцев нашел в Советской России вполне здоровую почву для развития с.-х. кооперации. Он, очевидно, убежден в прочности процесса восстановления сельского хозяйства, производящего, по его мнению, все большее и большее количество товарных излишков». И даже—о ужас! «Даже для 1924 года, следуя за советскими экономистами, автор отыскал на 1 400 млн. рублей товарной массы с.-х. продуктов, превышающей теперешнюю емкость внутреннего с.-х. рынка и нуждающейся в размещении на иностранном рынке». В заключение автор сетует: «Нам кажется непростительным для такого крупного специалиста, как А. Н. Челинцев, исходить в своих построениях из подобной оценки состояния сельского хозяйства. Едва ли можно преподносить читателям трудов Института изучения России такие «изучения». Эта заботливость о своих читателях особенно хорошо звучит на страницах этой специализировавшейся на всякого рода вымыслах черносотенной газеты. Но подвел, оказывается, не только Челинцев, но и Пешехонов. И его, оказывается, «изучение» привело к выводам, которые приводят в ярость фельетониста черносотенных «Дней». «На каком основании,—спрашивает он,—автор утверждает, что советская власть напрягла все усилия, чтобы увеличить свои ассигнования на народное хозяйство», что послужило для автора основанием сообщить читателю, что «национализированная промышленность как будто становится на свои ноги и даже обещает давать доход уже в недалеком будущем?» В заключение опять печальный вывод: «нельзя поэтому не пожалеть, что в общем очень нужная статья А. В. Пешехонова страдает такими недостатками». Так факты нашего развития больно бьют наших противников.

Развитие сельского хозяйства ставит перед нами ряд новых политических проблем в деревне. С чем должна считаться наша политика в деревне и что нуждается в особенно внимательной оценке, так это те изменения в соотношении сил в деревне, какие происходят и будут происходить в дальнейшем на основе подъема нашего народного хозяйства. К этому вопросу необходим максимум внимания.

Дифференциация в деревне является фактом, которого, конечно, никому в голову не приходит отрицать. В настоящее время вся масса крестьянских дворов распадается приблизительно на следующие три основных группы: около 10 миллионов крестьянских хозяйств составляют бедняцкие хозяйства. Это составляет приблизительно около 40% всех крестьянских хозяйств. От 11 до 12 миллионов мы имеем середняцких хозяйств, составляющих около 51% всех крестьянских хозяйств, и, наконец, около миллиона мы имеем буржуазно-кулацких

крестьянских хозяйств, составляющих около 4%. Конечно, по отдельным районам это соотношение сил изменяется; в районах производящих процент буржуазно-крестьянских хозяйств силью увеличивается и достигает 10—12% и, наоборот, процент бедняцких хозяйств падает. Эта дифференциация углубляется процессом развития. Действительно, та часть крестьянства, которая имеет лучшие средства производства и товарные излишки, лучше и быстрее использует благоприятную экономическую конъюнктуру, чем та, которая таковых не имеет.

Это обстоятельство мы должны учесть в дальнейшей политике. С ним мы должны считаться при намечении мероприятий в нашей налоговой политике, кооперативной, торговой и т. д. Как правящая партия, мы должны в нашей политике учитывать эти различия в области интересов и в направлениях развития различных групп и слоев сельского населения, не подходя с одним шаблоном и мерилом, используя государственную власть и государственный аппарат в сторону такого регулирования развития экономической и политической деятельности этих слоев сельского населения, которое отвечало бы интересам общего подъема страны и общего ее развития.

Поэтому когда мы строим, например, нашу налоговую политику, то мы освобождаем довольно значительную часть бедняцких хозяйств совсем от налогов, а в отношении остальных крестьянских хозяйств устанавливаем определенную пропорциональность обложения. Подобного рода политика, несомненно, кардинально отличается от той политики, которая не замечает и не хочет считаться с подобного рода подходом к различным слоям населения со стороны государственной власти. Для примера мы можем привести хотя бы ту постановку этого вопроса, какую в 1922 году давал журнал «Экономист», который являлся ярким выразителем буржуазных и мелкобуржуазных взглядов в экономических вопросах. По вопросам политики в деревне этот журнал считал необходимым держать курс на буржуазного крестьянина. Поэтому в государственных мероприятиях он рекомендовал «равномерность», в частности в отношении налогового бремени. Ясно, что эта «равномерность» на деле означала бы переложение всей тяжести на бедняцкие и середняцкие массы. В № 3 этого журнала в статье: «О предпосылках реальной экономической политики» П. Чубутского говорится: «ставку надо ставить не на убогого, а на крепкого и сильного...» И дальше: «государство должно иметь мужество прямо заявить, что условия момента налоговой области диктуют ему чисто фискальные цели и что оно временно вынуждено отказаться от социально-политических задач. Не

может быть ничего худшего, как преследовать фискальные цели под видом разрешения социально-политических проблем. В этом случае страдают и те и другие, и налог превращается в губительную для производства экспроприацию. Государство требует установления налогов и в особенности натурального в самой простой форме (чисто подесятинной форме) без примеси какой бы то ни было прогрессивности. Всякая подобная примесь при указанных нами условиях явится наказанием для трудолюбивого и премией для ленивого, тогда как интересы повышения производительности требуют именно обратного» (курсив мой.—*В. М.*).

Таков типичный мелкобуржуазный подход к современной политике в деревне. Точно такая же ошибка и коренная неправильность могут быть совершены и по вопросу о кооперации, если не принять во внимание существующей диференциации в деревне. Например, перенесение всего центра тяжести кооперативного строительства только на организацию сбыта означало бы по существу ставку только на середняцкую или даже на зажиточную часть сельского населения. Обратная постановка вопроса требует, наоборот, разнообразных форм кооперирования и вовлечения в кооперацию различных слоев населения. Нельзя с одним и тем же методом кооперирования подходить к крестьянину-бедняку и к зажиточному крестьянину. Формы кооперирования бедняцкой части населения, естественно, будут направляться в сторону организации его производства, организации для него сельскохозяйственного кредита, организации коллективных форм ведения его хозяйства. Наоборот, вовлечение в кооперацию зажиточной части крестьянства будет базироваться главным образом на организации сбыта его товарных излишков и на организации операций по вкладам. Но при различном подходе должно быть выдержано основное направление нашей политики: на основную массу крестьянства—середняцкого и бедняцкого крестьянства.

Классовая борьба в деревне не исчезла, существует. На это мы не должны закрывать глаза и замазывать этот факт. В переходную эпоху она неизбежно должна существовать, и, конечно, нелепо думать, что мы уже находимся в том периоде, когда классовые различия перестают играть свою роль. Исчезновение классов, точно так же как исчезновение государственной власти, факт еще очень отдаленного будущего. Но также было бы крайне неправильно полагать, что та классовая борьба, которая имеется в условиях диктатуры пролетариата, носит тот же характер, как и в условиях капиталистического строя.

И та и другая позиция ошибочна.

Первая в своей основе является по существу мелкобуржуазной выразительницей интересов зажиточного буржуазного крестьянства. Это тот «кулацкий уклон» в нашей партии, на который было обращено внимание на бывшей XIV парт-конференции.

Вторая точка зрения, переносящая методы борьбы из прошлого, не учитывает особенностей современного момента—факта диктатуры пролетариата,—извращает по существу настоящее положение, его задачи и перспективы его развития.

Тов. Зиновьев в своем выступлении на фракции III Съезда советов дал совершенно правильную постановку вопроса, сказав, что «классовая борьба в деревне есть и будет продолжаться. Мы должны ее видеть. Мы не будем «нейтральными» в ней. Мы хотим итти с бедняком и середняком, т. е. с огромным большинством деревни против кулака. Мы хотим изолировать кулака, но только не административным давлением, а путем хозяйственным. «Разжигать классовую борьбу» в деревне без оглядки нам сейчас незачем».

Остановимся хотя бы вкратце на тех «уклонах» в нашей партии, которые в настоящее время имеются, но которые тем не менее, надо полагать, будут изжиты, для чего и необходимо вскрыть ясно их ошибки.

«Кулацкий уклон» заключается в замазывании классовой дифференциации в деревне и роли кулачества. Конечно, явной кулацкой теории в наших рядах не имеется, но имеется именно уклон к этому. Уклон заключается во взятии курса на «зажиточного крестьянина». Развитие производительных сил в деревне приводит естественно к тому, что будет развиваться зажиточный слой крестьянства, владеющий крупным хозяйством и прибегающий к наемной силе. Это буржуазное крестьянство, кулаческое крестьянство мы отнюдь, именно в интересах развития нашего хозяйства, не должны стеснять в административном порядке. Если бы мы стали на этот путь, это было бы, несомненно, крупнейшей ошибкой, которая совершенно напрасно наносила бы ущерб развитию производительных сил в деревне.

Но мы, признавая это, вместе с этим не должны закрывать глаза и делать неверную оценку социального характера этого слоя крестьянства, этого буржуазного слоя крестьянства. Отношение к этому слою крестьянства должно быть такое же, как и к частному предпринимателю в городе. Как частного предпринимателя в городе, так и крупного буржуазного крестьянина в деревне мы не должны стеснять административно, но курса на него мы также не должны держать. Мы его не запрещаем и даем ему развиваться, но стараем-

ся развить наши формы хозяйства и вступаем с ним в экономическую конкуренцию. Часть же наших товарищей, поняв задачу развития производства в сельском хозяйстве, не поняли одновременно сложности социальных отношений в деревне, возникших именно на почве этого развития, и стараются извратить объективное положение дел, представляя дело так, что понятие «зажиточный крестьянин» это отнюдь не то же самое, что «кулак», и начинают «клониться в сторону именно этого зажиточного крестьянина, прибегающего к наемной силе, богатеющего за этот счет по всем правилам и законам политической экономии, и держат по сути дела «кулацкий курс».

В своих выступлениях на XIV партконференции и на пленуме ЦК ряд товарищей так характеризовал этот «кулацкий уклон»:

Бухарин.—«У нас в партии есть товарищи, которые настроены таким образом: что вы там болтаете о всяких социализмах в деревне? У вас будут развиваться самые настоящие капиталистические отношения, как это ни неприятно, «и больше ни чортушки». Правильно ли это? Я считаю, что это неправильно. Теоретически это неправильно, практически мы можем обозначить это как «кулацкий уклон». Эти товарищи не понимают, какое значение имеет пролетарская диктатура; они представляют себе развитие капиталистических отношений—и только. Как будто у нас не было и нет никакой пролетарской диктатуры; как будто у нас нет ВСНХ, который находится в руках пролетарской власти; как будто у нас нет банковской системы, сельскохозяйственного кредита и т. д... «Ставка на кулака» или даже «ставка на зажиточного» означает развязывание кулацкого хозяйства—и больше ничего. А то, что сейчас предполагается делать, и то, что я попытаюсь обосновать, заключается в том, чтобы этот процесс «развязывания» использовать для поддержки и финансирования—чего? Антикапиталистического элемента (объективно антикапиталистического) в деревне, на который мы ставим действительную ставку. Если мы спросим, на что мы ставим свою ставку в деревне, то мы должны ответить: на рост социалистических элементов хозяйства».

Рыков.—«Мне кажется, что совершенно неправильной является попытка противопоставления зажиточного, богатого крестьянина кулаку. Вести дискуссию в таком разрезе значит заниматься схоластикой. Точной грани здесь провести невозможно, и видеть в таком противопоставлении разрешение важнейшего политического вопроса значит сеять враждебные и опасные иллюзии... Позвольте привести одну цитату из сочинений В. И. Ленина: «То обычно народническое воззрение, по которому «кулак» и «хозяйственный мужик» представляют собой

не две формы одного и того же экономического явления, а нечем между собой не связанные противоположные явления,—это воззрение решительно ни на чем не основано. Это один из тех предрассудков народничества, которого никто даже и не пытался нигде доказать анализом точных экономических данных. Данные говорят обратное: нанимает ли крестьянин рабочего для расширения производства, торгует ли крестьянин землей... или бакалейными товарами, торгует ли он коноплей, сеном, скотом и пр. или деньгами (ростовщик), он представляет собой один экономический тип—операций, где сводятся в своем основном к одному и тому же экономические отношения». Вот мнение т. Ленина по интересующему нас в настоящее время вопросу. Под экономическим отношением он понимал присвоение чужой прибавочной стоимости».

Молотов.—«Следует прежде всего отметить, что у нас имеются в настоящее время опасности и искажения правильной партийной линии при проведении в жизнь намеченной теперь основной стратегической линии партии в крестьянском вопросе. Эти искажения или извращения партийной линии, т. е. революционной пролетарской политики по отношению к деревне, могут найти самые разнообразные отражения. Остановлюсь вкратце на этом. Я получил к своему докладу ряд материалов от различных товарищей, работающих в кооперации, Наркомземе и т. п., и должен отметить, что нередко главное внимание товарищи сосредоточивают на так называемой «психологии крестьянина» и при этом обычно всячески утверждают и убеждают, что нужно считаться с этой «психологией» и что та или иная мера, ну, скажем, лимиты, не считается с «психологией» мужика. Ставя вопрос таким образом приспособительно к «психологии» мелкого собственника, нетрудно скатиться с ясной марксистской точки зрения на такую позицию, которую можно назвать идеалистической или какой хотите, но во всяком случае не четко марксистской. Конечно, с другой стороны, опасны бестактность и безрассудное нежелание считаться не только с психологией мужика, а и с тем, что реально стоит за этой «психологией» мужика, т. е. экономическими интересами мужика. Но именно по этой последней причине будет более правильно, если мы будем поменьше говорить о «психологии» мужика и побольше говорить об экономических интересах основной, т. е. середняцкой и бедняцкой, массы в деревне».

Тов. Ларин, критикуя этот «кулацкий» уклон, также указал, что в «их произведениях» и в разных их статьях «вы можете найти разные точки зрения на этот предмет. Так, вы найдете утверждение, что в деревне расслоения нет, что, наоборот, происходит нивелировка, на что было указано в брошюре т. Смирнова». Таковы характерные черты этого «кулацкого» уклона, который, несмотря на свое в настоящее

время незначительное развитие, все же может принести вред нашей политике и дать неверное направление, если не будут приняты меры к исправлению этого уклона.

Старый уклон механически переносит условия классовой борьбы капиталистической деревни в советскую. Тов. Бухарин вполне прав в своем выступлении, указывая, что «наша классовая борьба протекает в значительной мере в совершенно других формах и наша линия должна заключаться в том, что мы эти специфические формы должны усилять за счет прежних способов классовой борьбы. Почему это происходит? По той простой причине, что даже батрак, который работает у кулака и им эксплоатируется, находясь под кулаком, как член правящего класса до известной степени стоит над кулаком и поэтому через наше законодательство может диктовать кулаку—«своему хозяину»—свою классовую волю в целом ряде оригинальнейших форм: у нас есть договоры, у нас есть профсоюзы, у нас есть рабочее законодательство, у нас есть налоговое обложение, у нас, наконец, есть кредитная политика. Как мы будем вести и организовывать классовую борьбу? Конечно, борьбой за наши политические кандидатуры при выборах...» «Но есть и другие формы классовой борьбы, о которых нельзя забывать, и которые составляют на целый исторический период в значительной мере существо дела. Когда мы обкладываем кулаков больше, чем остальных, и когда финансируем середняка, что мы делаем? Мы ведем в известном смысле линию на нивелирование крестьянства; поднимаем середняка и бедняка, ему помогаем, превращаем его из бедняка в не-бедняка...» «Это есть форма классовой борьбы. Здесь от формы прежней классовой борьбы (механическое «вышибание зубов») центр тяжести переносится на эти новые формы классовой борьбы, которые возможны только при диктатуре пролетариата. В этом и состоит особенность всего момента нашей политики». На этом останавливался и т. Зиновьев, указав, что «если давать лозунг расширения классовой борьбы, тогда мы должны распрощаться с идеей, что мы сумеем усилить развитие производительных сил в деревне и вообще осуществить ту программу, которую мы наметили».

Несомненно, что этот второй уклон преувеличивает роль кулацкого элемента в деревне и недооценивает роль новых форм—советских, экономических, кооперативных—в деревне.

На этих ошибочных уклонах мы должны учиться тому, как нужно итти по правильному пути. «Уклон» же нужно использовать для того, чтобы знать, куда не надо уклоняться. Основным вопросом для нас был и останется вопрос о вовлечении массы населения в дело административной и хозяйственной деятельности.

Опасность бюрократических заболеваний, отрыва от жизни и деятельности масс наших партийных, советских и кооперативных органов должна нами всегда учитываться, и борьба с этой опасностью не должна ослабляться. Не подлежит сомнению, что в случае отрыва от масс наших органов для советской власти была бы создана самая серьезная, непосредственная опасность.

Кампания по оживлению деятельности советов, твердый курс по развертыванию действительно общественной работы кооперации и устранение административного вмешательства наших местных органов в ее работу говорят за то, что в этом направлении мы движемся, несомненно, вперед.

Данные о перевыборах в советы и последние данные по кооперации уже дают показатели более широкого и активного участия со стороны массы населения в советской и кооперативной работе, что в значительной степени гарантирует способность наших органов правильно отражать потребности рабочих и крестьянских масс, а следовательно, и с большей точностью и гибкостью на них реагировать и отвечать.

На XIV партконференции по докладам тт. Рыкова и Молотова даны определенные директивы нашим низовым партийным органам—избегать административного вмешательства в деятельность выборных органов кооперации и советов и содействовать привлечению беспартийных в работу советских и кооперативных органов.

Вовлечение беспартийных не только даст непосредственные фактические результаты в смысле привлечения новых сил к работе, но и, наоборот, сама советская и кооперативная работа явится той школой, которая выдвинет массу новых работников для строительства новых социалистических форм в деревне.

Какой наивностью звучат в этом отношении предположения белогвардейской печати, что этим шагом мы неизбежно ослабляем себя. Эти господа не понимают, что бытие советской жизни вырабатывает новый тип работника, нашего советского работника, который строит новую жизнь города и деревни.

Но при осуществлении этой необходимой для нас работы мы считаем необходимым осветить некоторые факты, которые показывают, что на местах, к сожалению, эту вполне правильную директиву поняли неверно и начали перегибать палку в другую сторону. А именно—деревенские партийные организации кое-где поняли невмешательство административного характера и необходимость вовлечения беспартийных как самоустранение от участия в работе кооперативных и советских органов и необходимость уменьшения своего влияния на общественную работу.

Это, конечно, совершенно неправильный и в корне ошибочный подход к проведению намеченной политики.

Вот некоторые факты, сообщенные т. Хатаевичем на основании материалов, поступивших с мест в орграспред ЦК по поводу перевыборов советов.

В некоторых случаях «ячейки волкомов совершенно никак не проявляли себя на выборных собраниях... Во многих случаях ячейки волкомов, отвыкшие от массовой работы, очутившись на шумных, многочисленных, проходящих при большой активности участников собраниях... терялись и не пытались влиять на ход выборного собрания».

В ряде случаев низовые парторганизации настолько стушевывали свою линию, что не зачисляли даже своих кандидатов на волсъезде.

Даже московский губком сообщает: «Во время перевыборной кампании низовые парторганизации в ряде случаев не оказывали должного отпора различным выступлениям антисоветского элемента в деревне».

Все это говорит о действительно ошибочном и даже вредном непонимании политики, проводимой нами. Оно, повидимому, заключается в том, что товарищи не понимают, каким образом, изменяя методы и способы работы, мы не только не должны сокращать нашего участия и нашей партийной работы во всех сторонах жизни и деятельности деревни, но еще в большей степени увеличить и нашу работу и наше участие в ней.

Вся суть заключается в том, как это делать.

Ленин в 1922 г. на XI съезде партии говорил: «Мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого компартия не будет вести за собой пролетариат, а пролетариат не будет вести за собой массу, и вся машина развалится». И еще: «Он скажет:—«ты прекрасный человек, ты защищал нашу родину, мы тебя за это слушались; но если ты хозяйничать не умеешь, то поди вон». Да, крестьянин это скажет».

В этих словах выражено полностью то, что мы должны понять.

Сейчас коммунистам в деревне надо показать, что они л у ч ш е умеют понимать нужды крестьянства, лучше умеют работать, более честно и деловито, чем кто бы то ни было, и тогда влияние за ними, влияние за нашими деревенскими парторганизациями полностью будет обеспечено и будет возрастать. Не устраняться, а напротив—удвоить, утроить свою энергию и свою работу. Вот что нужно делать и это будет оценено. В тех же материалах, которые мы выше цитируем, мы находим, что в тех случаях, когда коммунисты зарекомендовали себя действительно дельными работниками, массы их охотно переизбирали и шли за ними.

В заключение остановимся на вопросе о командных высотах в деревне. В настоящее время командной высотой в деревне является ры-

нок, на котором происходит экономическая смычка между городом и деревней и на котором и ведется борьба различных форм хозяйственной деятельности. В этом отношении огромное значение для нас получает развитие кооперации во всех ее видах—сельскохозяйственной, потребительской, промысловой. Как мы говорили не раз, все дело заключается в том, в какой степени и мере кооперация сумеет справиться с поставленными ей задачами. Если она не сумеет справиться с ними, она, конечно, не оттрет частного торговца, лавочника или «буржуазного» крестьянина.

Командные высоты в промышленности, в финансовой области, в торговле не только у нас в руках, но, как это видно для всякого, они укрепились и быстро растут на наших глазах. В деревне нам нужно также закрепить командные высоты, чтобы обслуживать интересы основной массы крестьянства—середняцкой и бедняцкой. В отношении явно кулацких элементов, как мы говорили выше, должна быть проведена директива—не мешая административно их развитию, тем не менее экономически уметь конкурировать с ними и вместе с тем не пускать их в органы управления кооперативными организациями. Белогвардейские мечты за границей именно сосредоточиваются на захвате командных высот буржуазными элементами деревни. Так, например, «Руль» от 26 мая 1925 г. пишет: «Развитие в русской деревне капитализма и экономическое ее восстановление не могут не привести к завоеванию тех командных, хозяйственных и политических, высот, о сохранении которых за собой больше всего беспокоится советская власть»... Но эти надежды у господ из «Руля» и не только из «Руля», а и у кое-какой буржуазии покрупней, например у «европейской буржуазии», были и насчет развития нэпа в городе. Но действительность дала как раз обратные результаты, так как именно при нэпе экономическое укрепление и развитие товарооборота сильнейшим образом укрепили наши хозяйственные высоты, нашу госпромышленность, наши финансы, нашу торговлю.

Такой же самый процесс неизбежно будет происходить и в деревне при неуклонном и выдержанном проведении того курса, который намечен последними решениями. При расширяющейся хозяйственной базе в деревне, в условиях укрепления развития кооперации, держа в руках финансы, оптовую торговлю, пути сообщения, мы сможем закрепить и укрепить командные высоты в деревне.

Мы твердо помним, что развить социалистические формы хозяйства в деревне мы сможем, лишь идя к этой цели совместно с многомиллионной массой крестьянства и ясно видя пути, по которым должно итти его развитие.

На этом пути происходит развитие нашей политики в деревне.

V. К ИТОГАМ XIV ПАРТСЪЕЗДА

1. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

На XIV партийном съезде вопросы политики в деревне были важнейшими вопросами, и вокруг них шла борьба большинства съезда с оппозицией. Вопросы эти были поставлены т. Сталиным в его политическом отчете о деятельности ЦК, так как доклад о хозяйственном строительстве, который должен был сделать т. Каменев, съездом был снят ввиду расхождения докладчика с линией ЦК партии. После длительного обсуждения съездом намечена та принципиальная линия, которая должна лежать в основе нашей текущей экономической политики. Эти решения дают возможность ориентироваться в тех сложных отношениях, которые возникают в деревне в силу продолжающегося роста нашей экономики. Процессы накопления, диференциация, взаимоотношения сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства, роль нашего сельского хозяйства в области внешней торговли,—все это требует особенно углубленного анализа и принципиального подхода, с помощью которого только и могут быть найдены правильные практические ответы на встающие задачи развития деревни.

С другой стороны, усложненность современного развития деревни, ее роль и значение в общеэкономическом развитии представляют благоприятную почву для всякого рода правых и левых «уклонов» и «оппозиций». Если бы мы переживали о б ы ч н ы й процесс нашего экономического развития, то всякого рода «уклоны» вряд ли могли представлять из себя серьезную опасность и сравнительно легко изживались бы в процессе работы. Но дело в том, что настоящий момент является п о в о р о т о м в н а ш е й э к о н о м и к е, причем мы должны повернуть на крутой подъем всю нашу хозяйственную организацию, реконструируя техническую базу как промышленности, так и сельского хозяйства. В такие моменты партии необходимо иметь не только ясную, определенную линию, но и твердость и решительность в проведении соответствующей политики во всех областях народно-хозяйственной жизни. При таком положении всяким колебаниям и «оппозициям» должен быть положен предел.

Основными вопросами нашей политики в деревне, разрешенными съездом, были: вопервых, о промышленности и сельском хозяйстве (город и деревня), вовторых, о дифференциации крестьянства и о нашей политике в отношении кулака, середняка и бедняка и, втретьих, об общем направлении развития хозяйства и в частности сельского хозяйства. Таковы были главные вопросы, по поводу которых съезд принял ряд важнейших решений.

---

2. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Если мы проанализируем экономическое развитие последнего года, то что прежде всего бросится в глаза, это та частичная неудача, какую мы потерпели в хлебозаготовке. Конечно, известную роль сыграли метеорологические условия (сильные дожди, отчасти испортившие урожай, отчасти затянувшие его уборку и реализацию), а также известную роль сыграл просчет, совершенный ЦСУ и органами хозяйственного управления в отношении определения как общих размеров продукции сельского хозяйства, так и особенно товарной ее части.

«Весь хлебофуражный баланс,—заявил в своей речи тов. Рыков,—оказался неправильно рассчитанным. Тов. Каменев с Голендо со своим хлебофуражным балансом запутались. Все эти ошибки, известные теперь каждому члену партии, мы перепланировали, во-время не сигнализировали опасности и не изменили того, что нужно и можно было изменить немного раньше, чем это мы сделали на самом деле...»

По плану, как известно, предполагалось заготовить 12,75 млн. тонн хлеба: после выяснилось, что эту цифру приходится понизить до 10,55 млн. тонн. Все это количество хлеба, которое предполагается заготовить, больше того, какое было заготовлено в 1924/25 году, когда наша заготовка равнялась 5,27 млн. тонн. В 1925/26 году наша заготовка будет выше на 3,28 млн. тонн даже той удовлетворительной заготовки, которую мы имели в 1922/23 и 1923/24 гг., когда было заготовлено по 6,55 с лишком млн. тонн. Таким образом сама по себе эта цифра хлебозаготовки является все же рекордной за последние пять лет, но, тем не менее, хлебозаготовка, которую мы будем иметь в нынешнем году, на 3,28 с лишком млн. тонн ниже той, какую мы предполагали.

Ясно, само собой разумеется, какое сильное влияние это должно оказать на весь темп развертывания нашего хозяйства и на наш экспортно-импортный план.

Однако хлебозаготовительная кампания вскрыла не только недостатки нашего хозяйственного плана, но и более глубокие недостатки, лежащие в структуре всей нашей экономики.

Основным дефектом нашего хозяйства является диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. С течением времени, которое, разумеется, не может быть краткосрочным, мы должны преодолеть указанный дефект.

Тов. Сталин в своей речи, касаясь отношения промышленности и сельского хозяйства, сказал: «Мы все еще страна аграрная,—продукция сельского хозяйства преобладает над продукцией промышленности. Основное в промышленности состоит в том, что она уже подошла к пределу довоенных норм, что дальнейшие шаги в промышленности означают развертывание ее на новой технической базе, т. е. новое переоборудование, новое строительство заводов. Это—дело очень трудное. Перешагнуть сейчас через этот порог, перейти от политики максимального использования всего того, что было у нас в промышленности, к политике построения новой промышленности, на новой технической базе, на базе строительства заводов, переход через этот порог требует больших капиталов... Сельское хозяйство в отличие от промышленности может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Даже простое поднятие культурности крестьянина, грамотности, даже такое простое дело, как очистка семян, могли бы значительно поднять валовую продукцию сельского хозяйства...

В чем состоят наши задачи в связи с этим обстоятельством? Во-первых, в том, чтобы поднять нашу крупную госпромышленность во что бы то ни стало, преодолевая трудности, стоящие перед нами. Вовторых, чтобы поднять советскую промышленность местного типа... Для того чтобы можно было удовлетворить разнообразным вкусам и требованиям многомиллионного населения, необходимо добиться того, чтобы закипела промышленная жизнь в каждом районе, в каждой области, в каждом округе, в каждой губернии, национальной республике. Не развязав сил, таящихся на местах по линии хозяйственного строительства, не оказав всемерной поддержки местной промышленности, начиная с районов и округов, не развязав всех этих сил, мы не можем добиться того всеобщего подъема хозяйственного строительства в нашей стране, о котором говорил т. Ленин».

Как известно, валовая продукция промышленности у нас приблизительно в два раза меньше, чем валовая продукция сельского хозяйства. Недостаточное развитие промышленности является у нас наследием еще дореволюционного периода. Старая помещичья и капиталистическая Россия не видела в этом ничего плохого. Больше того, подобное поло-

жение отчасти отвечало даже требованиям господствующих классов. Они довольно легко допускали недостаточные размеры нашей промышленности, зависимость нашего хозяйства от иностранного капитала и нашей промышленности от промышленности капиталистических стран. Во время империалистической войны среди буржуазных ученых нашлись даже умники, которые видели в подобного рода положении даже преимущество перед другими капиталистическими странами с развитой промышленностью. Однако военная практика очень скоро разбила эти иллюзии.

Не видели в этом ничего худого и мелкобуржуазные направления: народники, эсеры и т. п., которые даже гордились этой отсталостью страны, придавая ей нечто провиденциальное и усматривая в этом положительные «особенности» России от остальной Европы.

Но после Октябрьской революции, с развитием производительных сил страны и в связи с теми взаимоотношениями, которые установились с окружающим капиталистическим миром, подобная отсталость нашей промышленности и диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством показали все отрицательные стороны подобного положения дел и с неуклонной необходимостью заставляют нас итти на преодоление диспропорции и на развитие промышленности.

Конечно, ни в эпоху военного коммунизма ни в восстановительный период нэпа эта диспропорция не могла так сказаться, как в настоящий наступающий строительный период. Уже 1925/26 год, являющийся годом переходной политики от восстановительного периода к строительному, дал почувствовать опасность подобного положения.

Последствия недостаточных размеров нашей промышленности самым тяжелым образом сказались на общем положении народного хозяйства и в особенности на состоянии нашего внутреннего рынка. Стимулом для развития сельского хозяйства, стимулом для производства товарных излишков и выбрасывания их на рынок является, само собой разумеется, только тот товар, который крестьянин может получить в обмен на свой хлеб. Повторяем, недостаточному предложению хлеба на рынке способствовал целый ряд обстоятельств экономического характера, в частности, например, изменение размера налога, и целый ряд других поводов, который ослабил побуждающую силу, заставляющую крестьянина выбрасывать свои товарные излишки на рынок. Но в основе все же лежит факт недостаточного предложения промтоваров на рынок.

По подсчетам Наркомвнуторга, приблизительно на 500 млн. рублей мы не можем покрыть покупательной способности крестьянина в 1925/26 году предложением товаров. Это означает товарный голод на

крестьянском рынке и в смысле предметов личного потребления и в смысле предметов производственного потребления: машин, сельскохозяйственных орудий, сел.-хоз. инвентаря и т. п. Крестьянину не для чего продавать свой хлеб, раз он не может купить того, что ему требуется, а поэтому он и предпочитает делать запасы натурой, а не вывозить свою продукцию на рынок.

Точно так же результатом этой диспропорции является и расхождение цен на продукты сельского хозяйства и на продукты промышленности. Правда, нам удалось в значительной степени победить опасность пресловутых «ножниц» путем твердого проведения оптовых цен на промышленные товары. Но, тем не менее, эта опасность над нами висит, сплошь и рядом прорываясь, особенно в области розничных цен, которые, несмотря на понижение оптовых цен, продолжают нарастать, сводя на-нет нашу политику в области снижения оптовых цен. С этим злом нам придется бороться в нашей текущей экономической политике, но чтобы побороть его, нам необходимо опять-таки побороть эту диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством и довести нашу промышленность до таких размеров, чтобы она удовлетворяла покупательную способность населения. Опасность экономического конфликта между городом и деревней лежит именно в этом обстоятельстве.

Кто не понимает этого, тот не понимает центральной задачи нашей экономической политики на весь предстоящий нам период.

Поэтому наша партия вполне своевременно выдвинула этот вопрос в области экономической политики на первое место.

Серьезная борьба со всякого рода большими и малыми кризисами в нашей экономике может быть проведена только при разрешении этой задачи, при наивозможном расширении, укреплении и развитии нашей промышленности, при изживании диспропорции сельского хозяйства и промышленности, при превращении нашей страны из аграрной в промышленно-аграрную страну.

Крестьянству мы должны объяснить, что в интересах дальнейшего развития сельского хозяйства, в интересах дальнейшего удовлетворения его потребностей необходимо раньше всего развитие нашей промышленности. Только в таком случае он будет получать соответствующее количество товаров за свою продукцию, только в таком случае он будет иметь соответствующие цены на продукты

сельского хозяйства, только в таком случае ему можно победить товарный голод на рынке, только в таком случае мы можем двинуть действительно вперед развитие производительных сил страны.

Наконец борьба за развитие нашей промышленности выдвигает и другую кардинальнейшую задачу: ослабление нашей зависимости от окружающих капиталистических стран. Только постановкой нашей промышленности на уровень промышленности передовых капиталистических стран мы сможем развязать себе руки для более свободного экономического творчества. В наследство от прошлого мы получили слабо развитую промышленность, которая в то же время за весь предшествующий период находилась почти в полной зависимости от окружающих капиталистических стран, смотревших на необъятную Россию, как на своего рода колонию, которую они используют в своих интересах.

Наша задача состоит в достижении такой степени развития производительных сил, в таком экономическом строительстве, при котором мы могли бы развиваться независимо от той политики, которую могут к нам применить те или иные капиталистические страны.

Конечно, это опять-таки не означает, что мы не понимаем всей важности, всей ценности взаимоотношений с окружающими капиталистическими государствами, которые в области техники значительно впереди нас.

Мы прекрасно понимаем, что в XX столетии мы не можем вести изолированное хозяйство, но это отнюдь нисколько не нарушает того основного положения, которое мы выставляем в отношении нашего хозяйства—стремиться достигнуть технического уровня передовых капиталистических стран, догнать их, с тем чтобы в дальнейшем перегнать. Поэтому мы должны бороться с нашей отсталостью, с нашими дефектами в народном хозяйстве,—иными словами, перед нами опять-таки с этой стороны выдвинута задача развития нашей промышленности, достижения большей органической целостности и единства нашего хозяйства.

В своем докладе т. Сталин следующим образом формулировал эту крайне важную для нашего хозяйственного строительства проблему. Мы считаем необходимым привести указанное положение целиком. «Мы работаем и строим в обстановке капиталистического окружения. Это значит, что наше хозяйство и наше строительство будут развиваться в противоречии, в столкновении между системой нашего хозяйства и хозяйства капиталистического. Этого противоречия нам не избегнуть никак. Это есть рамки, в пределах которых должна протекать борьба двух систем: системы социалистической и системы капиталистической.

Это значит, кроме того, что наше хозяйство должно строиться не только в его противопоставлении вовне хозяйству капиталистическому, но и в противопоставлении различных элементов внутри нашей страны, в противопоставлении социалистических элементов элементам капиталистическим.

Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была окружена и включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся главным образом на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны.

Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует, по сути дела, свертывания нашей индустрии. Она получила свое выражение недавно в тезисах т. Шанина (может быть, кто-нибудь читал их в «Экономической жизни»). Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда или почти никогда не могла бы по-настоящему индустриализироваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства. Это не наша линия.

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке,—страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства.

Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мирового капитализма. Другое дело, когда победит революция в Германии или Франции или в обеих странах вместе, когда там начнется социалистическое строительство, на более высокой технической базе. Тогда мы от политики превращения нашей страны в самостоятельную экономическую единицу перейдем к политике включения нашей страны в общее русло социалистического развития. Но

пока этого еще не произошло, нам абсолютно необходим тот минимум самостоятельности для нашего народного хозяйства, без которого невозможно будет уберечь нашу страну от хозяйственного подчинения мировому капиталу».

Следовательно, основной проблемой нашей экономической политики в настоящее время, в настоящий период, является развитие нашей промышленности и постепенное изживание диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. Только при этом условии мы можем избежать тормозов в деле развития производительных сил страны, всякого рода кризисов как во внутренней, так и во внешней экономической жизни.

Оппозиция на съезде не поняла этой основной проблемы. Правда, приходится оговориться, что в данном случае трудно было бы говорить о мнении и взглядах всей оппозиции, так как вполне верно, что положительной программы, положительных требований оппозиция, как таковая, не заявила. Но один из лидеров оппозиции, т. Сокольников, в своей речи да и раньше неоднократно выдвигал другую линию—линию, которая по существу совпадала с той, которую освещал т. Шанин в «Экономической жизни» и которую т. Сталин охарактеризовал как не нашу линию, а такую, которая ведет страну к зависимости от внешнего рынка и от промышленно-капиталистических стран. Ошибка оппозиции, в частности ошибка тт. Сокольникова и Каменева, заключалась в том, что они к нашим законам экономического развития, к законам переходного периода от капитализма к социализму, подходили с мерками и методами капиталистического развития.

Тов. Сокольников в своей речи говорил: «И вся наша система хозяйства, поскольку она связана с товарным хозяйством, поскольку она связана с системой кредита, поскольку она насквозь пропитана денежными отношениями, она связана с этими элементами довоенного капиталистического хозяйства». И он спрашивает: «Разве не ясно всякому, что те вовсе немалые уроны, которые мы потерпели на нашем хозяйственном фронте, начиная с этой осени, что все эти уроны идут как раз по линии переоценки зрелости, переоценки возможностей для нас, для государственного хозяйства руководить всем народным хозяйством уже теперь? Именно по этой линии идут наши затруднения, именно от этого мы имели ряд частных кризисов, которые нас бьют и продолжают бить теперь. И было бы по меньшей мере странно, если бы мы в самом деле стали на такую точку зрения, которая неизбежно вытекает из неправильного анализа структуры нашего хозяйства, которая подводила бы теоретический фундамент под эти ошибки как раз тогда, когда мы на практике убедились, как нас бьют эти ошибки».

На заседании Эмиссионного совета и Правления Государственного банка, отчет о котором опубликован 1/XII 1925 года в «Правде», т. Сокольников заявил по поводу диспропорции промышленности и сельского хозяйства: «Каждый раз,—сказал он,—находится достаточно охотников на каждом конъюнктурном колебании цен строить какую-нибудь более или менее широковещательную теорию. В этой области есть одна, ставшая теперь довольно модной, точка зрения, против которой нужно решительно возражать. Эта точка зрения покоится на утверждении, что нынешний товарный голод является выражением «плачевной» диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством в нашей стране... В действительности никакая диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством на внутреннем рынке к товарному голоду привести сама по себе не может. Более быстрое развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью никоим образом не может быть и бичом хозяйственного развития страны, а, наоборот, является основным условием для более быстрого хозяйственного развития. Противоречия между уровнем, достигнутым промышленностью, и сельским хозяйством должны разрешаться выходом на внешний рынок и реализацией излишков сельскохозяйственного сырья на внешнем рынке для организации капиталистического импорта в страну.

Таким образом, т. Сокольников по существу продолжил традиции буржуазных взглядов дореволюционной России, находя разрешение противоречий, которые порождает диспропорция сельского хозяйства и промышленности, в выходе сельского хозяйства на внешний рынок,—иными словами, он полностью подтверждает ту характеристику, которая дана т. Сталиным относительно той генеральной линии, которая состоит в том, что наша страна никогда или почти никогда не могла бы по-настоящему индустриализироваться и стать самостоятельной единицей, опирающейся на внутренний рынок, и должна была бы быть придатком общей капиталистической системы. Являлся ли взгляд т. Сокольникова взглядом всей оппозиции, мы затрудняемся сказать, но во всяком случае т. Сокольников явился одним из лидеров оппозиции, и никто из выступавших от оппозиции не отмежевался от этой экономической платформы, которая была развита т. Сокольниковым в его речи.

Таким образом, в этом основном и кардинальном вопросе оппозиция на съезде находилась на ошибочной позиции, противоречащей интересам экономического развития СССР и делу социалистического строительства.

XIV партийный съезд учел эту линию и дал вполне определенное направление для нашей экономической политики в этом важнейшем вопросе.

«Во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения перевеса социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение под ее руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства...

Развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями...

Всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика), всячески стимулируя местную инициативу в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянства в особенности. Поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства».

Такова линия, данная съездом в этом самом остром вопросе нашей экономики.

---

3. НАША ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КУЛАКА, СЕРЕДНЯКА И БЕДНЯКА

При определении нашей политики в отношении различных слоев крестьянства нам приходится исходить из оценки общих процессов дифференциации крестьянства. Вопрос классового расслоения деревни является старым вопросом, детально разработанным в предыдущий период марксизмом и ленинизмом. Однако в отношении процессов, происходящих в деревне в условиях диктатуры пролетариата, приходится сказать то же самое, что и в отношении процессов, происходящих в городе, а именно, что в деревне как экономические, так и общесоциальные процессы в переходный период от капитализма к социализму также отнюдь не являются теми же по своему содержанию, характеру и формам, какими они бывают в условиях капитализма. Дифференциация крестьянства в условиях капитализма заключается в том, что крайние группы, т. е. кулачество и вообще буржуазное крестьянство, с одной стороны, а с другой стороны, бедняцкая, полупролетарская часть деревни растут за счет средней группы, которая как бы вымывается направо и налево. Бедняцкая часть деревни в капиталистических условиях, в условиях конкуренции, под гнетом налогов буржуазного строя,

опутанная сетью капиталистических отношений, неуклонно ведется к разорению, к лишению средств производства, к закабалению и, наконец, к обезземеливанию. С другой стороны, буржуазное крестьянство и кулацкая часть крестьянства постепенно переходят из стадии мелкобуржуазной в среднебуржуазную. В основе процессов дифференциации лежат законы развития капиталистических отношений и капитализации сельского хозяйства. Процессы концентрации земли, концентрации средств производства и обмена, происходящие в условиях товарных отношений, дают те же результаты, что и в области капиталистической промышленности: мелкие предприятия разоряются и погибают и постепенно побеждают крупные хозяйственные предприятия. Этому же отвечает и общая капиталистическая политика господствующих классов помещиков и капиталистов.

Можем ли мы подойти к процессам дифференциации нашей советской деревни с теми же мерками, с какими мы подходим к процессам дифференциации в капиталистическом строе? Само собой разумеется, нет. У нас в деревне, как и в городе, элементы капитализма и элементы социализма имеются в наличности уже в настоящее время, и общий процесс развития как в хозяйстве, так и в социальных отношениях в деревне определяется особыми законами и условиями развития всей нашей экономики переходного периода в условиях диктатуры пролетариата, направляющейся к установлению социализма. Конечно, элементы капиталистические в деревне значительно б о л е е с и л ь н ы в настоящее время, чем в городе. Проявление законов товарного обращения в условиях мелкого крестьянского производства дает и усиление капиталистических тенденций форм развития в деревне. Но было бы ошибочно если бы мы видели только одну, капиталистическую, сторону развития деревни, но не видели бы другой, социалистической, стороны совершающихся процессов. Отличительные условия существования нашей деревни от условий буржуазной деревни заключаются в следующем: вопервых, налоги и вообще всякая налоговая система имеют обратное направление, чем в капиталистических условиях. Налоги распределены таким образом, что от них почти совершенно освобождена бедняцкая часть деревни, они значительно слабее ложатся на середняцкую часть, чем на зажиточную, кулацкую. Это первое, существенное отличие. Второе—благодаря национализации земли, благодаря тому, что земля по существу исключена из товарного обращения, процессы обезземеливания у нас в деревне могут происходить лишь в ничтожных размерах. Втретьих, в области рыночных отношений, организации сбыта, снабжения крестьянства вся наша политика направлена в сторону наибольшего благоприятствования для бедняцкой и середняцкой массы крестьян-

ства. В совокупности этих условий самые процессы дифференциации начинают происходить другим путем. Экономический подъем деревни у нас происходит в основном не за счет кулацкой части, а (учитывая как крестьянское сельское хозяйство, так и другие отрасли крестьянского хозяйства и доходы от продажи рабочей силы крестьянства) за счет подъема (основной середняцкой и бедняцкой) массы деревни. Имеющиеся данные о росте посевной площади, росте скота, об увеличивающемся количестве сельскохозяйственной продукции говорят именно, что благосостояние основной массы крестьянства за последние годы нэпа значительно возросло. В этом смысле мы имеем на деле осуществление того принципа, который положил тов. Ленин в основу нашей политики в деревне, говоря, что мы к социализму должны двигаться со всей многомиллионной массой деревни, на практике, на деле доказывая преимущество нашего строя перед буржуазным. Середняцкая масса деревни у нас была и остается, несмотря на процесс дифференциации, основной силой; в экономическом отношении она не только не вымывается, не только не ослабевает, но, наоборот, экономически растет, усиливается, часть бедняцких слоев переходит в середняцкий. Именно поэтому наша ставка в деревне—прежде всего на середняцкую массу.

В своем докладе т. Сталин вполне правильно заявляет: «Так как мы осереднячили деревню в результате аграрной революции, так как середняк составляет большинство в деревне, несмотря на процесс дифференциации, а наша строительная работа и ленинский кооперативный план требуют вовлечения в это дело основной массы крестьянства, то политика с середняком является в условиях нэпа единственно правильной политикой».

Наша политика в отношении основных групп крестьянства, как она выразилась на XIV партийном съезде, осталась прежней. Но, вне всякого сомнения, с этого съезда мы ушли с большей конкретизацией, с большей ясностью постановки вопроса, именно в настоящих конкретных условиях экономической и политической жизни, чем это было до сих пор. Ошибочное и неправильное толкование нашей политики получило свою критическую оценку как в речах отдельных товарищей, так и в решениях этого съезда.

У нас, как известно, в партии имеются два уклона: первый уклон—который преуменьшает кулацкую опасность (а некоторые товарищи договариваются даже до отрицания в России существования кулака), и другой уклон—который недооценивает роли середняка и, наоборот, преувеличивает опасность кулака. Эти оба уклона, как это, может быть, ни покажется странным, в основе имеют, несомненно, мелкобур-

жуазную подоплеку. Недооценка кулака—это по существу закрывание глаз на существование в деревне буржуазного крестьянства, на существование в деревне капиталистической тенденции, потакание буржуазным элементам деревни. Бессознательно товарищи, придерживающиеся таких взглядов, отражают мелкобуржуазные и буржуазные интересы верхушек деревни. Правда, часто эти взгляды ищут для себя обоснования в интересах развития производительных сил деревни. Ошибка их заключается именно в том, что развитие производительных сил деревни они видят в усилении только кулака и зажиточного крестьянства, а не в экономических успехах основной массы крестьянства—середняцкой и бедняцкой. Другой уклон, уклон переоценки кулацкой опасности и недооценки роли середняка, заключает также в себе мелкобуржуазные тенденции, ибо он на процессы в деревне смотрит с точки зрения развития капиталистических отношений и механически переносит значение роли кулака в условия советской деревни, и неизбежно эта переоценка опасности кулака приводит к недооценке роли середняка и к введению мероприятий, которые имели значение в условиях буржуазной деревни, а не нашей советской деревни. Какой из этих уклонов хуже? «Нельзя так ставить вопрос,—отвечает т. Сталин.—Оба они хуже. И если разовьются эти уклоны, они способны разложить и загубить партию. К счастью, у нас в партии есть силы, которые могут отсечь и первый и второй уклоны». Но на практике ошибку легче сделать именно в области второго уклона, так как установление положительной политики в отношении середняка, установление системы мероприятий, которые деловым образом помогали бы середняцкому хозяйству переходить на новый социальный путь,—крайне трудное дело. И значительно легче можно свернуть на путь борьбы с кулаком, на путь, более нам привычный по своему характеру. «Если задать вопрос коммунистам,—к чему больше готова партия, к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но итти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше готова к лозунгу «бей кулака». Дай только—и мигом разденут кулака; вот что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком, то это дело не так легко переваривается. Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном».

Оппозиция выдвинула предположение, что в партии имеется опасность недооценки кулака и кулацкая опасность, что имеется опасность прикрашивания нэпа. Но когда от оппозиции потребовали указать конкретные мероприятия в области экономической политики в отношении

кулака, помимо тех, которые выдвинуты, которые принимаются партией и советской властью, то оппозиция ни одного конкретного мероприятия не сумела предложить. Свою ошибочную принципиальную позицию она обнаружила на неправильном подходе к процессам, происходящим в советской деревне. Отсутствием практических предложений по своему собственному основному лозунгу «борьба с кулацкой опасностью» она обнаружила свою несостоятельность. Вне всяких сомнений, что кулак у нас существует (от 3 до 4 процентов, а по отдельным районам и выше), что кулацкая опасность у нас имеется. При проверке бывших перевыборов в советы мы могли констатировать несомненный рост активности верхушек деревни. Но в отношении кулака мы приняли, вопервых, меры экономической конкуренции с ним, затем меры организации бедняка и середняка против кулака в области советской работы, в области экономической вообще и кооперативной работы, и, наконец, с помощью налоговой политики, с помощью кредитной политики, с помощью организации снабжения, сбыта деревни мы сможем положить вполне определенный предел росту буржуазного кулацкого элемента деревни.

Эта линия была намечена целым рядом предыдущих решений. Она проводится советской властью и партией, она проводится нашими кооперативными организациями, и к ней вряд ли в настоящее время можно что-либо существенное прибавить. Точно так же крайне серьезный шаг вперед сделала партия в отношении помощи бедняцкой части деревни, в отношении организации бедняцкого крестьянства. Нам уже приходилось говорить об этом в прошлой статье.

Новое в отношении бедняцкого хозяйства заключается в тех мероприятиях, которые дают возможность экономически укрепляться и улучшаться бедняцким хозяйствам, переходить на новые рельсы коллективного сельского хозяйства и организации кооперативного сбыта и снабжения, и, наконец, в ряде мероприятий, которые непосредственно облегчают положение бедняка. Финансовая помощь бедняку в 1924/25 году составила от 100 до 105 млн. рублей. Бедняку были оказаны налоговые и страховые льготы на сумму около 60 млн. рублей; из фонда по борьбе с последствиями неурожая бедняцкой части деревни отпущено 24 млн. рублей. Кроме того образован фонд, в 77 млн. рублей на борьбу с засухой, который точно так же в значительной степени поможет бедняцкой части населения. Эта помощь, несомненно, является только первым шагом к дальнейшему развитию помощи бедняцкой части крестьянства.

«Для чего понадобился лозунг—организация бедняцких групп?—спрашивает т. Сталин и отвечает:—Он понадобился для того, чтобы

ликвидировать распыленность бедноты и дать ей возможность организоваться при помощи коммунистов в самостоятельную политическую силу, могущую служить организованной опорой пролетариата в деревне в борьбе против кулака, в борьбе за среднее крестьянство».

В результате съезд принял по вопросу о политике к кулаку, середняку и бедняку следующее крайне важное решение:

«Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение главным образом в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить, таким образом, советы своему влиянию.

«Если беднота и прежде всего батраки являются о п о р о й пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его п р о ч н ы м с о ю з н и к о м. Нельзя ни на одну минуту забывать, что в результате уничтожения помещичьего землевладения и перехода помещичьих земель в руки крестьянства, в результате политики комбедов и раскулачивания в деревне, наконец, ввиду изъятия земли из товарооборота (национализация земли) середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились и что эти слои составляют теперь, несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства. Не имея этой массы в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтрализацией этих слоев, теперь, после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализм. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы. Поэтому всякая недооценка середняка, непонимание его исключительно важной роли, попытки снова повернуть партию от лозунга прочного союза с ним к устаревшему лозунгу его нейтрализации—«б о я з н ь середняка», объективно приводят к подрыву пролетарской диктатуры, ибо тем самым разрывается рабоче-крестьянский блок.

«Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака.

«Непонимание всей важности борьбы по обеим этим линиям связано с двумя уклонами от правильной партийной линии, намеченной XIV партконференцией и октябрьским пленумом ЦК.

«Съезд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплоатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплоататорских стремлений, не видящий обязательности для партии пролетариата организовать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака в борьбе с ним.

«Но в то же время съезд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне,—вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму.

«Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы.

«Съезд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав, права найма рабочей силы, помощи кустарной промышленности, перехода от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством. Съезд констатирует, что только этот поворот партийной политики, вытекающий из изменившихся отношений между классами, коренным образом улучшил положение в деревне, поднял авторитет пролетариата и его партии среди крестьянства и создал прочную базу для широкой работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство.

«Одновременно съезд целиком и полностью одобряет решения октябрьского пленума ЦК о работе среди деревенской бедноты. Лишь в той

мере, в какой подъем производительных сил деревни будет сопро-
вождаться—в теперешних условиях возросшей активности всех классо-
вых группировок—организацией маломощных крестьян и батрачества,
будут обеспечены надлежащее соотношение классовых сил и руковод-
ство индустриального пролетариата. Одобряя решения ЦК о мате-
риальной помощи бедноте и об организации групп бедноты, съезд под-
черкивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комбедам,
ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике
«раскулачивания» и т. п. Речь идет об организации деревенской бед-
ноты, которая с помощью партии и государственной власти в борьбе
на хозяйственном и политическом фронтах (колхозы, артели, товари-
щества, кооперация, кресткомы, советы) должна изжить остатки инди-
видуалистической психологии, стать на путь организованного классового отпора
кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее
борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата.

«Съезд констатирует, что сельскохозяйственная кооперация и по
своей хозяйственной работе, и с точки зрения вовлечения масс, и с
точки зрения правильного социалистического руководства все еще да-
лека от выполнения своей великой роли. Съезд вменяет в обязанность
всем членам партии самым внимательным образом следить за развитием
сельскохозяйственной кооперации и принимать все меры, обеспечиваю-
щие ее правильный рост».

---

4. ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ДЕРЕВНИ

Несомненно, основным вопросом для всего нашего развития является
вопрос о том, какие тенденции политического развития у нас побеждают—
буржуазные или социалистические? Что мы имеем в переходную эпоху
смесь тенденций и форм и своеобразие законов экономического и социа-
листического развития—это не подлежит сомнению. Эту мысль воспри-
няли даже наши противники. Это понимает теперь даже Отто Бауэр,
который еще совсем недавно стоял на другой точке зрения. Но существо
вопроса заключается в том, какая из двух тенденций побеждает—
социалистическая или буржуазная? В городе мы имеем определенный
показатель победы именно социалистической тенденции. Это, конечно,
обусловливается господством нашей государственной промышленности,
системой государственного управления и той политикой, какую проводит
наша партия и советская власть в области промышленности. В деревне
вопрос значительно сложнее: мелкие крестьянские хозяйства, значитель-
ная роль частной торговли, недостаточность общественных и коопера-
тивных организаций,—одним словом, отсталость и экономическая, и орга-

низационная, и культурная,—все это вместе взятое способствует развитию буржуазных тенденций. Однако если мы возьмем итоги, например, роста кооперации, то нам сразу бросится в глаза, что в этой области мы имеем серьезные успехи. Крестьянские массы к социализму идут через кооперативные организации и коллективное сельское хозяйство и через установление более тесной связи, и технической и организационной, с нашей госпромышленностью. И вот, оценивая эти пути, мы видим, что на всех них мы имеем несомненные крупные успехи. Кооперация у нас втечение последнего года почти удвоилась: число кооперированных крестьянских хозяйств в с.-х. кооперации с $2^1/_2$ млн. выросло до 5 млн. Потребительская кооперация в деревне поднялась до 7 млн. членов. Этот рост кооперации сказался, вполне естественно, и на ее деятельности. Частная торговля значительно уменьшилась, и, наоборот, роль кооперации в области торговли значительно возросла. Доля частного капитала в розничe в 1923/24 году равнялась 57%, теперь—всего 44,3% (мы не говорим об оптовой торговле, где всегда было преобладание за государственным аппаратом и частная торговля играла ничтожную роль). Точно так же выросло и значение государственной и кооперативной организации в области сырьевых и хлебных заготовок. Так, по маслосеменам в 1924/25 году мы имели 65%, по льну—94%, по хлопку—100% и по хлебу—70%. Все эти данные говорят о том, что буржуазные тенденции отступают перед государственными и кооперативными тенденциями в развитии нашей деревни.

Точно так же развитие производительных сил страны, рост машинизации хозяйства,—все это ставит сельское хозяйство в более тесную связь с промышленностью, и, как мы говорили, дальнейшее улучшение и развитие всего хозяйства полностью зависят от укрепления и развития промышленности. Неправильный подход к законам развития нашей промышленности, который обнаружила оппозиция на съезде, приводит к недооценке возможностей, какие мы имеем в области сельского хозяйства и в области развития нашей деревни по пути строительства социализма.

«Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала».

Конечно, мы не должны недооценивать тех трудностей, которые у нас имеются в нашей экономике. И вряд ли у нас имеются такие оптимисты, которые сказали бы, что все идет гладко по пути движения к социализму. Вне всяких сомнений, мы еще переживем не один

кризис и не одну заминку в нашем развитии. Это мы не должны забывать ни на одну минуту. Но дело заключается в том, что мы уже ясно видим тот путь, по которому мы идем.

Очередные наши задачи были кратко и ясно сформулированы т. Сталиным следующим образом: «В области развития нашего народного хозяйства в целом мы должны вести работу: а) по линии дальнейшего увеличения продукции страны; б) по линии превращения нашей страны из аграрной в индустриальную; в) по линии обеспечения в народном хозяйстве решительного перевеса социалистических элементов над капиталистическими; г) по линии обеспечения народному хозяйству Советского Союза необходимой самостоятельности в обстановке капиталистического окружения. В области промышленности и сельского хозяйства повести работу: а) по линии развертывания нашей социалистической промышленности на основе повышенного технического уровня, поднятия производительности труда, понижения себестоимости, увеличения быстроты оборота капитала; б) по линии проведения балансов топлива, металла, а также основного капитала, железнодорожного транспорта в соответствии с растущими потребностями промышленности и страны; в) по линии усиленного развития советской промышленности местного значения; г) по линии поднятия урожайности земли, повышения технического уровня земледелия, развития технической культуры, индустриализации сельского хозяйства; д) по линии включения распыленных крестьянских хозяйств в социалистическое строительство через массовое кооперирование и поднятие культурного уровня крестьянства».

Вот та линия нашей экономической политики, которая была намечена и которая получила полное одобрение в резолюции съезда.

XIV съезд ВКП(б) дал ответ на вопрос об основной оценке нашего развития и по основным проблемам нашей экономической политики. Он дал не только общий ответ, но и наметил ряд конкретных решений, по которым должна итти наша экономическая политика.

На ближайшей XV партконференции центральными вопросами будут являться вопросы хозяйственного строительства. Мы должны будем вновь подытожить нашу работу по хозяйственному строительству по тем недочетам, которые в нем имеются, и наметить пути дальнейших конкретных мероприятий, которые в своей сумме обеспечили бы выполнение той линии, какая намечена XIV партийным съездом.

Задача партийных и советских организаций состоит в том, чтобы проработать конкретные мероприятия применительно к местным условиям, которые в своей совокупности развили бы нашу работу в ту сторону и в том направлении, которые определил XIV съезд ВКП(б).

VI. О БОРЬБЕ НА ФРОНТЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В пережитый нами восстановительный период борьба за развитие производительных сил в деревне заключалась в создании таких условий, которые вели бы к освоению посевной площади, к восстановлению сельскохозяйственного инвентаря, к увеличению продукции сельского хозяйства. Все эти мероприятия направлялись путем подъема основной массы крестьянства бедняцкого и середняцкого и на укрепление коллективных форм сельского хозяйства. Имеющиеся фактические данные показывают, что к 1927 году мы разрешили эту задачу и в отношении д о в о е н н о г о у р о в н я. Посевная площадь в 1922 году по сравнению с посевной площадью 1916 г. равнялась всего лишь 68,1%, в 1923 г.—81,1%, в 1924 г.—88,4%, в 1925 г.—85,1% и в 1926 г.—100,6%. В абсолютных цифрах посевная площадь в 1916 году равнялась 95,6, а в 1926 г. 96,3 млн. *га* (данные взяты по СССР без Средне-азиатских республик и Закавказья). Довоенной высоты достигла и продукция сельского хозяйства, а по некоторым техническим культурам даже (например, по конопле и подсолнуху) превысила довоенную высоту.

Таким образом, на основании фактических данных, мы можем притти к выводу, что крестьянство о с в о и л о землю и восстановило до довоенного уровня производительные силы деревни.

Но, как известно, этот уровень никого не мог удовлетворить. Перед нами теперь задача дальнейшего развития сельского хозяйства. В разрешении этой проблемы решающую роль играет определение тех экономических стимулов, которые могут вести к усилению в развитии сельского хозяйства. Мы были бы, несомненно, плохими стратегами, если бы не учли р а з н и ц ы в условиях ведения дальнейшей борьбы по развитию производительных сил в деревне в период, который мы только что закончили, и в новый период, в который мы вступаем. От выяснения этих особых условий будет зависеть вся сумма мер, вся наша стратегия по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР. Анализируя пройденный путь развития сельского хозяйства, мы довольно отчетливо можем установить те основные мероприятия, которые на протяжении последних лет стимулировали развитие сельского хозяйства

и дали ему возможность достигнуть до довоенного уровня. Эти мероприятия заключались, главным образом, в условиях регулирования рынка, в организации снабжения и сбыта деревни и в политике цен.

Действительно, самые первые шаги в области нэпа состояли именно в развязывании товарооборота между городом и деревней. Можно сказать, что от умелости регулирования рыночных отношений, от организации снабжения деревни промтоварами, от политики цен зависел темп восстановительного процесса в сельском хозяйстве. Ошибки и неправильные уклонения от этой политики сразу же давали себя чувствовать на экономическом развитии деревни; так, например, неправильная политика цен, когда выявились так называемые «ножницы», т. е. расхождение цен на продукты сельского хозяйства и на предметы массового потребления промышленности, достигшее значительных размеров в 1923 г., результатом чего получилось сужение сельского хозяйства.

Перед нами стояла задача преодолеть эти причины, тормозившие развитие сельского хозяйства. Наша политика последних лет заключалась в том, чтобы поднять цены на продукты сельского хозяйства, согласовав их с ценами на промтовары. С другой стороны, чтобы лучше организовать рынок, были направлены значительные силы на поднятие кооперации в разных областях народного хозяйства—как на поднятие потребкооперации, так и на поднятие сельскохозяйственной кооперации, и в этом отношении были достигнуты определенные результаты. Кооперация росла как в смысле количественном, так и в смысле качественном. И удельный вес в области товарооборота и влияние на процесс сельскохозяйственного производства повышались. Через кооперацию мы втягивали на путь социалистического строительства бедняцкие и середняцкие массы крестьянства, через кооперацию мы шли к более совершенным формам сельского хозяйства. Конечно, наши мероприятия по стимулированию сельского хозяйства были не только в области рынка, но и в области сельскохозяйственного производства. Однако наиболее ответственным участком, который стимулировал развитие сельского хозяйства и осуществлял смычку между городом и деревней, это был рынок, был товарооборот между городом и деревней, была организация этого товарооборота, была установлена правильная политика цен, был ряд мероприятий, направленных к улучшению бедняцкой и середняцкой масс и к укреплению кооперации в разных ее разветвлениях и формах.

Остается ли в наступающий период этот метод работы по стимулированию сельского хозяйства, по борьбе за развитие его произво-

дительных сил в том виде, как он был до сих пор, или же должны быть внесены какие-то изменения? Ответ на этот вопрос дает прежде всего анализ тех условий, в каких в дальнейшем должно развиваться сельское хозяйство, и этот анализ заставляет нас сказать, что, несомненно, нам необходимо внести серьезные изменения в отношении способов стимулирования развития производительных сил деревни, и чем раньше мы осознаем эти изменившиеся условия и предпримем необходимые меры, тем, несомненно, будет лучше. В чем заключаются изменения условий для сельского хозяйства?

Прежде всего для сельского хозяйства исходным пунктом является факт освоения земельной площади действующими способами сельскохозяйственного производства. Расширение сельскохозяйственной продукции у нас совершалось за последние годы благодаря вступлению все нового и нового количества имевшейся земли в севооборот. Как мы видели из вышеприведенных данных, посевная площадь равнялась по сравнению с 1916 годом в 1922 году всего 68%, к 1927 году выросла до 100,6%, т. е. увеличение за 4 года, примерно на 21,9 миллиона *га*. Дальнейшее приращение посевной площади будет происходить, несомненно, значительно замедленным темпом, так как придется осваивать уже менее удобные, а зачастую и совершенно еще не подготовленные под сельскохозяйственные культуры земли. С другой стороны, приходится констатировать, что рост сельскохозяйственной продукции шел за счет расширения посевной площади, а не за счет увеличения урожайности или улучшения качества сельскохозяйственного производства. Правда, в отдельных областях, в частности в области технических сельскохозяйственных культур, мы можем констатировать и некоторое улучшение качества, но в общем и целом в смысле урожайности с одной десятины земли и в смысле качества как в области полеводства, так и в области животноводства мы или достигли довоенного уровня, или в отдельных участках даже отстаем от него.

Таким образом дальнейшее развитие производительных сил деревни упирается сейчас в принятие мер по проведению улучшения в сельском хозяйстве агрикультурного характера, по улучшению техники сельского хозяйства, по проведению землеустройства в сельском хозяйстве, по освоению новых земель, по интенсификации земледелия. Иными словами, если мы раньше действовали на развитие сельского хозяйства методом политики цен, политики снабжения и сбыта деревни, то уже настоящий год показывает необходимость перехода к методам, на-

правленным непосредственно на поднятие сельскохозяйственного производства и на достижение для крестьянских масс определенных положительных результатов путем улучшения качества сельскохозяйственного производства в самых различных направлениях и разнообразных формах.

Уже положение рынка нынешнего хозяйственного, 1926/27, года показывает, что мы достигли довольно узких границ, в рамках которых можно маневрировать и в отношении цен, и в отношении организации снабжения и сбыта деревни.

Данные о ценах показывают, что, например, по целому ряду важнейших продуктов сельского хозяйства, подлежащих экспорту, цены достигли такого размера, что сплошь и рядом экспорт становится нерентабельным. Правда, следует оговориться, что зачастую дело заключается не только в заготовительных ценах, но и чрезмерно раздутых накладных расходах нашей товаропроводящей сети. С другой стороны, цены на продукты промышленности или остаются стабильными, или показывают тенденцию к снижению. При проведении дальнейшей политики снижения розничных цен, мы можем добиться определенных результатов в смысле снабжения деревни, результатом чего может быть и повышение предложений со стороны деревни сельскохозяйственных продуктов на рынок. Но данные заготовительной кампании, которые показывают вполне удовлетворительное выполнение планов на сельскохозяйственные продукты, однако, вместе с тем, не дают возможности рассчитывать на значительный шаг вперед и на значительное увеличение предложений сельскохозяйственных продукций. Точно так же и наша налоговая политика, которая, будучи согласована с заготовительной кампанией, вела к усилению предложений сельскохозяйственной продукции на рынок, достигла определенных границ, за которые вряд ли возможны значительные изменения, если не становиться на тот опасный и ошибочный путь, на который нас хотела столкнуть оппозиция в смысле повышения налогового бремени, которое было чревато опасностями ослабления или даже разрыва смычки между городом и деревней. Конечно, мы не должны упускать из виду, что регулирование рынка, регулирование цен, дальнейшая организация сбыта и снабжения деревни будут иметь огромное значение в предстоящий период, и все возможное для улучшения этой области необходимо предпринять. Но все данные показывают, что для значительного шага вперед в деле поднятия положения основной массы крестьянства, в деле развития сельскохозяйственного производства мы должны теперь обратить главное внимание на качество сельскохозяйственного производства, на улучшение его методов и его техники.

В этой области перед нами колоссальная работа, которая может дать и огромные результаты.

Указанное положение диктует необходимость принятия как со стороны самого крестьянства, сельскохозяйственной кооперации, так и со стороны государственных органов ряда мер, направленных на поднятие с.-х. производства, улучшение с.-х. техники, и применение различного рода агрикультурных улучшений. Эти меры, само собой разумеется, потребуют денежного характера затрат. Поэтому будет необходимо особое внимание обратить на известное перераспределение средств, направляемых в сельское хозяйство, с целью большего использования их для вышеуказанных целей.

Нам необходимо отдать самим себе ясный отчет в том, что поднятие благосостояния основных масс крестьянства будет стоять в прямой зависимости от развития производительных сил деревни. Крестьянин должен знать, что только увеличением урожайности с десятины, улучшением животноводства он сможет поднять дальше свое хозяйство, а тем самым и улучшить свое собственное положение.

Особую роль будет играть в этом отношении дальнейшее расширение коллективных форм сельского хозяйства и, в первую очередь, сельскохозяйственной кооперации. Как известно, с.-х. кооперация охватывает до 30% крестьянских дворов. Процент развития сельскохозяйственной кооперации шел за последние годы более или менее удовлетворительно, но по сравнению с теми задачами, которые стоят перед сельским хозяйством, мы должны притти к выводу, что подобный размер кооперативного охвата крестьянства является явно недостаточным. Как вполне определенная задача, должна быть поставлена задача кооперативного охвата большинства сельского хозяйства. Только при этом условии мы сможем перейти к более или менее систематическому и планомерному регулированию сельским хозяйством и затрачиваемые средства не распылять, а использовать с большим коэфициентом производственной полезности.

Наряду с этим особое значение получит и развитие колхозов, которые являются опорными пунктами для поднятия бедняцких хозяйств и, в сущности, единственным путем для их подъема и развития. Коллективные хозяйства уже в последние годы показывают, что они более или менее окрепли и являются в отношении производства значительно более передовыми формами, чем индивидуальные хозяйства. Применение с.-х. машин, особенно сложного типа, возможно лишь на соответствующего размера земельных площадях. Распространение тракторов и разного рода уборочных машин приводит к необходимости концентрации

с.-х. производства, которое в наших условиях неизбежно будет выливаться в формы коллективных хозяйств. В этом отношении наш путь экономического развития коренным образом отличается от такового в капиталистических странах. Американский путь развития для нашего сельского хозяйства, в смысле концентрации земли и средств производства в руках отдельных хозяйств, в руках крупных фермеров, в наших условиях, в условиях ставки на поднятие основной массы бедняцкого и середняцкого крестьянства, является невозможным. Конечно, известная часть крестьянства будет подниматься и переходить на ступень крупного буржуазного крестьянства (это мы наблюдаем уже в настоящих условиях), но не эта часть крестьянства является решающей для сельского хозяйства СССР и для путей его развития.

Основной тракт развития нашего сельского хозяйства, основной путь перехода его от мелкого в крупное лежит через кооперацию, через общественную обработку земли, через создание коллективных хозяйств. Этот путь развития сельского хозяйства в наступающий период получает чрезвычайно важное значение, и мы должны будем на него обратить сугубое внимание.

Приходится признаться, что в годы восстановительного периода, когда на первом плане стояло достижение довоенного уровня и в смысле обработки земли и в смысле увеличения с.-х. продукции приходилось применять, как мы видим, те способы, которые по существу заключались главным образом в способствовании сбыта с.-х. продукции по приемлемым для крестьянства ценам, каковые являлись стимулом для расширения посевной площади, а тем самым—и увеличения с.-х. продукции.

В настоящий период и для сельского хозяйства, как и для промышленности, наступает эра реконструкции. Конечно, это отнюдь не означает, что эти процессы тождественны между собой. В сельском хозяйстве мы имеем еще настолько отсталые формы, часто почти первобытного состояния (например в ряде областей Сибири), что даже незначительные шаги в сторону поднятия техники сельского хозяйства дадут вполне определенный и серьезный эффект. Но мы должны поставить перед собой задачу применения (конечно, соответственно нашим ресурсам) всяких мер, которые способствовали бы сейчас подъему с.-х. производства и улучшению его качества.

Подъем сельского хозяйства имеет сейчас крайне важное значение и для нашей промышленности. Проблема сырья упирается именно в поднятие сельского хозяйства и в его до известной степени производственную реконструкцию.

В отношении технических культур последние годы нам дали значительный их рост, даже по сравнению с довоенным уровнем. Если взять 1916 г. за 100, то в 1926 г. по основным видам технических культур мы имеем повышение на 23,1% по сравнению с 1916 г. В абсолютных цифрах посевная площадь под техническими культурами, исчисляемая в 1916 г. в 1,42 млн. *га*, в 1926 г. была 5,8 млн. *га*.

Но обращаясь к отдельным техническим культурам, мы видим, что этот рост совершается главным образом за счет таких технических культур, как конопля и подсолнух. Именно они показывают сильнейший рост в последние годы. Так, данные по посевной площади под коноплей показывают, что если взять 1916 г. за 100, то в 1922 г. мы имели 84, в 1923 г.—97,7, в 1924 г.—119,8, в 1925 г.—142,9 и в 1926 г.—142,1. Относительно развития посевной площади под подсолнухом дает еще более бурный рост. Если взять 1916 г. за 100, то в 1922 г. мы имели 159,5, в 1923 г.—161,9, в 1924 г.—189,1, в 1925 г.—228,0 и в 1926 г.—193,3. Но зато по таким техническим культурам, как хлопок и сахарная свекла, мы еще не достигли довоенного уровня. Если взять 1916 г. за 100, то по хлопку мы имеем в 1925 г. 75,8, а в 1926 г.—81,0. По сахарной свекле в 1925 г. мы имеем 76,9, а в 1926 г.—78,1. По льну мы достигли довоенного уровня с самым незначительным превышением. В 1925 г. мы имели 100,9, в 1926 г.—100,6.

Таким образом, по самым важным для нашей промышленности техническим культурам мы еще по существу не достигли довоенного уровня. А если по льну и достигли в смысле посевной площади, то далеко не достигли в смысле урожайности с одной десятины земли.

Действительно, в смысле урожайности мы еще не достигли довоенного уровня, что, естественно, отражается на размерах продукции с.-х. сырья. Благодаря этому мы должны затрачивать огромные средства на ввоз сырья для нашей промышленности из-за границы, что относится, конечно, главным образом к хлопку.

Вместе с этим приходится иметь в виду, что развитие крупной промышленности потребует значительного увеличения количества сырья уже в ближайшие годы. По данным Наркомторга, примерно к 1929/30 г., по ориентировочному подсчету, ВСНХ увеличит потребление крупной промышленностью с.-х. сырья почти на 80% по сравнению с 1925/26 г. По отдельным видам с.-х. сырья этот рост, конечно, будет различным, но все же значительным. И в этом отношении необходима подготовка нашего сельского хозяйства для удовлетворения сырьем нашей промышленности, и развитием нашей сырьевой базы мы не только будем давать возможность бесперебойного

значительного роста нашей промышленности, но и будем высвобождаться от зависимости капиталистических стран. Вместе с этим развитие ряда видов технических культур даст возможность нам увеличить наш экспорт, а тем самым и наш импорт, который имеет весьма серьезное значение для развития техники в нашем сельском хозяйстве.

Таким образом, связь между сельским хозяйством и промышленностью требует сейчас разрешения сырьевой проблемы с производственной точки зрения. Исключительным регулированием только цен, регулированием только рынка, задачи не разрешишь. По ряду технических культур, в смысле занятых под ними земельных площадей, мы стоим впереди целого ряда капиталистических стран, но, к сожалению, мы стоим далеко от них позади в смысле урожайности и качества нашей сельскохозяйственной продукции. Наша урожайность с десятины земли в 2—3, а то и больше раза меньше по сравнению с целым рядом капиталистических стран. Недостаток удобрения и несколько примитивная техника являются причиной этого. В ближайшие годы, повидимому, в смысле удобрения перед нами откроются серьезные перспективы в смысле возможности увеличения его применения в связи с открытием залежей калийных солей на Урале. Но нам необходимо рационализировать подъем техники нашего сельского хозяйства в смысле большей планомерности и большей систематичности, чем это наблюдалось до сих пор. Выход для дальнейшего развития и подъема сельского хозяйства заключается именно в этом, и со всей энергией мы должны повести борьбу на этом важнейшем фронте нашего экономического развития.

VII. ВРЕДНЫЕ МНЕНИЯ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Индустриализацию народного хозяйства СССР мы рассматриваем под углом зрения интересов развития всего народного хозяйства. Было бы в корне неправильно рассматривать индустриализацию вне зависимости от общего экономического развития, так как интересы развития и сельского хозяйства, и транспорта, и, конечно, промышленности связаны между собой и требуют индустриализации страны.

Наше экономическое развитие в своем поступательном ходе упирается в недостаточное развитие промышленности, или, иначе можно сказать,—закономерность развития нашего народного хозяйства ведет к индустриализации. Наши технические ресурсы использованы почти на 100%. Сельское хозяйство страдает вследствие отсталой техники, благодаря чему мы имеем низкую урожайность, слабую машинизацию с.-х. производства, недостаточную возможность переработки с.-х. продуктов, сквернейшие транспортные условия для целого ряда богатейших с.-х. районов, вследствие чего даже самые богатства этих районов не могут быть использованы так, как следует. Точно так же наш экономический прогресс неразрывно связан с развитием транспорта. Мы не сможем развивать производства, организовать сбыт и снабжение, если сохранится современное положение с транспортом. Все эти задачи разрешимы только путем индустриализации страны, только путем поднятия промышленности, усиленного производства средств производства, постановки предприятий, вырабатывающих машины, увеличения добычи минерального топлива, путем увеличения производства чугуна, стали, путем развития нашей строительной промышленности. Поэтому-то индустриализацию нужно рассматривать под углом зрения интересов всего народного хозяйства, и чем более быстрым темпом мы двинем индустриализацию вперед, тем самым мы скорее проложим путь и откроем возможность развитию других частей народного хозяйства. Кто не понимает этого, тот не понимает совершенно путей экономического развития СССР.

Все вышесказанное является в настоящее время общепризнанным. На последнем съезде советов эти положения были подробнейшим образом развиты, особенно в докладе т. Калинина. Многочисленные вы-

ступления представителей крестьянства показали, что они прекрасно разбираются в этом и вполне правильно осиливают и понимают роль индустриализации в сельском хозяйстве. Именно это обстоятельство имеет особенное значение. Провести такой огромной важности и огромной трудности дело, как индустриализацию страны, рассчитанное на ряд лет, возможно лишь при максимальном единодушии, сознательности самых широких масс трудящихся. Только привлекши к разрешению этой задачи миллионы рабочих и крестьян, мы сможем ее разрешить. Для практического, действительного разрешения ее потребуются значительные средства и силы, и их возможно целесообразно затратить при полном осознании путей нашего экономического строительства. Благодаря проведению индустриализации создаются новые экономические и политические возможности для дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян, союза промышленности и сельского хозяйства, города и деревни. Но нечего говорить, что для проведения этой политики важно использовать все возможности, и в особенности наши хозяйственные органы должны итти в этом серьезнейшем и ответственном деле впереди. Но точно так же понятно, что всякого рода ошибочным направлениям, шагам в этой области должен быть дан самый решительный отпор, ошибки должны быть вскрыты, и чем скорее, тем лучше для дела. В таком деле, как индустриализация, неправильные ошибочные шаги или неправильная ошибочная линия могут вызвать самые серьезные последствия. Имеются ли в этой области ошибочные направления? К сожалению, имеются, и имеются они среди части специалистов и экономистов и находят свое выражение, к вящшему сожалению, в сельскохозяйственных журналах, которые, казалось бы, как раз призваны дать правильную установку о роли индустриализации для сельского хозяйства. Рассмотрением этих взглядов мы и займемся, чтобы на их примере показать, с какой стороны может грозить опасность для дела индустриализации.

Еженедельный журнал «Сельскохозяйственная жизнь» официальный орган Наркомзема РСФСР, рассчитанный на широкого читателя, в этом году специально вопросу индустриализации в сущности уделил внимание лишь в статье профессора А. А. Мануйлова «План развития промышленности на 1926/27 год с точки зрения интересов сельского хозяйства». Статья передовая, никаких редакционных примечаний не содержит. Как же она оценивает план развития промышленности с точки зрения интересов сельского хозяйства? По мнению проф. Мануйлова, «приходится констатировать, что план промышленности за 1926/27 год дает малоутешительные перспективы с точки зрения интересов сельского хозяйства». Почему? Потому,—

отвечает проф. А. Мануйлов,—что «в 1925/26 году капитальное строительство шло по линии главным образом тяжелой индустрии, производящей средства производства, на капитальные работы по которой было затрачено около 536 млн. руб. из общей суммы в 780 млн., т. е. 68,6%. В то же время на отрасли, производящие продукты массового потребления или перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, было затрачено 244 млн. руб., или 31,4%». Эта же тенденция,—меланхолически заявляет проф. Мануйлов,—остается в плане на 1926/27 год. По мнению проф. Мануйлова, «делать вложения только в тяжелую индустрию, конечная продукция которой, ввиде товаров легкой индустрии, докатится до массы крестьянских хозяйств лишь через несколько лет, это значит индустриализировать страну в счет долгосрочного кредита со стороны крестьянского хозяйства, которое само, кстати сказать, получает по линии Сельскохозяйственного банка в подавляющей массе лишь краткосрочный кредит». Таков подход проф. Мануйлова к реконструкции нашего народного хозяйства.

Для проф. Мануйлова остается совершенно непонятным, почему мы вкладываем значительные средства в тяжелую индустрию. По его мнению, необходимо было бы более усиленным темпом развивать как раз легкую индустрию.

Проф. Мануйлов не догадывается, что уже в прошлом году мы имели затруднительное положение, например, с топливом, что добыча угля и нефти требует значительного усиления в интересах хотя бы такой промышленности, как текстильная, а развитие добычи угля и нефти требует усиленного развития нашей машиностроительной и металлургической промышленности.

Если бы проф. Мануйлов внимательнее отнесся даже к тем цифрам и данным, которые он приводит в своей статье, он бы понял, почему, например, на кожевенную промышленность мы в нынешнем году на капитальное строительство даем меньше средств, чем в прошлом году. Достаточно сказать, что уже в 1925/26 году действующие кожевенные заводы испытывали недостаток в сырье и загружались в далеко не полной мере. Поэтому постройка значительного количества новых кожевенных заводов экономически для ближайших нескольких лет не может быть признана целесообразной.

Такую же картину мы видим и в текстильной промышленности, хотя в этой отрасли промышленности строится целый ряд новых предприятий, но точно так же вопрос об их стройке приходится увязывать с проблемою снабжения сырьем.

Проф. А. Мануйлов делает уже совершенно фантастический вывод относительно того, что в СССР капитальные вложения идут

главным образом за счет эмиссии, что, по его мнению—«сопровождается теми инфляционными явлениями, на базе которых растут затруднения роста нашего народного хозяйства». Откуда выдумал подобного рода положение проф. А. Мануйлов—нам неизвестно, но даже анализ финансирования капитального строительства привел бы его к обратному: именно в последние два года новая эмиссия сведена почти на-нет, и финансирование капитального строительства происходит почти в 50% за счет прибылей и амортизационных отчислений самой промышленности и около 40% за счет бюджета. Проф. А. Мануйлов полагает, что «накопление капиталов у нас в стране идет в значительно меньших размерах, чем идут вложения в промышленность, но что еще важнее,—говорит он,—это накопление происходит в подавляющей доле в натуральной форме... и в этой натуральности нашего накопления наиболее остро сталкиваются интересы промышленности с теми тенденциями и перспективами, которые обнаруживаются в области сельского хозяйства». Следует заметить, что все эти положения проф. Мануйлов не подкрепляет никакими расчетами и ограничивается собственной интуицией. Данные же и статистики, и наших хозяйственных органов, и Госплана говорят обратное тому, что утверждает проф. Мануйлов.

В журнале «Землеустроитель» проф. Батюшков в большой статье «Индустриализация сельского хозяйства и землеустройство» также противопоставляет развитие промышленности сельскому хозяйству и центр тяжести переносит на агро-индустриализацию, понимая под индустриализацией сельского хозяйства «переход к промышленным формам хозяйства и внедрение в область сельского хозяйства инженерной техники по линии машинизации, механизации (в том числе и электрификации, химизации) и технической переработки выращиваемых в нем продуктов земледелия, скотоводства, огородничества и проч.». Весь смысл индустриализации проф. Батюшков видит только в индустриализации сельского хозяйства. Он говорит: «промышленность, торговля и сельское хозяйство, оторванные друг от друга, т. е. являясь самостоятельными предприятиями, становятся в положение взаимно эксплоатирующих друг друга в целях поднятия каждой из них своей отрасли за счет других; приэтом, как показал опыт, чаще всего наиболее страдающим является сельское хозяйство, наименее вооруженное при современной его структуре способами отстаивания своих интересов». Проф. Батюшков, странным образом, не понимает, что в советской системе хозяйства этой оторванности промышленности, торговли и сельского хозяйства не имеется, и следовательно, сама постановка вопроса о том, что эти отрасли взаимно эксплоатируют друг друга, в корне

неправильна и неверна. Только находясь в плену идеологии товарного или товарно-капиталистического хозяйства, можно подходить с точки зрения отдельных частей народного хозяйства, только этим и непониманием единства, существующего в советском хозяйстве, можно объяснить подобного рода постановку вопроса у проф. Батюшкова.

Говоря о том, что необходимо приступить к перестройке сельского хозяйства на началах кооперирования землепользователей в крупные объединения для рациональной организации производства промышленного сырья, проф. Батюшков полагает, что это можно произвести с исключением посредствующей торговли в процессе внутрихозяйственных оборотов, которые по его мнению и усиливаются вместе с индустриализацией.

Подобного рода замкнутые и самодовлеющие комбинаты в нашем хозяйстве являются утопией. Наоборот, наша политика в области коллективного земледелия направлена теперь к тому, чтобы поднять товарность колхозов, чтобы усилить их участие в товарообороте страны. Создание замкнутых комбинатов, которые сами перерабатывали бы и потребляли собственное сырье, явным образом отдает фантазией.

Таким образом постановка вопроса об индустриализации и в журнале «Землеустроитель» является неправильной.

В «Вестнике сельскохозяйственной кооперации» вопросу об индустриализации также посвящена, в сущности говоря, единственная статья проф. А. Чаянова—«Место и значение индустриализации сельского хозяйства в кооперативном движении». Коротенькая статейка—всего лишь в две с половиной страницы, она, однако, представляет собою нечто программное. Прежде всего по мнению А. Чаянова—«сельскохозяйственная кооперация овладевает производством и организует его у нас в том же смысле и в той же мере, как это делает торговый и финансовый капитализм в странах его наибольшего распространения». Это говорит Чаянов относительно технического улучшения сельского хозяйства, подбора сортов, улучшения рыночного качества сельскохозяйственных продуктов и, наконец, полного переустройства организационных планов кооперированных хозяйств.

Можно ли полагать, что сельскохозяйственная кооперация даже в отношении сельского хозяйства может выполнить целиком эту задачу? Эта характеристика, которая признает самодовлеющий характер, влияния за сельскохозяйственной кооперацией на развитие сельского хозяйства, явно неправильна. На качество сельскохозяйственной продукции, на организационные планы сельского хозяйства влияет не только сельскохозяйственная кооперация, но и промышленность и транспорт.

Само собой разумеется, что мы ни в какой степени и мере не думаем умалять роли и значения сельскохозяйственной кооперации, так как основная дорога для развития крестьянского хозяйства в сторону более совершенных форм хозяйства лежит именно через кооперацию. Но мы не должны и не можем забывать влияния других частей народного хозяйства на развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации. Поэтому ошибка А. В. Чаянова, по нашему мнению, заключается в недоучете этой стороны вопроса, а поэтому у него вопрос об индустриализации так же, как и у проф. Батюшкова, получает свое разрешение только в сторону индустриализации сельского хозяйства. По его мнению, «в настоящей фазе развития советской кооперации мы, надо полагать, не ошибемся, если выдвинем среди них на первое место по своей значительности и массовому значению организацию индустриальных форм первичной переработки сельскохозяйственного сырья. Здесь, именно здесь, в настоящее время лежит ключ к реорганизации сельскохозяйственного производства».

Это только наполовину правильно, так как другая половина истины заключается в том, что у нас развитие сельского хозяйства задерживает недостаточное развитие промышленности и транспорта. Индустриализация страны означает уничтожение этого препятствия. Опять-таки и здесь, как мы видим, наблюдается неправильное понимание и неправильный подход к индустриализации страны, как к индустриализации только с.-х.

В журнале «Пути сельского хозяйства», являющемся научным органом Наркомзема и с.-х. академии имени Тимирязева, в номере 11—12 за 1926 год, вопросу индустриализации посвящена статья т. Теодоровича «Индустриализация и сельское хозяйство». Эта статья, развивая принятые положения партии по вопросу об индустриализации, однако делает ряд неверных посылок, которые могут вызвать серьезные недоумения.

Мы не будем останавливаться на исторических изысканиях т. Теодоровича, который полагает, что первым идею об опасности превращения России в аграрный придаток капиталистических стран высказал декабрист Пестель. Тов. Теодорович мог бы продолжить изыскания дальше, и вряд ли удержалось бы первенство Пестеля в этом вопросе. Но что действительно важно—это вопрос о средствах для индустриализации, являющийся действительно одним из центральных. Индустриализация необходима для всего народного хозяйства, в том числе и в особенности для сельского хозяйства, и ставит вопрос о том, что средства на индустриализацию необходимо брать как с сельского хозяйства, так и с промышленности, с транспорта и с торговли. Мы, конечно, будем всемерно стараться добыть иностранные кредиты. Но основная

финансовая фаза индустриализации заключается в средствах, которые страна должна будет получить из промышленности и сельского хозяйства. Здесь невозможно и не следует замазывать этот вопрос. Его следует поставить с большей определенностью и ясностью, подсчитав все возможные материальные ресурсы. Как известно, на капитальное строительство промышленности предполагается получить примерно 50% средств из прибылей и амортизационных отчислений самой промышленности и около 50% из средств государственного бюджета. Этим путем—через государственный бюджет—привлекаются средства других слоев к делу индустриализации страны.

Тов. Теодорович насчитывает пять путей, мыслимых для решения проблемы капитала. Первый путь, по его мнению,—это путь военно-коммунистического изъятия из деревни. Этот путь т. Теодорович ставит не в плоскости возможного практического пути, а лишь в том смысле, что историю нельзя повернуть обратно.

Следующий путь, по его мнению,—это путь обложения сельского хозяйства. Мы полагаем, что в настоящее время этот путь вполне и в меру используется. Крестьянство именно этим путем участвует в индустриализации страны. Но т. Теодорович полагает, что этот путь даже чрезмерно используется, именно потому, что этот путь он не считает тем путем, с помощью которого можно получить средства для индустриализации страны. Правда, он не анализирует этого пути, а почему-то глухо говорит лишь об усилении прямого и косвенного обложения крестьянства. Однако последние решения партии и советской власти считают достаточным существующее участие крестьян в деле индустриализации нашей страны именно вторым путем, т. е. путем обложения сельского хозяйства.

Третий путь т. Теодоровича—это путь эмиссии. Тов. Теодорович почему-то путает эмиссию с инфляцией. Использование эмиссии не всегда обозначает инфляцию. Это—первое. Вовторых, в настоящих условиях путь эмиссии не является тем путем, с помощью которого можно разрешать индустриализацию. В этом нет необходимости. Только проф. Мануйлов, вопреки действительности и здравому смыслу, решается утверждать, что наши капитальные вложения основываются на эмиссии.

Четвертый путь т. Теодоровича—это путь изъятия капиталов при помощи механизма цен. Этот путь для решения проблемы капиталов в нашей стране должен быть отброшен, по мнению т. Теодоровича, самым категорическим образом. В такой абсолютной форме это утверждение также является неправильным. Конечно, партия сейчас ведет политику на снижение цен, но это отнюдь не значит, что Наркомторг отказывается от регулирования цен.

Поэтому, по мнению т. Теодоровича, остается только пятый, как он говорит—единственный путь, «о котором мы, работники Наркомзема, твердим втечение многих лет, за который боремся и который теперь получает полное признание как со стороны советских, так и партийных органов. Это—путь экспорта. Это—единственный основной путь, который дает нам валюту, значит, дает возможность ввозить для промышленности нужные ей оборудование и сырье и который в основе своей требует правильной сельскохозяйственной политики».

Путь экспорта, конечно, здоровый путь накопления капиталов. Вряд ли кто-нибудь это будет отрицать. Экспорт для развития народного хозяйства СССР чрезвычайно важен, но считать его единственным путем финансирования индустриализации и накопления капиталов, конечно, неправильно. При всей важности экспорта, при всей необходимости его увеличения, качественного улучшения и целесообразного использования средств, получаемых в результате экспорта, все же он является только одним из путей. Значительную роль в деле финансирования индустриализации в настоящее время еще играет наше внутреннее накопление. Достаточно сопоставить средства, затраченные нами в последние три года на капитальное строительство СССР, со средствами, полученными от экспорта и импорта, чтобы увидеть, насколько превосходят эти затраты те средства, которые мы получаем от экспорта.

Тов. Теодорович, точно так же неправильно разрешает вопрос о результатах развития сельского хозяйства в итоге индустриализации страны. По его мнению, «по мере решения этой проблемы мы видим и будем видеть в дальнейшем передвижку крестьянского хозяйства из низших групп в высшие. Не нужно пугаться этой передвижки вверх, а всемерно ее поддерживать. Задача земработника—убедить всякого, что это передвижка крестьянского хозяйства вверх—все наше спасение». Основной задачей аграрной политики советской власти является подъем основной массы крестьянства—бедняцкого и середняцкого. Но этот подъем партия не мыслит себе в смысле перехода на путь развития зажиточных и кулацких хозяйств, а наоборот—на путь развития кооперативных форм сельского хозяйства. Конечно, часть середняков переходит и будет переходить в сельскую буржуазию, но подъем сельского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата возможен лишь на пути кооперирования. Таким образом перед нами процесс не передвижки крестьянства из низших групп в высшие, а общий подъем бедняцкого и середкого хозяйств при вовлечении их в кооперацию. Путь передвижки из низших групп в высшие—это путь капиталистического развития. Такая тенденция капиталистического развития у нас в деревне имеется, но ей мы противополагаем другую линию, другую имеющуюся в деревне тен-

денцию—это путь социалистического развития, путь кооперирования крестьянского хозяйства, путь развития коллективных форм в деревне. В резолюции IV Съезда советов об этом и говорится: «Подъем крестьянского хозяйства и постепенное, но неуклонное проведение в жизнь реорганизации сельского хозяйства на новой более высокой технической основе неразрывно связаны с развитием кооперативных форм сельского хозяйства и ростом на добровольных началах крупной коллективной связи. Наряду с индустриализацией страны основное развитие кооперирования бедняцких и середняцких масс крестьянства является основой политики советского государства». Тов. же Теодорович полагает, что «основная линия сельскохозяйственной политики в данный момент должна заключаться в том, чтобы создать атмосферу, крайне благожелательную, вопервых, для роста бедняцких групп в середняцкие и, вовторых, для дальнейшего хозяйственного подъема середняков». И почему-то т. Теодорович полагает, что из его курса «с логической неизбежностью вытекает необходимость борьбы с кулачеством», в то время как он сам приветствует передвижку крестьянского хозяйства из низших групп в высшие. В этом и заключается путаница т. Теодоровича. Общий подъем крестьянского хозяйства означает переход его в кооперативные формы. На этом пути и возможны поднятие и улучшение его положения, и этот путь будет с неизбежностью толкать все в большей и большей мере развитие индустриализации страны.

Таковы неправильные мнения по вопросу индустриализации, которые высказываются в нашей литературе. Они вносят в разработку вопросов, связанных с сельским хозяйством, путаницу. Эта путаница мнений, неправильная и ошибочная трактовка такого важнейшего вопроса нашей экономической политики, как индустриализация страны, могут породить лишь путаницу и в намечении практических мероприятий для проведения и проработки конкретных мер и шагов в деле индустриализации страны. Мы должны самым внимательным и критическим образом отнестись к подобного рода направлениям, которые могут вести к совершенно ошибочному и в корне неправильному пониманию всей нашей политики. Подобного рода мнениям необходимо давать самый решительный отпор.

В заключение мы лишь приведем тут часть резолюции IV Съезда советов, где подводится итог нашей политики по индустриализации страны и развитию сельского хозяйства: «Развитие производительных сил сельского хозяйства не только не противоречит курсу на индустриализацию страны, но, наоборот, является важнейшим условием осуществления самой индустриализации. Это должен осознать каждый рабочий, каждый трудящийся крестьянин и каждый работник советского

государства. Это тем более необходимо, что индустриализация страны потребует от всего государства огромного напряжения сил и средств. Надо считаться с тем, что результаты индустриализации, а тем самым и результаты неизбежных огромных затрат на ее осуществление, скажутся не сразу, а лишь по прошествии некоторого времени; но эти результаты будут иметь решающее значение для всего развития советского государства. Правильное проведение намеченной хозяйственной политики, направленное на поднятие как промышленности, так и сельского хозяйства, даст свои результаты в значительном экономическом и культурном подъеме рабочих и крестьянских масс. Результатами этой политики попользуются и город и деревня, как промышленность, так и сельское хозяйство. Успехи в деле индустриализации страны создадут новое, еще более благоприятное условие для дальнейшего упрочения смычки города и деревни, сельского хозяйства и промышленности, для укрепления союза рабочих и крестьян, упрочения диктатуры пролетариата и дальнейшего продвижения к социализму».

Это постановление Съезда лучше всего освещает основную нашу линию в этом отношении, в вопросе, разрешение которого обеспечивает успехи дальнейшего социалистического строительства в стране.

VIII. ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

С 1926 года наше экономическое развитие вступает в новый период, который характеризуется реконструкцией технических основ народного хозяйства. Задача индустриализации страны является уже с XIV съезда ВКП(б) основной задачей нашей экономики. В разрешении этой задачи огромную роль должна сыграть и деревня, так как индустриализация страны является необходимой не только для города, но не в меньшей степени и для деревни. Только благодаря индустриализации страны деревня сможет получать в достаточном количестве необходимые ей средства производства, машины и орудия, развить технические культуры, ослабить аграрное перенаселение, в достаточном количестве удовлетворить потребность в предметах городской промышленности.

Поэтому в осуществлении индустриализации народного хозяйства должно принять участие и крестьянство.

Сельскохозяйственная техника точно так же должна подвергнуться изменению в сторону большей механизации с.-х. производства; в частности в этом смысле огромную роль будет играть распространение тракторов. При практическом проведении этого огромную роль играют те материальные ресурсы, которыми располагает деревня. В этом смысле рост с.-х. продукции создает предпосылку для проведения ряда улучшений технического характера, создает возможность использования накоплений, производимых сельским хозяйством в соответствии с вышеизложенными задачами.

Значительное внимание мы должны будем уделить механизации сельского хозяйства, учитывая наличие огромного количества безлошадных крестьян. Больше того, *само продвижение вперед коллективизации сельского хозяйства может итти рука об руку лишь с его механизацией*. Это нам нужно помнить и обратить на это самое серьезное внимание.

Но в наступающий хозяйственный период возникает и целый ряд трудностей для развития сельского хозяйства. Эти трудности следующим образом сформулированы в резолюции XV партконференции (ноябрь 1926 г.).

«Наступающий хозяйственный период вскрывает новые трудности как в развитии сельского хозяйства, так и в общественных отношениях в деревне. Недостаточность с.-х. инвентаря и машиноснабжения деревни служит причиной замедления хода развития с.-х. производства и может быть изжита лишь в связи с успешным развитием индустриализации. Недостаточное развитие с.-х. культуры, преобладание отсталых форм хозяйства—все это еще служит громадным препятствием для дальнейшего развития всего народного хозяйства. Преобладание отсталых форм хозяйства порождает в ряде районов СССР перенаселение деревни и усиленный отход рабочей силы в города. Изживание этого явления потребует длительного периода и стоит в прямой зависимости от развития земледельческой культуры, освоения новых земель малонаселенных районов путем переселения и индустриализации страны, в частности от развития местной промышленности и интенсификации с.-х.

Таковы основные трудности, стоящие перед сельским хозяйством в наступающем периоде реконструкции нашего народного хозяйства и подведения под него новой технической базы. Они сводятся к отсталости техники сельского хозяйства и к преобладанию отсталых форм хозяйства. Поэтому наше внимание должно концентрироваться, с одной стороны, на развитии техники сельского хозяйства, а с другой стороны, на усилении более совершенных форм сельского хозяйства, т. е. прежде всего на укреплении и развитии коллективных форм. Проведение указанной политики должно отвечать, с одной стороны, общему направлению нашей политики социалистического строительства, с другой стороны, реальным условиям развития производительных сил в сельском хозяйстве. В развитии деревни, как уже указывалось, мы имеем две тенденции—капиталистическую и социалистическую. Мы должны вести нашу политику таким образом, чтобы укреплялись социалистические тенденции в развитии деревни. Именно этот путь диктует проведение этих мероприятий в сельском хозяйстве, чтобы укрепить смычку рабочих с основной массой крестьянства—бедняками и середняками, и укрепить связь сельского хозяйства с промышленностью.

«Под этим углом зрения,—говорит резолюция XV партконференции,—должны проводиться и в дальнейшем снабжение деревни с.-х. машинами и другими товарами, а также организация сбыта с.-х. продукции, построение с.-х. кредита и организация помощи бедняцкой части деревни, освобождение наиболее маломощной части крестьянства от с.-х. налога, предоставление беднейшей части деревни особых кредитов, содействие развитию коллективных форм земледелия и т. д.».

В настоящее время перед сельским хозяйством встает ряд задач, как мы видели выше, по развитию сельскохозяйственной техники и по усилению коллективных форм сельского хозяйства. Вместе с этим мы должны будем обратить особое внимание на развитие тех областей сельского хозяйства, которые непосредственно связаны с промышленностью, т. е. в первую очередь на развитие сырьевой базы нашей промышленности, что означает необходимость направить нашу политику в деревне на развитие, на улучшение технических культур, животноводства, на механизацию, интенсификацию сельского хозяйства и на развитие таких отраслей промышленности, которые перерабатывают с.-х. продукты. В этом отношении до сих пор еще сделано крайне мало и крайне недостаточно. Больше того, некоторые ошибки в области регулирования нашего рынка, в области политики цен повели к тому, что некоторые технические культуры в сельском хозяйстве испытали понижение. Продукция 1925/26 года по сравнению с 1924/25 годом в отношении тех с.-х. культур, которые дают сырье для нашей промышленности, показывает падение примерно на 6%. На это обстоятельство необходимо обратить самое серьезное внимание. Освобождение от влияния заграницы, от капиталистических стран, должно итти не только по линии организации у нас собственного машиностроения, но и собственных сырьевых баз. Мы переплачиваем сотни миллионов рублей за хлопок, ввозим к себе кожевенное сырье и т. п., в то время как надлежащим развитием с.-х. культур мы могли бы сначала в значительной степени сократить импорт сырья, а затем и совсем избавиться от него.

В области социалистического строительства мы должны, повидимому, еще в большей степени искать конкретные меры для вовлечения основной массы крестьянства в социалистическое строительство. Ошибки и неправильные уклоны на этом пути, несомненно, грозили бы срывом социалистического строительства в целом. Опасность таких уклонов и искривлений нашей экономической политики в отношении к крестьянству мы имели в рядах нашей партии в лице оппозиционного блока в 1926 г. На этих ошибках оппозиционного блока мы должны остановиться, чтобы уяснить на этом примере вопрос: какие ошибки и опасности могут стоять, если будет неправильно понята наша политика в отношении крестьянства?

Основными ошибками оппозиционного блока являются: вопервых, неправильное определение направления развития деревни. Товарищи из оппозиции определяют это направление, как преобладающе капиталистическое. Об этом было заявлено в выступлении т. Преображенского в Коммунистической академии по докладу «О хозяйственных перспек-

тивах». Этим же объясняется переоценка оппозицией роли кулака в деревне и недооценка развития социалистических форм в деревне, в частности кооперативной работы. Товарищи из оппозиции подходят к процессам, совершающимся в деревне, как будто эти процессы происходят в условиях капиталистического хозяйства; они не видят, например, никакой разницы в процессах диференциации, происходящих в условиях капитализма, и диференциации, происходящей у нас. Тов. Рыбов на XV партконференции отметил именно это положение, сказав:

«что оппозиция считает безусловно доказанным, что в настоящее время в деревне происходят точно такие же процессы расслоения, какие происходили и при царе в условиях частной собственности на землю и дворянско-помещичьего землевладения, что Октябрьская революция не оказала сколько-нибудь заметного и прочного влияния на соотношение сил в деревне», и «нить, прерванная революцией, вновь взята историей и плетется».

Ошибочность подобного подхода к развитию сельского хозяйства и социальных отношений в деревне бросается в глаза при малейшей попытке проверить эти положения путем анализа фактических данных о развитии в деревне. Как мы говорили выше, диференциация в деревне в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата, принимает совершенно иной характер, чем в условиях капиталистического развития. Благодаря целой системе мероприятий, принимаемых и проводимых советской властью, у нас не только не происходит размывания основной массы крестьянства на его крайние полюсы, но, наоборот, основная масса крестьянства поднимается экономически и укрепляется политически по отношению к кулацким элементам деревни. Конечно, это отнюдь не означает, что у нас исчез кулак или что мы должны в какой-либо мере ослабить борьбу с попытками со стороны кулацких элементов влиять на экономическое и политическое развитие деревни,— этим попыткам должен быть дан решительный отпор. Но из факта признания существования кулацких элементов отнюдь не следует необходимость извращать наше понимание общего направления развития деревни. Рост кооперации и рост коллективизации сельского хозяйства, рост общественности деревни, укрепление смычки города с деревней, сельского хозяйства с промышленностью, крестьянства с рабочим классом являются фактом достаточно убедительным для того, чтобы определить действительное направление развития деревни.

Второго рода ошибка со стороны оппозиции заключается в том, что она рассматривает крестьянство почти исключительно под углом зрения налоговой политики, оценивая его почти что лишь как объект обложения. В своей «Новой экономике» т. Преображенский прямо пишет:

«Обложение несоциалистических форм не только неизбежно и должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз». И далее: «Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазного производителя меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше с еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого хозяйства страны».

И другие товарищи из оппозиции полагают, что, например, индустриализацию страны можно строить преимущественно за счет обложения крестьянства. Подобного рода политика на деле означала бы, несомненно, разрыв с крестьянством и была бы губительна и по своим экономическим и политическим последствиям. В подобного рода постановке заключается прежде всего переоценка достижений сельского хозяйства, которое на самом деле, достигнув довоенного уровня, по существу достигло лишь того нищенского положения, в котором находилась дореволюционная деревня; поэтому сельское хозяйство отнюдь не может являться преимущественной базой для решения тех задач, которые стоят перед всей страной. Далее, подобная политика увеличения налогового бремени на крестьянство повела бы в результате к тому же, к чему в свое время вела разверстка, т. е. к суженню, к сокращению посевных площадей и товарности крестьянского хозяйства. Но в то время как разверстка обусловливалась определенными политическими обстоятельствами,—необходимость ведения гражданской войны,—и тем самым была необходима; поворот в этом отношении нашей политики в настоящее время обратно дал бы, несомненно, иные результаты и вызвал бы серьезнейшие осложнения. Поэтому XV партконференция постановила:

«Подтверждая правильность линии, установленной XIV партийной конференцией и XIV партийным съездом в отношении крестьянства, XV партийная конференция решительно осуждает попытку оппозиции изменить эту политику в отношении к крестьянству под флагом защиты будто бы интересов индустриализации и тем самым нанести непоправимый удар по смычке между городом и деревней. Попытка рассматривать крестьянство только как объект обложения, дабы путем чрезмерных налогов, повышения отпускных цен увеличить изъятие средств из крестьянского хозяйства, должна неизбежно приостановить развитие производительных сил деревни, уменьшить товарность сельского хозяйства, создать угрозу разрыва союза рабочего класса с крестьянством, ставя под угрозу социалистическое строительство».

Ошибки оппозиции являются показательными в том смысле, что на них нужно учиться тому, как возможно создать в корне ошибочную экономическую политику, если не учесть тех объективных условий, в которых происходит развитие сельского хозяйства, развитие отношений между крестьянством и рабочим классом и осуществление социалистического строительства.

Выводы наши относительно задач советской аграрной политики в настоящий момент таковы:

В условиях сравнительно быстрого развития деревни и укрепившегося хозяйственного положения наша политика, направленная на укрепление социалистических начал нашего хозяйства в деревне, должна:

вопервых, способствовать дальнейшему развитию производительных сил деревни, в первую очередь в области техники, в массовом масштабе и в отношении основной массы крестьянских хозяйств середняков и бедняков;

вовторых, считаясь с дифференциацией крестьянства и с особенностями каждого слоя крестьянства, путем ряда конкретных мероприятий в большей степени втянуть середняка в кооперацию, и дальше закрепить союз с ним путем содействия его хозяйственной работе; для бедняцкой части разработать конкретные меры поднятия ее хозяйственного положения; повести решительную борьбу как с недооценкой расслоения крестьянства и значения бедняцкой части в деревне, так и с переоценкой кулацкой опасности и недооценкой роли середняка;

втретьих, все решения необходимо проработать на местах путем их конкретизации в зависимости от экономических и бытовых условий района.

К 1927 г. деревня поднялась до довоенного уровня, освоила национализированную землю и сейчас вступает в период более интенсивного, более широкого строительства новых хозяйственных и новых общественных форм. В это строительство втянуты миллионы крестьян, от успехов этого строительства будет зависеть не только дальнейшее развитие деревни, но в значительной степени и дальнейшее развитие города. Наша задача остается той же, какую нам завещал в свое время т. Ленин:

«К социализму двигаться с многомиллионной крестьянской массой».

IX. ПУТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДЕРЕВНЕ

Основная установка решений XV партийного съезда заключается в намечении дальнейшего развития и перестройки деревни в социалистическом направлении. Как этот путь, так и конкретные меры по работе в деревне имеют под собой особенно крепкие основы: десятилетний опыт и практику советской деревни, десятилетнюю работу по установлению и закреплению союза города и деревни, пролетариата с основной массой крестьянства, укрепление кооперативных форм хозяйства, самое разнообразное развитие и оформление советской работы. Поэтому наши теперешние решения могут опираться на проверенные данные практики на протяжении целого десятилетия. Поэтому с такой выпуклостью и конкретностью могли быть поставлены такие основные задачи перед XV съездом, как взаимоотношения между городом и деревней в наступающем новом периоде реконструкции всего народного хозяйства, переход от мелкого к крупному сельскому хозяйству, дальнейшее кооперирование деревни и определенная классовая установка по линии советской, кооперативной и партийной работы.

Общая оценка положения и условий, в которых приходится развивать работу в деревне, заключается в следующих трех положениях:

> «вопервых: в области хозяйственной весьма значительно вырос социалистический сектор народного хозяйства, а вместе с ним и удельный вес рабочего класса;
>
> вовторых, частный капитал оказался выбитым из ряда важнейших позиций;
>
> втретьих, в деревне совершенно ясно обозначились и основные противоречия и рычаг социалистического развития, т. е., с одной стороны, некоторый рост кулачества, с другой стороны, усиление середняцкой группы и рост организованности деревенской бедноты, быстрое развитие кооперации, которое в условиях пролетарской диктатуры равносильно, по Ленину, «росту социализма», и усиление планово регулирующей роли государственных органов по отношению к крестьянскому хозяйству» (из резолюции по работам в деревне, принятой XV съездом).

Эти выводы были обоснованы самым разнородным цифровым фактическим материалом и указывают как на достигнутые результаты, так и на отправные условия для дальнейшего развития вперед.

Какова же основная задача для нашей работы в деревне в настоящий период?

Само собой разумеется, важнейшими задачами нашей работы в деревне продолжают оставаться такие задачи, как дальнейшее укрепление связи между городом и деревней путем определенных экономических отношений и определенной экономической политики, такие задачи, как дальнейшее развертывание кооперирования деревни, улучшение и рационализация советской работы и т. п. В новых условиях эти задачи, само собой разумеется, получают дальнейшее развитие и усовершенствование при своем осуществлении. Но всегда партия выделяла для определенного периода, в зависимости от особенных условий, основную задачу, на которой необходимо было особенно концентрировать внимание, силы и средства. И вот такой основной задачей настоящего периода, периода реконструкции всего нашего народного хозяйства на новой технической базе, является и реконструкция сельского хозяйства, каковая заключается в переходе от мелкого сельского хозяйства к крупному, коллективному сельскому хозяйству. В резолюции съезда по работе в деревне говорится:

> «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких, индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные, коллективные должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне. Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгодности для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству и всемерное поощрение на практике имеющихся уже и заметно растущих элементов крупного коллективного хозяйства в деревне».

Вот основная задача, поставленная съездом в области сельского хозяйства! Необходимость разрешения этой задачи диктуется всем ходом экономического развития как всего народного хозяйства, так и сельского хозяйства.

Как известно, законы развития производительных сил, даже в капиталистическом строе, ведут к развитию в сельском хозяйстве крупных форм и к победе их над мелкими. Классический анализ этого процесса

дал Ленин в его работах по аграрному вопросу и в особенности в его работах: «Капитализм в сельском хозяйстве» и «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (капитализм и земледелие в Соед. шт. Америки). Анализ развития производства и обмена в сельском хозяйстве приводит к выводам о преимуществах крупных форм сельского хозяйства над мелкими. Но этот процесс развития производительных сил в сельском хозяйстве в условиях капиталистического строя идет путем разорения основной массы крестьянских хозяйств—бедняцкой и середняцкой, усиления кулацких форм (крупных фермеров, гроссбауэров и т. п.), путем увеличения эксплоатации со стороны капитала деревни и углубления и обострения классовых противоречий, а также усиления конкуренции между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

В условиях диктатуры пролетариата этот процесс развития производительных сил деревни носит совершенно иной характер.

> «Диктатура пролетариата в СССР меняет коренным образом условия, а следовательно, и ход развития сельского хозяйства, создавая принципиально иной тип развития аграрных отношений, иной тип классовых перегруппировок в деревне, иное направление в развитии хозяйственных форм. Диктатура пролетариата, национализация земли, крупной промышленности и банков не только дают возможность вести сельское хозяйство за собой, но и создают совершенно иное, чем в капиталистическом обществе соотношение между городом и деревней... рынок растет здесь не благодаря обеднению и пролетаризации основной массы крестьянства, а благодаря росту благосостояния среднего крестьянства и деревенской бедноты. Тем самым уже дан иной характер классовых сдвигов и классовых перегруппировок внутри крестьянства». (Резолюция.)

Данные десятилетия советской власти о дифференциации полностью подтверждают это положение.

Таким образом, основное различие заключается в том, что развитие производительных сил в сельском хозяйстве, переход от мелкого к крупному сельскому хозяйству совершается и должен совершаться не путем разорения бедняцкого и середняцкого крестьянства, а, наоборот, путем подъема благосостояния основной массы крестьянства, путем укрепления ее хозяйства в новых формах.

Доказывать преимущества крупного хозяйства перед мелким в области сельского хозяйства вряд ли нужно. Этому была посвящена в свое

время вся марксистская литература. Но некоторые иллюстрационного характера данные в отношении наших конкретных советских условий представляют несомненный интерес. Их мы берем из материалов, выпущенных НК РКИ СССР.

В материалах НК РКИ СССР, вышедших под названием «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства», при рассмотрении преимуществ крупных хозяйств перед мелкими все хозяйства разбиты по размерам валовой продукции: хозяйства с валовой продукцией до 400 рублей являются хозяйствами бедняцкими, мельчайшими хозяйствами, от 400 до 1 400 рублей—это хозяйства середняков, и, наконец, свыше 1 400 рублей—это крупные хозяйства. Обращаясь к основным показателям, характеризующим хозяйства в зависимости от их форм, мы видим следующую крайне показательную картину. Урожай с десятины прогрессивно растет, в зависимости от форм хозяйства. В мелких хозяйствах он в $1\frac{1}{2}$—2 раза меньше, чем в средних, и в 2, почти в 3, раза меньше, чем в крупных. Соответствующим образом средние хозяйства в $1\frac{1}{2}$—2 раза отстают от крупных. Так, например, по Псковской губ. в мелких хозяйствах урожайность ржи—от 465 до 600 *кг*, в средних—от 691 до 871 и в крупных—1 170 *кг* с гектара. По Екатеринославской губ. урожай пшеницы в мелких—от 255 до 465 *кг*, в средних—от 465 до 812 *кг*. По Орловской губ. картофель дает в мелких от 2 616 до 4 250 *кг* с гектара, в средних—от 5 880 до 7 750, в крупных—6 860 *кг*. По удою коров по Московск. губ. за год в *кг*: в мелких—852 *кг*, в средних—от 1 130 до 1 671 и в крупных—до 1 638. Доходность одного рабочего дня по Смоленской губ. выражается в мелких—40 к., в средних—от 63 до 92 коп. и в крупных—1 р. 25 коп. По Орловской губ. в мелких—до 13 коп., в средних—от 51 до 89 коп. и в крупных—1 руб. По Киевской губ.—от 26 до 42, в средних—от 53 до 73 и в крупных—1 р. 20 коп.

Но следует особо отметить, что эти показатели в ы ш е в совхозах и колхозах, чем в индивидуальных хозяйствах.

Таким образом, все эти данные рисуют нам значительный рост производительности и доходности хозяйства при переходе его от мелких к средним и крупным формам. Чтобы побороть нашу отсталость, культурную и всякую иную, чтобы действительно поднять благосостояние широких масс, мы должны искать разрешения этих вопросов в деревне, в смысле достижения более совершенных форм сельского хозяйства.

Переход от мелкого хозяйства к крупному может совершаться по двум основным линиям: или по линии капиталистической—выделение крупного фермерского хозяйства, или по линии социалистической—путем кооперирования, коллективизации сельского хозяйства и путем про-

ведения индустриализации. В деревне у нас существуют эти обе тенденции, но вопрос заключается в том, какая из этих двух тенденций является побеждающей у нас, в условиях диктатуры пролетариата. Как известно, буржуазные и мелкобуржуазные экономисты, а вслед за ними и, покойной памяти, оппозиция полагали, что капиталистическая тенденция у нас в деревне должна будет побеждать, что естественным процессом развития сельского хозяйства будет все усиливающийся рост крупных, индивидуальных крестьянских кулацких хозяйств. В анализе этого развития основная ошибка как буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, так и оппозиции заключалась в совершенно неверном представлении всей структуры нашего народного хозяйства и в непонимании ведущей, определяющей роли общественного сектора народного хозяйства.

Если в условиях капиталистического строя определяющая роль капитализма в развитии деревни означает выделение и усиление капиталистических элементов в сельском хозяйстве, которые начинают играть руководящую и определяющую роль в развитии сельского хозяйства, каковая, как мы говорили выше, заключается в размывании и в уничтожении средней основной массы крестьянского хозяйства и в усилении полюсов—полупролетарского и капиталистического, то в наших условиях определяющую роль в деревне играет обобществленная промышленность, обобществленный транспорт, кредит, находящийся в руках государства, государственная торговля и т. п., т. е. обобществленный сектор народного хозяйства. Вследствие этого, несмотря на существование капиталистической тенденции в деревне, каковая существует на основе индивидуального крестьянского товарного хозяйства, вместе с этим все большее и большее значение должна была приобретать социалистическая тенденция развития сельского хозяйства [1].

---

[1] Ленин на VIII Съезде советов говорил о роли и значении капиталистической тенденции в нашей деревне. Оппозиция схватилась за это место в речи Ленина, поставивши точку как раз перед тем, где Ленин указывал средство борьбы с этой капиталистической тенденцией. Ленин говорил: «Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали». Тут-то оппозиция и остановилась. Но Ленин продолжал: «Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Вот переход, намеченный Лениным к коммунизму.

В настоящее время, в начале второго десятилетия советской власти, мы имеем совершенно явственно выявившиеся преимущества социалистической тенденции в деревне: быстрый рост кооперации, по своим размерам значительно превышающий довоенную кооперацию, укрепление коллективных и советских хозяйств, которые в техническом отношении обогнали крестьянские хозяйства, вытеснение из оборота между городом и деревней частника, место которого заступила кооперация и государственная торговля, подъем основной массы крестьянства. Таковы вполне определившиеся тенденции развития советской деревни. В условиях развития и укрепления обобществленного сектора народного хозяйства, в условиях национализированной промышленности, транспорта, советских финансовых отношений сколько-нибудь серьезное экономическое развитие капиталистических элементов представляется невозможным, и оно неизбежно вступает в конфликт с общим экономическим развитием всего нашего строя. Поэтому основной путь перехода от мелкого к крупному хозяйству заключается в переходе его на путь коллективизации. Проблема производственной коллективизации деревни во всем ее разнообразии является сейчас наиболее жизненной проблемой в развитии деревни. И когда буржуазная школа нео-народников (Кондратьев, Макаров и друг.) противопоставляют этому процессу развития советской деревни процесс развития фермерского хозяйства, делая ставку на стихийность экономического развития деревни, то этим они обнаруживают свое расхождение с действительностью и непонимание основных закономерных связей нашего хозяйственного развития.

Усиление кооперирования в деревне и коллективизации сельского хозяйства, иными словами, усиление социалистического сектора в деревне будет означать вытеснение капиталистических тенденций в деревне и ограничение роста кулацких элементов. Наша экономическая политика на основе достигнутых результатов, выявившая экономические преимущества разнородных коллективных форм хозяйства перед индивидуальным, вполне естественно должна быть направлена на дальнейшее наступление на кулацкие элементы деревни. Политика партии всегда была направлена против кулацких элементов в деревне, но в зависимости от тех или иных исторических условий эта политика принимала различные выражения.

В настоящее время съезд партии, в силу стоящих задач—более решительной реконструкции сельского хозяйства, определил по экономической и политической линии более решительное наступление на кулака. Но эта политика наступления на кулака связывается с одновременным принятием мер по укреплению, усилению связи с основной массой

крестьянства и по дальнейшему развитию хозяйств основной массы крестьянства, как бедняцкого, так и середняцкого, по пути социалистического строительства. В этом заключается принципиальное отличие намеченной съездом партии линии от той линии наступления на кулака, какую предлагала покойной памяти оппозиция. В мерах, рекомендованных оппозицией в борьбе с кулачеством, были проявлены крупнейшие, принципиального характера ошибки, заключавшие опасность не только ослабления смычки города и деревни, союза промышленности и сельского хозяйства, но и прямой разрыв с середняков. Эта политика увязывалась в оппозиции с неверием в возможность социалистического преобразования деревни и с отказом от ленинской политики в отношении крестьянства. Эта политика была бы крайне губительна не только для развития деревни, но и для развития промышленности и всего народного хозяйства. Но с полной ясностью и определенностью выявилось непонимание оппозиции в том, что в нашей стране социалистическое строительство и дальнейшее укрепление СССР могут происходить только на основе союза пролетариата с многомиллионной массой крестьянства.

Поэтому XV съезд решительно осудил эту политику. Как мы говорили выше, наша линия в настоящее время направлена с большей решительностью на коллективизацию сельского хозяйства, с большей же решительностью должна быть обращена и против кулацких элементов. В резолюции по отчету ЦК мы читаем:

> «XV съезд считает, что по отношению к возросшим в своей абсолютной массе, хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства, элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения».

И в резолюции по работе в деревне мы читаем, что если в настоящее время созданы предпосылки для более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев в деревне и дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство, то одновременно и для

> «более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата деревенской бедноты с середняком».

Перед нашими хозяйственными и вообще всеми советскими организациями стоит огромная задача сейчас конкретизировать эту борьбу против кулака с большей решительностью по всем направлениям. Мы должны взять вполне определенную линию в области наших разно-

родных агрикультурных мероприятий, в области машиноснабжения, в области кредитования и т. д., которая была бы, с одной стороны, направлена на подпятие хозяйства бедняцкой и середняцкой массы, а с другой стороны, путем определенных конкретных мер ограничивала бы образование и рост кулацких элементов. Если, например, по землеустройству мы должны наметить ряд вполне конкретных мер по льготам для бедноты и середняков в деле землеустройства, то, наоборот, для кулацких элементов мы должны повысить оплату землеустроительных работ. Пользование наемным трудом для кулацких хозяйств должно быть поставлено под тот же режим, как для капиталистов промышленности, по кредиту мы должны направить по руслу бедняцких и середняцких хозяйств, по машиноснабжению, особенно принимая во внимание дефицитность целого ряда сложных машин, мы должны их направить опять-таки главным образом по линии бедняцких и середняцких хозяйств. Мы должны пересмотреть наше законодательство в отношении деревни именно под углом зрения этой политики, более решительного наступления на кулака.

Главные трудности при разрешении задачи перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному обобществленному заключаются прежде всего в области организационной. Мы имеем 24 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств. Из них 30% являются охваченными с.-х. кооперацией. По отдельным видам с.-х. кооперации, особенно в области производства технических культур, кооперированность в отдельных районах значительно повышается и охватывает 60—70% крестьянских дворов. Но с.-х. кооперация гл. обр. охватывает функции сбыта и снабжения. В связи с принятыми решениями ей придется взять решительный курс на реконструкцию с.-х. производства.

Следует сказать, что в сельском хозяйстве в отношении к реконструкции мы должны решить предварительно ряд элементарных задач, вполне достижимых даже при существующих ресурсах. Такие задачи, как проведение землеустройства, переход к многополью, переход на селекционный семенной фонд, меры по улучшению животноводства, могут быть разрешены в ближайший период, не требуя значительных денежных затрат, в то время как результаты этих мероприятий, несомненно, сказались бы в значительном повышении эффективности с.-х. производства. В этом, между прочим, одна из отличительных черт реконструкции сельского хозяйства от реконструкции промышленности. Последняя требует значительных вложений в основной капитал, и затруднения заключаются в недостатке средств.

Поэтому именно перед кооперацией, как перед массовой организацией, в первую очередь встают задачи проведения в массовом масштабе

указанных мероприятий. В силу этого кооперация, как потребительская, так и сельскохозяйственная, должна повысить плановость своей работы, стремиться вовлечь большее количество крестьянских хозяйств в сферу своего влияния, углубляя одновременно качество своей работы. Одним из видов как работы кооперации в первую очередь, так и нашей государственной промышленности, дающим возможность влиять на реконструкцию сельского хозяйства, является путь коллективных договоров с крестьянством по производству и сбыту с.-х. продукции.

В резолюции о работе в деревне по этому поводу мы имеем следующее:

«Усиление планового воздействия на производственный процесс через кооперацию находит свое выражение уже в форме прямых заказов кооперированным производителям на данное качество и количество продуктов, как то имеет место в сахарной промышленности и частью в хлопководстве (система так называемых концентраций и т. д.), причем заказчик, т. е. госпромышленность, имеет возможность повышать качество производственного процесса, оговаривая в договоре соответствующие лучшие способы производства (рядовой посев, качество семян, удобрение почвы и пр.) и оказывая содействие их осуществлению. Приэтом нередко снабжение соответствующими средствами производства происходит само через посредство дающих заказы государственных и кооперативных организаций. Эта форма может и должна служить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле этого слова, т. е. добровольного объединения мелких производителей, связанных через кооперацию с социалистической промышленностью».

На этот путь коллективных договоров с крестьянством мы должны будем обратить самое серьезное внимание, так как он даст возможность влияния и воздействия на с.-х. производство в массовом масштабе. От заключения договоров по техническим культурам возможен переход и к заключению договоров на зерновые культуры (в первую очередь, пшеницу) и на продукты животноводства. Этот путь коллективных договоров с крестьянством нуждается в самом серьезном изучении его практики и использования тех преимуществ, какие он дает по воздействию на крестьянское хозяйство. Коллективизация с.-х. производства будет развиваться одновременно с проникновением и развитием с.-х.

техники и общей индустриализации страны. В смысле машиноснабжения у нас, к сожалению, до сих пор господствует слабая плановость. Наше машиноснабжение, которое производится в деревне почти исключительно через кооперацию, недостаточно приспособлено к особенностям района, и с.-х. машины сплошь и рядом не попадают в моменты наиболее горячего сезонного спроса на них. Поэтому получается такая несуразица, что при явном недостатке с.-х. машин у нас сплошь и рядом бывает затоваривание с.-х. машин. Объясняется это существованием ножниц между сезонностью спроса на те или иные виды с.-х. машин и выбрасыванием заводами этих машин в сроки, которые не отвечают сезонности спроса. Точно так же для расширения машиноснабжения деревни должны быть приняты решительные меры по снижению накидок торгующими организациями и удешевлению этим путем с.-х. машин. Должны быть особенно тщательно просмотрены пути кредитования крестьянства на предмет машиноснабжения. На съезде были отмечены в этом отношении серьезные дефекты, когда машина попадала не в руки бедняцких и середняцких хозяйств, а в руки кулацких хозяйств. Этому явлению должен быть положен решительный конец.

Несомненно, специальное, особенное значение должно быть уделено развитию различных форм коллективизации сельского хозяйства, начиная от ее первичных форм: общественной обработки земли, совместного пользования машинами, и до более совершенных форм—до товариществ и коммун. Практика показала нам, что этим вопросам уделяют внимание несоответственно их важности. Колхозы наполовину неземлеустроены.

В отношении кредитования коллективных хозяйств, как мы об этом говорили выше, наблюдаются явные дефекты. Сплошь и рядом работа наших советских и хозяйственных органов ограничивается лишь общим декларированием содействия без намечения практических, действительно конкретных и реальных мер по содействию коллективным хозяйствам. В этом отношении должен быть решительно сделан поворот, и мы должны требовать действительной конкретизации мероприятий по укреплению социалистических форм сельского хозяйства как в отношении совхозов, так и в отношении коллективных хозяйств.

Таковы основные задачи, поставленные XV Съездом в области работы в деревне, и партии, советским органам, хозяйственным организациям и в особенности кооперации предстоит их осуществление и претворение в жизнь.

X. ЛЕНИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО

События последних лет после смерти т. Ленина полностью подтвердили, насколько прав он был в постановке важнейшего и труднейшего вопроса современного общественного развития, именно крестьянского вопроса. Как известно, работы т. Ленина в этом вопросе дают анализ крестьянского вопроса в условиях буржуазного строя и нашу политику к крестьянству в эпоху борьбы за свержение капитализма и за установление диктатуры пролетариата и анализ этого вопроса и нашей политики к крестьянству в эпоху диктатуры пролетариата, в эпоху строительства социализма. Не подлежит сомнению, что от правильного разрешения этого вопроса, от правильной нашей политики и нашей тактики в этом вопросе в значительной мере решается исход борьбы за свержение капитализма и за победу социализма. Еще на втором конгрессе Коминтерна перед всеми коммунистическими партиями Лениным был этот вопрос поставлен, как один из самых важнейших и центральных вопросов нашей политики в борьбе за диктатуру пролетариата. Не следует забывать, что в целом ряде наших коммунистических партий не отдавалось отчета в важности этого вопроса и необходимости отчетливой тактики и широкой организационной работы в деревне.

Та эпоха, в которую мы живем, которая в общем, несмотря на отдельные зигзаги, которые делает капиталистическое развитие, является все же эпохой развала капиталистической системы и ожесточенной классовой борьбы, переходящей сплошь и рядом в форму открытой гражданской войны в ряде стран. В этой борьбе величайшее значение получает соотношение классовых сил. Для борющегося пролетариата важно повести за собой в этой борьбе массы крестьянства, и именно поэтому необходима осознанная политика в крестьянском вопросе. Эта политика должна основываться на учете всего того гнета, который накладывает капитализм на крестьянские массы, и на тех интересах в свержении капитализма, которыми связываются полупролетарские, бедняцкие массы крестьянства с борющимся пролетариатом против капитализма и против его гнета.

Втечение последних лет прошел ряд восстаний, где наряду с пролетариатом выступало и крестьянство. Таково движение крестьян-

ства в балканских странах—в Болгарии, в Румынии, ряд выступлений крестьянства в Италии и, наконец, выступления крестьянства против империализма в Китае и в некоторых колониальных странах, например в Индонезии. Эти выступления, особенно борьба в Китае и борьба в Индонезии, являются осуществлением того прогноза, который был поставлен т. Лениным в отношении крестьянства в колониальных порабощенных империализмом странах.

Эта борьба является величайшего значения фактором для всей нашей борьбы против капитализма, и можно себе представить, с какой энергией, с какой страстностью отдался бы Владимир Ильич, если бы был жив, изучению положения крестьянства в Китае и в колониальных странах в эти годы, когда оно активно выступает против империализма, и как остро чувствуется именно в этой борьбе отсутствие всеобъемлющего, проницательного гения т. Ленина, соединявшего тщательное изучение вопроса, глубокий теоретический анализ с практическим указанием путей развития и тактики для достижения определенных результатов в развертывающейся борьбе. Но то оружие тактики, которое оставил нам т. Ленин по отношению к крестьянству, является той основой, с помощью которой мы подходим к разрешению современных проблем.

И в этом отношении показательны те решения, которые были приняты последним пленумом Коминтерна (в 1926 г.) при разрешении этой сложнейшей проблемы современности. В эпоху ожесточенной классовой борьбы и открытых боев нам нужно уметь не только строить наши коммунистические ряды, не только организовать пролетариат, но уметь вести в этой борьбе за собой крестьянство. Вести его можно, только сплачивая на почве тех конкретных интересов, в борьбе за которые оно восстает против современного капитализма. Поэтому национально-революционная борьба в Китае должна связываться одновременно с борьбой за облегчение от налогового бремени китайского крестьянина, за уничтожение кабальных сделок, за улучшение его экономического положения.

Борьба против буржуазии в европейских странах должна связываться с борьбой за улучшение положения крестьянства, бедняцкого и середняцкого крестьянства, и в смысле разрешения земельного вопроса и в смысле освобождения от того бремени, которое накладывает на него современный строй, ввиде налогов, ввиде дорогого кредита, ввиде финансовой игры, в которой теряются средства мелких производителей и в которой наживаются крупные акулы капитализма. Коммунистические партии должны обратить особое внимание на изучение своеобразных условий положения крестьянства в каждой отдельной стране и поставить

перед собой задачу создания своих организаций в деревне, которые бы являлись опорными пунктами в борьбе против буржуазии.

Во всей этой революционной постановке вопроса заключается своеобразие ленинизма и отличает его от современных соглашательских социалистических партий, которые как в рабочем вопросе, так в особенности в крестьянском вопросе идут на соглашение с капитализмом. Современные вожди с.-д. не только употребляют теперь все усилия на то, чтобы не дать рабочему классу бороться против капитализма, но одновременно открыто предают крестьянство в руки буржуазии, стараясь вместе с этим породить рознь между крестьянством и между рабочим классом. Поэтому нет ничего удивительного, что как в колониальных странах, угнетаемых империализмом, так и в капиталистических странах Европы и Америки бедняцкие и середняцкие массы крестьянства в коммунистических партиях начинают видеть своего защитника и борца против тех условий, которые их угнетают.

Дорога, проложенная Лениным на этом пути, начинает давать свои определенные плоды. Наша задача—без колебаний итти по этой дороге. В этом отношении нами должны быть учтены и ошибки, сделанные некоторыми товарищами в наших собственных рядах. Вожди новой оппозиции, как у нас, так и за границей, именно в этом вопросе сбиваются с ленинского пути, недооценивая значения и роли крестьянства как в эпоху революционной борьбы за власть, так и в эпоху строящегося социализма.

Оправдываются и получают фактическое подтверждение те указания, которые делал Ленин в отношении крестьянства, его развития и нашей политики к нему в условиях диктатуры пролетариата, в условиях строящегося социализма,—короче говоря, в условиях СССР. Многие работы, написанные т. Лениным незадолго перед смертью, и прежде всего его статьи по кооперации были посвящены именно вопросу: как итти вместе с многомиллионными крестьянскими массами по пути социалистического строительства? Тов. Ленин неоднократно указывал, что в наших условиях мало общих положений, определяющих наше отношение к крестьянству, необходимо разобраться в конкретнейших мерах, в конкретнейших шагах, которые ведут крестьянскую массу по пути строительства социализма. «Смычка» города с деревней заключала в себе по существу целую программу действий, нужно лишь уметь ее осуществлять. Основным путем для осуществления является путь кооперативного строительства в деревне. Этот путь указывали предсмертные работы Ленина, и в них Ленин говорил, что мы еще очень плохо умеем пользоваться этим путем.

В настоящее время, оглядываясь назад на прожитые годы после смерти Владимира Ильича, мы можем сказать, что в этом отношении мы все же многому научились и кое-что сделали. Прежде всего восстановление производительных сил деревни до довоенного уровня, которое нашло свое выражение и в количестве с.-х. продукции, показывает, что мы в этом отношении шли правильно. Мы старались снабдить деревню промтоварами, дать ей с.-х. машины и орудия, трактор начинает получать впервые в крестьянстве СССР свое применение (к 1927 году в деревне имелось уже 22 тыс. тракторов). Крестьянство реагировало на это увеличением посевной площади, увеличением с.-х. продукции, увеличением животноводства, увеличением предложения своих продуктов на рынке. Кооперация значительно выросла и заняла в ряде областей, особенно в смысле доставки в деревню ряда промтоваров господствующее положение. Частный капитал ею был отодвинут назад. Несомненно, поднялась общественность в деревне. Все это—серьезные положительные результаты. Но было немало и темных сторон и недостатков. Были пресловутые «ножницы», т. е. расхождение между ценами на продукты сельского хозяйства и на промтовары. Борьба за снижение розничных цен до сих пор ведется и до сих пор еще дает незначительные результаты, или по крайней мере не те результаты, которые мы ожидаем. Организация бедноты получает все большее и большее значение, но все же еще требует упорнейшей работы. Кооперация, значительно выросшая, тем не менее охватывает в своих рядах меньшинство крестьянства, с.-х. кооперация—всего лишь около 30%. Все это показывает, что в этой области—еще огромная работа. Многое является еще лишь началом, приступом для более широкого развертывания. Но вместе с этим мы должны учесть в нашей политике в деревне, в наших методах вовлечения крестьянства в социалистическое строительство те новые условия, в которые вступило все наше хозяйство. Окончание восстановительного периода и начало периода реконструкции нашего хозяйства касается не только промышленности, но и сельского хозяйства. Конечно, формы, масштабы и темп будут различны, но тем не менее и в области сельского хозяйства перед нами встает сейчас ряд важнейших проблем. В эти прошедшие последние годы в области сельского хозяйства стояла задача освоения посевной площади (не нужно забывать, что в 1922 году посевная площадь по сравнению с довоенной была всего только в размере 68%, и только в 1926 году она достигла 100,6%, по данным Наркомзема). Аналогичное положение было и в области животноводства, и в области технических культур, и в области инвентаря. Задача заключалась в освоении и в восстановлении. Но в настоящее время этот процесс можно считать почти закончившимся.

Правда,- еще в некоторых областях мы можем и должны дальше проводить политику увеличения посевной площади за счет тех, которые еще не освоены, но здесь все же границы лежат недалеко. Поэтому с особенной силой выдвигается вопрос сейчас о развитии сельского хозяйства методами, непосредственно влияющими на его улучшение. В центре этих вопросов стоит вопрос о повышении урожайности. Урожай зависит не только от природных условий, но и от той техники, от тех агрикультурных улучшений, которые применяются в земледелии. И сейчас дальнейшие усилия должны быть обращены на эту сторону развития сельского хозяйства. Улучшение положения крестьянства связано с улучшением и усовершенствованием той техники, которая применяется у нас. Ведь в целом ряде областей до сих пор еще применяются почти первобытные методы сельского хозяйства. К разрешению этого вопроса—перехода к более усовершенствованной технике, повышения урожайности, должна быть привлечена деревенская общественность. Это будет тот конкретный путь вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, по которому мы должны итти. С точки зрения производственной особое значение получают кооперативные формы хозяйства, коллективы, с.-х. коллективы в производстве, сбытовая и снабжающая кооперация—в области обмена. Мы не должны удовлетворяться достигнутыми 30% охвата крестьянских хозяйств кооперацией. Для планомерного, систематического, правильного развития сельского хозяйства нам необходим охват большинства крестьянских хозяйств кооперацией. В этом отношении мы должны сознаться, что полностью почти еще остается правильным то замечание, которое делал т. Ленин в своей предсмертной статье о кооперации, что мы еще не научились так, как надо, пользоваться кооперацией. «Простой рост кооперации,—говорил т. Ленин,—для нас тождественен с ростом социализма». Этот производственный подъем сельского хозяйства, усовершенствование с.-х. техники должны будут привести и к большему влиянию в смысле чисто производственном нашей промышленности на сельское хозяйство. Уже в настоящее время наше с.-х. машиностроение получило значительное влияние, но мы должны будем поставить перед собой задачу развития тех областей промышленности, которые направлены на переработку с.-х. продукции и на снабжение сельского хозяйства необходимыми ему орудиями производства. Развитие сети элеваторов, холодильников является средством для развития сельского хозяйства. Прошлая Россия в этом отношении оставила из рук вон плохое хозяйство. Здесь нам приходится многое начинать строить заново. Усиленным темпом должно быть поведено землеустройство. С сожалением мы должны сознаться, что к десяти-

летию Октябрьской революции в области землеустроительных работ сделано очень немного. Бо́льшая часть земли еще не затронута землеустройством, а землеустройство для рациональной постановки сельского хозяйства является элементарнейшей предпосылкой.

Мы вели, проводим и должны будем проводить нашу политику в направлении подъема основной массы крестьянства—бедняцкого и середняцкого—и вовлечения его на путь социалистического строительства. В отношении бедняцкой части крестьянства не только были приняты меры освобождения большей его части от налога, но и прямой ему помощи путем создания специального фонда по бюджету, установления льгот по с.-х. кредиту, льгот по снабжению с.-х. машинами, способствования объединению в с.-х. коллективы. Точно так же ряд мер, особенно по организации кооперативного сбыта и снабжения, дал возможность развивать свое хозяйство середняцкой массе крестьянства. Благодаря этому получился подъем основной массы крестьянства. Конечно, мы не упускали и не должны упускать из вида образования и существования кулацкой части деревни. Ее влияние и ее значение должны быть поставлены в определенные, ограниченные рамки. Но было бы ошибкой переоценивать значение этой части крестьянства и на этой переоценке строить всю политику к крестьянству, как это делает, например, оппозиция.

Величайшей ошибкой была бы та политика, которая не закрепляла бы смычку с основной массой крестьянства, а ослабляла бы ее. Ослабить ее можно,—достаточно повести ошибочную налоговую политику и т. п. Ошибки, проявленные оппозицией, могут служить примером, как можно уйти от ленинизма в этом вопросе, если фразой заменить изучение действительности и начать отступать с пути социалистического строительства.

Одна из основных черт ленинизма—это сочетание теории с практикой: теоретический анализ дает возможность вскрывать закономерность развития общественных явлений, практика является и проверкой и осуществлением теории. Работы Ленина на долгий период дают перспективы развития по пути строительства и осуществления социализма, но за практикой мы должны внимательнейшим образом следить. Тот опыт, который мы имеем в эти прошедшие после смерти т. Ленина годы, и перспективы дальнейшего развития говорят за то, что мы идем по тому пути, который освещал гений Ленина.

Еще большее значение получает ленинизм в настоящий период разгорающейся борьбы угнетенных народов против капитализма и новых задач социалистического строительства в СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие к третьему изданию 3

I. Теоретические предпосылки аграрной политики.

1. Аграрный вопрос 5
2. Ленин и аграрный вопрос 15
3. Ревизионизм т. Варги в аграрном вопросе 24
   а) Основные ошибки т. Варги 25
   б) Теория и практика 28
   в) Концентрация в сельском хозяйстве 33
   г) Крупное и мелкое хозяйство 39
   д) «Закон убывающего плодородия почвы» 48
   е) Заключение 52

II. Аграрная политика с 1917 по 1921 г.

1. Первые шаги 57
2. Город и деревня 59
3. Социализм и сельское хозяйство 64
   а) Введение . . . . . —
   б) Два течения в теории 67
   в) Земля 76
   г) Формы коллективизации в деревне 87
   д) Сельскохозяйственная кооперация 89
   е) Сельскохозяйственные коммуны 94
   ж) Советские хозяйства 97
   з) Организация рабочей силы в деревне 106
   и) Развитие законодательства советской власти о земледелии . . . 108
   к) Заключение 125
4. О голоде в Советской России (в 1921 г.) 127
   а) Размеры голода 128
   б) Борьба с голодом 130
   в) Заключение 138

III. Основные этапы аграрной политики.

1. Теоретические предпосылки 140
2. Перед Октябрьским переворотом 144
3. Аграрная политика советской власти с 1917 по первую половину 1918 г. 147
4. Аграрная политика в эпоху военного коммунизма
   а) Основа аграрной политики этого периода 150
   б) Продразверстка . . . . . —

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ЛЕНИНИЗМА
№

Стр.

в) Реорганизация кооперации 153
г) Политика в отношении бедняков, середняков и кулаков в период военного коммунизма 155
д) Падение с.-х. производства в эпоху военного коммунизма . . . 158
5. Аграрная политика в период новой экономической политики 159
а) Основы аграрной политики нэпа . . . . . —
б) Восстановление с.-х. производства 162
в) Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством . —
г) Кооперация 163
д) Сельскохозяйственные коллективы 164
е) Смычка рабочих и крестьян 165
6. Современная аграрная политика в деревне 167
а) Предварительные замечания . . . . . —
б) Как проведены в жизнь решения XIV партконференции 173
в) О середняке и бедняке 177

IV. Современный период аграрной политики.

1. Современная кооперация 188
а) Общее предисловие . . . . . —
б) Как велика роль кооперации 202
в) Хозяйственная деятельность кооперации 209
г) Заключение 238
2. Одна из важнейших обязанностей 240
а) Ленинский путь в крестьянском вопросе 245
3. Наша политика в деревне 248

V. К итогам XIV партсъезда.

1. Основные вопросы 265
2. Город и деревня 266
3. Наша политика в отношении кулака, середняка и бедняка 274
4. Общее направление развития деревни 281

VI. О борьбе на фронте сельского хозяйства 284
VII. Вредные мнения об индустриализации 292
VIII. Период реконструкции и сельское хозяйство 302
IX. Пути социалистического строительства в деревне 308
X. Ленинизм и крестьянство 318

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И МАРКСИЗМ

Сборник статей

Стр. 270. Ц. 50 к.

П. МАСЛОВ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Издание 6-е, дополн.

Стр. 436. Ц. 4 р.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

в решениях съездов и конференций РКП(б)
с 1917 по 1925 г.

С предисловием В. П. Милютина

Стр. 92. Ц. 50 к.

Е. А. МОРОХОВЕЦ

АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В 1917 ГОДУ

(Международный аграрный институт)

Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. АЗИЗЯН и И. ВЕЛИКЕВИЧ

АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Под редакцией и с предисловием Я. Яковлева

Стр. 204. Ц. 2 р.

Проф. М. РОЗЕНБЛЮМ

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО РСФСР

Изд. 2-е, перераб. и дополн.

Стр. 452. Ц. 4 р.

П. ПЛЕШКОВ

НАЕМНЫЙ ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

Под редакцией и с предисл. Я. А. Яковлева

Стр. 115. Ц. 1 р. 10 к.

Проф. М. ЗЕРИНГ

АГРАРНЫЕ КРИЗИСЫ

Приложение: Сельское хозяйство С.-А. С. Ш., Канады, Аргентины, Индии.

Русское издание под редакцией и с предисловием М. Спектатора

Стр. 272. Ц. 2 р. 50 к.

С. БАЗЫКИН

ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМИКЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Аграрное развитие

Стр. 136. Ц. 1 р. 25 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

(Материалы исследования НК РКИ СССР)

Под ред. Я. А. Яковлева

Стр. 450. Ц. 2 р.

П. ЛЕЖНЕВ-ФИНЬКОВСКИЙ

СОВХОЗЫ И КОЛХОЗЫ

С предисловием А. П. Смирнова

Стр. 212. Ц. 1 р.

П. ЛЕЖНЕВ-ФИНЬКОВСКИЙ

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ И РАЗВИТИЕ ЗЕРНОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Стр. 177. Ц. 65 к.

Я. А. ЯКОВЛЕВ

ЗА КОЛХОЗЫ

Коллективное или кулацкое хозяйство

Стр. 176. Ц. 70 к.

Москва, центр, Госиздат, „КНИГА ПОЧТОЙ“ или Ленинград, Госиздат, „КНИГА ПОЧТОЙ“ или Казань. Госиздат РСФСР, „КНИГА ПОЧТОЙ“ или Ростов н/Д., Госиздат, „КНИГА ПОЧТОЙ“, а в пределах Украины — Харьков, Госиздат РСФСР, „КНИГА ПОЧТОЙ“ высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом.

Книги высылаются: при заказе до 1 руб. только по получении стоимости (можно почтов. марками) при заказе выше 1 руб. по получении задатка в размере 25% стоимости заказа.

Эти же книги можно купить или выписать в киосках „КНИГА ДЕРЕВНЕ“ при почтовых конторах.

2 р. 45 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 ГОД НА

ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ФИНАНСОВ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Под ред. ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук РАНИОН

Отв. ред. М. Г. Бронской

7-й ГОД ИЗД. 6 КНИГ В ГОД

Журнал „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“ ставит основной своей задачей исследование важнейших вопросов современной экономики, теоретическое обоснование основных задач экономической политики и отдельных проблем экономической жизни, систематическое и всестороннее освещение состояния и динамики хозяйства СССР и мирового хозяйства в целом и по отраслям

Журнал уделяет также серьезное внимание периодическому освещению и критической оценке выходящей в свет экономической литературы как русской, так и иностранной

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 год — 20 р., на ½ года — 10 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — **3 р. 50 к.**

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, центр, Ильинка, 3, Периодсектор Госиздата, тел. 4-87-19;
Ленинград, пр. 25 Октября, 28, тел. 5-48 05, Ленотгиз;
в отделения, магазины и киоски Госиздата;
уполномоченным, снабженным специальными удостоверениями; во все киоски Всесоюзного контрагентства печати; в почтово-телеграфные конторы и письмоносцам.